ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
(ВЦИОМ)

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОРЕИ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

Ответственный редактор
д-р культурологии Р. К. Тангалычева

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

Москва
2022

УДК [32/33+908](519.5)
ББК 65/66(5Кор)+26.89(5Кор)
М74

Рецензенты

д-р социол. наук Н. Г. Головин, канд. полит. наук Д. А. Ланко

Редакционная коллегия монографии

д-р культурологии Р. К. Тангалычева, канд. филол. наук А. А. Гурьева, канд. ист. наук А. В. Ковш, канд. полит. наук И. С. Ланцова, Н. В. Финько, канд. филол. наук И. В. Цой

Авторский коллектив

Р. К. Тангалычева (предисловие, гл. 13); А. А. Гурьева (гл. 1); Л. Е. Козлов (гл. 2); Н. В. Финько (гл. 3); Г. А. Меньшикова (гл. 4 в соавт.); Ю. Г. Дунаева (гл. 4 в соавт.); К. В. Асмолов (гл. 5, 6 в соавт.); А. В. Соловьев (гл. 6 в соавт.); В. В. Лебедев (гл. 6 в соавт.); И. С. Ланцова (гл. 7); А. В. Ковш (гл. 8); Я. П. Фокин (гл. 9); Д. В. Иванов (гл. 10); В. И. Ильин (гл. 11); Т. С. Мозоль (гл. 12); Е. А. Островская (гл. 14 в соавт.); С. В. Трофимов (гл. 14 в соавт.); И. В. Цой (гл. 15); Д. В. Мавлеева (гл. 16 в соавт.); Е. А. Похолкова (гл. 16 в соавт.)

При поддержке

Академии корееведения, Республика Корея (AKS-2016-OLU-2250002)

М74 Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура : коллективная монография / отв. ред. Р. К. Тангалычева. — М. : ВЦИОМ, 2022. — 372 с.

ISBN 978-5-906345-39-4

Коллективная монография посвящена отдельным аспектам модернизации Кореи, начиная со второй половины XIX века и заканчивая современным этапом социокультурных изменений южнокорейского общества. Книга включает пять разделов (частей), которые охватывают реформы в Корее в XVIII — начале XX веков, модернизацию политических институтов и экономики Республики Корея и КНДР в наши дни, социокультурную динамику южнокорейского общества, а также отражение процессов модернизации в южнокорейских литературе и кинематографе.

Книга адресована историкам, политологам, социологам, экономистам, литературоведам, специалистам в области международных отношений, а также широкому кругу читателей, интересующихся междисциплинарными исследованиями современной Кореи и различными аспектами ее модернизации.

УДК [32/33+908](519.5)
ББК 65/66(5Кор)+26.89(5Кор)

ISBN 978-5-906345-39-4

© Коллектив авторов, 2022
© АО «ВЦИОМ», 2022

RUSSIAN PUBLIC OPINION RESEARCH CENTER

MODERNIZATION OF KOREA: POLITICS, ECONOMY, SOCIETY, CULTURE

Edited by
Dr. Sci. (Cultural Studies) Rimma K. Tangalycheva

VCIOM
• Since 1987 •

Moscow
2022

Reviewers
Dr. Sci. (Soc.) N. G. Golovin, Cand. Sci. (Polit.) D. A. Lanko

Editorial board
Dr. Sci. (Cultural Studies) R. K. Tangalycheva, Cand. Sci. (Philol.) A. A. Guryeva,
Cand. Sci. (Hist.) A. V. Kovsh, Cand. Sci. (Polit.) I. S. Lantsova,
N. V. Finko, Cand. Sci. (Philol.) I. V. Tsoy

Contributors
R. K. Tangalycheva (Preface, Chapter 13); A. A. Guryeva (Chapter 1);
L. E. Kozlov (Chapter 2); N. V. Finko (Chapter 3); G. A. Menshikova (Chapter 4, co-authored);
J. G. Dunaeva (Chapter 4, co-authored), K. V. Asmolov (Chapters 5 and 6, co-authored);
A. V. Solovyov (Chapter 6, co-authored); V. V. Lebedev (Chapter 6, co-authored);
I. S. Lantsova (Chapter 7); A. V. Kovsh (Chapter 8); I. P. Fokin (Chapter 9);
D. V. Ivanov (Chapter 10); V. I. Ilyin (Chapter 11); T. S. Mozol (Chapter 12);
E. A. Ostrovskaya (Chapter 14, co-authored); S. V. Trofimov (Chapter 14,
co-authored); I. V. Tsoy (Chapter 15); D. V. Mavleeva (Chapter 16, co-authored);
E. A. Pokholkova (Chapter 16, co-authored)

Supported by
This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through
the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion
Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002)

Tangalycheva R. K. (ed.) (2022) Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture : Collective Monograph. Moscow: VCIOM. 372 p.

ISBN 978-5-906345-39-4

The collective monograph considers certain aspects of the modernization of Korea, covering the period from the second half of the 19th century up to the current stage of sociocultural changes in South Korean society. The book consists of five sections that regard the reforms in Korea in the 18th – early 20th centuries, the current modernization of political institutions and the economy of the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea, the sociocultural dynamics of South Korean society, as well as the reflection of modernization processes in South Korean literature and cinema.

The book is addressed to historians, political scientists, sociologists, economists, literary scholars, specialists in the field of international relations, and to a wide range of readers interested in interdisciplinary studies of modern Korea and various aspects of its modernization.

© Contributors, 2022
© VCIOM, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Часть I
Модернизация Кореи в XVIII — начале XX века

Глава 1. Трансформация общества в Корее XVIII—XIX веков в зеркале книжной культуры 18

Глава 2. Модернизация корейской дипломатии на рубеже XIX—XX веков 36

Глава 3. Реформы и процесс модернизации на Корейском полуострове в конце XIX — начале XX века 57

Часть II
Модернизация политических институтов Республики Корея и КНДР

Глава 4. Административные реформы: опыт Республики Корея 82

Глава 5. «Свечная революция», импичмент Пак Кынхе и проблемы демократии в Южной Корее 94

Глава 6. Элементы домодерна, модерна и постмодерна в политическом мифе КНДР: опыт конструктивистского анализа 116

Часть III
Экономические аспекты модернизации Республики Корея

Глава 7. Республика Корея и международные режимы свободной торговли 141

Глава 8. Энергетическое партнерство России и Республики Корея в среднесрочной перспективе 162

Глава 9. Политика по поддержке малого и среднего бизнеса в Республике Корея в контексте современного этапа модернизации 178

Часть IV
Социальная динамика современного южнокорейского общества

Глава 10. Модернизация социальной структуры в Южной Корее во второй половине XX — начале XXI века 195

Глава 11. Возникновение и становление общества потребления в Республике Корея 216

Глава 12. Языковая политика Республики Корея в XXI веке 234

Часть V
Отражение процессов модернизации в литературе и кинематографе Южной Кореи

Глава 13. Образы будущего в модернизирующемся обществе: по мотивам южнокорейских фильмов о конце света 259

Глава 14. Вирус модернизации в корейском артхаусе: «Жажда» 280

Глава 15. Трансформация южнокорейского общества в прозе 1990-х годов — начала XXI века 303

Глава 16. Отражение трансформаций южнокорейского общества в современной литературе (на примере рассказа Кан Бёнъюна «Продам костюм супермена») 333

Информация об авторах 351

Contents 354

Abstracts 356

Contributors 364

Overview 367

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективная монография посвящена такому сложному и многогранному явлению, как модернизация Кореи. Книгу отличают совмещение разных ракурсов и широкий диапазон специализаций авторов. Динамические изменения, затрагивающие основные сферы культуры и общества в Корее, рассматриваются разнопрофильными специалистами, которые подходят к проблематике модернизации путем предметного анализа определенных ее аспектов.

Тема остро актуальна. Модернизационные процессы, которые имели место в прошлом и происходят на Корейском полуострове в настоящее время, привлекают пристальное внимание широкой международной общественности и экспертных кругов. Как часть дальневосточного ареала традиционная Корея оставила богатое историческое наследие, сохранив рукотворные и нерукотворные культурные памятники. В наше время с Южной Кореей ассоциируются такие понятия и явления, как корейская волна *халлю*, k-pop и сериалы, бьюти-индустрия и пр. Очевидно, что они базируются на глубинной основе и характеризуют современную Республику Корея достаточно односторонне. Как за такой сравнительно непродолжительный исторический период страна-реципиент превратилась в страну-донора и продолжает удивлять общественность своими технологическими достижениями? Каким образом эволюционировали политические, социальные и экономические институты? Каковы особенности модернизации по-корейски? Как традиционные корейские ценности повлияли на современную культуру? Ответы на поставленные общие вопросы не лежат на поверхности и сопряжены с комплексом вопросов более частных, на постановку и рассмотрение которых направлена данная книга.

Под модернизацией в широком смысле слова понимается обновление общества, осуществляющееся посредством реформ и инноваций, движение от традиционных форм общественного устройства к современным. В Корее начало модернизационных процессов было спровоцировано влиянием стран Запада, в первой половине XIX века начавших предпринимать попытки принудить страну к открытию границ и установлению торговых отношений. После завершения Реставрации Мейдзи Япония также стала настаивать на переговорах о пересмотре отношений с Кореей, а в 1876 г. между двумя странами был подписан первый договор. Вместе с тем корейские консервативные ученые-конфуцианцы считали, что проникновение в страну европейских ценностей (прежде всего христианских) может привести к ее потенциальному разрушению.

Последнее десятилетие XIX века стало периодом острого социального и политического кризиса в стране. Крупнейшее в истории Кореи крестьянское восстание *тонхак*, японо-китайская война, прояпонские реформы годов *кабо* и *ыльми* — все это привело к распаду традиционного общественного и политического порядка на Корейском полуострове. С провозглашением Корейской империи (1897—1910 гг.) корейское правительство попыталось соблюсти в своей модернизационной политике баланс между традиционной конфуцианской культурой и передовыми идеями стран Запада. Однако после русско-японской войны 1904—1905 гг. и подписания «Корейско-японского договора о слиянии» в августе 1910 г. дальнейшая судьба модернизации Кореи оказалась в зависимости от экспансионистской политики Японии. Модернизация приобрела характер японизации, вызвавшей сопротивление корейского народа. После капитуляции Японии и освобождения страны в 1945 г. Корея прошла путь разделения на два разных государства — Республику Корея и КНДР (1948 г.) — и Корейской войны (1950—1953 гг.).

Несмотря на неблагоприятные исходные условия, со второй половины 1960-х годов начались позитивные перемены в области экономики. В то время правительство стояло перед выбором: опираться на собственные силы или отдать предпочтение внешним связям, развитию экспорта и интеграции в мировую экономику. Страна выбрала второй путь — и не проиграла. К 2020 г. экономика Республики

Корея была десятой в мире по номинальному валовому внутреннему продукту. ВВП на душу населения вырос со 100 долл. США в 1963 г. до 47 000 долл. США в 2020 г. Следует отметить и модернизацию системы международных отношений Республики Корея в современных условиях глобализации, ее активные усилия по объединению разделенных государств Севера и Юга. Политическая система Республики Корея также претерпела кардинальные изменения, продвинувшись на пути от авторитарного режима к демократии и формированию ценностей гражданского общества, о чем свидетельствует политическая активность населения страны в последние десятилетия. Модернизация корейского общества не обошла стороной и сферу культуры. Произведения южнокорейского кинематографа и литературы отмечены на ведущих международных конкурсах и фестивалях, имеют хорошие коммерческие сборы и повышают результативность «мягкой силы» современной Кореи.

Обозначенным аспектам модернизации корейского общества посвящена настоящая коллективная монография. Книга подготовлена по итогам международной конференции «Модернизация Кореи: в прошлом и в современности», организованной Санкт-Петербургским государственным университетом 3—4 апреля 2021 г. при поддержке Академии корееведения (Республика Корея).

Структура коллективной монографии определяется и хронологическим, и тематическим принципами. В первой части авторы обращаются к периоду зарождения модернизационных процессов в Корее, раскрывая специфику как внешних факторов, связанных с активизацией связей с другими культурами, включая культуру Запада, так и сложную совокупность внутренних предпосылок к изменениям. Главы в последующих частях монографии объединены предметной областью: политика, экономика, общество, культура. Можно сказать, что первая часть включает в себя каждую их этих областей и тем самым носит вводный характер.

Первую часть открывает глава А. А. Гурьевой, доцента СПбГУ, «Трансформация общества в Корее XVIII—XIX веков в зеркале книжной культуры». Выбор темы позволяет затронуть широкий диапазон трансформационных процессов (от роли женщины до формата межкультурного диалога) и проиллюстрировать их анализ фактами,

которые характеризуют специфику изменений в обществе и стали основой для более поздних модернизационных течений. Автор характеризует возникшие в Корее в XVIII—XIX веках тенденции в книжной культуре, связанные с определенными социальными трансформациями. Расширение читательских слоев и, как следствие, востребованность книг среди представителей непривилегированных классов привели к возникновению доступных изданий. Коммерциализация книжной культуры способствовала появлению новых издательских проектов и новых форматов взаимодействия с читательской средой. Эти и другие процессы сформировали основу для зарождения современной литературы, для появления культурных учреждений нового образца. Читательская аудитория оказалась подготовлена к восприятию нового, частично это новое определяя.

В главе 2 «Модернизация корейской дипломатии на рубеже XIX—XX веков» Л. Е. Козлов, доцент ДВГУ, рассматривает модернизацию корейской дипломатии в 1876—1904 гг. на основе европейских принципов. Государство Чосон в 1876 и 1882 гг. заключило свои первые договоры современного типа и далее обменивалось постоянными представителями с несколькими державами. «Право народов» импонировало корейской элите прежде всего идеей суверенитета. С 1880 г. в Корее стали создаваться органы управления внешней политикой, из которых после нескольких реорганизаций сформировалось Вебу (министерство иностранных дел). Дипломаты младшего и среднего звена рекрутировались из персонала таможни и временных зарубежных миссий, а также из выпускников школ иностранных языков в Сеуле. Главы миссий набирались из высшей знати. В течение двух десятилетий правительство Чосона освоило европейский протокол и стандарты дипломатической переписки. После поражения Китая в войне с Японией 1894—1895 гг. дипломатический статус Кореи де-юре стал полностью суверенным, и в 1901—1902 гг. иностранные миссии в Сеуле были повышены до уровня посланников. Установление в 1904—1905 гг. японского протектората почти на полвека прервало развитие корейской дипломатии.

Н. В. Финько, ассистент СПбГУ, в главе 3 «Реформы и процесс модернизации на Корейском полуострове в конце XIX — начале XX века» характеризует наиболее противоречивый период продвижения ре-

форм и модернизации на Корейском полуострове. Наибольшее внимание исследовательницы привлек период Корейской империи (1897—1910 гг.), когда корейское государство, впервые за свою многовековую историю освободившись от зависимости от других государств, попыталось выстроить собственную модернизационную политику, претендуя на равное место на мировой арене со всеми окружавшими ее странами.

Вторая часть «Модернизация политических институтов Республики Корея и КНДР» включает три главы. Первая среди них — глава 4 за авторством Г. А. Меньшиковой, доцента СПбГУ, и Ю. Г. Дунаевой, старшего преподавателя СПбГУ, «Административные реформы: опыт Республики Корея». Авторы отмечают, что сегодня административные реформы проходят в 140 государствах, включая Республику Корея. Вертикальные коммуникации в современных демократических обществах заменяются на горизонтальные, государство превращается в орган обслуживания населения страны. В главе выделяются семь основных моделей социального реформирования. Доминирующей моделью в Республике Корея стало внедрение рыночных механизмов в государственное управление — New Public Management (NPM).

К. В. Асмолов, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, в главе 5 «„Свечная революция“, импичмент Пак Кынхе и проблемы демократии в Южной Корее» проанализировал, в какой мере отстранение президента Пак Кынхе от власти в конце 2016 — начале 2017 г. было признаком модернизации страны и развития гражданского общества. По мнению автора, относительно мирное отрешение президента от власти с помощью конституционных процедур и непротивление этому процессу со стороны первого лица указывают на модернизацию и демократизацию общества. Однако не меньшую роль в «свечной революции» сыграли такие «реакционные факторы», как фракционная борьба и целенаправленное манипулирование общественным мнением при помощи фальшивых новостей (история с планшетным компьютером подруги президента, мифы, связанные с гибелью парома «Севоль», и др.), спровоцировавшие массовое недовольство.

В главе 6 «Некоторые особенности эволюции политического мифа КНДР: опыт конструктивистского анализа» А. В. Соловьев, заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике»,

К. В. Асмолов и В. В. Лебедев, аспирант Токийского университета, продолжили тематику политической ситуации, но уже в Северной Корее. С точки зрения авторов, опыт конструктивистского анализа избранных элементов северокорейского политического мифа позволяет проследить сочетание в нем черт домодерна, модерна и постмодерна. Проанализированы генезис понятия *чучхе*, развитие нарратива *«линии крови»* (*пхитчуль/хёльтхон*), сюжет с *«техникой чхукчиппоп»*, так или иначе влияющие на конструирование и восприятие ключевого образа северокорейской идеологии — образа вождя. Также рассмотрены новые особенности политического мифа КНДР, связанные с информационной эпохой — трансляция «нормальности», коммерциализация и демократизация.

В третьей части книги «Экономические аспекты модернизации Республики Корея» представлены результаты исследований в области экономики и международных отношений. И. С. Ланцова, доцент СПбГУ, в главе 7 рассмотрела роль Республики Корея в уже действующих, а также находящихся в состоянии обсуждения соглашениях о свободной торговле с точки зрения влияния внутриполитических процессов как в самой Корее, так и за ее пределами. Режимы международной торговли — это продукт непрерывных переговоров на двух уровнях: внутреннем и международном. Позиция Кореи по соглашениям о свободной торговле оставалась стабильной, несмотря на усиление влияния правых партий во внутренней политике Кореи в 2008 г. и возвращение к доминированию левых партий в 2020 г.

А. В. Ковш, доцент СПбГУ, в своем исследовании, представленном в главе 8, показывает, что со времени установления дипломатических отношений между Российской Федерацией (на тот момент СССР) и Республикой Корея в 1990 г. сотрудничество двух стран в энергетическом секторе развивалось поступательно планомерно, но недостаточно активно. Вплоть до настоящего времени заключено всего два межправительственных соглашения в этой области. Основное достижение в сфере двусторонних отношений в энергетической сфере пока состоит в том, что даже несмотря на крайнюю диверсификацию и конкурентность рынка Республики Корея странам удалось наладить устойчивые отношения на межгосударственном уровне. Однако многие двусторонние инициативы остаются чисто деклара-

тивными, что можно объяснить тем, что рынок Республики Корея для России никогда не был приоритетным.

В главе 9 «Политика по поддержке малого и среднего бизнеса в Республике Корея в контексте современного этапа модернизации» Я. П. Фокин, студент СПбГУ, дает характеристику политики Республики Корея по поддержке предприятий малого и среднего бизнеса. Он раскрывает механизмы реализации этой политики на следующих направлениях: 1) повышение производительности малого и среднего бизнеса посредством инноваций; 2) решение проблемы нехватки рабочей силы в малом и среднем бизнесе; 3) создание способствующей динамичному развитию подобного бизнеса экосистемы; 4) содействие развитию предпринимательства в целях увеличения количества стартапов; 5) улучшение финансирования малого и среднего бизнеса, а также стартапов. Вместе с тем анализируется результативность этой политики в Республике Корея.

Четвертая часть представляет исследования, связанные с социальной динамикой современного южнокорейского общества. Глава 10 «Модернизация социальной структуры в Южной Корее во второй половине XX — начале XXI века», подготовленная профессором СПбГУ Д. В. Ивановым, содержит обстоятельный анализ социальной структуры в Южной Корее (конфигурации занятости в экономике, стратификации, паттернов социальных отношений, структуры семьи и соотношения гендерных ролей) во второй половине XX и в первое десятилетие XXI века. Социальная структура Республики Корея прошла через пять фаз трансформации, реализовавших вначале траектории догоняющей модернизации, а затем — новые траектории, не вписывающиеся в классическую модернизационную модель.

В. И. Ильин, профессор СПбГУ, в главе 11 «Возникновение и развитие общества потребления в Республике Корея» показал, что в конце XX века в Южной Корее началось быстрое формирование потребительского капитализма, движущей силой которого выступил спрос на внутреннем розничном рынке. Предпосылками такого спроса стали, с одной стороны, рост доходов широких слоев населения, а с другой — формирование культуры перепотребления (консюмеризма). Быстрый подъем корейского потребительского капитализма опирался на фундамент предшествующего периода, когда ориентированная

на экспорт экономика добилась выхода на мировой уровень качества широкого круга потребительских товаров. Это позволило придать консюмеризму патриотический характер: потребитель, не ущемляя своих интересов, отдал предпочтение корейским товарам.

Т. С. Мозоль, доцент МГЛУ, в главе 12 раскрыла проблематику языковой политики в современной Республике Корея. В XXI веке особо актуальны в стране стали разработка и реализация языковой политики в свете многочисленных геополитических и социокультурных изменений. Языковая политика — важная часть национальной политики любого государства, которая охватывает все виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование в сфере использования языка. Под языковой политикой Т. С. Мозоль понимает совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве. Автор изложила основные направления государственной языковой политики Республики Корея на современном этапе, ее цели и задачи, нынешнее состояние и перспективы.

Пятая часть монографии посвящена отражению процессов модернизации в южнокорейской литературе и кинематографе. Р. К. Тангалычева, доцент СПбГУ, в главе 13 «Образы будущего в модернизирующемся обществе: по мотивам южнокорейских фильмов о конце света» провела социологический анализ зомби-апокалипсиса как образа будущего в современном модернизирующемся обществе на примере корейских фильмов «Поезд в Пусан», «Сквозь снег» и «Пульгасари». Ключевой вопрос режиссера фильма «Поезд в Пусан» Ён Санхо заключается в том, какое будущее мы передадим нашим детям. Ответы на этот вопрос автор главы ищет как в сюжетных линиях анализируемых фильмов, так и в социологических концепциях о будущем общества, которое интерпретируется в терминах будущего капитализма.

Глава 14 «Вирус модернизации в корейском артхаусе: „Жажда“» подготовлена Е. А. Островской, профессором СПбГУ, в соавторстве с С. В. Трофимовым, доцентом МГУ им. М. В. Ломоносова. Авторы сосредоточились на социологическом анализе фильма «Жажда», получившего высшую награду за режиссуру на Каннском фестивале 2009 г. Эта кинолента снята режиссером Пак Чхануком, который обо-

значил своей главной темой гибридную современную идентичность южнокорейского общества, сложившуюся как далекое эхо разных этапов модернизации и включавшую прививку христианской культуры, феодализм, диктаторские режимы, неоколонизацию. В центре внимания Пак Чханука — дилеммы, порожденные культурным контекстом современной истории Южной Кореи. Центральным вопросом исследования стало то, как использование средств и логики транснационального артхаусного кино позволяет режиссеру препарировать культурную и мировоззренческую идентичности современного южнокорейского общества.

И. В. Цой, доцент СПбГУ, в главе 15 «Трансформация южнокорейского общества в прозе 1990-х — начала XXI века» рассмотрела взгляд современных южнокорейских писателей на трансформацию общества, представленный в художественном пространстве литературы конца XX — начала XXI века с учетом политических, социальных и культурных изменений, которые претерпело корейское общество, начиная с 1990-х годов и по настоящее время. В качестве иллюстрации анализируются переведенные на русский язык рассказы из сборника «Корейский стандарт», изданного в 2019 г. при поддержке Корейского фонда. Несмотря на разные авторские стили и манеру письма, писатели, объединенные в этом сборнике, делают акцент на внутреннюю психологическую трансформацию корейцев, которая последовала вслед за экономическим ростом Южной Кореи и общим спадом политической активности молодежи. Литературу последних десятилетий, с точки зрения автора главы, можно также охарактеризовать и как расцвет женской прозы. Благодаря творчеству южнокорейских писательниц читатели открывают для себя новые способы видения мира.

Е. А. Похолкова, доцент МГЛУ, вместе с Д. В. Мавлеевой, старшим преподавателем МГЛУ, в главе 16 пишут о том, как трансформации южнокорейского общества отражаются в современной литературе (на примере рассказа Кан Бёнъюна «Продам костюм супермена»). Авторы применили методы литературоведческого и переводоведческого анализа, а также метод интервьюирования автора рассказа с целью сопоставить свои размышления с писательским видением произведения. Рассказ был опубликован в начале 2000-х годов,

в период смены эпох и глубокой трансформации в культурной и социальной сферах жизни южнокорейского общества. В нем затрагиваются актуальные для того времени темы, такие как отчужденность человека в обществе, давление общественных стереотипов, а также социальные роли людей. Несмотря на то, что с момента написания рассказа прошло уже более 20 лет, по мнению самого автора рассказа, эти проблемы не решены в Южной Корее до сих пор.

В книге все корейские имена, состоящие из двух слогов, пишутся слитно и следуют с пробелом после фамилии (например: Ким Сунчхоль). Не делается исключение и для написания имен корейских политических руководителей и президентов, хотя в русскоязычных СМИ чаще всего встречается раздельное написание в три слова (фамилия и каждый слог имени отдельно), однако исключение составляют случаи цитирования или ссылок на уже опубликованные материалы, в которых встречаются иные варианты записи.

Оригинальное написание имен, названий и т. д. вводится не во всех главах, что определяется спецификой материала.

Книга адресована историкам, политологам, социологам, экономистам, литературоведам, специалистам в области международных отношений, а также широкому кругу читателей, интересующихся междисциплинарными исследованиями современной Кореи и различными аспектами ее модернизации.

В связи с подготовкой и выходом из печати настоящего издания необходимо выразить особую благодарность профессору кафедры корееведения Санкт-Петербургского государственного университета, д. ист. наук Сергею Олеговичу Курбанову, являющемуся автором концепции коллективной монографии, которая позволила объединить многоплановые исследования специалистов в различных областях общественных наук в рамках тематики модернизации Кореи.

ЧАСТЬ I
МОДЕРНИЗАЦИЯ КОРЕИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ГЛАВА 1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА В КОРЕЕ XVIII—XIX ВЕКОВ В ЗЕРКАЛЕ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В главе изучаются особенности развития книжной культуры Кореи в XVIII—XIX веках, обусловленные социальными трансформациями, ставшими частью модернизационных процессов. Специфика издательского дела и книжного рынка в этот период рассматривается в связке с такими явлениями, как рост грамотности населения и, соответственно, расширение читательских кругов, увеличение числа читающих женщин, развитие корейской дипломатии, формирование городской культуры и др.

Одним из важных аспектов модернизации Кореи XVIII—XIX веков был рост грамотности населения. Корейская письменность использовалась для фиксации текстов, ориентированных на широкого читателя, культура в целом стала более массовой [Курбанов 2018: 293], и книжная культура этого времени служила иллюстративным источником сведений о соответствующих социальных трансформациях. Облик книги, ее содержание и специфика бытования многое сообщают о ее создателях и читателях.

В главе рассматриваются новые тенденции в книжной культуре, наметившиеся в указанный период и отражающие специфику книжной культуры, обусловленную модернизационными процессами в корейском обществе и его трансформацией. Материал организован по группам, объединенным предпосылками к формированию этих тенденций.

Расширение читательских слоев

Расширение читательских слоев связано с особенностями, которые будут рассмотрены ниже.

1. Появление новых типов изданий, доступных широкому читателю

В период XVIII—XIX веков растущая востребованность книги среди читателей из непривилегированного класса привела к постепенному распространению новых типов изданий[1]. Ориентация на новые читательские круги, включающие в себя представителей низших сословий, предполагала удешевление процесса создания книг. Изначально наиболее доступными для читателей были книги, издававшиеся ксилографическим способом, поскольку с одной доски с вырезанным текстом (или изображением) можно было получить практически неограниченное количество оттисков. В рассматриваемый период были разработаны способы сделать ксилограф еще более дешевым и тем самым — доступным практически любому читателю. Это достигалось в первую очередь менее тщательной резкой, а также использованием бумаги низкого качества — очень тонкой, иногда прежде использованной, которая просто размачивалась заново, чтобы послужить основой для большего количества листов. Такой тип издания получил название *пангакпон* (坊刻本 — «вырезанный кустарным способом») [Ким, 1970: 97—139]. В Китае кустарные издания получили распространение в эпоху Сун (960—1279), в Корее же они появились позже, в XVII веке, но их широкое распространение пришлось на XVIII—XIX века.

Распространение кустарных изданий считается одним из важных элементов процесса коммерциализации книжной культуры. Целевая аудитория определяет предложение и, соответственно, способ изготовления книги: *пангакпон* служил для издания литературы, которая пользовалась наибольшим спросом. Особую популярность в указанный период приобрела развлекательная проза. Встречались и другие типы художественных произведений, изданных способом *пангакпон,* например сборники произведений, востребованных широкой читательской публикой.

Издатели экспериментировали и с составом сборников. Известны случаи, когда собрание текстов распространялось в изданиях с разным количеством томов. Примером может служить поэтическая антология «Песни Великого спокойствия при южном ветре» (南薰太平歌

[1] Подробное описание известных способов издания см. в [Чхон Хебон, 2004].

Намхун тхэпхён-га, 1863), которая сначала была выпущена в одном томе, затем издатели разделили сборник на два тома, чтобы продавать их по отдельности. Однако попытка увеличить прибыль таким образом не оказалась успешной, и в итоге большее распространение получил вариант в одном томе [Чон, 2007]. Кроме того, одни и те же книги могли издаваться разными способами для разных аудиторий.

Коммерческим спросом пользовалась также образовательная литература. Востребованы были кустарно изданные обучающие пособия для начального уровня образования. Кустарно издавалась и конфуцианская классика. Доступность соответствующего круга текстов стимулировала интерес к ним. Тем самым заметна амбивалентность процесса: рост грамотности населения способствовал появлению доступных малоимущему читателю изданий, в свою очередь способствовавших повышению уровня образования простого населения.

Распространение популярной литературы среди широких читательских кругов послужило формированию такого явления, как бестселлер (хотя терминологически это не было обозначено). Издатели отслеживали рынок и откликались на новые тенденции в сфере спроса на ту или иную литературу [Ли, 2007]. В первую очередь в число наиболее раскупаемых и переиздаваемых текстов вошли различные произведения развлекательной прозы. Они давали срез современного читателю общества, предлагали занимательные сюжеты.

2. Появление новых типов текстов и новой тематики

Вслед за расширением читательской аудитории расширялись круги авторов. Как известно, традиционно литературной деятельностью занимались образованные люди, как правило, имевшие опыт подготовки и сдачи экзаменов на чин, что подразумевало владение словом, китайским литературным языком (экзамен предполагал, в частности, сочинение с обязательным цитированием китайской классики, а также стихосложение). После успешного прохождения экзаменационного испытания такие люди оказывались на государственной службе. Их имена остались в истории, чаще всего не только благодаря их литературному дару, но и участию в жизни государства. Новые авторы не входили в число интеллектуальной элиты страны

и не могли рассчитывать на то, чтобы их имена передавались вместе с сочиненными ими текстами. Соответственно, в XVIII—XIX веках получили распространение анонимные поэзия и проза, что свидетельствует об активном вовлечении в процесс создания произведений представителей масс.

Расширение авторских кругов повлекло за собой появление текстов нового типа, новой тематики. Практически каждый из ведущих традиционных литературных жанров претерпел трансформацию [Троцевич, 2004]. Формировались новые типы текстов, отвечавшие вкусу и запросам новой аудитории. Например, в прозе получила развитие повесть, в основе которой лежит классическая биография конфуцианского типа (центральное место в ней занимают деяния героя, его подвиг, а содержание биографии составляют те события, которые можно рассматривать как предпосылки к подвигу и воздаяние за него) [там же]. Изменения наблюдаются и в поэзии как на родном языке, так и на китайском. В поэзии на родном языке существенно расширились тематические рамки. В текстах появились гиперболизация чувств, новый юмор, эротические элементы [Гурьева, 2012]. В фокус авторского внимания попали сцены с городских улиц, рынков, а персонажами стали обычные люди — торговцы, охотники, ремесленники. Примечательно, что в некоторых текстах они изображены не как представители профессий, которые традиционно воспринимались как профанические, а как вполне образованные люди, цитирующие китайские произведения и претендующие на сопоставление с выдающимися личностями прошлого [там же]. Примеры включения сцен городской жизни в поэзию встречаются и в поэзии на китайском [Хо, 2003: 173—229].

Возможно, появление нового объекта изображения связано в том числе с социально-экономическими факторами. В рассматриваемый период происходил бурный рост ремесленного производства, развитие рынков и торговли, ремесло и торговля постепенно сосредотачивались в частных руках [Курбанов, 2018: 275—279]. Новый ландшафт и активизация новых фигур на его фоне оказались достоянием литературы, отвечавшей запросам широкого читателя.

Популярность таких текстов связана с еще одной тенденцией: распространение поэтических сборников, включавших тексты принци-

пиально разных категорий. Прежде под одной обложкой не могли оказаться классические тексты, отвечающие вкусу образованного сословия, и тексты со сниженными образами и стилем. Некоторые из этих текстов не соответствовали представлениям о том, какой должна быть литература, и вызывали критику представителей интеллектуальной элиты. Однако такие сборники были широко востребованы.

Это явление знаменует постепенное изменение представлений о литературе и требований к соответствующим изданиям. Именно в этом можно усмотреть предпосылки к постепенной модернизации литературных процессов [Гурьева, 2012]. Возникновение приведенных выше новых тенденций в литературе исследователи называют признаком модернизации культуры [Ха, 2011], в частности перехода литературы от традиционной к современной. Примечательно, что данное явление до недавнего времени ассоциировалось в исследовательской литературе со знакомством корейцев с художественной литературой Запада в конце XIX века, однако рассматриваемый материал позволяет обнаружить предпосылки к нему в более ранний период, а именно начиная с XVIII века [подробнее см. Пак, 2008].

3. Новые формы книгораспространения

Коммерциализация книжной культуры способствовала появлению не только новых издательских проектов и новых типов текстов, но и новых форматов взаимодействия с читательской средой. В рассматриваемый период на книжном рынке начали играть важную роль распространители книг, книгоноши, публичные чтецы. Кроме того, появилась услуга выдачи книг напрокат.

Распространители (книгоноши) *чхэккхвэ* (책쾌) существовали в Корее с XV века [Ли, 2011: 11], но совокупность описанных выше тенденций способствовала росту их востребованности. Известно, что в XVIII веке в одной только столице функционировали сотни распространителей.

Важно отметить особую значимость этого явления в развитии книготорговли в Корее. Примечательно, что в Корее получили сравнительно небольшое распространение книжные лавки (особенно в сравнении со странами-соседями — Китаем и Японией), что было обусловлено достаточно высокой стоимостью книги. Таким образом, ко-

гда появились дешевые издания, книжные «агенты», посредники между издателем и читателем, во многом способствовали введению книги в товарооборот. Специалисты по книжной культуре называют *чхэккхвэ* явлением, уникальным для корейской культуры [там же: 5]. Некоторые из *чхэккхвэ* распространяли книги вместе с другими мелкими товарами, что также говорит о существенном снижении стоимости книг и при этом их востребованности. Став результатом роста грамотности населения и повышения интереса к книге в непривилегированных слоях общества, книгоноши сыграли важную роль в распространении знаний в этой среде [там же: 5—6]. Когда по мере развития модернизационных процессов книжные лавки стали более популярными, посредники постепенно утратили влияние на книжном рынке [там же: 14].

Другое явление, которое иллюстрирует развитие книжной культуры в меняющемся обществе, — чтецы, или сказители *чонгису* (전기수). Публично воспроизводя фрагменты из книг, они способствовали привлечению внимания к новым сюжетам. Преимущественно они выступали в местах большого скопления людей, часто — на рынках, и получали деньги от публики. От их актерских способностей, умения сделать паузу в нужном месте зависел гонорар. Можно предположить, что деятельность чтецов служила также своего рода рекламой новых книг.

Популярные исторические ролики повествуют о том, что порой чтецы переодевались женщинами и проникали в дома на женскую половину, чтобы познакомить ее обитательниц с захватывающими сюжетами[2].

Женщины составляли существенную долю растущей читательской аудитории, оказывая влияние на специфику ее запросов, как и на некоторые другие особенности книжной культуры изучаемого периода. Целесообразно рассмотреть эти особенности отдельно.

Рост грамотности среди женского населения

Повышение грамотности женщин и, соответственно, возросший интерес к книге со стороны женского населения определили ряд тенденций в книжной культуре. Некоторые из них приведем ниже.

---

[2] См.: 역사채널e — The History Channel e_낭독의 달인 전기수_#001 (Мастера декламации). URL: https://youtube.com/watch?v=JriyQ_Uemm8.

1) Распространение ксилографических изданий, ориентированных на женскую аудиторию. В связи с ростом числа грамотных женщин повысился спрос на литературу об их повседневной жизни. Подобные книги издавались преимущественно доступным широкому читателю ксилографическим способом.

Примером сочинения, содержавшего рекомендации для хозяйки дома, в частности по уходу за собой, может служить написанный в 1809 г. знаменитый труд образованной женщины Ли Бинхогак (憑虛閣 李氏, 1759—1824) «Книга для женской половины дома» (閨閤叢書 *Кюхап чхонсо*) [Троцевич, Гурьева, 2009: 240—241].

В рассматриваемый период появились так называемые *кюбанкаса* — «поэмы-каса на женской половине». Такие тексты, как содержащие наставления для женщин, так и связанные с их повседневной жизнью (ритуальная составляющая, эмоциональная сторона переживаний в разлуке с мужем, иногда даже подтрунивание над мужчинами), получили широкое распространение, о чем свидетельствует наличие большого количества копий [Haeussler, 2004].

2) Женщинам принадлежит ведущая роль в популярности выдачи книг напрокат. Развитие грамотности позволяло женщинам читать интересующие их книги, что необязательно означало приобретение книги и владение ею. Помимо книг, содержащих полезную для женщины информацию, читательницы интересовались занимательными сюжетами популярной прозы. Развивался такой тип сочинений, как романы, характеризующиеся любовными перипетиями, и, поскольку интерес к любовным романам не поощрялся, женщины предпочитали не держать дома книги подобного содержания. Однако чтение стало в женской среде увлечением, которое требовало удовлетворения, и на книжном рынке появилось соответствующее предложение. За определенную плату можно было взять книгу домой и затем вернуть (подробнее об этом явлении см. [Ли, 2007]). Ради возможности прочитать новую книгу женщины жертвовали аксессуарами и домашней утварью — услуга носила выраженный коммерческий характер. Соответственно, пункты выдачи книг не следует ассоциировать с библиотеками. В корейской культуре предшественники современных библиотек имели иной функционал и главное — иные цели, не связанные с прибылью. Об этом будет сказано ниже.

3) Спрос на временное пользование книгой определил появление новых типов книг, издаваемых для выдачи и многократного прочтения. Такие издания, получившие название *сечхэк* (賃冊 — «книги, выдаваемые в аренду»), должны были обладать достаточно хорошим качеством, чтобы не утрачивать форму и читабельность в течение долгого времени. Активное использование предполагало амортизацию книги, в связи с чем возрастали требования к техническому качеству издания. Нельзя было допустить, чтобы книга распадалась, соответственно, для ее прошивки использовались прочные нити. Во избежание ущерба от порванных страниц издатели выбирали плотную бумагу. Иногда применялась дополнительная пропитка (видимо, маслом), чтобы не оставались следы от рук. Такую книгу было приятно держать в руках, легко воспринимать четкий текст на чистой плотной бумаге (техническое описание данного типа издания см. в [Ли, 2007: 59—64]). Это отличало книги *сечхэк* от коммерческих кустарных изданий *пангакпон*, которые характеризовались низкокачественной печатью на тонкой, серой от неоднократного использования бумаге. Издания *сечхэк* требовали определенных вложений от владельцев лавок, выдававших книги напрокат, но их затраты быстро окупались за счет количества читателей.

4) Информативным источником о реалиях XVIII—XIX веков служат многочисленные маргиналии, внесенные читательницами во взятых напрокат книгах. Женщины скрывали увлечение определенными сюжетами, но желание поделиться впечатлением от прочитанного подвигало их размещать на полях книги анонимные пометки. Отметим, что в корейской книге, как правило, текст не занимал все пространство страницы, и поля оставались достаточно большими, что обусловлено рядом культурологических причин. Такая особенность позволяла воспользоваться незаполненным пространством.

Порой записи носили фривольный характер. Читатели могли адресовать хозяину книги свое недовольство (например, развитием сюжета), порой в грубых выражениях, содержащих ругательства. Не были исключением рисунки, изображающие персонажей, чаще всего мужских, в обнаженном неприличном виде, с акцентированием определенных частей тела. Некоторые исследователи предполагают, что авторами подобных маргиналий были все же читатели-

мужчины, которые тоже проявляли интерес к популярной литературе, выдаваемой напрокат [там же: 68]. Отметим, что в книгах, востребованных в первую очередь мужской аудиторией (например, в исторических или философских сочинениях), тоже можно обнаружить множество пометок широкого тематического диапазона, от вдумчивого комментирования до хозяйственных записей.

Специалист по традиционной литературе Чон Бёнсоль исследовал маргиналии на примере большого количества книг, изучив собрания в Корее и за ее пределами. Его новаторское исследование выявило неожиданные черты корейского общества. Например, пометки сообщали о фактах женских измен мужу (автор благодарна профессору Чон Бёнсолю за информацию). Исследователь ставит вопрос о необходимости пересмотреть сложившиеся представления о нравах в Корее XVIII—XIX веков, на материале текстов данного периода, а также оставленных в книгах пометок, он аргументирует свое мнение о динамике процессов, происходивших тогда в сфере личных отношений [Чон, 2010].

5) С включением женского населения в число активных читателей связана также тематическая специфика художественных текстов периода.

В литературе появился образ активной женщины, что свойственно произведениям различных жанров и форм. Это женщина, которая «играет» с мужчинами, заводит отношения на стороне или с «чужим возлюбленным» [Гурьева, 2012]. Женские персонажи могут быть динамичными, что противоречит одной из традиционных ассоциаций женщины со статикой и замкнутым пространством. К тому же женщина нередко выступает центральной фигурой произведения. Такие особенности можно обнаружить не только в текстах, авторами которых выступает сама женщина. Еще в одном из центральных произведений корейской литературы — романе «Облачный сон девяти» (другой вариант перевода названия: «Сон в заоблачных высях») (九雲夢 *Ку ун мон*) автор Ким Манчжун (金萬重, 1637—1692) изображает деятельных и творчески активных женщин, часто совершающих нетривиальные поступки, пусть и направленные в конечном итоге на становление главного мужского персонажа на пути буддийского просветления.

Исследовательница корейской поэзии на родном языке Чхве Гюсу выделяет новый образ женщины — активный и сильный на фоне более слабого мужчины в поэзии в жанре *сичжо* [Чхве, 2006]. Не только в *сичжо*, но и в других жанрах поэзии на родном языке (например, в поэмах-*каса*) женщина становится причиной мужских терзаний в разлуке, адресатом упреков в безразличии или даже свободном поведении.

Развитие городской культуры

На период XVIII—XIX веков приходится заметный рост населения, в том числе городского. С 1649 по 1799 г. население Сеула выросло более чем в два раза [Курбанов, 2018], составив порядка 200 тыс. человек. Южнокорейские исследователи связывают многие культурные процессы с формированием в этот период так называемой городской культуры. Эти явления сказались и на книжной культуре, в частности привели к появлению книг определенной тематики.

1) Одной из особенностей процесса стало развитие музыкальной культуры в городской среде [Ким, 2002], и в рамках этой тенденции сформировались круги любителей исполнительской культуры, так называемые объединения ветра и потока — *пхуннюбан* (風流房). Происходящая из Китая культура *пхунню* (*кит. фэнлю* — буквально «культура ветра и потока») подразумевает определенный образ жизни: развлечение в сочетании с наслаждением искусствами, и в научной литературе преимущественно связывается с культурными течениями, характерными для последних веков эпохи Чосон. В число членов таких объединений входили исполнители, имевшие более высокий статус, чем бродячие музыканты *квандэ*. Эти объединения сыграли важную роль в появлении некоторых новых литературных форм [см. Ким, 2004], а также в востребованности музыкальных сборников [Ли, 1982]. Как правило, они распространялись рукописным способом, но есть и исключения, изданные кустарно, что, в свою очередь, подчеркивает их популярность и широкое распространение.

2) Помимо новых типов текстов, в кругах *пхунню* исполнялись классические тексты прежних веков, однако, как правило, видоизмененные. То, какие изменения включали в тексты исполнители, ориентировавшиеся в первую очередь на публику, отражает тенденции в обществе [Чхве, 1989]. В исполнительскую среду попа-

дали и видоизмененные церемониальные тексты, например песня «Отец-рыбак» (漁父詞 *Обу-са*), изначально исполнявшаяся как часть дворцового ритуала.

Таким образом, книги знакомили широкого читателя с высокой литературой, с текстами, официально входившими в государственный ритуал. Наблюдалось параллельное хождение текстов в читательской и исполнительской среде. Оказываясь частью новой среды, тексты подвергались ее влиянию и видоизменялись, тем самым свидетельствуя о специфике той среды, в которой они бытовали. Наиболее популярные из текстов фиксировались в новой версии (часто — версиях) в песенных сборниках, которые тем самым становились источниками сведений о текущих социальных тенденциях.

Развитие межкультурных отношений

Развитие отношений с соседними странами способствовало распространению текстов, фиксирующих впечатления от посещения другой страны и контактов с представителями иных культур.

Дневниковая литература, посвященная путешествиям, входит в число наиболее ранних типов корейских текстов, дошедших до наших дней. Сохранились фрагменты написанного в VIII веке дневника буддийского паломника в Индию (вероятно, несколько более поздняя копия), тексты дневников известных людей эпохи Корё (918—1392) и Чосон. Однако в рассматриваемый период получили распространение поэтические дневники, написанные в жанре *каса* — так называемые *кихэн-каса* (紀行歌辭), то есть *каса* о путешествиях. К их числу относится, например, знаменитый дневник дипломата Ким Ингёма (金仁謙, 1707—1772) о посещении Японии в связи с участием в поэтическом турнире по поводу цветения сакуры в императорском дворце («Записи о путешествии в Японию» 日東壯遊歌 *Ильдон чанъю-га*).

Отправка посланников в Китай описывается в специальной литературе как *ёнхэн* (燕行) (см., например, [Park, 2020]) и связанные с этим явлением тексты выделяются как самостоятельная категория. Отметим, что в некоторых из этих текстов зафиксированы впечатления от первых встреч с представителями западных стран. Это могут быть описания непривычной внешности, манер, а также выражение отношения к западной религии.

Представители корейской дипломатии прославились как особые любители книг и завсегдатаи книжных кварталов еще в минском Китае (1368—1644) [ibid.: 46]. При этом еще более значимым для формирования некоторых культурных тенденций в Корее оказалось соприкосновение корейских посланников с книжной культурой Китая эпохи Цин (1644—1912). Развивались определенные традиции хранения книг дома, например создание павильонов (наподобие домашних галерей) для хранения книг и экспонирования эстетически ценных объектов (ссылки на специальную литературу по теме см. в [Park, 2020]).

Отдельного внимания заслуживают записи тех, кто оказался в чужих краях «по воле волн». Ситуации, когда во время бури море относило корабль к берегам соседней страны, имели место с древности, однако большинство текстов, посвященных опыту людей, которые попадали в такую ситуацию, относятся к рассматриваемому периоду XVIII—XIX веков. Аналогичные приключения могли поджидать и соседей, которые так же неожиданно для себя оказывались в Корее. Примером такого сочинения может служить «Веду разговор для тех, (кому может случиться) уплыть по воле волн» (漂 民 對 話 *Пхёмин тэхва*) [Троцевич, Гурьева, 2009: 222—223]. Отметим, что этой теме были посвящены также некоторые *каса*, например «Скитания по морю» (漂海歌 *Пхёхэ-га*) Ли Банъика.

В качестве самостоятельной категории текстов можно выделить переписку между корейскими посланниками в Японии с японцами. Общение с представителями японской интеллигенции начиналось сразу по прибытии делегации в Японию, продолжаясь во время пути в Эдо. Устная коммуникация осуществлялась через переводчиков, однако происходило и непосредственное общение «при помощи кисти» с использованием вэньяня — литературного китайского языка (что соответствовало традиции, с древности сложившейся на территории применения иероглифического письма). Многие из текстов принимали форму стиха, написанного по-китайски — они получили специальное название *чханхва* («творческие беседы»). В 2013 г. группой ученых из Университета Ёнсе под руководством профессора Хо Гёнчжина был реализован проект по собранию таких поэтических текстов и их переводов на корейский

язык, которые были изданы в шестидесяти томах под названием «Полное собрание переводов записанных кистью „творческих бесед“ посланников периода Позднего Чосона[3]» (조선후기 통신사 필담창화집 번역총서 *Чосон хуги тхонсинса пхильдам чханхвачжип понёк чхонсо*). Проект стал частью еще более масштабного проекта, включающего аналогичные тексты из опыта дипломатических контактов корейцев и с другими странами, что составило 178 томов [Ильбон кан…].

Отметим, что путешествия, нахождение в чужой стране стали и темой развлекательной прозы. Тем самым широкий читатель мог ознакомиться с жизнью соседних стран не только благодаря обучающей литературе, но и чтению на досуге.

Отношения Кореи с соседними странами в рассматриваемый период оказывали влияние на расширение горизонта представлений о внешнем мире. Личные отношения с коллегами по дипломатической деятельности способствовали развитию двустороннего культурного диалога, вниманию к достижениям корейской культуры. Например, результатом общения корейских дипломатов с представителями китайской интеллектуальной элиты стало внимание к сборнику поэтических произведений четырех корейских авторов (Пак Чега, Ю Дыккон, Ли Донму и Ли Согу) и издание сборника в 1777 г. с критическими комментариями известных китайских ученых [Eggert, 2006: 206].

В то же время такие контакты способствовали проникновению в Корею знаний о принципах и достижениях западной науки. Постепенно они находили отражение в корейской научной литературе, в частности в энциклопедиях (например, знаменитой энциклопедии *Мунхон биго* (文獻備考), составитель Хон Бонхан (洪鳳漢, 1713—1778). Развивалось движение за реальные науки *сирхак*, которое также обогатило книжный мир сочинениями, содержавшими новый взгляд на мир, образование и науку.

Влияние западной культуры

Технологический прогресс в конце XIX века привел к внедрению западной технологии печати с использованием печатного станка.

[3] Поздний период государства Чосон. Датировка в литературе различается. Примерно XVIII—XIX век.

Примечательно, что в Корее применение станка началось существенно позже, чем в соседних странах, к тому же это произошло в издательстве, которым управлял японец. В Корее же была распространена печать подвижным шрифтом. Именно корейцам принадлежит изобретение способа отливки литер из металла, использование наборного шрифта обеспечивало нужды внутри страны (точная дата неизвестна, вероятнее всего, изобретение приходится на XIII век, в то время как самое раннее сохранившееся издание подвижным шрифтом относится к 1377 г.). Подвижным шрифтом преимущественно издавались сочинения, которые предполагалось использовать на государственном поприще: они были достойны быть оставлены в дворцовом книгохранилище — законоуложения, энциклопедии, тексты административного назначения.

Образование в августе 1883 г. издательства, использовавшего западный способ книгопечатания, расценивается в южнокорейской науке как событие, ознаменовавшее закат культуры исконно корейского книгопечатания.

В результате знакомства с мировой культурой в конце XIX века в Корее появились библиотеки в западном понимании. Необходимо сравнить их с традиционными книгохранилищами. Современное слово *тосогван* (도서관 — «библиотека») имеет в своем составе слог, означающий «учреждение» (관 館), что подразумевает определенный формат деятельности, наличие специального штата: главным родом деятельности современных библиотек является обеспечение возможности взять книгу на время или поработать с ней на территории библиотеки. Традиционные же библиотеки преимущественно совмещали ряд функций, среди которых функция читального зала была не основной, а выдача книг на дом вообще не подразумевалась. Главным назначением библиотеки служило хранение книг (потому в названии многих библиотек прошлых веков фигурирует слог *ко* (庫) со значением «хранилище»), а также книгоиздание.

Появление государственных библиотек для всего населения приходится на 1906 г., когда были открыты общественная библиотека *Тэхан* в Пусане и первая частная библиотека в Пхеньяне. Был создан первый официальный библиотечный штат. Постепенно изменялась и концепция библиотеки в восприятии людей. Распространялись но-

вые типы изданий, появились новые издательские проекты, однако это тема отдельного исследования.

Заключение

Мы рассмотрели основные тенденции в книжной культуре Кореи XVIII—XIX веков, которые стали результатом модернизационных процессов, происходивших в стране. Эти процессы, в свою очередь, послужили предпосылками к дальнейшим изменениям и развитию страны. Амбивалентный характер данного явления в целом соответствует характеру феномена книги, однако выделенные тенденции обладают культурной спецификой и позволяют предметно проанализировать сложное явление модернизации Кореи с различных ракурсов, иллюстрируя его богатой фактологией.

В рассматриваемый период благодаря росту грамотности книга стала достоянием широких слоев населения, а культура чтения приобрела массовый характер. Развивалось индивидуализированное восприятие прочитанного, все большую роль стал играть выбор читателя. Книжный рынок откликался на эти тенденции, книжная культура постепенно коммерциализировалась. В эти процессы вовлекались новые действующие лица, задействовались новые механизмы. Постепенно читатель (из среды которого вышел и новый автор) стал влиять на само восприятие слова и его традиционную роль. Постепенно расширились горизонты представлений об окружающем мире, формировались внутренние предпосылки к пересмотру сложившегося миропонимания. Читательская аудитория оказалась подготовлена к восприятию нового, частично это новое определяя.

Список литературы

Гурьева А. А. Антология традиционной корейской поэзии «Намхун тхэпхён-га (Песни Великого спокойствия при южном ветре)» (по ксилографу из коллекции Института восточных рукописей РАН) : дисс. … канд. фил. наук. СПб., 2012.

Курбанов С. О. История Кореи. С древности до начала XXI века. СПб. : Издательство СПб., 2018.

Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб. : Издательство СПбГУ, 2004.

Троцевич А. Ф., Гурьева А. А. Описание письменных памятников корейской культуры. II. СПб.: Издательство СПбГУ, 2009.

Ким Донъук. Пангакпоне тэхаё // Тонбан хакчи. (О [типе издания] пангакпон // Вестник востоковедения). № 11. Сеул: Востоковедческий центр университета Ёнсе, 1970. С. 97—139. 김동욱. 방각본에 대하여//동방학지 11.

Ким Хаксон. 18—19 сеги есульсаый кудова сигаый михакчок чонхван // Хангук сига ёнгу. (История искусств в XVIII—XIX вв. и эстетические изменения в поэзии // Корейская поэзия). № 11. Сеул, 2002. С. 5—28. 김학성. 18—19세기의 예술사의 구도와 시가의 미학적 전환 // 한국시가연구. 11.

Ким Ынхи. Сиби касаый мунхвачжок кибангва янсикчок тхыксон (Литературная основа и стилистические особенности «двенадцати каса»: магистерская диссертация). Сеул: Издательство Университета Сонгюнгван. Кафедра родного языка и литературы, 2004. 김은희. 십이가사의 문화적 기반과 의식적 특성. 서울. 성균관 대학교. 국어국문과.

Ли Минхи. Чосоный песытхыселло. Сечхэк. Чосон хуги сечхэгобый пальтальгва сосорый юхэн. (Корейские бестселлеры. 貰冊. Развитие аренды книг и распространение популярной прозы в период Позднего Чосона. Сеул: Пхыронесисы, 2007). 이민희. 조선의 베스트셀러. 조선 후기 세책업의 발달과 소설의 유행.

Ли Минхи. Чэккхвэ Сон Синён. Сеул: Ёксаый ачхим, 2011.이민희. 책쾌 송신용.

Ли Нынъу. Погып ён качжиптыре тэхаё (О песенных сборниках, издававшихся с целью широкого распространения // Исследования по корейской поэзии). Сеул: Сингу мунхваса, 1982. С. 174—180. 보급용 가집들에 대하여//한국시가문학연구.

Пак Эгён. Хангук кочжон сигаый кындэчжок пенчжон квачжон ёнгу (Процесс трансформации корейской классической поэзии в новое время). Сеул, 2008. 박애경. 한국고전 시가의 근대적 변전 과정연구.

Ха Чжони. Намхун тхэпхён-га сичжое натханан кындэсон ёнгу. (Исследование модернизационного характера в сичжо, вошедших в антологию *Намхун тхэпхён-га*: дисс. … магистра). Пусан: Пусанский университет, 2011. 하정의. 南薰太平歌 시조에 나타난 근대성 연구. 석사학위논문. 부산대학교, 2011.

Хо Гёнчжин Чосон хуги ханмунхаге натханан санъоп мунхва (Изображение культуры коммерции в литературе на китайском языке периода Позднего Чосона // Научный востоковедческий журнал). 2003. № 120. С. 173—229. 허경진. 조선후기 한문학에 나타난 상업문화 // 동방학지.

Чон Бёнсоль. Чосон хуги сонъый сильсангва пэгён (Кии чэсандамыль чунсимыро) (Реалии и фон отношений полов в период Позднего Чосона // Инмун нончхон). № 64. Сеул : Гуманитарный институт Сеульского университета, 2010. 조선후기 성(性)의 실상과 배경 (“기이재상담” (紀伊齋常談)을 중심으로) // 인문논총 제64집. 서울대학교 인문학연구원.

Чон Чжэчжин. Намхун тхэпхён-гаый ингангва кэхваги ханнам сорим сочжок пархэнъый ыйи // Инмун квахак. Вып. 39. (Издание антологии *Намхун тхэпхён-га* и значение книгоиздательской деятельности Ханнам сорим. Университет Сонгюнгван). Сеул, 2007. 전재진. 남훈태평가의 인간과 개화기 한남서림 서적 발행의 의의. 인문과학. #39.

Чхве Гюсу. «Намхун тхэпхён-гарыл тхонъхэбон 19 сеги сичжоый пёнмо янсан. Ихва ёдэ сокса хагви нонмун. (Изменения в поэзии сичжо XIX-го века. На примере [текстов из] «Намхун тхэпхён-га» : дисс. … магистра. Университет Ихва). Сеул, 1989. 최규수. “남훈 태평가”를 통해 본 19세기 시조의 변모양상. 석사논문.

Чхве Гюсу. Намхун тхэпхён-га сочжэ сичжое натханан ёсон инмульсанъый тхыкчинчжок кёнхянгва ыйми // Хангук ёсон мунхак ёнгу (Характерные тенденции в изображении женских персонажей в сичжо, входящих в НТ, и их значение // Изучение женской литературы Кореи). 2006. № 12. С. 290—317. 최규수. 남훈태평가 소재 시조에 나타난 여성인물상의 특징적 경향과 의미 // 한국여성문학연구. 12.

Чхон Хебон. Хангук сочжихак. (Библиография Кореи). Сеул, 2004. 천혜봉. 한국서지학. 서울.

Eggert M. (2006) Friendship with Foreigners. In: Jahyun Kim Haboush (ed.) *Epistolary Korea. Letters in the Communicative Space of Choson, 1392—1910*. New York: Columbia University Press. P. 204—2016.

Haeussler S. (2004) Kyubang kasa: Women’s Writings from the Late Chosŏn. In: Young-Key Kim-Renaud (ed.) *Creative Women of Korea. The Fifteenth through the Twentieth Centuries*. New York, London: Routledge. P. 142—162.

Park Si Nae. (2020) The Korean Vernacular Story. Telling Tales of Contemporary Chosŏn in Sinographic Writing. New York: Columbia University Press.

Ильбон кан тхонсинса пхильдам чханхвачжип 178 квон ванёк («Полное собрание переводов записанных кистью «творческих бесед» посланников периода Позднего Чосона»). URL: https://www.donga.com/news/article/all/20130906/57493117/1. 일본 간 조선통신사 필담창화집 178 권 완역.

ГЛАВА 2. МОДЕРНИЗАЦИЯ КОРЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Аннотация. В главе рассматривается модернизация дипломатии Кореи в 1876—1905 гг.: от первых дипотношений современного типа до японского протектората. Европейская дипломатия Нового времени носила постоянный и профессиональный характер и исходила из полицентричности международных отношений. Адаптация синоцентричной и конфуцианской дипломатии Чосона к европейским принципам дипломатии происходила небыстро и непросто, находясь под влиянием общих проблем корейского государства и общества на рубеже XIX—XX вв. Но все же Корея успела к 1905 г. существенно продвинуться на этом пути. С открытием Чосона в 1876 г. для международных отношений широкие слои корейского общества познакомились с той моделью дипломатии, которая в XX веке утвердилась в мире в качестве общепринятой.

Современная модель дипломатии зародилась в XIV веке в Северной Италии и распространилась по всему миру вслед за европейской политической и экономической экспансией. В отличие от прежних эпох европейская дипломатия Нового времени носила постоянный и профессиональный характер, исходила из полицентричности международных отношений, заставляла религиозных акторов адаптироваться к светским нормам. Наиболее значимую роль в развитии этой модели в XV—XVIII веках сыграли Испания и Франция. К XVII веку европейская модель дипломатии достигла такого развития, что ее опыт стал обобщаться и воспроизводиться в многочисленных учебниках, адресованных высшим дипломатам, секретарям дипмиссий и даже монархам.

Европейская дипломатия использовала развивавшееся параллельно с дипломатической методикой международное право, назы-

вавшееся тогда правом народов, теоретики которого искали пути предотвращения конфликтов и мирного выяснения баланса сил между христианскими государями посредством равноправного диалога и заключения межгосударственных договоров. Теоретические работы основоположников науки о международном праве, таких как Франсиско де Витория (Испания), Альберико Джентили (Италия), Гуго Гроций (Нидерланды), Эмер де Ваттель (Швейцария), и их практическая помощь правительствам в дипломатических делах привели к тому, что договоры стали считаться неотъемлемым элементом международных отношений в Европе, включая Россию. Одним из ключевых тезисов специального дипломатического права в рамках права народов стал иммунитет посла от уголовного преследования в принимающем государстве. Восточная Азия впервые познакомилась с европейской моделью дипломатии и международного права в ходе русско-цинских переговоров по заключению Нерчинского мира в 1689 г., если верить запискам участника этих переговоров иезуита Франсуа Жербийона [Русско-китайские отношения…, 1972: 750]. В настоящей главе рассматривается модернизация дипломатического искусства и дипломатической организации Кореи в 1876—1905 гг.

Первые шаги Чосона на пути освоения дипломатии европейского типа

Было бы преувеличением говорить о полной беспомощности Чосона в дипломатии на момент открытия его портов для международной торговли (с 1876 г.). Несмотря на жесткий контроль над границами и препятствование трансграничным социальным, экономическим и культурным связям, правительство Чосона было довольно глубоко вовлечено в международные дела Северо-Восточной Азии. Дипломатия Чосона основывалась на конфуцианских принципах синоцентричной системы международных отношений и была в высшей степени ритуализированной. По отношению к Китаю проводилась политика *садэ* (уважения к старшему), выражавшаяся главным образом в обмене ритуальными делегациями [Чеснокова, 2017: 115]. Регулярное посещение Пекина позволяло корейским дипломатам собирать информацию о том, что происходит за пределами

Цинской империи, поскольку в Пекине всегда присутствовало некоторое число иностранцев. По отношению к Японии, Маньчжурии, Вьетнаму и Рюкю[4] проводилась политика *кёрин* (добрососедства), в рамках которой наиболее частыми, хотя и нерегулярными, были контакты с Японией.

В Чосоне несколько сотен лет существовала переводческая служба Саёгвон (사역원), готовившая специалистов по современным китайскому, японскому, монгольскому и чжурчжэньскому языкам. По своему широкому спектру обязанностей переводчики Саёгвона скорее соответствовали европейским драгоманам[5] [Wang, 2020: 1]. В Корее переводчики традиционно были агентами модернизации, будучи осведомлены в международных политических и торговых вопросах. Протокольное сопровождение межправительственных контактов осуществляло министерство обрядов Ечжо, а дипломатической документацией занималось ведомство Сынмунвон [Пэк, 2015: 64—66]. Главное, что отсутствовало в организации чосонской дипломатии по сравнению с Европой, — это специальная служба по ведению переговоров и выработке внешней политики, вследствие чего переговоры вели непрофессиональные комиссары правительства, для которых это было разовым поручением. Например, Син Хон[6] подписал первые договоры Чосона современного типа в 1876 и 1882 г.

Хотя в исторической литературе традиционно подчеркивается неравноправный характер первых международных договоров Кореи с Японией и США, они были неравноправными в торговых вопросах, но о дипломатическом равенстве Кореи с этими партнерами говорили вполне конкретно. Статья 2 Канхваского договора 1876 г. предусматривала обмен между Кореей и Японией посланниками и учреждение постоянных представительств в каждой стране.

---

[4] Рюкю — островное государство, признававшее сюзеренитет как Китая, так и Японии, располагавшееся на территории современной японской префектуры Окинава.

[5] Драгоман — переводчик с какого-либо восточного языка, в силу сложности изучения которого гораздо реже проходивший ротацию, чем другие сотрудники дипмиссий, иногда всю карьеру служивший в одной и той же стране. Вследствие хорошего знания не только языка, но и внутреннего положения страны пребывания драгоманы могли выполнять отдельные дипломатические и консульские поручения и имели статус выше обычного переводчика.

[6] Син Хон (1810—1884) — высокопоставленный государственный и военный деятель Кореи середины XIX века, теоретик военного дела, географии, сельского хозяйства.

Контрагентом Японии в Корее устанавливалось министерство обрядов, а для корейского посланника — министерство иностранных дел Японии [Treaty of Peace…, 1876]. Статья 2 Договора о мире, дружбе, торговле и мореплавании между США и Кореей 1882 г. подробно говорила о взаимном назначении дипломатических и консульских представителей, причем в отношении консулов всячески подчеркивалось, что они должны назначаться из государственных чиновников, а не торговцев, и что назначенные консулы не должны вовлекаться в торговлю. Также здесь говорилось о привилегиях, правах и иммунитетах дипломатов и консулов и о консульской экзекватуре [Peace, Amity…, 1882]. Таким образом, в 1882—1883 гг., когда был подписан и ратифицирован договор с США, корейская сторона уже однозначно понимала порядок и форму современных дипломатических и консульских сношений.

После заключения вышеупомянутых договоров в Сеуле разместились постоянные миссии Японии (1880 г.) и США (1884 г.), благодаря чему началось знакомство Кореи с институтом постоянного дипрепрезентательства. Впрочем, сама она еще долго воздерживалась от размещения за рубежом постоянных миссий. Традиция временных миссий Тхонсинса в Японию, прерванная в 1811 г., была возобновлена под названием Сусинса. Первая миссия 1876 г. носила скорее ритуальный характер, большее значение в истории корейской дипломатии имела вторая Сусинса 1880 г., во главе которой стоял будущий реформатор Ким Хончжип. Он был впечатлен японскими переменами и предложил послать туда более крупную делегацию для изучения японского опыта модернизации. Дальнейшие миссии Сусинса в значительной мере сформировали мировоззрение корейских прогрессистов, занимавших ведущие позиции в прояпонских кабинетах министров, таких как Ким Оккюн, Ким Хончжип, Пак Ёнхё, Ю Гильчжун.

В декабре 1880 г. по указу вана Кочжона был создан Тхонни киму амун — правительственный институт, несколько схожий с так называемым государственным министерством в некоторых западных странах XIX века. В ходе этой общей модернизации правительства возникли зачатки профессиональной дипслужбы Кореи: под началом Тхонни киму амуна действовали двенадцать новых управлений

(*са*), в том числе Садэса и Кёринса. Спустя год они были укрупнены до семи, в числе которых появилось единое управление по иностранным делам (Тхонмунса) [Ю Бада, 2019: 16].

Во время мятежа года *имо* в июле 1882 г. Тхонни киму амун был ликвидирован, но уже 17 ноября 1882 г., теперь под китайским контролем, в структуре корейского правительства был создан Веамун (внешний приказ), 4 декабря переименованный в Тхонни кёсоп тхонсан саму амун (приказ переговоров и торговли). Спектр его обязанностей получился очень пестрым, к примеру, в них входило взимание налога на соль. Но также оно осуществляло и обычные функции центрального аппарата МИД: ведение дипломатической переписки и переговоров, составление проектов договоров и хранение заключенных договоров, отправка делегаций за рубеж и размещение иностранных миссий в Корее, выдача национальных виз иностранцам, составление верительных грамот и др. Дипломатия была отделена от государственных обрядов, которые остались в ведении министерства обрядов Ечжо.

Перечисленные в «Регламенте Тхонни кёсоп тхонсан саму амуна» функции позволяют историку Ю Бада сделать вывод, что дипломатия Кореи в этот момент перешла от конфуцианской политики *садэ* и *кёрин* к дипломатии в ее современном понимании. Изначально Тхонни кёсоп тхонсан саму амун состоял из четырех отделов: внешних сношений; налогов, мер и весов; коммерции; корреспонденции. В 1887 г. новый регламент детализировал его структуру и обязанности, теперь он состоял из шести отделов: общего делопроизводства; внешней торговли; переговоров; переводов; документации; бухгалтерии. Некоторые дипломатические функции выполняло и ведомство внутренних дел, в том числе направление корейского резидента в Тяньцзинь и посланника в США. Следует также понимать, что эти новые политические институты Кореи не отменяли старые, а работали параллельно с ними, например, с министерством обрядов и министерством двора [Ю, 2019: 16—19].

К этому времени благодаря усилиям пекинской школы иностранных языков Тонмунгван китаеязычная аудитория познакомилась с западной литературой о международном праве. «Начала международного права» Генри Витона, «Введение в изучение международ-

ного права» Теодора Вулси и «Современное международное право цивилизованных государств» Иоганна Блюнчли были переведены на китайский язык в 1864, 1877 и 1880 гг. и вскоре после перевода импортированы в Корею и внимательно изучены местными интеллектуалами. Особую популярность в Корее приобрела работа Блюнчли, которую корейское правительство переиздало и широко распространило в 1896 г. [An, 2017: 7]. В международном праве корейцам особенно импонировало вестфальское понимание суверенитета, когда имеющая международное признание и не вмешивающаяся в чужие внутренние дела страна не может быть самовольно захвачена другой страной.

В 1883 г. корейское правительство стало печатать раз в десять дней газету «Хансон сунбо» (с 1886 г. еженедельная «Хансон чубо»), чтобы держать корейское общество в курсе актуальных тенденций международных отношений и собственных внешнеполитических ориентиров. Корейские эмиссары в Китае и Японии получали инструкции по сбору книг, газет, журналов и любых других изданий, которые содержали бы информацию об окружающем мире. Большинство статей в «Хансон сунбо» и «Хансон чубо» были ориентированы на то, чтобы помочь корейской общественности понять международные процессы глобального масштаба и изменения, происходящие в рамках традиционного восточноазиатского регионального порядка, в центре которого раньше находился Китай. Среди прочего через эти публикации правительство Кореи старалось изменить синоцентричное мировоззрение корейского общества и сформировать у него понимание реальной картины международных отношений. Кроме того, эти газеты знакомили общественность с различными аспектами современной мировой культуры и объясняли их концептуальные основы, а также рассказывали о проблемах, которыми правительство Кореи занималось тогда в первую очередь [Хан, 2006: 338—339].

В 1880-е годы в Корее постепенно входил в оборот термин *вегё* (дипломатия), подразумевавший международное общение равных акторов, за исключением отношений с Китаем, каковые оставались отношениями вассала и сюзерена. Общеупотребимым термин *вегё* стал только после поражения Китая в войне с Японией 1894—1895 гг. [Мин, 2018а: 211—212]. Многие видные корейские поли-

тики, например Ким Юнсик и Ким Хончжип, анализируя вызовы, угрозы и слабости Кореи, полагали, что именно дипломатическое лавирование между великими державами обеспечит стране независимость на период модернизации экономики и вооруженных сил [Пэк, 2014: 38—39].

Проблемы становления профессиональной дипломатической службы Чосона

1884 г. был самым удачным для корейской дипломатии периода открытия портов: договоры с Великобританией и Германией, схожие с американо-корейским, были ратифицированы после долгих проволочек, договоры с Россией и Италией были подписаны и ратифицированы в том же году. В 1886 г. аналогичный договор был заключен с Францией. На их основе в Сеуле стал формироваться иностранный дипкорпус, по мере умножения которого был выбран дуайен (старейшина). Кроме того, во всех открытых для международной торговли портах были развернуты консульские миссии, крупнейшая из них — японская — находилась в Пусане. Ван Кочжон старался установить отношения с как можно большим числом зарубежных партнеров, в том числе затем, чтобы ограничить влияние отдельных фракций корейской аристократии.

Опять же, было бы преувеличением трактовать эти договоры исключительно как инструмент закабаления Кореи, поскольку корейское правительство само прилагало большие усилия к тому, чтобы их заключить. В ходе переговоров и временных наблюдательных миссий оно постепенно освоило западные стандарты составления договоров, ведения переговоров, организации внешнеполитической службы, подготовки дипломатического и консульского персонала, дипломатического протокола. Однако некоторые тенденции существенно замедлили развитие корейской дипломатии в сравнении с Японией и Китаем 1860—1870-х годов и не позволили дипломатии стать действенным инструментом сохранения национального суверенитета Кореи.

Во-первых, у королевства Чосон в рассматриваемый период отсутствовала единая внешнеполитическая линия. Постоянные внутренние конфликты между различными аристократическими фрак-

циями приводили к непоследовательной внешней политике, которая металась в своей ориентации между Китаем, Японией, Россией, Великобританией и Францией. В порядке вещей были взаимные нападения и убийства членов враждебных фракций, как во время переворота года *капсин* 1884 г., разглашение секретной информации, невыполнение послами своих инструкций и даже самовольное прекращение порученных им миссий. В частности, правительство Кореи пыталось отправить дипмиссию в Европу еще в 1887 г., но она была сорвана китайским генеральным резидентом в Сеуле Юань Шикаем. Три должностных лица — Сим Санхак, Чо Синхи и Пак Чесун — один за другим назначались на пост полномочного министра Кореи в пяти европейских странах: Великобритании, Франции, Германии, России и Италии. Сим подал в отставку под предлогом плохого здоровья. Его сменщику Чо удалось добраться до Гонконга, прежде чем отступить перед китайским давлением. По возвращении в Корею в феврале 1890 г. Чо был отправлен в ссылку из-за того, что не решился уехать в Европу. Наконец, Пак Чесуну Юань Шикай вообще не позволил покинуть Сеул [Finch, 2002: 121]. В 1888 г. посланник Пак Чонъян досрочно свернул свою миссию в США и на обратном пути несколько месяцев тянул с возвращением в Сеул, опасаясь преследования со стороны китайских властей [Шарафетдинова, 2014: 115]. Мин Ёнхван в 1897 г. был назначен постоянным представителем в России, Великобритании, Германии, Франции, Австро-Венгрии и Италии. Основной базой его работы предполагался Санкт-Петербург. Во всех вышеперечисленных странах он вручил свои верительные грамоты, но в скором времени самовольно завершил миссию. Хотя ван Кочжон издал официальный указ о том, что за такой проступок отправляет его в отставку и Мин Ёнхван более года пережидал опалу в США, впоследствии это не помешало ему занимать высшие посты в Корейской империи [Finch, 2002: 147—154].

Во-вторых, в Чосоне отсутствовала отлаженная система управления дипломатией и рекрутинга дипломатических кадров. Этот тезис доказывает историк Мин Хвесу, анализируя карьеру одного из высокопоставленных дипломатов Ю Гихвана [Мин, 2018б: 117—119]. Главы миссий рекрутировались из высшей аристократии, преимущественно конфуцианской закалки, которые часто не знали иностран-

ных языков, не говоря уже о международном праве и европейской политической теории. В качестве наглядного примера М. Финч приводит корейскую миссию в Россию на коронацию Николая Второго в 1896 г. Юн Чхихо, второй по рангу участник миссии, знал английский язык, имел опыт дипломатической работы в США и состоял в одной из христианских конфессий. В своем дневнике он критиковал главу миссии Мин Ёнхвана как человека капризного, раздражительного, самовольного, развращенного коррупцией корейского двора. Мин Ёнхван не имел международного опыта, знал только корейский язык и был убежденным конфуцианцем [Finch, 2002: 100—101].

Высшие аристократы рассматривали дипломатию как удобный трамплин для занятия более престижных и доходных внутренних постов и, как правило, работали на ниве дипломатии очень недолго. Участие в дипмиссии за рубежом значительно ускоряло карьерный рост чосонских чиновников. Свою лепту в эту кадровую чехарду вносил и ван Кочжон, в частности, в период с октября 1897 г. по февраль 1904 г. он сменил 27 министров иностранных дел [Kim, 2005: 628]. Все руководители корейских дипмиссий в правление Кочжона были политическими назначенцами, а не кадровыми дипломатами. Американский миссионер Хорас Аллен, сопровождавший первую постоянную миссию Чосона в США в 1887—1888 гг., весьма низко оценивал ее квалификацию и отмечал, что, хотя он был только секретарем и к тому же иностранцем, но на деле занимался решением всех важных вопросов, за исключением заказа еды [Larsen, 2008: 187].

Несколько лучше обстояло дело с рекрутингом младшего и среднего дипперсонала. Его набирали из участников временных зарубежных миссий Чосона, из корейцев, получивших опыт работы в иностранных миссиях в Корее, из выпускников сеульских школ Тонмунхак и Югён конвон, а также из сотрудников таможенного ведомства Камнисо. Особые надежды в подготовке современных чиновников ван Кочжон возлагал на государственные школы, однако их высокородные ученики зачастую не отличались прилежанием и нередко вовсе бросали учебу, а ученики более низкого происхождения не получали обещанного продвижения[7]. В конечном счете все

[7] См.: Kim Eun-gyong. English Language School for Joseon Ruling Class (III) // The Korea Times. 14.05.2008. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/include/print.asp?newsidx=24154.

посольские посты при Кочжоне сохранялись за высшей аристократией, иногда разбавленной конфуцианскими философами.

Третья специфическая черта — это сервильность внешней политики Чосона, обусловленная многовековой ориентацией на династии Мин и Цин. В 1882 г. она усугубилась тем, что после мятежа года *имо* Китай навязал Корее составленные по западной форме «Правила морской и сухопутной торговли», чтобы подкрепить свой традиционный сюзеренитет договорными нормами и обычаями западного типа. В соответствии со статьями 1 и 2 данных Правил, Китай направлял в каждый открытый порт Кореи торговых комиссаров, каковые фактически были консульскими работниками и осуществляли юрисдикцию над китайскими подданными в своем округе. В Сеул же направлялся «генеральный комиссар по торговле и переговорам», который занимался далеко не только вопросами международной торговли, но осуществлял надзор за корейской внутренней и внешней политикой. Корейский монарх имел право послать комиссаров по торговле в китайский порт Тяньцзинь, но они не обладали юрисдикцией над корейскими подданными [Ли, 2008: 393—395].

В результате чосонское правительство и монарх постоянно искали поддержки у зарубежных акторов, чтобы проводить желаемую государственную политику вместо того, чтобы повышать свой политический ресурс за счет диалога с широкими слоями корейского общества. По всей видимости, они не понимали взаимосвязи между суверенной дипломатией и внутриполитической поддержкой и привлекали иностранных советников к выработке и реализации важнейших внешнеполитических решений и даже к заключению от имени Кореи международных договоров. Как представляется, самыми влиятельными из них были Пауль Мёллендорф, Ма Цзяньчжун, Денни Оуэн и Хорас Аллен.

Хотя многие советники были лояльны Кочжону и сопереживали корейскому народу, иностранные правительства понимали, что Корея мало способна к выработке и проведению самостоятельной внешней политики, поэтому часто решали связанные с ней вопросы за ее спиной [Симбирцева, 2002: 25—44]. Кроме того, они не брали на себя слишком серьезных обязательств в отношении Кореи и самого вана, понимая, что корейское правительство способно испол-

нить далеко не все договоры. В том числе и по этой причине не получил необходимой зарубежной поддержки проект международного нейтралитета Кореи. Апофеозом данной сервильности стало постоянное пребывание главы государства и кабинета министров в российской миссии в Сеуле в 1896—1897 гг. Корейское же общество не чувствовало большой ответственности за такую внешнюю политику, что и проявилось в слабом общественном сопротивлении японскому протекторату в 1905 г.

Четвертой специфической чертой был волюнтаризм чосонского монарха, который вмешивался во все дипломатические дела, не доверяя своему окружению и широким общественным кругам, хотя для подобной политической линии отсутствовали и ресурсы (прежде всего, силовые), и традиция деспотического абсолютизма в Корее. Фактически внешнеполитические решения обсуждались и принимались ваном и его ближайшим окружением без согласования с дипломатическим ведомством. После освобождения от китайского сюзеренитета в 1895 г. фракционная борьба продолжала раздирать корейскую аристократию, так что Кочжон был вынужден регулярно прибегать к тайной дипломатии в обход своего министерства иностранных дел. Разумеется, это тоже затрудняло имплементацию дипломатических договоренностей.

Корейская дипломатия в период Корейской империи

Несмотря на вышеперечисленные трудности, корейская дипломатия все же успела к 1905 г. существенно продвинуться по пути модернизации. Во-первых, была осуществлена символическая демонстрация национального суверенитета, начиная с четвертой Сусинса 1882 г., или Наблюдательной миссии чосонского двора под руководством Пак Ёнхё. Поощряемый японским министром иностранных дел Иноуэ Каору, Пак Ёнхё объявил иностранным постпредам в Токио, что Чосон является не вассалом династии Цин, но независимой страной, самостоятельно осуществляющей дипломатические сношения, и стал использовать корейский язык и национальный флаг тхэгыкки в ходе дипломатических приемов [Ли, 2017: 259—260]. Постепенно корейские дипломаты стали получать верительные грамоты и полномочия на национальном языке. В 1899 г. в прототипе конституции «Строй

государства Великая Хан» было провозглашено, что корейский монарх возглавляет независимую империю и самостоятельно принимает решения по вопросам отправки послов, объявления войны, заключения международных договоров [Пак, 2009: 10].

Во-вторых, Корея, подбадриваемая Токио и Вашингтоном, создала первые постоянные миссии за рубежом: в 1887 г. в Японии и 1888 г. в США. В научной литературе широко освещен сюжет о трудной миссии Пак Чонъяна в качестве посланника и полномочного министра в США. Преодолевая разнообразные препятствия со стороны Китая, а также собственную неопытность, Пак Чонъян вручил верительные грамоты президенту США Г. Кливленду и был благосклонно принят им в характерной для дипломатов суверенных стран форме [Шарафетдинова, 2014: 115]. В 1889 г. корейская миссия приобрела в американской столице большое и красивое здание (Old Legation), которое использовала в качестве своей резиденции вплоть до 1905 г.

После поражения Китая в войне с Японией 1894—1895 гг. и провозглашения Кочжоном Корейской империи (Великая империя Хан *Тэхан чегук*) в 1897 г. Корея увеличила количество своих дипмиссий за рубежом: в 1897 г. в России, Японии, США, Великобритании, в 1899 г. — в Китае. Посланник в России был по совместительству посланником во Франции и Австро-Венгрии, а посланник в Великобритании — в Германии и Италии. Правда, до 1901 г. в реальности находились на своих местах лишь корейские посланники в Токио и Вашингтоне. Вашингтонский посланник Ли Бомчжин в 1901 г. был переведен в Санкт-Петербург, и больше года пост посланника в США никем не замещался [там же: 173]. В 1901 г. император Кочжон издал указ о назначении новых корейских посланников отдельно для Великобритании, США, Германии и Франции, оставив Ли Бомчжина посланником исключительно для России. Посланники Ким Мансу и Мин Чхорхун учредили в 1901 г. миссии в Париже и Берлине соответственно, но уже в 1902 г. вынуждены были возвратиться в Корею. Лондонской миссией в период русско-японской войны руководил временный поверенный Ли Ханын, изначально третий секретарь миссии. Имея столь невысокий статус, он все же упорно пытался склонить британское правительство к поддержке нейтралитета

Кореи [Jin, 2016: 208—213]. На сентябрь 1904 г. корейские посланники оставались на своих рабочих местах лишь в Санкт-Петербурге, Париже, Берлине и Пекине, посланники в Лондоне, Риме и Вашингтоне находились в отпуске или подали в отставку, миссиями в Лондоне и Токио управляли временные поверенные [Collin de Plancy, 1904].

Если в 1880-е годы великие державы признавали суверенитет Кореи ограниченным и назначали там министра-резидента или генерального консула, то есть диппредставителя третьего-четвертого уровня, то в 1901—1902 гг. они повысили статус своих постпредов в Сеуле до посланников (envoy, представителей второго ранга), исходя из того, что Корея достигла формального суверенитета в международных отношениях. Высший уровень (посол, ambassador) в дипломатии Кореи фигурировал лишь однажды, это был Мин Ёнхван, направленный в 1897 г. в Великобританию на торжества по поводу бриллиантового юбилея королевы Виктории [Finch, 2002: 122]. Назначать послов в качестве постпредов Корея не могла, потому что не могла рассчитывать на ответное назначение постпреда такого же ранга в Сеул. Впрочем, иностранные дипмиссии в Сеуле, за исключением США, выстроили себе в 1890-е годы современные здания, то есть рассчитывали поддерживать отношения с независимой Кореей в долгосрочной перспективе. После провозглашения империи новая резиденция Кочжона разместилась по соседству с дипмиссиями Великобритании, США, России и Франции в районе Чондон, который на время стал центром политической и общественной жизни Кореи [Co, 2013: 110—113].

В-третьих, структура центрального аппарата дипслужбы Кореи была приведена в соответствие с мировыми нормами. В ходе реформ Кабо 1894—1895 гг. правительство Кореи было разделено на Дворцовую палату и Госсовет (Ыйчжонбу). В подчинение Ыйчжонбу были переданы восемь вновь созданных приказов, в том числе приказ иностранных дел (*вему амун*). В течение года приказы были реструктурированы в семь министерств (*пу*), в том числе внешнее *пу* (*вебу*). *Вебу*, которое теперь можно было без дополнительных пояснений называть министерством иностранных дел, отвечало за управление дипломатией, защиту корейского бизнеса в зарубежных странах, а также надзор за иностранными дипломатами и консульствами в Корее.

В-четвертых, корейское правительство внимательно изучало современный дипломатический протокол и постепенно переходило к нему. Особенную пользу в этом оказало кругосветное путешествие Мин Ёнъика 1882—1883 гг., начавшееся с временной миссии в США [Grishina, 2019: 122—125]. После провозглашения империи Великая Хан корейский диппротокол включил в себя многие западные элементы, в том числе униформу дипломатов во французском стиле, порядок дипломатических приемов и т. д. В 1863—1879 гг. дипломатические церемонии в Сеуле ограничивались вручениями вану императорских рескриптов от китайских посланников, которые происходили в главных залах королевских дворцов. С 1880 г. в этих же дворцах все чаще стали проходить официальные встречи вана с иностранными дипломатами [Ли, 2018: 36]. Согласно Конституционному церемониалу, опубликованному в корейских газетах в 1902 г., если иностранный дипломат, представляя послание своего государя, совершал поклон императору Кочжону, тот отвечал на приветствие, вставая с трона. Эта церемония символизировала то, что посланиями обмениваются равные суверены [Ким, 2011: 52—53]. Значительные изменения, среди прочего, произошли в музыкальном сопровождении дипломатических церемоний, которое осуществлял придворный оркестр. В прежние эпохи использовалась лишь традиционная музыка, тщательно подобранная в соответствии с корейскими представлениями о гармонии, в имперский же период стали внедряться элементы западной музыки [Квон, 2012: 32—33]. Освоение Кореей стандартов дипломатической переписки демонстрирует, к примеру, франко-корейская переписка 1887—1903 гг. в архиве Комитета по составлению национальной истории[8].

Рудименты чосонской дипломатии в период протектората и аннексии

После начала русско-японской войны в 1904 г. Сеул был оккупирован японскими войсками, и правительство Кореи потеряло фактическую способность проводить суверенную внешнюю политику. В течение 1905 г. по требованию Японии были отозваны корейские

[8] См.: http://db.history.go.kr.

диппредставители в зарубежных странах. По японо-корейскому договору года *ыльса* от 17 ноября 1905 г. (договор о протекторате) МИД Кореи был распущен, а корейские дипмиссии за рубежом окончательно закрыты. Иностранные дипмиссии в Сеуле были преобразованы в генеральные консульства и стали сотрудничать с Управлением генерального резидента Японии в Сеуле, с 1906 г. взявшим на себя внешние сношения Кореи.

Ван Кочжон пытался спасти независимость страны в традиционном для себя стиле: через обращения к зарубежным правительствам при помощи иностранных советников и тайных эмиссаров. Последним аккордом дипломатии монархической Кореи стало направление тайных эмиссаров на международную конференцию 1907 г. в Гааге. При отсутствии политических оснований для успеха гаагской миссии нельзя не отметить, что корейские дипломаты к этому времени овладели искусством общения с зарубежной прессой и пытались использовать ее в качестве рычага давления на западные правительства [Курбанов, 2009: 230—231].

По договору об объединении Кореи и Японии от 22 августа 1910 г. Корея окончательно утратила свой суверенитет, все ее международные договоры были денонсированы. Два выходца из монархического дипкорпуса Чосона посильно помогали заключению договоров о протекторате и аннексии: министр иностранных дел Пак Чесун и выпускник школы Югён конвон и бывший сотрудник посольства Кореи в США Ли Ванъён. Из кадровых дипломатов периода Корейской империи только Ли Бомчжин и его сын Ли Вичжон приняли активное участие в корейском освободительном движении. Впоследствии Ли Бомчжин и такие дипломаты, как Ли Ханын, Мин Ёнхван и, вероятно, тайный эмиссар Кочжона в Гааге Ли Чжун, в знак протеста против установления японского правления над Кореей совершили самоубийство.

Созданное в 1919 г. в Шанхае «Временное правительство Республики Корея» вплоть до освобождения Кореи от Японии имело в своем составе «министра иностранных дел». В 1919 г. Ким Гюсик приехал в Париж в качестве «посла» Временного правительства и пытался призвать Версальскую мирную конференцию к восстановлению независимости Кореи. Ким Гюсик был, очевидно, единственной нитью, связывавшей квазидипломатию корейской эмиграции с монархиче-

ским прошлым: в свое время Кочжон отправлял его отца с секретной миссией во Владивосток, чтобы просить российское правительство поддержать независимость Кореи, а самому Ким Гюсику оказал материальную поддержку для учебы в США [Чхве, 2015: 161—162]. Хотя великие державы проигнорировали корейский запрос, после отъезда Ким Гюсика из Европы созданная им квазимиссия продолжила агитационную работу силами местных корейских иммигрантов, среди прочих в ее деятельности недолго поучаствовал Чан Тхэксан, в 1948 г. ставший первым министром (и фактическим организатором министерства) иностранных дел Республики Корея.

В 1919 г. в Сеуле другими политактивистами было создано «Хансонское правительство Республики Корея», выбравшее в качестве руководителя Ли Сынмана. Последний находился тогда в США и открыл в Вашингтоне квазимиссию Хансонского правительства (впоследствии Комитет Куми). Среди прочих своих международных акций Ли Сынман направлял письмо к японскому императору с просьбой признать независимость Кореи, а затем письмо к президенту США Вудро Вильсону с просьбой ввести в Корее мандатное управление. В 1921 г. Ли Сынман, Со Чжэпхиль и другие активисты обратились к Вашингтонской конференции по ограничению вооружений с развернутым докладом о праве Кореи на независимость [Korea's Appeal…, 1922]. В корейских квазиправительствах в приграничных с Кореей китайских уездах, располагавших вооруженными силами всего в несколько сот человек, также имелись свои квази-МИДы [Курбанов, 2009: 253—258].

Заключение

Модернизация корейской дипломатии в части принципов, методики и организации дипломатической службы происходила небыстро и непросто, находясь под влиянием общих проблем корейского государства и общества на рубеже XIX—XX веков. При этом чосонский правящий класс добросовестно пытался изучить западную модель дипломатии и международного права и адаптировать ее под конфуцианские каноны и синоцентричную систему международных отношений. На наш взгляд, история корейской дипломатии 1876—1905 гг. дает интереснейший материал для постановки более ши-

рокого вопроса о трансфере европейских политических институтов в конфуцианское общество и специфике этих институтов в странах Восточной Азии уже в XXI веке.

Развитие корейской дипломатии на рубеже XIX—XX веков оказало своеобразное влияние на дипломатию Республики Корея во второй половине XX века. С одной стороны, между Корейской империей и квазидипломатией корейских эмигрантских организаций не было преемственности, так как активисты последних находились в оппозиции к монархическому режиму. Некоторые из них в правление Кочжона пережили тюремное заключение и эмиграцию (отец Ким Гюсика тоже некоторое время находился в опале). Многие корейские политики с дипломатическим опытом принимали участие в деятельности «Общества независимости», с которым боролась монархия, например, участник миссии Сусинса 1881 г. в Японию Со Чжэпхиль, участник той же миссии, впоследствии переводчик у первого посланника США в Корее, участник миссии в Россию 1896 г. и министр иностранных дел Корейской империи Юн Чхихо, секретарь корейской дипмиссии в США Ли Санчжэ. С другой стороны, эти активисты, как только представлялась возможность, имитировали дипломатию Кореи за рубежом, как если бы такая преемственность существовала. В любом случае открытие Кореи для международных отношений в 1876 г. дало широким слоям корейского общества представление о той модели дипломатии, которая в XX веке утвердилась в мире в качестве общепринятой и была формализована Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г.

Список литературы

Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009.

Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2. 1686—1691. М., 1972. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Russ_kit_otn_17_v_II/index.htm.

Симбирцева Т. М. «Загадочный» барон П. Г. фон Мёллендорф и его «прорусская» деятельность в Корее (1882—1885) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар: сб. ст. СПб.: Фонд восточных культур, 2002. С. 25—44.

Чеснокова Н. А. Дипломатия на грани фола: «верность», «долг» и «садэ» в Корее в XVII—XVIII вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 2. С. 114—122.

Шарафетдинова, А. И. Политика США в Корее в 1866—1905 гг.: дисс. … канд. ист. наук. М.: ИВ РАН, 2014.

An Jong-Chol. (2017) Korean Understanding of “Civilization” and “Sovereignty” in the Late 19th Century: An Analysis on Three International Law Books. In: *Korea in Global History: The Long Nineteenth Century and the Foreign Powers*. Program of Conference. Heidelberg, May 19—21. P. 7.

Finch M. (2002) Min Yông-hwan: A Political Biography. Honolulu: University of Hawai‘i Press.

Grishina D. E. (2019) Min Young Ik’s Diplomatic Activities as a Reflection of Kojong’s New Approach in Late Joseon’s Foreign Policies, 1882—1884. In: *VIII FEFU International Korean Studies Conference Proceedings*. Vladivostok: FEFU Publ. P. 116—129.

Jin Sang Pil (2016) Korean Neutralisation Attempts (1882—1907) Retracing the Struggle for Survival and Imperial Intrigues. PhD Thesis. University of London. URL: http://eprints.soas.ac.uk/id/eprint/23799.

Kim Seung-young (2005) Russo — Japanese Rivalry Over Korean Buffer at the Beginning of the 20th Century and its Implications. *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 16. No. 4. P. 619—650.

Korea’s Appeal to the Conference on Limitation of Armament. Washington: Government Printing Office. (1922) URL: https://books.google.ru/books/about/Korea_s_Appeal_to_the_Conference_on_Limi.html?id=9OdAAAAAYAAJ.

Larsen Kirk W. (2008) Tradition, Treaties, and Trade: Qing Imperialism and Chosŏn Korea, 1850—1910. Harvard East Asian Monographs. No. 295.

Peace, Amity, Commerce, and Navigation Treaty between the United States of America and the Kingdom of Chosen. In: *Library of Congress. United States Treaties. 1775—1949.* Vol. 1 (1776—1917). URL: https://www.loc.gov/item/lltreaties-ustbv001.

Treaty of Peace and Friendship between the Empire of Japan and the Kingdom of Corea. In: *The World and Japan Database*. University of Tokyo. URL: https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/indices/docs/index-ENG.html.

Wang Sixiang. (2020) Chosŏn's Office of Interpreters: The Apt Response and the Knowledge Culture of Diplomacy. *Journal for the History of Knowledge*. Vol. 1. No. 1. P. 1—15.

Collin de Plancy, Ministre de France à Séoul, à Delcassé, Ministre des Affaires étrangères. Séoul, le 5 Septembre 1904 // Куксапхён-чханвивонхве (Комитет по составлению национальной истории). 국사편찬위원회. URL: http://db.history.go.kr/item/compareViewer.do?levelId=hk_004r_0010_0990.

Квон Дохи. Чосон хугива тэхан чегуккиый вегё ымак (Музыка для дипломатических церемоний в период Поздней Чосон и Корейской империи // Музыка и культура). 2012. № 27. С. 5—33. 권도희. 조선후기와 대한제국기의 외교 음악 // 음악과 문화.

Ким Мунсик. Кочжон хванчжеый вегёгван чопкён ыйре (Протокол дипломатических приемов при императоре Кочжоне // Журнал японских исследований). 2011. Т. 32. № 32. С. 19—53.김문식. 高宗皇帝의 외교관 접견 의례 // 日本學研究.

Мин Хвесу. 19сеги маль хангугесоый «вегё» ёнъоый хварён янсан (Использование термина «дипломатия» в Корее в конце XIX века // Вестник общества Чиндан). 2018. № 131. С. 179—212. 민회수. 19세기 말 한국에서의 '外交' 용어의 활용 양상 // 진단학보.

Мин Хвесу. Тэхан чегукки Ю Гихваный чончхи хвальтонгва пимильвегё (Политическая активность и секретная дипломатия Ю Гихвана в период Корейской империи // САРИМ (Исторический журнал)). 2018. № 64. С. 87—123. 민회수. 대한제국기 兪箕煥의 정치활동과 비밀외교.

Пак Хёнмо. «Ванчжо»есо «чегук»ыроый чонхван: «кёнгук тэчжон чхечже»ый хэчхева Тэхан чегук чхульбомый чончхисачжок ыйми ёнгу (От «королевства» к «империи»: исследование демонтажа системы «кёнгук тэчжон» и политического и исторического значения создания Корейской империи // Исследования корейской политики). 2009. Т. 18. № 2. С. 1—25. 박현모. '왕조'에서 '제국'으로의 전환: '경국대전 체제'의 해체와 대한제국 출범의 정치사적 의미 연구 // 한국정치연구.

Пэк Сынчхоль. Унян Ким Юнсигый кукче чонсе инсикква вегёрон (Восприятие международной ситуации и дипломатическая теория в сочинении Ким Юнсика (Унян) // Журнал классических исследований Ёльсан). 2014. № 42. С. 13—39. 백승철. 운양 김윤식의 국제정세인식과 외교론// 열상고전연구.

Пэк Оккён. Кэхваги понёккван янсонъыль вихан вегуго кёюкква кы мунчжечжом (Подготовка переводчиков для образования в сфере иностранных языков и сопутствующие проблемы в период реформ // Исторические исследования университета Ихва). 2015. № 50. С. 35—66. 백옥경. 개화기 飜譯官 양성을 위한 외국어 교육과 그 문제점 // 이화사학연구.

Со Чжонхён. Кындэ Чондонъый конган пёнхвава Кочжон (1882—1910) (Кочжон и пространственные изменения в районе Чондон (1882—1910) // Сеул и история). 2013. № 84. С. 81—113. 서정현. 근대 정동의 공간 변화와 고종 (1882—1910) // 서울과 역사.

Ю Бада. Кёринесо вегёро: тхонни кёсоп тхонсан саму амун вегёый кукчебопчок квоннынгва ханге (От политики кёрин до дипломатии: международно-правовые полномочия и ограничения дипломатии ведомства переговоров и торговли Тхонни кёсоп тхонсан саму амун // Вестник корейской истории). 2019. Том 77. № 11. С. 7—27. 유바다. 交隣에서 外交로: 統理交涉通商事務衙門外交의 국제법적 권능과 한계 // 한국사학보.

Ли Гангын. Тэхан чегук ичжон Кочжон чэвиги кунгволлэ вегё чансова чопкён ыйреый пёнхва (Изменения в помещениях и церемониях для дипломатических приемов в королевском дворце в период правления Кочжона до провозглашения Корейской империи // Сеульские исследования). 2018. № 72. С. 1—36. 이강근. 대한제국 이전 고종 재위기 궁궐내 외교장소와 접견의례의 변화 // 서울학연구.

Ли Ынчжа. Чхонмаль чухан санмусо чочжикква кы висан (Китайский коммерческий офис в Корее в последние годы династии Цин и его генеральный комиссар // Исследования истории Мин и Цин). 2008. № 30. С. 359—396. 이은자. 淸末 駐韓 商務署 組織과 그 位相 // 명청사연구.

Ли Хёчжон. 19сеги хубан Чосон чисигиный тоннип кукка чихян — Пак Ёнхёый «Сахвагиряг»ыль чунсимыро (Стремление чосонских интеллектуалов к статусу независимой нации в конце XIX в.: на примере дипломатического дневника «Сахвагиряк» Пак Ёнхё // Корейская классическая литература). 2017. № 52. С. 235—260. 이효정. 19세기 후반 조선 지식인의 독립 국가 지향—박영효의 『使和記略』을 중심으로 // 고전문학연구.

Чхве Доккю. Пхари канхва хвеи(1919) ва Ким Гюсигый хангук тоннип вегё — кочжон хванчжеый чачжу тоннип вегё-ый кеборыль

чунсимыро (Парижская мирная конференция (1919) и дипломатия Ким Гюсика за независимость Кореи: на примере генеалогии дипломатии императора Кочжона за независимость // Исследования мировой истории и культуры). 2015. № 35. С. 113—162. 최덕규. 파리강화회의(1919)와 김규식의 한국독립외교—고종황제의 자주독립외교의 계보를 중심으로 // 세계 역사와 문화 연구.

Хан Борам. 1880нёндэ чосон чонбуый кэхва чончхэгыль вихан кукче чонбу сучжип — «Хансон чубо»ый кваллён киса пунсок (Сбор международной информации в рамках просветительской политики чосонского правительства в 1880-е гг. Анализ релевантных статей в еженедельной газете «Хансон чубо» // Вестник общества Чиндан). 2006. № 101. С. 291—339. 한보람. 1880년대 조선정부의 개화정책을 위한 국제정보수집—『漢城周報』의 관련기사 분석 // 진단학보.

ГЛАВА 3. РЕФОРМЫ И ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Процесс модернизации на Корейском полуострове в конце XIX — начале XX века является предметом оживленных дискуссий среди историков последние два десятилетия. К наиболее спорным аспектам можно отнести сложные отношения между членами Общества независимости и правительством Кореи, «идеологические» особенности модернизационных реформ и отдельные направления модернизации корейского общества, а также причины аннексии страны Японией в 1910 г. В первые годы после провозглашения Корейской империи (1897—1910 гг.) было проведено множество модернизационных реформ, направленных на укрепление независимости корейского национального государства. В частности, под контролем корейского правительства и императора началась модернизация страны, затронувшая ключевые сферы жизни корейского общества: реформы государственного и административного устройства, экономики и финансов, армии и полиции, образования и системы здравоохранения и т. д. Целью реформ было превращение страны в сильное, процветающее, а главное суверенное государство, с которым должны были считаться ведущие мировые державы.

Конец XIX и начало XX века до сих пор остается одним из наиболее противоречивых периодов продвижения реформ и модернизации на Корейском полуострове. Он богат на события, повлиявшие на становление современного корейского государства: «открытие страны» в 1876 г., заключение первых международных договоров в 1880-х годах, начало процесса модернизации, формирование корейской национальной идентичности и многое другое.

Необходимость проведения кардинальных преобразований во второй половине XIX века в Корее была обусловлена, во-первых,

международной обстановкой, сложившейся в Азии в этот период, а во-вторых, прогрессирующим отставанием государства Чосон от стран Запада. Модернизация всех сфер общественной жизни страны была объективно необходима. Целью реформ было превращение страны в сильное, процветающее, а главное суверенное государство, с которым должны были считаться ведущие мировые державы.

После того как в 1873 г. Кочжон стал полноправным правителем Кореи, он вместе со своей женой королевой Мин принял решение завершить «политику закрытия страны», проводившуюся с начала XIX века. Уже в 1876 г. был подписан первый торговый договор, который и «открыл» Корею. Канхваский договор с Японией стал документом, признавшим Чосон суверенным, независимым от Китая государством. 1880-е годы были для Кореи десятилетием установления дипломатических и торговых отношений с ведущими мировыми державами: США, Англия и Германия (1882 г.), Италия и Российская империя (1883 г.), Франция (1886 г.) и др.

В первые же годы после «открытия» страны корейское общество столкнулось с технологическими достижениями западной цивилизации, что оказалось для Кореи серьезным испытанием. С одной стороны, технологическое преимущество Запада было слишком очевидно, в связи с этим отчетливо ощущалась отсталость страны, с другой — новые реалии и их ценности, привезенные из-за границы, были совершенно чужды традиционному корейскому обществу, что сильно затрудняло их принятие. Наиболее очевидным стало одно — острая необходимость в создании условий для преобразования Кореи в новое современное государство, готовое к возможному столкновению с более сильными и развитыми странами.

Сформировавшаяся к середине 1880-х — началу 1890-х годов прогрессивная корейская элита попыталась провести свои реформы и модернизировать Корею. В 1882 г. была создана «Партия реформ» (*Кэхвадан*), члены которой в дальнейшем возглавили целое реформаторское движение *кэхва ундон.* Благодаря их усилиям в 1883—1884 гг. в Корее была организована современная почтовая служба, созданы управления финансов и печати. Также была попытка выпускать первую корейскую газету «*Хансон сунбо*» и использовать в ее

текстах корейский алфавит, но эта идея, к сожалению, потерпела неудачу. В целом любые предложения нововведений со стороны представителей движения *кэхва ундон* встречали мощное сопротивление «консерваторов» — консервативных чиновников, что в дальнейшем привело молодых реформаторов к идее совершения государственного переворота (переворот года *капсин,* 1884 г.), также потерпевшего поражение.

После окончания Японо-китайской войны 1894—1895 гг. и подписания Симоносекского договора, согласно которому Китай отказывался от многовековых сюзеренно-вассальных отношений с Кореей, Япония фактически стала «хозяином» в корейском правительстве и начала активно продвигать свои идеи модернизационных реформ. Процесс реформ, также известный как реформы годов *кабо* и *ыльми* (1894—1895), был, с одной стороны, значительным шагом на пути к модернизации Кореи, а с другой — проводился прояпонским правительством и в первую очередь в интересах Японии. Реформы года *кабо* были призваны ограничить королевскую власть через создание системы кабинета министров, провести реформирование экономики и социальной сферы по японскому образцу.

Главным препятствием для японцев в правящих кругах Кореи была королева Мин и преданные ей люди. Для устранения ее влияния на короля Кочжона 8 октября 1895 г. она была убита в своих палатах в королевском дворце *Кёнбоккун* японскими солдатами. Это событие послужило одной из главных причин переезда Кочжона в российскую дипломатическую миссию. Как и предполагалось, такой смелый шаг короля полностью изменил политическую ситуацию в стране. Уже находясь в российской миссии, король объявил изменниками лидеров прояпонского правительства и реорганизовал весь кабинет министров. Таким образом, еще одна попытка модернизировать страну, не считаясь с ее традиционными, в первую очередь конфуцианскими, ценностями снова провалилась [Курбанов, 2018].

Конечно, Кочжон понимал, что Корею было необходимо модернизировать. Также он понимал, что реформы должны были проводиться исключительно исходя из национальных интересов страны и быть направлены на ее усиление и укрепление независимости.

Существует предположение, что идея провозглашения независимой Кореи зародилась у Кочжона во время его нахождения в русской дипломатической миссии. По некоторым сведениям, впервые концепция создания Корейской империи была предложена ему чиновником Хон Чжону, который в течение трех лет учился в Париже и был хорошо знаком с европейской политической культурой того времени.

Провозглашение Корейской империи и начало реформ

В начале 1897 г. Кочжон покинул дипломатическую миссию Российской империи и переехал во дворец *Кёнъунгун* (современный дворец *Токсугун*), который располагался рядом со всеми иностранными представительствами в Сеуле. Кочжон сделал дворец *Кёнъунгун* своей главной резиденцией и начал «глобальную перестройку». Здесь впервые за всю историю страны он намеревался провозгласить страну империей, а себя — императором, тем самым обеспечить Корее независимый статус наравне с соседними государствами.

Церемония коронации и официальное провозглашение Корейской империи начались в предрассветные часы 12 октября 1897 г. и проходили строго в традициях церемоний поклонения духам предков. Провозгласив Корею империей, Кочжон в первую очередь изменил старое название страны Чосон, существовавшее с момента начала правления династии Ли, на новое «Великая империя Хан» (대한제국, *Тэхан чегук*), где «*хан*» связано с названием трех корейских протогосударственных образований, существовавших к югу от р. Ханган ориентировочно в III—II веках до н. э. Они считаются самыми древними корейскими «государствами» и напрямую не связаны с китайской культурой, в отличие от Древнего Чосона. Таким образом, упоминание трех древнейших «государств» Корейского полуострова должно было указывать на древнюю историю страны и, что самое главное, на ее самостоятельность [Курбанов, 2018].

Для создания и поддержания легитимного статуса Корейской империи был разработан широкий спектр визуальных символов, среди которых — национальный флаг государства, который, например, активно использовался в коронационной процессии. Считается, что

национальный флаг Кореи был создан еще в 1880-х годах — после вынужденного открытия страны и начала активных контактов с другими странами, но именно в период Корейской империи сам флаг и его центральный элемент, круг Великого предела, стали появляться повсеместно как национальный символ страны в газетах и журналах, на правительственных зданиях и документах, марках и даже трамваях [Hwang, 2015: 103—104].

Одновременно с этим дипломатический протокол Корейской империи был изменен, основываясь на традиции дипломатии стран Запада. В 1898 г. был опубликован первый «Свод правил благопристойного поведения Корейской империи», а в 1902 г. в честь 40-летнего юбилея правления императора Кочжона вышел в свет «Свод правил обрядов и церемоний Корейской империи» (*Есик чанчжон*), разработанный специально сформированным новым Департаментом дипломатического протокола при правительстве Кочжона — *Есигвон,* в состав которого входили корейские представители, вернувшиеся из дипломатических миссий. В Своде правил обрядов и церемоний подробно описывался новый дипломатический протокол Корейской империи, основанный на международных стандартах и при этом адаптированный к корейским традициям. Например, на время аудиенции с императором гостей просили надевать придворный мундир или костюм европейского образца. После встречи все приглашались к официальному обеду или ужину, в зависимости от времени, на котором подавались блюда корейской и европейской кухни, вино и кофе [Ким, 2011].

Реформы кванму

В первые годы после провозглашения Корейской империи император Кочжон принял новый девиз правления — «*кванму*» (광무), что на русский язык можно перевести как «светлый и воинственный». Такой девиз должен был поддерживать идею о том, что будущая Корея станет сильным в военном отношении и просвещенным государством. В современной южнокорейской и западной историографии термином «*кванму*» также принято называть и реформы, проводившиеся императором Кочжоном и его правительством в период с 1897 по 1905 г. [Курбанов, 2018: 361].

Ключевой идеей реформ *кванму* стала концепция *кубон-синчхам* (구본신참) — «основываясь на старом, привлекать новое». Согласно этой концепции, корейское общество было необходимо изменять, сохраняя традиционные (по сути, конфуцианские) жизненные ценности, принимая во внимание новые идеи и достижения западной цивилизации. Таким образом, модернизационные реформы периода Корейской империи должны были объединить европейскую модель организации политической и общественной жизни с существующей традиционной корейской системой — до тех пор, пока она не станет подрывать основные принципы конфуцианства [Kim, 2006: 9].

Модернизация страны проводилась под непосредственным контролем корейского правительства и императора и затронула ключевые сферы жизни корейского общества: реформы государственного и административного устройства, экономики и финансов, армии и полиции, образования и системы здравоохранения и т. д. Также начался активный процесс трансформации городского пространства столицы Кореи — Хансона (совр. Сеул): появились телеграф и электричество, создана новая система городских дорог, запущены первые трамвайные линии и др. Целью реформ *кванму* было превращение страны в сильное, процветающее, а главное суверенное государство, с которым должны были считаться ведущие мировые державы.

Корейская политическая элита конца XIX века понимала, что страна сможет выжить в изменившихся международных условиях, лишь адаптировавшись к западным бюрократическим формам. Правительственный аппарат Кореи перестраивался в основном по японской модели. При этом Кочжону и его приближенным представлялось необходимым оформить власть в стране таким образом, чтобы монарх обладал всей полнотой власти и при возможности мог подавить любые попытки возмущения или протеста со стороны как консервативных, так и прояпонски настроенных чиновников.

17 августа 1899 г. был опубликован «Основной закон Корейской империи» (*Тэхангук кукче*), провозглашавший абсолютную власть корейского императора «вечной и неизменной формой правления» и дававший императору «священные и неограниченные полномочия». Основной текст документа выглядел следующим образом:

«Строй государства Великая Корея»

1. Корея является признанным всеми странами мира независимым государством.

2. Политический режим Корейской империи — абсолютная монархия.

3. Абсолютная власть Корейской империи принадлежит только императору.

4. Народ Корейской империи не имеет права посягать на власть императора.

5. Император Корейской империи является главнокомандующим сухопутными и военно-морскими силами Корейской империи, формирует армию и объявляет военное положение.

6. Император принимает и приводит в исполнение законы, назначает послов и чрезвычайных представителей, может изменять наказания и восстанавливать в правах.

7. Император устанавливает контроль за деятельностью каждого департамента своего правительства, а также принимает законы, необходимые для его работы.

8. Император может назначать, переназначать и увольнять гражданских и военных чиновников.

9. Император назначает послов в каждую страну, объявляет мир и войну, а также заключает договоры [Истинные записи (правления) династии Чосон, 1899 г.].

Учитывая не только международную обстановку, в которой находилась Корея, но и существовавший внутриполитический конфликт в стране, было принципиально важно принять правовой документ, в котором на законодательном уровне закреплялось право на абсолютную власть именно за императором Кочжоном и обозначалась независимость корейского государства.

Социокультурная модернизация Кореи в конце XIX — начале XX века

В сфере социокультурной модернизации важно выделить три основных направления реформ: изменение городского пространства столицы империи — Хансона, реформирование сферы здравоохранения и сферы образования.

Трансформация городского пространства Хансона, начавшаяся практически сразу после «открытия Кореи» в 1876 г., имеет особое значение не только для истории самого города, но и для всей страны в целом. Именно изменения в городском планировании столицы, проходившие в конце XIX века, больше других подтверждают факт реализации модернизационных реформ на Корейском полуострове.

С конца 1990-х годов среди южнокорейских исследователей популярна идея о том, что Кочжон лично принимал участие в разработке проектов по благоустройству Хансона, еще находясь в Российской дипломатической миссии [Ли, 1994; Ким, 1990; Син, 2010]. Известно, что в 1896 г. Кочжон поручил постоянному советнику Министерства финансов и главе налогового управления англичанину Джону МакЛеви Брауну разработать план реорганизации государственного бюджета с целью выделения денег, необходимых для преобразований в будущей императорской столице. Кочжон предполагал возможное сопротивление со стороны консервативных чиновников и поэтому поручил выполнение этой задачи именно МакЛеви Брауну, который не только имел репутацию профессионала, но и пользовался большим доверием короля. Ответственным за реорганизацию столичного пространства был назначен мэр Хансона, приближенный короля Ли Чхэён, который долгое время проработал дипломатом в корейской миссии в Вашингтоне [Хан, 2016: 250—252].

Ключевые идеи модернизации городского пространства на рубеже XIX—XX веков можно проследить в следующем: смещение политического центра города, изменение дорожной системы, развитие транспортной системы, электрификация и строительство высоких каменных зданий.

Покинув русскую дипломатическую миссию в начале 1897 г., король Кочжон не вернулся во дворец *Кёнбоккун* и сделал своей новой официальной резиденцией дворец *Кёнъунгун*, который изначально принадлежал принцу Вольсану (1454—1488 гг.), старшему брату короля Сончжона (1469—1494 гг.). Отсюда Кочжон отправился и на церемонию провозглашения Корейской империи, здесь он провел свои последние дни.

До конца XIX века центр Хансона был сосредоточен вокруг так называемого района Юкчо-тэро (или Юкчо-кори), где находились ос-

новные государственные ведомства страны и главный королевский дворец династии Ли *Кёнбоккун* (в настоящее время район площади Кванхва-мун и улицы Сечжон-тэро). На протяжении всей истории Кореи расположение королевских дворцов рассчитывалось в соответствии с теорией корейской геомантии (*пхунсу чири*)[9], согласно которой главные ворота королевского дворца должны были выходить на юг, а сам он должен находиться у подножия гор, которые располагались к северу от дворца. Расположение же нового императорского дворца *Кёнъунгун* в центре города и в центре новой разработанной радиальной системы дорог противоречило всем возможным принципам геомантии [Ю, 2015]. После провозглашения империи в 1897 г. дворец *Кёнъунгун* стал не только главным императорским дворцом, но и «ядром» Хансона, вокруг которого создавалась новая модернизированная столица Кореи. Кроме того, район Чондон — небольшая территория между дворцом *Кёнъунгун* и западной границей городских стен — превратился в новый политический центр Кореи.

Чондон в современной историографии по периоду часто также называют *вегё тхаун* (외교타운), то есть «Посольский город». И действительно, Чондон стал местом, где располагались дипломатические миссии всех западных держав, после того как Корея установила дипломатические отношения с ними в 1880-х годах [Пак, 2012]. Уже в 1882 г. иностранцам было разрешено проживать внутри городских стен Хансона, где они незамедлительно начали вести активную экономическую, политическую и просветительскую деятельность. К концу 1880-х годов в самом центре города стали открываться миссионерские больницы, небольшие магазины, кафе и гостиницы «для своих». Что, в свою очередь, превратило Чондон не только в центр западной жизни, но и в центр новой политики корейского государства.

Столица государства Чосон Хансон постепенно становилась местом, где тесно смешались традиции Восточной Азии и Запада. Хансон развивался как город «смешанного типа», и в этом была одна из его основных проблем: по факту он существовал без четких границ проживания между иностранцами и корейцами, что превраща-

[9] Пхунсу чири — «география ветров и вод», корейская национальная форма фэншуя, теория, объясняющая связь природного ландшафта со счастьем и/или несчастьем в деятельности человека на выбранной территории.

ло все пространство внутри городских стен в территорию борьбы, заговоров и конкуренции [Хан, 2016].

К концу XIX века численность иностранного населения Сеула составляла более 3000 человек. Поначалу иностранцы выкупали дома у корейцев и жили в небольших традиционных домах, но вскоре они начали строить каменные здания в западном стиле, что, конечно, отразилось на внешнем облике города. Из воспоминаний американского путешественника Б. Холмса: «…хозяйка одного из американских домов инженера Сеульской Электрической компании, переехав в [свой] дом, первым делом сделала у себя во дворе небольшой уголок наподобие тех, что можно наблюдать в настоящих калифорнийских домах» [Holmes, 1917: 56].

Основными элементами «новой архитектуры» стали христианские храмы, которые буквально за несколько лет полностью изменили ландшафт столицы. Первый католический храм в Хансоне — построенный в 1898 г. собор *Чонхён* (современный собор *Мёндон*). Возведенный на вершине холма, он долгое время был самым высоким зданием в западном стиле в Корейской империи. В том же году непосредственно в районе Чондон был построен первый собор протестантской Методистской церкви *Чондон чеиль кёхве*. В его строительстве принимал участие корейский архитектор Сим Ыйсок, которому также присваивают такие проекты, как здание школы *Пэчжэ* и школы *Ихва*, первый современный театр Корейской империи *Хёмнюльса.* По некоторым данным, он даже был одним из архитекторов нового каменного дворца корейского императора [У, 1996].

Новый императорский дворец *Сокчочжон* был главным архитектурным проектом Кочжона на рубеже XIX—XX веков. К сожалению, первому корейскому императору так и не удалось в нем пожить. Это самое крупное каменное строение, возведенное в период Корейской империи. Изначально планировалось, что *Сокчочжон* станет главной резиденцией императора вместо традиционных дворцов, которыми раньше пользовались короли династии Ли. Но строительство завершилась лишь в 1910 г., поэтому по назначению его уже никто не использовал. Дворец выполнен в строгом и лаконичном стиле неоклассицизма. Строительство началось в 1900 г., главными архитекторами были британцы Дж. Хардинг и Х. Дэвидсон. В отличие

от прежних традиционных дворцовых комплексов, где все жилое и хозяйственное пространство было отделено от помещений для государственных дел, *Сокчочжон* объединил в себе все функции «здания для современного императора». Три этажа нового императорского здания распределялись следующим образом: подземный этаж был полностью отведен под складские помещения и кухни; все комнаты первого этажа, а именно главный холл, зал ожиданий и большой зал, использовались только для приемов и официальных встреч императора; второй этаж был устроен как личное жилое пространство императорской семьи [Юн, 2010: 7].

Для декорирования помещений, по примеру западных держав, активно использовалась новая национальная символика. Стены, потолок и мебель в комнате были декорированы одним из главных символом Корейской империи — цветком сливы. Этот символ корейской императорской семьи также считался одним из самых распространенных в стране наряду с корейским национальным флагом *тхэгыкки*. Изображения цветка сливы или Великого предела *тхэгык* появились практически везде: на придворных костюмах, военной форме, медалях, официальных документах, монетах, почтовых марках и даже на столовых приборах в императорском дворце. Тем самым мировой общественности демонстрировались идеи независимого корейского государства [Мок, 2010].

В дорожной системе основными нововведениями стали проекты по расширению центральных улиц и созданию радиальной системы городских дорог. В 1896 г. Министерством внутренних дел государства Чосон был обнародован Приказ № 9, согласно которому все дома, располагавшиеся на главных дорогах, должны были быть снесены. Главная цель состояла в том, чтобы расширить дороги от их первоначальной ширины в 50 *чхок* до 70—80 чхок (~21—24 метра) [Истинные записи (правления) династии Чосон, 1896]. К концу года все дорожные работы были завершены, и тогда же правительство утвердило бюджет для дальнейшего расширения дорог в городе [Yi, 2007: 250]. Вторым проектом уличного планирования стала схема радиальных, или лучевых, улиц. В результате такой планировки главные дороги столицы теперь начинались у дворца *Кёнъунгун* и далее «радиусами/лучами» расходились по нескольким направлениям, со-

здавая У-образные соединения. Таким образом формировалась основная кольцевая дорога, соединяющая радиальные дороги с дорогами, выходящими за пределы городских стен [Ким, 1990: 50].

Работа над созданием сети электроснабжения, водопроводной системы и трамвайной системы началась в 1898 г. В первой половине 1898 г. после подписания контракта с американской компанией «Коллбарн — Бествик Девелопмент Компани» (Collbran-Bostwick Development Company) было создано совместное американо-корейское предприятие «Хансон Электрик Компани» (Hansong Electric Company). Компания должна была заниматься прокладкой в Хансоне, а после и в других крупных городах Кореи, линий электропередач, водопроводных труб и телефонных линий. К 1903 г. корейцы использовали более 3000 ламп по всей стране. 4 мая 1899 г. в Хансоне были открыты первые трамвайные линии, проложенные от ворот Тондэмун до ворот Хынхвамун. В первые годы XX века трамвайные пути были выведены уже за пределы городских стен для обеспечения прямого сообщения между «старым Хансоном» и бывшими тогда еще небольшими поселениями на р. Ханган «новым» Ёнсаном и Мапхо [Min, 2006: 267—293].

Модернизация системы здравоохранения

В рамках процесса модернизации сферы здравоохранения многие элементы «старой» системы исчезли, а другие либо изменились по своей форме, либо были созданы с нуля. Самым главным достижением реформ стало изменение самого значения, придаваемого здравоохранению корейским обществом.

В период государства Чосон сфера медицины была достаточно хорошо организованным институтом с собственной административной системой, системой контроля и учета, где центральным ведомством выступал орган *Чоныйгам*. Медицинские услуги для королевской семьи предоставлялись специально созданным для этого органом *Нэыйвон*, который традиционно располагался на территории королевского дворца. Также существовали пункты бесплатной медицинской помощи *Хваринсо* или *Хеминсо*, которые оказывали первую медицинскую помощь малоимущим слоям населения [Hong, 1989: 49].

Врачи в Корее относились к сословию *чунъин (*«средние люди»*)*, при этом уровень их жизни был выше, чем у большинства предста-

вителей других профессий этого класса. Обучение будущих врачей проходило в государственных медицинских школах, где они получали более или менее современные знания, но единого стандарта медицинского образования в Корее не существовало вплоть до конца XIX века. После завершения обучения врачи начинали вести врачебную практику в различных регионах страны, куда они назначались из административного органа *Чоныйгам*. Основным источником доходов врачей, получивших соответствующее образование, было проведение диагностики или лечения больных людей, но услугами профессиональных корейских врачей в то время могли воспользоваться только представители высшего сословия *янбан*. Представители же низшего сословия, тем более те, кто проживал вдали от столицы, в основном пользовались народной медициной или обращались к шаманам, которые изготавливали лекарственные средства из трав [Kim, 2006: 303].

Стоит отметить, что и профессиональные врачи, и сельские лекари с шаманами применяли знания именно восточной медицины, которую в Корее также называют «китайской» или «традиционной корейской». В ее основе лежат многовековые традиции стран Восточной Азии, в первую очередь — Китая. Для восточной медицины свойственно использование натуральных лекарственных средств, комплексный, неинвазивный подход к лечению заболеваний.

О западной медицине в Корее периода Чосон знали очень мало. Согласно южнокорейским ученым, первое знакомство корейцев с европейской медициной произошло в конце XVIII века. Тем не менее реальное использование западных медицинских знаний в Корее началось только в конце XIX века, причем на начальном этапе особую роль в этом сыграли христианские миссионеры [Yi, 2007; Kim, 2006; Han, 1997].

Американский миссионер Г. Аллен, член первой медицинской миссии в Корее, в 1880-х годах был назначен личным врачом короля Кочжона, он же стал главным врачом первой многопрофильной больницы *Кванхивон* («Больница Великой Благодати»), больше известной по своему второму названию *Чечжунвон* («Дом всеобщей помощи»), полученному в апреле 1885 г. Финансирование больницы в размере 300 долл. США в год предоставлялось корейским пра-

вительством и продолжалось вплоть до 1904 г. Также финансирование поступало из частных американских фондов, за счет которых осуществлялось ежегодное техническое оснащение больницы и выплачивалась заработная плата врачам-миссионерам [Yeo, 2015].

Первое здание больницы *Чечжунвон* было размером примерно в 43 кв. м и могло вмещать до 40 пациентов. Административные функции в нем выполняли назначенные правительством корейские чиновники, врачами же были пресвитерианские миссионеры [Юн, 2010: 146—151]. Уже в первые месяцы после открытия в больницу начали ежедневно приходить по несколько десятков корейцев, нуждавшихся в лечении. Важно отметить, что в *Чечжунвон* принимали всех: и простолюдин, и представителей высшего сословия, и даже дальние родственники королевской семьи посещали «западных врачей». Бедных в этой больнице лечили бесплатно. Такое разнообразие посетителей и популярность больницы среди корейцев обнадеживали американских миссионеров, которые считали, что в конце концов больница станет не только местом «физического исцеления» корейцев, но и центром распространения христианства в Корее [Yeo, 2015].

Сразу после открытия больницы *Чечжунвон* корейское правительство издало указ, который распространялся через местные органы власти. В нем говорилось, что государство проявляет заботу о своих подданных и желает облегчить их страдания от болезней, которые невозможно вылечить с помощью традиционной медицины. Действительно, во второй половине XIX века уже было очевидно, что корейские доктора не имеют достаточного опыта в лечении многих заболеваний, это приводило к частым вспышкам эпидемий. Самым популярным направлением была хирургия. На плакатах больницы отмечалось, что американские врачи обладают большим мастерством в этой сфере и благодаря ей люди могут быть излечены чудесным образом всего лишь за одно посещение.

В первые годы XX века услуги, предоставляемые в больнице *Чечжунвон*, уже перестали быть бесплатными, но воодушевленные результатами западной медицины корейские пациенты на протяжении долгого времени отказывались платить за лечение. При этом лекарства были достаточно дешевыми даже по сравнению с лекарствами

традиционной медицины. Как отмечал в своих воспоминаниях доктор Г. Аллен, некоторые лекарства, такие как хинин, были исключены из списка бесплатных, но тем не менее корейцы просто игнорировали этот факт. В 1901 г. общие расходы больницы на лекарства и лечение составили «2478,06 долларов США, из которых лишь 330,22 доллара приходилось на пациентов. Получается, что около 87 % пациентов получили бесплатное лечение» [Park, 2015: 49].

При больнице *Чечжунвон* также были открыты первые курсы западной медицины. Обучение проводили практикующие врачи-миссионеры Дж. В. Херон, О. Р. Ависон и др. На курсах преподавались не только предметы по медицине, но и некоторые аспекты богословия. В расписании занятия по анатомии и биологии соседствовали с уроками по чтению Библии и Евангелия, также было выделено время для молитв и проповеди. Для стационарных и амбулаторных пациентов проводились открытые уроки Библии. Как и планировалось, христианские миссионеры пытались спасти не только тела корейцев, но и их души [Kim, 2006].

Помимо предоставления медицинских услуг с помощью врачей-миссионеров было необходимо формировать и собственный медицинские кадры. Так, в период Корейской империи началось полноценное обучение западной медицине для корейцев. В 1899 г. ученый, врач традиционной корейской медицины Чи Согён подал ходатайство правительству Корейской империи об открытии специализированного медицинского учебного заведения. Ходатайство было одобрено министром образования и просвещения, и при финансовой поддержке правительства в том же году была открыта первая Корейская государственная медицинская школа *Ыйхаккё* (медицинская школа). Для преподавания в школе правительству приходилось привлекать иностранных специалистов. Учебная программа включала в себя следующие дисциплины: зоологию, ботанику, химию, анатомию, физиологию, фармакологию, терапию, хирургию, акушерство и гинекологию, офтальмологию, гигиену, судебную медицину и гимнастику. Уже в июле 1902 г. из государственной медицинской школы выпустились первые девятнадцать человек. В этом же году для практических занятий студентов, а также в качестве места, где выпускники первой медицинской школы могли начать свою медицин-

скую практику, была открыта академическая больница *Нэбу пёнвон* (внутренняя больница) [Han, 1997].

Таким образом, медицинское образование в Корее на рубеже XIX—XX веков осуществлялось в двух учреждениях: государственной медицинской школе *Ыйхаккё* и христианской/миссионерской медицинской школе при больнице *Чечжунвон*.

Реформы здравоохранения в период Корейской империи также затронули сферу административных и государственных институтов. Еще в 1880-е годы лидер движения за реформы и один из инициаторов переворота года *капсин* Ким Оккюн, вернувшись после ознакомительной поездки в Японию, считал западную медицину важным политическим инструментом повышения уровня жизни в стране. По его мнению, именно реформирование сферы медицины могло бы стать первым важным шагом на пути модернизации Кореи [Kim, 2006].

В период реформ годов *кабо* и *ыльми* (1894—1895) правительство Кореи начало проводить обучение по вакцинации среди населения и финансировать производство вакцин в небольших масштабах. В ноябре 1895 г. для этого была открыта подготовительная школа по вакцинации от оспы [Истинные записи (правления) династии Чосон, 1895].

Согласно реорганизации королевского правительства, проведенной в 1894 г., в подчинении палаты *Ыйчжонбу* (Палаты обсуждения политики) была создана структура *Висэнгук* (Бюро гигиены), в ведении которой находились дела по профилактике инфекционных заболеваний и основные вопросы, относившиеся к медицине, лечению и пр. [Истинные записи (правления) династии Чосон, 1894]. Также Бюро гигиены выполняло контроль за поставками и распределением вакцин по больницам. В 1897 г. при Бюро гигиены был открыт учебно-методический центр инфекционного контроля, где начали проводить обучение вакцинации и первые в истории Кореи плановые вакцинации от оспы. В 1899 г. подобные центры стали строиться и в провинциях. По инициативе правительства Корейской империи для оказания помощи и обеспечения соблюдения санитарных норм в общественных местах была создана так называемая санитарная полиция [Shin, 2009].

В целом можно сказать, что основным направлением программы современной профилактики эпидемий было развитие гигиенической культуры в корейском обществе. На государственном уровне были установлены правила, запрещавшие спать и испражняться на улицах, пить некипяченую воду, были созданы специальные карантинные зоны, куда помещались корейцы, контактировавшие с больными холерой или оспой. Пропаганда гигиены осуществлялась через прессу, уличные плакаты и листовки. Основная идея заключалась в следующем: публичная дефекация и безответственное отношение к своему и общественному здоровью является знаком варварского и антипатриотичного поведения. Это, в свою очередь, препятствует достижению всеобщей национальной цели создания сильного и процветающего корейского государства. В рамках проводимой политики были открыты первые общественные туалеты, организованы отряды по сбору мусора из домов, проводились очистка водных путей и инспекция мест общественного питания. Финансовую поддержку программы предоставляло корейское правительство [ibid.].

На рубеже XIX—XX веков правительство Кореи выступало главным инициатором проектов в области общественного здравоохранения и медицины. Обеспечение благосостояния населения страны теперь стало национальной идеей, оно реализовывалось благодаря государственному финансированию и контролировалось непосредственно корейским правительством. А в период Корейской империи модернизация системы здравоохранения была мощным административным инструментом для создания сильной и современной нации.

Реформы сферы образования

Одним из наиболее важных направлений процесса модернизации Кореи в конце XIX века стало реформирование системы образования. В первую очередь это связано с реформами года *кабо*, согласно которым отменялась система государственных экзаменов на знание конфуцианской классики, а представители высшего сословия *янбан* уравнивались в правах с простым народом. Отмена сословных ограничений при назначении на государственные посты должна была дать лицам, ранее не принадлежавшим к корейской

элите, де-юре возможность занимать чиновничьи позиции. Что привело к краткосрочному «образовательному буму» в стране.

На протяжении всего своего правления Кочжон полагал, что образование является основой сохранения суверенитета страны и что лишь просвещенные и цивилизованные граждане могут привести страну к процветанию. В декабре 1894 г. он лично обратился к своему народу с такими словами: «усиление независимости нашего государства возможно с помощью вашей [государственные чиновники и народ] преданности королю и [в том случае] если мы не будем сидеть сложа руки, а будем стремиться к изучению литературы и восприятию технологий из других стран» [Истинные записи (правления) династии Чосон, 1894].

Модернизационные реформы в сфере образования на рубеже XIX—XX веков в Корее проходили в рамках так называемого движения за современное образование (*кындэ кёюк ундон*). Традиционная система образования в стране основывалась на заучивании конфуцианской классики, а необходимость применения практических и современных технических знаний вовсе отрицалась. После поражения Китая в японо-китайской войне 1894—1895 гг., когда авторитет Поднебесной в Корее стал быстро снижаться, корейские чиновники и образованная элита начали приходить к мнению, что, возможно, система образования, основанная на западных идеалах, сможет дать Корее шанс на выживание [Yuh, 2006].

Ключевая идея «движения за современное образование» заключалась в переосмыслении содержания образовательной программы: постепенный уход от системы механического заучивания и ориентация на знания, которые можно было бы применять в реальной жизни. Теперь в программу наряду с такими предметами, как корейский и классический китайский языки, начали включать арифметику, изучение внутренней политики корейского государства, историю Кореи, мировую историю и историю международных отношений. Таким образом, программа была направлена на подготовку правительственных чиновников «нового образца», которые должны были в дальнейшем отвечать за внутренние дела и международные отношения Кореи, а также представлять страну как сильное и независимое государство на мировой арене [ibid.].

Новые учебные материалы основной программы, которые начали использовать в школах в этот период, выпускались по следующим предметам: язык (корейский и иностранный), конфуцианская этика, исторические тексты, математика и география. Также началось активное внедрение новых практических знаний по медицине, сельскому хозяйству и пр. Для частных школ учебники часто создавались отдельно и писались учителями этих школ. Такие учебники были узкоспециализированными (например, учебники по экономике, международным отношениям и т. п.) и часто выражали субъективную точку зрения автора учебника по теме. В период Корейской империи для обеспечения однородности учебной программы была проведена систематизация учебников, которые использовались в государственных школах. Большая их часть публиковалась за счет средств государственного бюджета и под непосредственным контролем правительства. Хотелось бы отметить интересную деталь: в учебниках по истории Китай больше не был «центром вселенной» и не имел статуса «большого брата» для Кореи, а упоминание о вассальных отношениях с Китаем полностью отсутствовали. Государство Чосон теперь именовалась как государство Великий Чосон, а Китай даже изображался как слабое, отсталое и непросвещенное государство [Исследование истории Корейской империи, 1999].

В новых учебниках большое внимание уделялось биографиям американских президентов, например, таких как Д. А. Гарфилд и Дж. Вашингтон. В некоторых учебниках по истории им были посвящены целые главы, в которых рассказывалось об их жизненном пути, о трудностях, с которыми они столкнулись, прежде чем стать президентами. Здесь, конечно, сказывается особая роль американских миссионеров, которые были активно задействованы в формировании новой системы корейского образования. Так, первой школой нового образца в Корее стал школа *Пэчжэ* (배재학당), открытая в 1885 г. американским миссионером Г. Аппенцелером. В ней уже тогда преподавались английский язык, гуманитарные науки, естествознание и, конечно, проводились уроки по изучению Библии [Пак, 2012].

В целом в конце XIX века началось активное строительство начальных и средних школ по всей стране. Важно, что процесс реформирования и модернизации системы образования в Корее не огра-

ничивался только столицей. Государственные начальные школы открывались в каждой провинции, и к 1905 г. было открыто около 50 школ в сельской местности. Также известно, что к концу того же года число частных школ, открытых при финансовой поддержке высокопоставленных чиновников, достигло 150 по всей Корее. В Сеуле открывались в основном специализированные школы: медицинские, коммерческие, промышленные и сельскохозяйственные, школы иностранных языков и пр. [Yuh, 2006].

Социально-экономические изменения, происходившие в стране, повлекли за собой более широкие культурные преобразования, повлиявшие в том числе на постепенное изменение взглядов на роль женщин в обществе. Борьбу за права и свободы корейских женщин в период Корейской империи вели как представители просвещенной корейской интеллигенции (например, представители Общества независимости), так и американские протестантские миссионеры, которые первыми начали массово обучать женщин корейскому, китайскому и английскому языкам.

В 1898 г. в главной школе Кореи для девушек *Ихва* (이화학당) по просьбе самих учениц было возобновлено преподавание китайского языка. Сам факт того, что девушки взяли инициативу в свои руки, стал событием, которое в дальнейшем многие представители корейского феминистского движения назовут моментом «пробуждения нового духа корейских женщин» [Choi, 2000].

На рубеже XIX—XX вв. процесс реформирования системы образования в большей степени сводился к тому, чтобы найти компромисс между традиционным конфуцианским образованием и новым западным. Это демонстрирует попытку корейского правительства следовать выбранному пути *кубон-синчхам*. Но во все еще консервативном корейском обществе оставались сильны предрассудки, представлявшие Запад «варварским», что в первую очередь проявлялось в особой осторожности и тщательности, с которыми корейцы подходили к интеграции западной системы образования. В целом образовательная программа, принятая корейским правительством в этот период, оперировала таким ключевыми понятиями, как «преданность» и «патриотизм», и стала базой государственной пропаганды строительства сильного, независимого государства.

Заключение

Сложно не согласиться с тем, что реформы, проходившие в конце XIX — начале XX века, являются наиболее успешной попыткой самостоятельной модернизации на Корейском полуострове, начиная с открытия страны в 1876 г. Реформы были не просто инициированы корейским правительством, а проводились под непосредственным его контролем.

Одним из ключевых элементов процесса модернизации Кореи стала концепция *кубон-синчхам* — «основываясь на старом, привлекать новое». Кочжон, сохраняя доминирующие позиции конфуцианства, обеспечил себе поддержку не только среди влиятельных представителей высшего сословия *янбан*, но и других представителей корейского общества, которые оказывали значительную материальную поддержку модернизационному процессу.

К сожалению, реформирование государства и процесс модернизации проходили настолько медленно, что с наступлением XX века народ Кореи все еще не был готов встретиться с новой реальностью. Чиновников, поддерживавших идеи Кочжона, было значительно меньше, чем его противников, а влияние Японии в Корее усиливалось с каждым днем. Тем не менее провозглашение Кореи империей в 1897 г. и абсолютная власть, сосредоточенная в руках императора, в том числе и финансовая, обеспечивали стране независимость в принятии решений и способствовали тому, что самостоятельная модернизация страны стала возможной.

Список литературы

Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018.

Choi Hyaeweol. (2000) Women's Literacy and New Womanhood in Late Choson Korea. *Asian Journal of Women's Studies*. Vol. 6. No. 1. P. 88—115.

Han Gil Soo. (1997) The Rise of Western Medicine and Revival of Traditional Medicine in Korea: A Brief History. *Korean Studies*. No. 21. P. 96—121.

Holmes B. (1917) Travelogues: Seoul, the Capital of Korea. Japan — the Country. Japan — the Cities. Chicago Travelogue Bureau.

Hong Seung-Pyo. (1989) Traditional Korean Medicine in the Modernization Process: Institutional and Attitudinal Changes. Doctoral Dissertation. Iowa State University.

Hwang Kyung Moon. (2015) Rationalizing Korea: The Rise of the Modern State, 1894—1945. Berkley: University of California Press.

Kim Dong-no, Duncan John B., Kim Do-hyung. (2006) Reforms and Modernity in the Taehan Empire. Yonsei Korean Studies Series No. 2. Seoul: Jimoondang.

Kim Sonja. (2006) The search for health: translating *Wisaeng* and medicine during the Taehan Empire. In: Kim Dong-no, Duncan John B. *Reforms and Modernity in the Taehan Empire*. Yonsei Korean Studies Series. No. 2. Seoul: Jimoondang. P. 299—341.

Min Suh Son. (2006) Enlightenment and Electrification: The Introduction of Electric Light, Telegraph and Streetcars in Late Nineteenth Century Korea. In: Kim Dong-no, Duncan John B. *Reforms and Modernity in the Taehan Empire*. Yonsei Korean Studies Series No. 2. Seoul: Jimoondang. P. 267—298.

Park Yunjae. (2015) Commercialization of Medicine in the Late 19th and Early 20th Century in Korea. *Korea Journal*. Vol. 55. No. 2. P. 39—59.

Shin Dongwon. (2009) Hygiene, Medicine, and Modernity in Korea, 1876—1910. *East Asian Science*. *Technology and Society*. Vol. 3. No. 1. P. 5—26.

Yeo In-Sok. (2015) Severance Hospital: Bringing Modern Medicine to Korea. *Yonsei Med Journal*. Vol. 56. No. 3. P. 593—597.

Yi Tae-jin. (2007) The Dynamics of Confucianism and Modernization in Korean History. East Asia Program. Ithaca, NY: Cornell University.

Yuh Leighanne. (2006) Rejection, Selection and Acceptance: Early Modern Korean Education and Identity (Re)Construction, 1895—1910. In: Kim Dong-no, Duncan John B. *Reforms and Modernity in the Taehan Empire*. Yonsei Korean Studies Series. No. 2. Seoul: Jimoondang. P. 299—341.

Истинные записи (правления) династии Чосон // Правление Кочжона, 1894. http://sillok.history.go.kr/id/kza_13106028_004. 高宗實錄 // 朝鮮王朝實錄. 1894.

Истинные записи (правления) династии Чосон // Правление Кочжона, 1894. http://sillok.history.go.kr/id/kza_13112013_002. 高宗實錄 // 朝鮮王朝實錄. 1894.

Истинные записи (правления) династии Чосон // Правление Кочжона. 1899. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_13608017_002. 高宗實錄 // 朝鮮王朝實錄. 1899.

Истинные записи (правления) династии Чосон // Правление Кочжона. 1896. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_13309029_002. 高宗實錄 // 朝鮮王朝實錄. 1896.

Истинные записи (правления) династии Чосон // Правление Кочжона. 1895. http://sillok.history.go.kr/id/kza_13211007_002. 高宗實錄 // 朝鮮王朝實錄. 1895.

Ким Квану. Тэхан чегук сидэ-ый тосикехвек. Хансонбу-ый тоси кечжо саоп (Планирование городского пространства в период Корейской империи. Урбанистический проект по преобразованию столицы Хансон // Хянтхо Сеул). 1990. № 50. С. 95—122. 김관우. 대한재국시대의 도시계획. 한성부의 도시개조사업 // 향토서울50.

Ким Мунсик. Кочжон хванчжеый вэгёгван чопкён ыйре. (Дипломатический протокол императора Кочжона в период Корейской империи // Исследования Японии). Вып. 32. 2011. С. 19—53. 김문식. 高宗 皇帝의 외교관 접견 의례 // 일본학연구, 제 32 집.

Ли Тхэчжин. Чосонсидэ Соурый тоси пальдаль танге. (Этапы развития городского пространства Сеула в период Чосон // Исследования Сеула. 1994. № 1. С. 23—47. 이태진. 조선시대 서울의 도시발달단계 // 서울학연구 제 1 호.

Мок Сухён. Тэхан чегуккиый кукка санчжин чечжонгва Кёнъунгун (Дворец Кёнъунгун и государственные символы Корейской империи // Исследования Сеула. 2010. № 40. С. 159—185. 목수현. 대한제국기의 국가 상징 제정과 경운궁.

Но Дэхван (ред.). Тэхан чегукса ёнгу (Исследование истории Корейской империи // Институт исследований культуры Кореи Университета Ихва). Сеул, 1999. 대한제국사 연구. 이화여대 한국문화연구원편.

Пак Кёнха. Тэхан чегугый тамунхва конган: Чондон (Мультикультурное пространство Корейской империи: район Чондон // Историческая наука (университета) Чунан). 2012. № 36. С. 63—98. 박경하. 대한제국의 다문화 공간: 정동 // 중앙사론.

Син Ёнха. Кэхвасасан, кэхваундонъый чисонса (История корейской модернизационной мысли и движения за реформы). Сеул, 2010. 신용하. 한국 개화사상, 개화운동의 지성사.

У Дэсон. Хангугый кындэ кончхугый кису симыйсоге кванхан ёнгу (Исследование (посвященное) основоположнику корейского архитектурного модернизма Сим Ыйсоку // Архитектурное общество Кореи). 1996. № 16. С. 159—161. 우대성, 박언곤. 한국의 근대건축의 기수 심의석에 관한 연구. 대한건축학회 16.

Хан Сынхун (ред.) Кэханги Соуре он вэгугидыль (Иностранцы, приехавшие в Сеул после «открытия Кореи»). Издательский дом истории Сеула, 2016. 개항기 서울에 온 외국인들.

Ю Чхисон, Ли Суги. Тэхан чегук Хансон тоси кэчжо саобый чэпхёнга — кындэ тосигехвегый попхёнчжок тхыксонъыль чунсимыро (Пересмотр проекта по трансформации городского пространства Хансона в период Корейской империи — сквозь призму мировых стандартов городского планирования // Журнал Национальное землеустройство). 2015. № 50/3. С. 5—22. 유치선, 이수기. 대한제국 한성도시개조사업의 재평가—근대도시계획의 보편적 특성을 중심으로 // 국토계획.

Юн Дэвон (ред.) 100 нёнчжоный киок, Тэхан чегук (Воспоминания о Корейской империи, 100 лет спустя). Сеул, 2010. 100 년전의 기억, 대한제국.

ЧАСТЬ II
МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И КНДР

ГЛАВА 4. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. Административные реформы в настоящее время проходит большинство государств мира: вертикальные коммуникации заменяются на горизонтальные, государство превращается в орган обслуживания населения. В научной литературе принято выделять семь моделей социального реформирования, среди которых доминирует New Public Management — внедрение рынка в госуправление. Республику Корея можно рассматривать как образец реформирования по такой системе. Цель главы — проследить ход административной реформы в Южной Корее, выявив ее основные направления, но главное — объяснить, почему там она прошла успешнее, чем в других странах. Основная методология — evidence-based approach, или сбор аргументов в описаниях фактов реальной жизни.

Совершенствование системы административного управления — обязательный процесс в современном мире, цель которого — построение эффективной системы государственного управления. Человек становится активным участником управленческих решений, а государство превращается в орган, обслуживающий жителей страны. Отличительные черты современных административных реформ — масштабность, научная обоснованность и публичный контроль за полученными результатами. Н. Мэннинг и Н. Парисон выделяют семь моделей социального реформирования [Мэннинг, 2003: 16]. В России реформирование воплощает модель public values [Оболонский, 2002], в которой функция обслуживания рассматривается как базовая ценность. В XX—XXI веках прошли три волны административных реформ: в 1920—1930-е гг., в 1980—1990-е гг. и современный этап. Третья волна реформ, проходящая в информационном обще-

стве, актуализирует внимание на научном сопровождении и административной этике.

Диапазон теоретических подходов к проблеме этики колеблется между двумя полюсами:

— первый — оценивание чиновников по общечеловеческим добродетелям (честность, бескорыстие и т. д.) — Канада [Оболонский, 2004].

— второй — усиление механизма контроля и обязательных форм подотчетности (accountability) — практически повсеместно.

Современные административные реформы делятся на радикальные (стратегические) и прикладные. Принято выделять три направления реформирования: функциональное (улучшение кадров), процессуальное (внедрение регламентов) и структурное (комплексное изменение системы управления). Реформы различаются по способам их проведения: 1) комиссии; 2) эксперимент; 3) частные организации. Цели реформ имеют национальную специфику, например, в Великобритании главным стало повышение качества госуслуг, во Франции — децентрализация, в Германии — вертикальная ротация чиновников и приватизация общественного сектора экономики. Лишь отдельным странам удалось довести реформы до запланированных ориентиров, и нигде не получилось создать новую (идеальную) систему администрации. Известны массовые формы скрытого саботажа реформ, имитации внедрения, двойная система оценивания полученного результата. Учитывая сложность оценивания и необходимость соблюдения политической этики, назвать конкретные страны трудно, но эти обвинения высказываются часто и небезосновательно. Сравнительный анализ этих форм и процесса реформирования [Мэннинг, 2004] в различных странах показал важность встроенности новаций в общую систему культурных и национальных ценностей.

На Западе мировой экономический кризис 1997—1998 гг. вызвал глубокий скептицизм в оценке роли централизованного государства, поэтому доминирующей моделью реформирования стал New Public Management (NPM) [Improving Democratic Accountability, 2013: 5] — внедрение рынка в госуправление. Образцом реформирования по системе NPM стала Южная Корея. Пять президен-

тов Республики Корея XXI века последовательно решали задачу внедрения рынка в госуправление и создания электронного правительства.

Придя к власти в период экономического кризиса 1997—1998 гг., Ким Дэчжун (1998—2002) создал Комитет по реформе государственного административного управления, который утвердил Программу реформ: вступительные экзамены, контрактную систему найма чиновников, обязательные отчеты, прозрачные стандарты и борьба с коррупцией в работе чиновников. Коррупция была признана важным направлением реформ, принят закон «О борьбе с коррупцией» и создан Консультативный совет по борьбе с коррупцией.

Сократилось число министров (с 21 до 17), введены децентрализация управления и наем на основе контракта, уменьшены расходы на государственную службу, выстроена ориентация бюрократии на клиента (Кодекс этичного поведения чиновников). В целях борьбы с коррупцией введены обязательная регистрация имущества, декларирование доходов государственными служащими, огласка всех случаев вымогательства; повышено внимание к сферам, где коррупция процветала: налоги, строительство, жилье, полиция. С целью распространения принципа открытости правительства был принят Закон о раскрытии государственной информации. Органы государственной власти, а затем и все организации, обязывались иметь свои сайты [Jung, 1999].

Реформа принесла определенные успехи, но меньшие, чем ожидалось. К достигнутым результатам можно отнести: рост ВВП на 10,2 %, сокращение числа членов кабинета министров и количества должностных лиц министерств (с 33 до 24). Ликвидировано 230 высоких постов, отменено 48 % и улучшено 22 % нормативных актов [Cho, 2010]. Повышению авторитета реформ способствовало создание открытой системы приема на государственную службу на основе конкурсов и отчетности по итогам работы (new governance). Спустя год после старта реформ стало ясно, что чиновники конкретизировали повестку дня в своих интересах. В результате реформа не привела к системным изменениям в стране.

Стратегия второго этапа реформ под руководством Но Мухёна — («президента от народа», как его называли в стране) (2002—2008) —

создание инфраструктуры для участия общественности в обсуждении законов «Голос народа» (служба e-People). Президент решил, что идеи NPM и new governance не подходят для Южной Кореи — они основаны на индивидуализме, в то время как корейцы склонны к коллективизму. Целью реформ провозглашалось повышение эффективности, а не масштаба реформирования. При этом число министерств выросло с 13 до 18, число правительственных департаментов — с 14 до 17, а число министерских комитетов — с 275 в 1999 г. до 480 в 2008 г. [Kim, Han, 2017]. Администрация Но Мухёна пыталась привлечь общественность к управлению, сделав каналами взаимодействия социальные медиа. В 2003 г. было создано электронное правительство, повысилась административная прозрачность, но степень участия людей оставалась низкой, а само электронное правительство работало под руководством Президентского комитета по информационной стратегии и Национального агентства по информационному обществу. Реформы второго этапа сократили возможности вмешательства президента в деятельность министерств, а также способствовали увеличению автономии примерно в 20 государственных корпорациях (NDPBs).

Спустя десять лет после старта реформ стало ясно, что капиталистическое развитие Кореи пошло в ущерб демократии, а корейский народ так и не ощутил результатов реформ. Государственная бюрократия не уменьшилась — наоборот, полномочия центральных органов увеличились. Чиновники использовали все возможные средства самосохранения, поэтому независимо от успехов своей деятельности и в противовес идее контрактов оставались на своих местах. Ошибка реформаторов — ориентация госслужбы на выслугу лет, а не на изменение сознания и паттернов бюрократической культуры. Национальные инновационные проекты коснулись лишь людей высшего уровня, а близкие населению местные и региональные органы власти и управления не были затронуты. В результате реформа не привела к системным изменениям в стране и вызвала усталость людей от инноваций. Уровень общественной осведомленности о реформах в целом был низким, доля населения, активно участвовавшего в политике, оставалась небольшой, а сфера нововведений ограничивалась центральным правительством.

Третий этап реформ (правительство Ли Мёнбака) (2008—2013) ознаменован возвратом к NPM, курсом на создание «живой рыночной экономики». Управление ориентировали на результат, увязав заработную плату (годовой оклад чиновника) с оценкой эффективности [Kim, Han, 2015]. Правительство Ли Мёнбака, представителя консерваторов, было привержено национальной философии «практицизма», внедряемой в сознание населения [ibidem].

Четвертый этап реформ — программа модернизации и открытого правительства «Government 3.0» (2013—2017) Пак Кынхе. Основой ее избирательной программы было развитие информационных технологий как стержня корейской экономики. Новый курс был нацелен на преодоление недовольства народа рыночной стратегией NPM и стремление сделать Корею «страной счастья». Известно, что «Правительство 3.0» означает еще и «правительство обслуживания», то есть предоставление услуг и удовлетворение потребностей населения как клиентов. Результаты программы «Правительство 3.0»: конкурсная система приема чиновников на работу, эффективные контракты вместо оклада, открытость работников государственной службы. Но, несмотря на инновации, население не ощутило большей заботы со стороны государства. Пак Кынхе досрочно покинула пост президента из-за обвинений в коррупции.

Пятый этап реформ осуществляет правительство Мун Чжэина (2017~). Оно сформулировало основы своей инновационной политики как «разговор», «компромисс», «сотрудничество». Теория NPM дополнена словами «публичность», «социальная ценность» и «ответственность» [Lee, Lee, 2014: 51—62]. Хотя административные реформы Мун Чжэина по-прежнему содержат стратегические элементы теории NPM, именно попытка сбалансировать демократию и справедливость, эффективность и качество обслуживания стала их отличительной чертой.

В Южной Корее мы видим маятниковые колебания правительственных реформ от NPM к good governance. Они, бесспорно, улучшали систему управления, повышали уровень демократизма в обществе, способствовали росту доверия к власти и правительству. Современный пятый этап реформирования принципиально отличен от предыдущих: развитие гражданского общества и образова-

ния должны стать предпосылками успешности административных реформ [Lee, Jahng, Kim, 2020]. Ученые Кореи осознают, что социальные институты реализации воли народа в стране отсутствуют.

Административная реформа, основанная на модели new governance (эффективность и результативность работы правительства), включает:

— ориентацию на потребителя;
— стандартизацию государственных услуг;
— совершенствование системы контроля;
— внедрение антикоррупционных мер;
— рост открытости и прозрачности деятельности государственных органов;
— внедрение информационного обеспечения;
— децентрализацию.

Бюрократия была ключевым принципом организации корейского государства с исторических времен: периода японского колониального правления, династии Чосон и даже Первой республики в XX веке [Курбанов, 2018]. В XXI веке Южная Корея поставила цель уменьшить бюрократизацию, что привело к формулированию следующих задач:

1) улучшение качества жизни людей (по Индексу качества жизни ОЭСР Корея занимала 29 место среди 38 стран — мировых лидеров[10]);

2) провозглашение Кореи «обществом без политики», где народ, а не элита определяет направления реформирования общества[11];

3) переход к открытости и прозрачности (прозрачность Кореи на 98 месте среди 137 стран[12]).

Борьба с коррупцией — ключевое направление реформ Южной Кореи

В конце 1990-х годов коррупция в Республике Корея оценивалась как важнейшее зло социальной системы, причем не только населением, но и самой властью. Коррупция стала основой меха-

[10] The OECD Better Life Index. URL: http://www.oecdbetterlifeindex.org/#/11111111111.
[11] Global Competitiveness Report 2019: How to End a Lost Decade of Productivity Growth // WEF. URL: https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth.
[12] Индекс восприятия коррупции 2019 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/ru/news/cpi-2019-global-highlights#.

низма хозяйствования и политического устройства. В экономике Южной Кореи представлено 45 *чэболей*, при этом 10 самых крупных владеют 27 % всех бизнес-активов страны, а 5 крупнейших *чэболей* составляют половину фондового рынка Южной Кореи [Лешакова, 2020]. Коррупция превратилась в них в полулегальную политико-экономическую систему: чиновники, депутаты, лидеры партий фактически перешли на содержание крупного бизнеса. Крупный капитал совместно с государством создал сеть политических фондов, ставших источником политического лоббирования, подкупа, взяток и т. д. Во взяточничестве неоднократно были замечены руководители крупных *чэболей*: SK, Hyundai, Kia и Samsung. Samsung — флагман корейской электроники, IT-лидер, обогнавший HP, IBM, Nokia и Microsoft; строительное подразделение Samsung построило все три высочайших здания планеты — Petronas Towers, Taipei 101 и грандиозный Burj Khalifa. Пятый в мире автопроизводитель Hyundai-Kia, второй в мире по выручке сталелитейный гигант POSCO, огромный бизнес LG, простирающийся от химии до телекома, четыре НИИ судостроения Hyundai [там же] — все эти и другие корпорации Южной Кореи работали по коррупционным схемам.

Республика Корея входит в топ-5 поставщиков высоких технологий, инвестирует в науку больше всех стран в мире, страна также лидирует по количеству интернет-подключений, обеспечивая самый быстрый мобильный интернет в мире (5G). Правительство активно поддерживает развитие «креативной экономики», но не в состоянии спасти цифровое пространство от взяток и кумовства.

Система управления наукой в Южной Корее очень запутанная, что также дает возможность реализовывать коррупционные схемы. Как и в России с ее Федеральными целевыми программами (ФЦП), корейская наука строится по программному принципу:

— 21st Century Frontier R&D (1999—2009), бюджет 3,5 млрд долл. США, 25 крупных междисциплинарных проектов по ключевым технологическим областям;

— The Creative Research Initiative (1997—) — программа грантов, бюджет 500 тыс. долл. США на проект в год, 50—60 проектов;

— The National Research Laboratory (1999—), 450 проектов, по 200—300 тыс. долл. США на пять лет каждый.

— World Class Universities (2008—2012) аналогична программе мегагрантов РФ, направлена на повышение привлекательности корейских вузов для иностранных ученых.

По данным Transparency International, по уровню восприятия коррупции (CPI) Республика Корея в 2019 г. занимала 39 место в мире (в 2018 г.— 45, в 2017 г.— 51), с индексом коррупции в 59 баллов из 100[13]. С 1997 г. все пять президентов страны вводили антикоррупционные меры. Основные принципы их действий изложены в концепции *синхангук* (путь построения новой Кореи). Так, Ким Дэчжун признал коррупцию одной из причин финансового кризиса 1997 г. и провел кадровое обновление чиновников, омолодил их состав. Его антикоррупционные действия: принятие антикоррупционного закона; принятие Кодекса поведения бюрократии; повышение оплаты труда чиновников; обязательная огласка всех случаев мздоимства; внимание сферам, где коррупция особенно процветала: налоги, строительство, жилищная сфера, полиция и др.

Закон «О борьбе с коррупцией»[14] 2001 г. считается эталонным, то есть получившим особое международное признание, поскольку дает право начать антикоррупционное расследование любому жителю страны, достигшему совершеннолетия. Факты в заявлении обязаны быть расследованы комитетом по аудиту и инспекцией, данные должны фиксироваться на сайте, что соответствует принципу открытого правительства, при этом сохранилась его прямая подчиненность президенту.

Хотя антикоррупционные меры правительства Ким Дэчжуна были точечными (несистемными), это направление стало общенациональной повесткой страны, а президенту Но Мухёну удалось снизить влияние *чэболей* как оплота коррупции, хотя высокопоставленные чиновники часто препятствовали передаче дел в суды. Для жителей Южной Кореи работа — это все, расплата за высокий рост экономики — выгорание на работе, где корейцы проводят большую часть суток. Поставить под сомнение авторитет начальника — огромное испытание, кореец скорее пойдет на самоубийство. С 2002 г. было

[13] Индекс восприятия коррупции 2019 // Transparency International. URL: https://www.transparency.org/ru/news/cpi-2019-global-highlights#.

[14] Anti-Corruption Act of Republic of Korea. URL: http://www.iaaca.org.

выдвинуто только четыре обвинения против высокопоставленных чиновников, один или два были уволены. В закон не были включены такие проявления коррупции, как нарушения на выборах, расследование налоговых преступлений и недобросовестной торговой практики.

В 2005 г. Антикоррупционный комитет изменил свое название, став Корейской независимой комиссией против коррупции (KIC AC). Закон «О борьбе с коррупцией» в 2005 г. значительно усилил систему защиты личности и конфиденциальности для журналистов, в нем впервые критикуется тактика всеобщего цифрового отслеживания граждан [Anti-Corruption Act…, 2005]. Правительство в 2004 г. создало Совет по антикоррупционным институтам, при котором была создана школа, обучающая мерам борьбы с коррупцией и разрушающая культуру кумовства.

Менее эффективно оценивается антикоррупционная деятельность президента Ли Мёнбака. Он повысил оплату труда чиновников, ввел профилактику негативного, или неэффективного, поведения. В 2008 г. путем объединения омбудсмена Кореи, Национальной комиссии по неподкупности (KICAC) и Административной апелляционной комиссии была создана Комиссия по борьбе с коррупцией и гражданским правам (ACRC), которая растворила борьбу с коррупцией во множестве других задач и приостановила в 2008 г. работу Совета по антикоррупционным институтам.

Пак Кынхе (2013—2017) продолжила традиционное направление антикоррупционных мер (в рамках рекомендаций ООН), включая законодательное оформление прав и обязанностей чиновников и принятие кодекса их поведения, усиление контроля за деятельностью бюрократии, открытости информации о государственной службе. Новой мерой среди них была одна — трансформация культуры антикоррупционного поведения, с одной стороны, и принципы открытого правительства, с другой [The Experience of Democracy…, 2017]. Чтобы искоренить коррупцию связанных (аффилированных) лиц, таких как родственники президента, была создана специальная система инспекторов, рекомендованная Национальным собранием. В 2016 г. принят Закон о запрете вымогательства, известный как «Закон Ким Ённан»: в него включена «карта правильных действий государственных чиновников», определяющая минимальную сумму,

начиная с которой подарок считается взяткой. Если госслужащий получает денежные средства от третьих лиц в сумме 1 млн вон (около 900 долларов), он может быть приговорен к тюремному заключению на срок до трех лет [Поспелова, 2012: 28—32]. Кроме того, под категорию взятки подпадают и высокие гонорары за лекции.

Несмотря на все меры, Южная Корея неоднократно сталкивалась с крупными коррупционными скандалами среди высокопоставленных чиновников. Так, в конце 2016 г. Национальное собрание объявило импичмент президенту страны Пак Кынхе, которая позволила своей подруге вымогать деньги у крупных корпораций и переводить их на свои счета — всего около 70 млн долл. США от 52 компаний [Лешакова, 2020].

Ныне действующий президент Мун Чжэин, продвигает антикоррупционную политику на общегосударственном, а не на индивидуальном уровне. Президент восстановил Совет по антикоррупционной политике, вернул название «Корейская независимая комиссия против коррупции (KICAC)», создал в 2019 г. Агентство по расследованию коррупции высокопоставленных чиновников, которое может снимать с должностей судей, прокуроров и старших офицеров полиции, нарушая монополию прокуратуры на эти действия.

Заключение

Южная Корея — пример достаточно успешной борьбы с коррупцией, в ней идет активное институциональное обновление форм противостояния, например, организация платных услуг там, где население готово платить за услуги (образование, медицина). Борьба с дедовщиной в корейской армии — наглядный пример борьбы с коррупцией среди военных, у солдат есть много возможностей пожаловаться на офицеров [Пчелинцев, 2009: 68]. Сейчас Республика Корея на самом высоком месте, которое она когда-либо занимала в индексе коррупции (39-е), страна накапливает опыт противостояния коррупции, институционализируется борьба с ней: организуются платные услуги (образование, медицина), борьба с дедовщиной в армии и т. д.

Достижения Южной Кореи при проведении административных реформ сводятся к следующим: повышение качества и доступности государственных услуг; ограничение вмешательства государства в эконо-

мику и прекращение избыточного государственного регулирования; повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти [O'Hanlon, 2020]. Государство отходит от веберианских принципов управления — не имеет монополии на власть, при этом Республика Корея уверенно вступает в ряды государств постмодерна — в соответствии с теорией нового либерального порядка [Gale, Jeong, 2020].

Список литературы

Курбанов С. О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2018.

Лешакова Н. П. Создание «умных производств» в Республике Корея // Азия и Африка сегодня. 2020. № 6. С. 63—68. https://www.doi.org/10.31857/S032150750009880-0.

Мэннинг Н., Парисон Н. Реформа государственного управления: международный опыт. М.: Весь мир, 2003.

Оболонский А. В. Бюрократия для XXI века. Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М.: Дело РАНХиГС, 2002.

Оболонский А. В. Этические аспекты регулирования государственной службы // Общественные науки и современность. 2004. № 5. URL: https://naukarus.com/eticheskie-aspekty-regulirovaniya-gosudarstvennoy-sluzhby.

Поспелова О. И. Особенности культуры и национального менталитета жителей Республики Корея // Научный вестник МГИИТ. 2012. № 2. С. 25—40.

Пчелинцев С. В. Некоторые особенности реформирования системы государственной власти Республики Корея // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 3. С. 167—177. URL: https://vgmu.hse.ru/data/2010/12/31/1208181108/Пчелинцев%20167-177.pdf.

Gale A., Jeong A. (2020) Japan's New Leader Looks for Fresh Start with South Korea. *The Wall Street Journal*. URL: https://www.wsj.com/articles/japans-new-leader-looks-for-fresh-start-with-south-korea-11600937935.

Improving Democratic Accountability Globally (2013) A Handbook for Legislators on Congressional Oversight in Presidential Systems. World Bank Institute.

Jung Yong-duck. (1999) Administrative Reform in Korea: A Historical-Institutionalist Perspective. *Korea Journal*. Vol. 39. No. 2. P. 5—22.

Lee Soo Jung, Jahng Kyung Eun, Kim Koeun. (2020) Light and Shade of Multicultural Education in South Korea: Analysis through Bourdieu's Concept of Capital. *Journal for Multicultural Education*. Vol. 14. No. 2. https://doi.org/10.1108/JME-11-2019-0081.

O'Hanlon M. E. (2020) Don't Gut the US-South Korea Alliance. *Journal of The Brookings Institution.* URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/01/23/dont-gut-the-us-south-korea-alliance/.

The Experience of Democracy and Bureaucracy in South Korea (2017). Emerald Publishing Limited, UK. URL: https://books.emeraldinsight.com/resources/pdfs/chapters/9781787144729-TYPE23-NR2.pdf.

Lee Soo-Young, Lee Seulki. (2014) Civil Service Reforms and the Development of Korea. *The Korean Journal of Policy Studies*. Vol. 29. No. 1. P. 47—67. URL: http://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/91912/1/03_Soo-Young_Lee.pdf.

Kim S., Han Chonghee. (2017) The Changing Modes of Administrative Reform in South Korea. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. Vol. 13. P. 54—72.

Kim Sunhyuk, Han Ch. (2015). Administrative Reform in South Korea: New Public Management and the Bureaucracy. *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 81. No. 4. P. 694—712. https://doi.org/10.1177/0020852314558034.

ГЛАВА 5. «СВЕЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», ИМПИЧМЕНТ ПАК КЫНХЕ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Аннотация. Материал призван ответить на вопрос, в какой мере отстранение президента Пак Кынхе от власти в конце 2016 — начале 2017 г. было признаком модернизации страны и развития гражданского общества. По мнению автора, относительно мирное отрешение президента от власти с помощью конституционных процедур и непротивление этому процессу со стороны первого лица стало результатом модернизации и демократизации, однако не меньшую роль в «свечной революции» сыграли такие «реакционные факторы», как фракционная борьба и целенаправленное манипулирование мнением населения при помощи фальшивых новостей (история с планшетным компьютером подруги президента, мифы, связанные с гибелью парома «Севоль», и др.), спровоцировавших массовое недовольство.

Прошедшее с начала «свечной революции» время дает возможность провести ретроспективный анализ, позволяющий ответить на вопрос, в какой мере отстранение Пак Кынхе от власти было признаком модернизации страны и развития гражданского общества, а в какой — результатом политических интриг и умелой манипуляции мнением населения. Представляется, что системно-хронологический подход и анализ новостных источников уже позволяют выявить несоответствия с официальным нарративом РК, вращающимся вокруг введенного термина «революция свечей».

Пак Кынхе — семейный фактор и обстоятельства прихода к власти

Рассмотрение проблемы Пак Кынхе нужно начинать не с нее, а с ее отца. Пак Чонхи, правивший страной с 1961 по 1979 г., с од-

ной стороны, был военным диктатором, чей режим на пике авторитаризма не особо отличался от северного соседа, с другой — архитектором корейского экономического чуда и отцом той Республики Корея, которую мы знаем. Поэтому острота споров вокруг личности Пак Чонхи и его места в истории не просто сравнима с остротой современных российских споров вокруг фигуры Сталина, но, пожалуй, превосходит их, ибо вовлеченное поколение еще не сошло со сцены — со времени смерти Пака в 1979 г. до восхождения во власть его дочери прошло чуть больше тридцати лет. Эти споры не могли не оказать влияние на развитие событий, потому что отношение к отцу переносилось на дочь.

При этом приход Пак во власть отнюдь не означал возвращение сторонников диктатуры с лозунгами «Дочка придет — порядок наведет». Тему «яблока от яблони» скорее использовали ее оппоненты, и, хотя до начала 2016 г. Пак Кынхе занимала скорее центристскую позицию, репутация дочери диктатора, которая рано или поздно снова устроит диктатуру, во многом определяла отношение к ней.

К моменту президентских выборов 2012 г. Пак оказалась безальтернативным кандидатом от консерваторов: представители остальных фракций либо уже были президентами и не могли претендовать на это кресло снова, либо были куда менее влиятельными или слишком одиозными. Однако победа Пак отнюдь не была легкой. Разрыв между ней и Мун Чжэином составлял несколько процентов — 51,55 % у Пак, 48,02 % — у Муна. При этом 80 % избирательных участков Сеула проголосовали против нее, а общий счет составил 48,18 % — 51,42 % в пользу Муна. Это важно, так как центром «свечной революции» стал Сеул, мэром которого на тот момент был представитель оппозиции.

Сразу же стало известно, что сотрудники Национальной службы разведки РК по указанию своего руководства занимались манипуляцией общественным мнением не столько в пользу Пак Кынхе, сколько против Мун Чжэина. К чести нового президента надо отметить, что она не оставила это без внимания: против руководителя спецслужбы Вон Сехуна было заведено уголовное дело. Его судьба отражала те сложности, с которыми сталкивалась Пак Кынхе, пытаясь проводить свою политическую линию. Несмотря на то, что сама

Пак скорее хотела посадить Вона, разведка и представители иных фракций во власти существенно затормозили процесс и практически развалили расследование — в сентябре 2014 г. суд признал Вон Сехуна виновным, но дал условный срок [Кирьянов, 2014]. Однако в июле 2015 г. Верховный суд отменил приговор, ссылаясь на недоказанность вины [Асмолов, 2015а].

Тем не менее небольшой разрыв в числе голосов и «дело троллей в погонах» сразу сформировали среди представителей оппозиции установку на жесткое противостояние, поскольку они считали свою победу украденной.

Белая ворона

Помимо этого, и внутри собственной партии Пак Кынхе оставалась белой вороной, деятельность которой иные фракции внутри консервативной партии фактически саботировали, поэтому первая причина успеха «свечной революции» — отсутствие внутрипартийной поддержки Пак из-за фракционной борьбы. Если бы президент обладала таковой, импичмент не был бы возможен.

Назначенцев Пак блокировали и демократы, и консерваторы из иных фракций. Один предложенный ей кандидат в премьеры взял самоотвод, так как парламент счел, что купленный им дом слишком дорог и наверняка дело было нечисто (доказательства факта коррупции так и не нашлись, но под воздействием шума в СМИ ему пришлось уйти), а другому припомнили прояпонские высказывания семилетней давности [Уже второй кандидат…, 2014]. В результате этого Пак рано лишилась «скамейки запасных» и не имела контроля над прессой: такие ведущие консервативные СМИ, как «Чосон Ильбо» и «Чунъан Ильбо», находились под контролем ее политических противников.

Мифология[15] «свечной революции» пытается представить, что консерваторы отказались ее поддерживать под давлением общественного мнения. Это не так. Саботаж решений президента начался

[15] В трактовке автора «миф» не имеет негативной коннотации и обозначает определенный идеологический конструкт, навязывающий массам некие трактовки исторических событий. Трактовки эти редко бывают полностью выдуманными, хотя разные варианты мифов могут содержать больший или меньший процент полуправды.

раньше официального начала «революции» в 2016 г. — за год до этого глава парламентской фракции консерваторов Ю Сынмин попытался отрешить Пак от власти, проведя через парламент законопроект, позволявший Национальному собранию редактировать или отводить указы президента. 29 мая поправки в Закон о Национальном собрании были одобрены [Национальное собрание приняло 57 законов, 2015], но президент Пак наложила вето, и события 2016 г. (ядерные испытания КНДР) резко сдвинули ее позицию вправо, тем не менее внутренняя оппозиция никуда не делась. Именно поэтому на парламентских выборах 2016 г. Пак призывала голосовать за конкретных кандидатов, не поддержав «раскольников». В результате Ю Сынмин и его сторонники пошли на выборы в качестве независимых кандидатов и получили семь мандатов [Ser, 2016], но правящая консервативная партия «Сэнури» лишилась парламентского большинства (122 мандата вместо 146).

Ошибки власти

Вторая причина — это политические ошибки, вызвавшие недовольство социально активных слоев населения.

Реформа трудового законодательства должна была разрушить систему пожизненного найма и сделать систему менеджмента более открытой и более привлекательной для молодежи. Однако в качестве альтернативы выдвигался перевод людей на временные контракты, по которым зарплаты были ниже, соцпакет отсутствовал, а человека было легко не только принять на работу, но и уволить. Кроме того, в формулировках новой системы хватало двояких толкований, и оттого против Пак выступили не только пожилые менеджеры, превысившие свой предел компетентности, но и профсоюзы, усмотревшие в реформе возможность безнаказанно избавляться от неудобных начальству людей: учитывая нравы на южнокорейских предприятиях, эта критика была весьма обоснованна.

Борясь с безработицей, вызванной переизбытком лиц с высшим образованием, Пак попыталась сократить финансирование университетов, однако это было воспринято как посягательство на давние традиции университетского самоуправления, и к негодующим профсоюзам присоединились негодующие студенты. Кроме того, по по-

нятным причинам сокращение было направлено не на инженерные, а на гуманитарные специальности, но именно гуманитарии, определяющие политическую повестку, восприняли эти меры как желание режима ликвидировать среду, являющуюся кадровой базой для оппозиции.

Менее заметной, но важной для определенных кругов была так и нереализованная попытка президента заставить платить налоги многочисленные протестантские приходы, весьма респектабельные с финансовой точки зрения, занимающиеся экономическим и политическим лоббизмом. Некоторые из них насчитывают несколько сотен тысяч человек, поэтому они стали серьезным мобилизационным ресурсом против президента.

Кульминацией стал вступивший в силу в октябре 2016 г. антикоррупционный закон. Ввести его собирались еще при Но Мухёне, бывшим президентом с 2003 по 2008 г., при Ли Мёнбаке (президент в 2008—2013 гг.) положили под сукно, но Пак Кынхе способствовала его продвижению. Даже критики президента не упрекали ее в попытках его тормозить или завернуть. Между тем этот закон, рассчитанный на то, чтобы пресечь социальную базу коррупции путем ограничения стоимости подношений, гонораров, званых обедов и т. п., очень сильно ударил не только по малому бизнесу и сфере услуг, но и по модели общественных отношений, которая во многом строится на создании системы персональных связей.

При этом общественное мнение записывало на счет Пак те одиозные проекты, где далеко не она была главным политическим выгодоприобретателем. Так, за проектом единого учебника истории, который должен был способствовать унификации преподавания в «правильном ключе» и рассматривался оппозицией как грядущий «краткий курс», стояли более консервативные политики, и, если внимательно посмотреть на основные изменения, это было обеление не Пак Чонхи, а его предшественника и первого президента РК Ли Сынмана, отличавшегося куда большей одиозностью. Из того, что касается Пака, можно отметить отказ от использования применительно к его правлению (и правлению военных вообще) термина «диктатура».

Неудовольствие вызывали и некоторые внешнеполитические шаги, хотя на них надо смотреть через призму националистической

критики. Например, в декабре 2015 г. Пак попыталась «закрыть» наболевшую проблему «женщин для утешения». От Японии удалось добиться официальных извинений, сумма компенсаций оставшимся в живых жертвам сексуального насилия и их потомкам составила миллиард иен, при этом 20 % суммы пошло в бюджет структур, эксплуатирующих этот аспект исторической памяти. Однако паразитирующие на проблеме НГО (такие как Корейский совет справедливости и памяти, для которого соглашение 2015 г. означало прекращение госфинансирования) немедленно упрекнули Пак в том, что дочь прояпонского элемента[16] совершила позорную сделку, извинения неискренни, а страдания женщин не окупят никакие деньги.

«Человеческий фактор»

Третий блок недовольства Пак был связан с особенностями ее личности. Будучи интровертом, Пак не соответствовала (и, пожалуй, даже не хотела соответствовать) образу первого лица в представлении корейского обывателя. Она уделяла довольно мало внимания публичной сфере, из-за чего критики упрекали ее в том, что она презирает народ. Даже когда она за что-то извинялась, в этом видели пренебрежение к простым людям и отсутствие сочувствия.

Именно этим объясняются претензии к президенту в связи с трагедией парома «Севоль» в апреле 2014 г.[17] Хотя обвинения президента в преступном бездействии некорректны и новость о трагедии дошла до нее только тогда, когда уже ничего нельзя было предпринять [Асмолов, 2020], противники Пак Кынхе идеально разыграли карту «пока наши дети тонули, президент занималась чем-то предосудительным». Ее семичасовое отсутствие во время трагедии успели объяснить любовным свиданием (первой вбросила эту версию

[16] Левые националисты навешивают на Пак Чонхи ярлык прояпонского элемента и коллаборациониста на основании того, что до освобождения Кореи он служил в японской армии, а модернизация страны во многом осуществлялась им по японскому образцу.

[17] 16 апреля 2014 г. у юго-западного побережья Корейского полуострова произошла катастрофа южнокорейского парома «Севоль», совершавшего регулярные рейсы между Инчхоном (портом в устье реки Ханган) и островом Чечжудо, популярным местом отдыха. На борту находилось 476 пассажиров и членов экипажа, из них 325 — учащиеся и учителя школы высшей ступени Танвон города Ансана провинции Кёнгидо. Как правило, единственные дети в семье. Спасти удалось только 172 человека, 304 человека погибли, а 5 человек до сих пор числятся пропавшими без вести.

консервативная газета «Чосон Ильбо»), походом к косметологу, проведением шаманского ритуала, наведением сложной долговременной прически и т. п. Как выяснилось позднее, на самом деле в эти часы Пак Кынхе была нездорова и работала с документами дома. Учитывая, какой страшной оказалась трагедия, все эти слухи сильно сказались на отношении к Пак, и именно с этого времени ее рейтинг начал стремительно падать.

Личная закрытость привела к серьезным последствиям для Пак как для администратора. Во-первых, президент была плохо информирована о происходящем в стране, не знала, насколько изменилась Корея со времен убитого в 1979 г. Пак Чонхи; она также недопонимала значение факторов, влияющих на политику. Во-вторых, столкнувшись с тотальным недоверием и интригами со стороны как противников, так и формальных союзников, Пак сделала ставку на ближний круг из числа соратников, с которыми работала долгое время, воспринимая их как проверенных людей. Между тем ее лучшая подруга Чхве Сунсиль[18] и остальные члены ближнего круга занимались лоббизмом и/или использовали близость к президенту для решения собственных проблем, а помощники фактически держали президента в информационном вакууме, получая от национальной разведки деньги за то, чтобы при попытке перепроверить поступающую оттуда информацию выдавались «нужные» данные[19].

Таким образом, против Пак Кынхе была настроена значительная часть общества, и скандал с Чхве Сунсиль сыграл роль триггера. Однако это не значит, что к моменту начала «свечной революции» Пак была самодержавным правителем, общественное сопротивление которому было слабо. В июне 2015 г. на фоне борьбы с Ю Сынмином и запоздалой реакции правительства на вспышку коронавируса ближневосточного респираторного синдрома рейтинг Пак уже составлял всего 29 % [Рейтинг президента…, 2015], а 14 ноября и 5 декабря 2015 г. Сеул стал ареной самых мощных с 2008 г.

[18] Эта женщина была лучшей подругой Пак с ее юности и одной из немногих, кому та полностью доверяла. Отцом Чхве был основатель околохристианской секты, и ее саму часто называли шаманкой или гадалкой.

[19] Что любопытно, эти выплаты «демократическое следствие» потом тоже повесило на Пак, которая, как было заявлено, «была в сговоре с помощниками».

антиправительственных протестов. Главными поводами для критики были (не считая темы «Севоля») политика в области реформы трудового законодательства и проект создания единого учебника истории [Асмолов, 2015б].

Хроника событий

Здесь мы подходим к моменту начала «свечной революции», спровоцированной скандалом с близкой подругой президента и выражавшейся в массовых демонстрациях.

29 сентября 2016 г. Центр мониторинга за спекулятивным капиталом, основываясь на сообщениях СМИ, подал жалобу в правоохранительные органы в отношении Чхве Сунсиль и бывшего советника президента РК по вопросам государственной политики Ан Чжонбома. Обоих обвинили в том, что они использовали свое влияние, чтобы заставить крупные южнокорейские корпорации делать многомиллионные пожертвования в связанные с ними благотворительные фонды Mir и K-Sports. Месяц спустя прокуратура приступила к активной фазе расследования, в результате которого выяснилось большее: конфидентка президента имела доступ к документам для служебного пользования и влияла на выработку политических решений, получая материалы из Голубого дома.

Жесткая антипрезидентская позиция прокуратуры имела причиной давнюю вражду между прокуратурой и администрацией президента. Началась она с того, что, когда прокуратура пыталась посадить за коррупцию и злоупотребление властью Вон Сехуна и всерьез замахнулась на него и его связи с консервативными политиками, у генерального прокурора внезапно «обнаружился внебрачный сын». Под воздействием скандала инициативный генпрокурор был вынужден оставить свой пост, дело против Вона развалилось, а после «консервативного поворота» его и вовсе выпустили из тюрьмы. И хотя Пак Кынхе не имела к этому прямого отношения, нанести удар по администрации президента стало для прокуратуры делом чести (вполне в традициях фракционной борьбы, когда за ссылку надо было платить ссылкой, за увольнение — увольнением и т. п.).

Власти пытались отрицать обвинения, но 18 октября 2016 г. журналисты консервативного телеканала JTBC обнаружили планшетный

компьютер Чхве Сунсиль, на котором был подобран полный пакет компромата: от отредактированных президентских речей до селфи владельца. История «случайного» обнаружения планшета в ходе журналистского расследования несколько раз менялась. Вначале его «нашли» в мусорном баке в Германии, затем — в мусорном баке в подвале дома Чхве, а в итоге (после чего ранние версии постарались затереть) — в ящике стола заброшенного дома, где ранее находилась принадлежащая ей компания [O, 2020]. Увидев планшет, журналисты не вызвали полицию, а забрали его с собой, после чего специалисты телеканала восстановили ранее удаленные файлы и только 24 октября передали его прокуратуре.

9 октября 2016 г. телеканал JTBC сообщил, что Чхве Сунсиль всегда держит при себе планшетный компьютер, на котором правит речи президента, из чего следует вывод, что именно она руководит страной на самом деле.

24 октября JTBC выпустил в эфир специальную передачу, посвященную компьютерным файлам Чхве Сунсиль, рассказав, что конфидентка президента получала сотни секретных правительственных документов и «использовала много красных знаков, чтобы исправить Дрезденскую речь». Через два дня президент и ведущий телеканала JTBC Сон Сокхи лично появился в эфире, показал планшет с файлами и объявил, что Чхве редактирует речи Пак Кынхе и рассматривает правительственные документы. Другие средства массовой информации подхватили эту историю, и она распространилась, как лесной пожар [ibid.].

Всего JTBC выпустил 607 новостных сообщений о планшете [Byun Hee-jai…, 2018], утверждая, что страной управляет не президент, а ее подруга-«шаманка» с сомнительным прошлым.

25 октября 2016 г. президент РК признала, что в прошлом при подготовке к выступлениям она неоднократно советовалась со своей соратницей [Президент РК…, 2016], но подобные контакты прекратились после того, как у нее появились советники. 29 октября в Сеуле состоялась массовая демонстрация со свечами[20], участни-

[20] С 2008 г. корейское гражданское общество наработало культуру сугубо мирных демонстраций со свечами, проходивших вечерами после окончания рабочего времени в подчеркнуто ненасильственной обстановке.

ки которой потребовали немедленной отставки Пак Кынхе с поста президента. По данным полиции, в демонстрации приняли участие порядка тысячи человек [Участники демонстрации…, 2016]), хотя по данным оппозиции их было как минимум в 12 раз больше.

4 ноября президент РК выступила в прямом телеэфире и принесла извинения, признав, что чрезмерная зависимость от Чхве ослепила ее объективность и возможность суждений. В тот же день Ан Чжонбом сообщил на допросе, что фонды Mir и K-Sports были учреждены по указанию Пак Кынхе, отметив, однако, что представители деловых кругов приняли решение участвовать в учреждении фондов без какого-либо давления на них [Прокуратура продолжает…, 2016]).

Но уже 10 ноября 2016 г. Ан сказал, что по приказу Пак занимался «выдаиванием» пожертвований, хотя не знал, что за всем этим стоит Чхве [Testimony Implicates…, 2016]. Выяснилось также, что у Ана был дневник с записями приватных встреч президента с руководством *чэболь*. Дневник этот случайно нашел и передал прокуратуре один из сотрудников Голубого дома, что не менее любопытно, чем история про оставленный в заброшенном доме планшетный компьютер.

12 ноября состоялся массовый митинг [В Сеуле сотни тысяч…, 2016], на котором, если верить оппозиции, собралось около миллиона человек. После этого демонстрации стали проходить еженедельно.

20 ноября 2016 г. СМИ объявили, что Пак Кынхе была осведомлена о значительной части нарушений и преступлений, которые совершили два ее бывших помощника и давняя подруга, и могла находиться в сговоре с ними [Кирьянов, 2016а]. На следующий день лидер Демократической партии «Тобуро» Чху Миэ сообщила о намерении приступить к подготовке импичмента, а президент была вынуждена дать «добро» на законопроект о назначении специального прокурора для расследования дела Чхве Сунсиль [Национальное собрание РК…, 2016].

24 ноября уровень поддержки Пак Кынхе упал до минимальной отметки 4 %, а доля недовольных ее деятельностью граждан выросла до 93 % [Рейтинг президента РК…, 2016]. Через два дня на сеульской площади Кванхвамун состоялся пятый по счету масштабный митинг,

на котором, по словам организаторов, было 1,5 млн человек (полиция давала цифру в 270 тыс. человек) [Кризис в Южной Корее…, 2016].

3 декабря на улицы с требованиями немедленного импичмента по всей стране вышло 2 млн 320 тыс. человек [Torches Blaze…, 2016] (по данным полиции — 429 тыс.), а соцопросы говорили, что импичмент поддерживают 80 % корейцев [Опрос показал…, 2016].

Что же обеспечило массовость протеста? Во-первых, президентом были недовольны многие, ее политика задела наиболее социально активные слои, обладающие структурами, которые обеспечивают организованную и бесплатную мобилизацию большого количества людей.

Во-вторых, времена, когда участие в демонстрациях протеста сопрягалось с риском для карьеры, здоровья и даже жизни, давно прошли.

Мирный характер демонстраций превратил их в «еженедельные народные гуляния за импичмент», тем более что попытка их разогнать натолкнулась бы на саботаж. Так, мэр Сеула и представитель оппозиции Пак Вонсун сразу же отказался дать воду для полицейских водометов. С другой стороны, несмотря на то что колонны демонстрантов ходили весьма близко от Голубого дома, организованных попыток штурма или создания постоянного лагеря не предпринималось, а эксцессы после формального окончания времени демонстраций носили рутинный характер и благополучно пресекались, в том числе и самими демонстрантами.

В-третьих (и это главное), сыграл свою роль ажиотаж, поднятый СМИ. Вся ведущая пресса была под контролем противников Пак, и консервативные газеты критиковали ее не меньше, чем оппозиционные.

Роль фальшивых новостей

Подогревающие возмущение читателей новости шли под девизом «и Кеннеди тоже убила она». Помимо эксплуатации темы «Севоля», вбросы подробно описывали «распутинщину», что якобы царила в Голубом доме, породив мем «remote control president». Утверждалось, что ключевые политические решения принимались, потому что «шаманке было видение», а помимо этого:

— что в качестве талисмана Олимпийских игр 2018 г. в Пхёнчхане Пак предлагала не тигра, а собаку, к чему «наверняка причастна» Чхве [Choi, 2016], а когда руководитель организационного комитета господин Чо воспротивился, его сняли с должности и развалили руководимый им холдинг «Ханчжин» [ibid.];

— Пак Кынхе получала анонимные косметические услуги под псевдонимом имени героини сериала, — что характерно, сообщил об этом канал JTBC [Park Got Free…, 2016];

— президент собирается пойти на введение военного положения и вот-вот прольется кровь (по заявлению главы парламентской фракции демократов Чху Миэ; военные, правда, ничего об этом не слышали) [Кирьянов, 2016б];

— Чхве Сунсиль указывала, каким спортсменам выступать, планировала политические убийства [Lee, Park, 2016] и даже стояла за размещением в РК американской ПРО ТНААД и наверняка получила за это и не только миллионные отступные от компании «Локхид Мартин» [Lockheed Should Speak Out, 2016].

Бóльшая часть таких историй или распространялась в виде слухов, или публиковалась в СМИ со ссылкой на анонимные источники (буквально — “anonymous source with credible credentials of having links with the central person in the corruption scandal”). В части таких материалов утверждалось, что «более подробные доказательства скоро будут опубликованы» [Lee, Park, 2016]. Сейчас уже очевидно, что обвинения в значительной степени не подтвердились и были фальшивыми новостями.

Как показывают изыскания консервативного журналиста-расследователя Пён Хичжэ, знакомство с содержимым планшетного компьютера вызывает вопрос, действительно ли данный планшет принадлежал Чхве Сунсиль. Пён Хичжэ утверждает, что это компьютер дочери начальника секретариата Голубого дома по фамилии Ким Хансу [О, 2020]. По его мнению, об этом говорит следующее:

— на планшете найдено много фотографий дочери Ким Хансу — им неоткуда было бы взяться, если бы владелицей планшета была Чхве Сунсиль;

— Ким Хансу был человеком, который активировал планшет и оплачивал счета за него;

— сообщения в мессенджере Kakaotalk, адресованные людям более младшего возраста, чем Чхве, были написаны в необычно уважительной манере — так младший пишет старшему, а не наоборот;

— история просмотра веб-страниц и архив поисковых запросов не соответствует интересам женщины в возрасте 60 лет;

— наконец, есть свидетельства многих людей о том, что они никогда не видели Чхве, использующую планшет.

Автор мог бы добавить, что начальник секретариата Голубого дома вполне мог скачать на планшет те же документы ДСП, которые, как выяснилось, действительно читала Чхве.

По словам Пёна, правительственный отчет судебной экспертизы указывает, что тысячи файлов были созданы, отредактированы и удалены в планшете уже после того, как JTBC нашел планшет. Увы, этот отчет был обнародован год спустя после того, как Пак уже был объявлен импичмент [ibid.].

В мае 2018 г. прокуратура Центрального района Сеула арестовала Пён Хичжэ по обвинению в клевете на телеканал. Однако вскоре после ареста Пёна сотрудник Национальной службы судебных экспертиз На Гихён, ответственный за оценку доказательств, явился в суд в качестве свидетеля. Когда защита Пак спросила его, подтвердила ли его служба, что планшетный компьютер принадлежит Чхве Сунсиль, он ответил, что определить владельца как Чхве было невозможно [Byun Hee-jai…, 2018]. После этого суд вывел планшет из числа улик по делу, заодно закрыв вопрос о том, были ли данные на нем фальсифицированы.

Таким образом, по всей вероятности, мы имеем дело с фальшивкой, созданной журналистами канала JTBC. Данная история хорошо показывает, что большинство фальшивых новостей рассчитаны на то, чтобы подтолкнуть людей к определенным действиям под влиянием эмоций. Если опровержение опоздает, оно не будет иметь никакого значения.

«Консервативное наступление 2016 г.» тоже началось не благодаря «шаманке». Хотя утверждается, что президент ужесточила политику в отношении Пхеньяна из-за предсказания о скором крахе КНДР, о коллапсе режима в ближайшие годы южнокорейские разведчики или консервативные аналитики говорили еще при Ли Мёнбаке.

Конечно, и ранее Пак предпринимала действия по давлению на Север, но в 2016 г. большинство ее назначенцев уже было удалено из власти. Северокорейское ядерное испытание требовало ответных действий, и если бы Пак проявила слабость, то она стала бы объектом критики со стороны как демократов, так и консерваторов. В-третьих, Пак была лишена возможности политического маневра: иной политик в такой ситуации мог бы пытаться заключить союз с левыми против правых, однако левый лагерь принципиально отказывался от любых попыток диалога. В-четвертых, к этому времени Пак уже существенно зависела от своих помощников и, похоже, действительно поверила в то, что Северная Корея вот-вот развалится.

Наконец, в конце правления Пак Чхве Сунсиль постоянно проживала в Германии и контактов с Пак не поддерживала, поэтому описанный уровень «распутинщины» был невозможен. Учитывая, что материалы на планшете касались в основном событий 2012—2014 гг., получается, что есть доказательства правки речей того периода, когда Пак проводила умеренную политику. Так что вмешательство Чхве в «консервативное наступление», скорее всего, выдумка.

Остальные слухи тоже не нашли подтверждения в решениях суда, в том числе все, что касалось поведения президента во время трагедии «Севоля».

Что же подтвердилось? Самое главное — история с допуском конфидентки к материалам ДСП. Секретарь президента Чон Хосон признал, что передал Чхве Сунсиль в общей сложности 180 внутренних документов (в том числе 47 секретных). Одно из ключевых доказательств — аудиозаписи телефонных указаний Пак, сохранившиеся на смартфоне Чон Хосона: оказывается, президент часто звонила помощнику поздно ночью, и тот, чтобы не забыть, не просто записывал ее поручения, но и не стирал в течение пары лет.

В какой мере фальшивые новости запускались по прямому указанию Мун Чжэина и/или его ближнего круга? К сожалению, целый блок доказательств, указывающих на причастность оппозиции к этим вбросам, не может быть использован. Речь идет об уликах, собранных по делу блогера под псевдонимом Druid King [Асмолов, 2019], а затем неким необъяснимым образом потерянных, из-за чего теперь ссылаться на источник некорректно.

Импичмент и осуждение

В такой ситуации оппоненты Пак внутри правящей партии решили, что будет достаточно «сбросить бабушку с поезда» в ходе импичмента, после чего власть останется в руках премьер-министра Хван Гёана, который будет исполнять обязанности президента.

Важно отметить, что Хван не принадлежал к сторонникам Пак Кынхе, и именно его назначение на премьерский пост ознаменовало начало консервативного наступления. Некоторую путаницу вносит то, что впоследствии Хван Гёан пытался представить себя сторонником Пак, чтобы получить больше голосов во внутрипартийной борьбе, однако до и во время «свечной революции» он принадлежал к другой группировке.

9 декабря 2016 г. парламент вынес решение об импичменте: за отстранение Пак от власти проголосовали 234 депутата, против — 56, воздержались двое, 7 бюллетеней признаны недействительными, а 1 депутат из сторонников Пак не пришел. Если бы вся фракция от правящей партии проголосовала против импичмента, высказавшись за почетную отставку, его могло и не произойти, однако большая половина депутатов от «Сэнури» выступила за.

Затем вопрос об отрешении Пак от власти был передан в Конституционный суд, который с самого начала заявил, что будет рассматривать «дело Пак Кынхе» не как уголовный процесс с точки зрения оценки доказательств, а будет судить, исходя из соображений политической конъюнктуры. Хороший пример — то, как в этом контексте обрабатывались показания Ан Чжонбома. Ан признал, что именно Пак назначила сумму «взносов», которые должны были внести концерны [Кирьянов, 2017]. Однако прокуратура трактовала слова Ана своеобразно. В качестве примера приведем обнародованный 13 января отрывок с описанием совещания советников президента при участии Пак: «…*администрация президента не занималась сбором средств в фонды, а лишь оказывала содействие. В кадровых вопросах администрация не участвовала. Сам проект проходил не под руководством, а при участии администрации*» [В деле о Чхве Сунсиль новые подробности, 2017]. Но, как утверждает прокуратура, «из записей видно, что администрация президента пыталась скрыть улики».

7 января 2017 г. состоялись очередные «народные гуляния за импичмент», в которых, по данным полиции, приняло участие 24 тыс. человек, а по мнению организаторов — 600: Конституционный суд должен правильно понять волю народа, иначе протесты примут еще более массовый характер. Главной темой митинга было объявлено выяснение обстоятельств гибели парома «Севоль» и наказание виновных в трагедии: в программе митинга — церемонии начала работы «народного комитета по расследованию», в состав которого вошли члены семей жертв трагедии [В Сеуле проходит 11-й митинг…, 2017].

6 марта 2017 г. команда спецпрокурора опубликовала итоговые результаты расследования: по мнению следствия, Пак Кынхе, сговорившись с Чхве Сунсиль, договорилась о получении от вице-председателя компании Samsung Ли Чжэёна 18,4 млн долларов и получила 6,7 млн. Взамен Ли Чжэёну оказывалась поддержка в процессе передачи ему управления компанией. Для того чтобы притянуть к скандалу президента и найти в ее действиях выгоду, к Пак Кынхе и Чхве Сунсиль применили понятие коллективного/совместного имущества, которое не признается даже между отцом и сыном [Спецпрокурор Пак Ёнсу…, 2017]. Условно говоря, постулировано, что личные деньги Чхве считаются деньгами Пак, поскольку они близкие подруги.

Что же до обвинения, с которого все началось (давление на чэболь с целью перечисления ими 65,6 млн долларов в два некоммерческих фонда под контролем Чхве), то оно не было доказано. Не обнаружились доказательства и выводов средств из указанных фондов на нецелевые нужды или подтверждений того, что правки речей президента, сделанные Чхве, носили идеологический, а не стилистический характер.

10 марта 2017 г. Конституционный суд утвердил импичмент, при этом, выходя на оглашение вердикта, его председатель забыла снять бигуди. Автору в этом видится попытка противопоставить «праведного» судью, которая готова явиться в присутствие с бигуди на голове, «неправедному» президенту, которая, по слухам, делала прическу в тот момент, когда тонул «Севоль».

Затем последовали арест экс-президента и суд, на котором обвинение изобрело целый набор весьма интересных юридических

формулировок, включая «молчаливую просьбу», которая позволяет обвинять в вымогательстве взятки или иных проделках даже в том случае, если ответчик ничего подобного не говорил.

6 апреля 2018 г. Центральный окружной суд Сеула приговорил Пак Кынхе к 24 годам тюрьмы, и это был не единственный приговор экс-президента, однако подробное раскрытие данной темы выходит за рамки нашего исследования.

В целом консерваторы не рассчитали масштаб народного недовольства: удар по Пак оказался ударом по всей их повестке, и 9 мая 2017 г. на досрочных президентских выборах с разгромным счетом (41,08% против 24,03%) победил Мун Чжэин.

Победитель дракона становится драконом

Если бы «свечная революция» действительно была примером удара по коррупции и злоупотреблению властью, которые были характерны для периода правления Пак Кынхе, они исчезли бы при Мун Чжэине. К сожалению, это далеко не так, о чем говорят скандалы времен Муна. В качестве примера можно привести дело Чо Гука — выступления за и против его назначения министром юстиции собирали, по словам организаторов [Тысячи южнокорейских граждан…, 2019], миллионы как сторонников, так и противников назначения. В итоге Чо вынужден был уйти в отставку, дабы не подводить своего друга и соратника Мун Чжэина [Южнокорейский министр…, 2019].

В истории о вмешательстве власти в выборы Пак «всего лишь» призывала голосовать за определенных кандидатов. Сравним с выборами мэра Ульсана, когда для того, чтобы протолкнуть на место градоначальника старого соратника Муна, администрация президента организовала клеветническую кампанию в прессе и расследование по обвинению в коррупции, под давлением которого кандидат от оппозиции был вынужден снять свою кандидатуру. Как только он это сделал, выяснилось, что «факты не подтвердились», но махать кулаками после драки было уже поздно.

Не удается припомнить и ситуацию, когда государство закрывает стратегически важный объект просто потому, что президент обмолвился, что ему так хочется. С АЭС «Вольсон-1» произошло именно это [Асмолов, 2021].

Справедливого расследования трагедии «Севоля» тоже не случилось. Пик реальных расследований с осуждениями виновников прошел при Пак Кынхе, в то время как Мун ограничивался церемониальными мероприятиями и попыткой сформировать очередную комиссию по расследованию, чтобы найти хотя бы какой-нибудь компромат на центральные власти того времени. А виновникам трагедии из числа госчиновников сократили сроки — частично потому, что они действительно мало что могли сделать, частично потому, что все эти люди имели отношение к провинции Чолла, которая является опорой оппозиции.

Ситуация, когда президент назначает своего протеже министром, несмотря на обструкцию парламента, встречалась при Муне куда чаще, чем при его предшественнице. На декабрь 2020 г. таких назначенцев набралось 24: сравним с 17 во время администрации Ли Мёнбака и 10 во время администрации Пак Кынхе [Do, 2020a].

Нежелание слушать народ, в котором так часто упрекали Пак, проявилось и у Муна: за время пребывания у власти он провел шесть пресс-конференций — на одну меньше, чем Пак Кынхе. Похож и показатель участия Муна в заседаниях кабинета министров — он присутствовал только на 34 % из 193 заседаний, проведенных с момента его инаугурации. У Пак этот показатель составил 30 % [Do, 2020b].

Подведем итоги

С самого начала своего правления Пак оказалась между двух огней. Демократы сразу же «объявили ей войну» из-за «тени отца», но в консервативном лагере у нее не было достаточной поддержки из-за фракционной борьбы. К этому добавлялись особенности характера и несоответствие принятому в массовом сознании образу президента, а также отсутствие контроля над СМИ, которые представляли любые ее действия в невыгодном свете.

Помимо этого, политика Пак вызвала недовольство значительной части населения из числа социально активных слоев общества, будь то профсоюзы, студенты или адепты протестантских сект, а трагедия парома «Севоль» окончательно сформировала ее негативный образ в массовом сознании.

Именно поэтому на фоне скандала с Чхве Сунсиль население оказалось готово поверить в то, что «президентом манипулировала шаманка», и выйти на улицы, благо профсоюзы или протестантские приходы обеспечили бесплатный мобилизационный ресурс. Массовые митинги создали благоприятный фон для того, чтобы оппозиция заговорила об импичменте, а противники Пак среди консерваторов поддержали идею в надежде получить власть вместо нее.

Таким образом, значимую роль в «свечной революции» сыграли такие «реакционные» факторы, как фракционная борьба и целенаправленное манипулирование общественным мнением при помощи фальшивых новостей. Именно фальшивые новости спровоцировали массовое возмущение, а фракционная борьба стала причиной успеха парламентского голосования за импичмент и того, что президент лишилась поддержки в собственной партии.

Последующее правление Муна также показало, что борьба шла не со злоупотреблением властью, а за власть.

С другой стороны, относительно мирное отрешение президента от власти и непротивление этому процессу со стороны первого лица можно рассматривать как результат модернизации и демократизации корейского общества. Это важный признак для Кореи, где ранее решительная смена власти достигалась за счет большего уровня насилия: даже относительно мирная Апрельская революция 1960 г. стоила примерно сотни убитых.

Список литературы

Асмолов К. Консерваторы в Южной Корее — новое наступление? // Новое восточное обозрение. 30.10.2015а. URL: https://ru.journal-neo.org/2015/10/30/konservatory-v-yuzhnoj-koree-novoe-nastuplenie/.

Асмолов К. В. О массовых демонстрациях в РК // Новое восточное обозрение. 06.12.2015б. URL: http://ru.journal-neo.org/2015/12/06/o-massovy-h-demonstratsiyah-v-rk/.

Асмолов К. К чему приведет Республику Корея скандал с блогером Druid King // РСМД. 27.02.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-chemu-privedet-respubliku-koreya-skandal-s-blogerom-druid-king/.

Асмолов К. В. Мифы и фальшивые новости вокруг трагедии парома «Севоль» // Россия и Корея: взгляд из Сибири: тезисы и доклады Международной научно-практической конференции. Иркутск, 10—11 октября 2020 г. С. 71—75.

Асмолов К. Дело о закрытии АЭС «Вольсон-1» не так просто прекратить // Новое восточное обозрение. 15.07.2021. URL: https://ru.journal-neo.org/2021/07/15/delo-o-zakry-tii-ae-s-vol-son-1-ne-tak-prosto-prekratit/.

В деле о Чхве Сунсиль новые подробности // Международное радио Кореи. 14.01.2017. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm? No=46774&id=Dm.

В Сеуле проходит 11-й митинг с требованием отставки Пак Кынхе с поста президента РК // Международное радио Кореи. 01.07.2017. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=46687&id=Dm.

В Сеуле сотни тысяч человек вышли на митинг за отставку президента // ТВЦ. 12.11.2016. URL: https://www.tvc.ru/news/show/id/104481.

Кирьянов О. Экс-глава южнокорейской разведки приговорен к тюремному сроку // Российская газета. 12.09.2014. URL: http://rg.ru/printable/2014/09/12/korea-site-anons.html.

Кирьянов О. Оппозиция Кореи обвинила Пак Кынхе в намерении ввести военное положение // Российская газета. 18.11.2016а. URL: https://rg.ru/2016/11/18/oppoziciia-korei-obvinila-pak-kyn-he-v-namerenii-vvesti-voennoe-polozhenie.html.

Кирьянов О. Прокуратура Кореи открыла дорогу для импичмента президента Пак Кынхе // Российская газета. 20.11.2016б. URL: https://rg.ru/2016/11/20/prokuratura-korei-otkryla-dorogu-dlia-impichmenta-prezidenta-pak-kyn-he.html.

Кирьянов О. Помощник корейского президента признал ее участие в коррупционных схемах // Российская газета. 16.01.2017. URL: https://rg.ru/2017/01/16/pomoshchnik-korejskogo-prezidenta-priznal-ee-uchastie-v-korrupcionnyh-shemah.html.

Кризис в Южной Корее: акции протеста бьют рекорды массовости // BBC. Русская служба. 27.11.2016. URL: https://www.bbc.com/russian/features-38121249.

Национальное собрание приняло 57 законов // Международное радио Кореи. 29.05.2015. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm? No=39186&id=Po.

Национальное собрание РК приступает к рассмотрению вопроса о специальном прокуроре // Международное радио Кореи. 16.11.2016. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm? No=46007&id=Po.

Опрос показал, сколько жителей Южной Кореи поддержали импичмент президента // РИА Новости. 24.11.2016. URL: https://ria.ru/20161124/1482087272.html.

Президент РК Пак Кынхе извинилась за связь с Чхве Сунсиль // Международное радио Кореи. 25.10.2016. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm? No=45731&id=Po.

Прокуратура продолжает расследование дела Ан Чжон Бома // Международное радио Кореи. 14.11.2016. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm? No=45854&id=Dm.

Рейтинг президента РК Пак Кынхе упал до 4% // Международное радио Кореи. 25.11.2016. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm? No=46131&id=Po.

Спецпрокурор Пак Ён Су опубликовал результаты расследования // Международное радио Кореи. 06.03.2017. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm? No=47400&id=Dm.

Тысячи южнокорейских граждан потребовали отставки министра юстиции страны Чо Гука // Finanz.ru. 09.10.2019. URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/tysyachi-yuzhnokoreyskikh-grazhdan-potrebovali-otstavki-ministra-yusticii-strany-cho-guka-1028586755.

Уже второй кандидат на пост премьера Южной Кореи отказался от поста // РИА Новости. 24.06.2014. URL: https://ria.ru/20140624/1013303000.html.

Участники демонстрации в Сеуле потребовали отставки Пак Кынхе с поста президента // Международное радио Кореи. 29.10.2016. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm? No=45783&id=Dm.

Южнокорейский министр юстиции Чо Гук подал в отставку в связи с протестами // ТАСС. 14.10.2019. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6995951.

Byun Hee-jai and Tablet Trial Citizen Watchdog Group. Public Statement on the “Byun Hee-Jai and Tablet Trial” by Citizen Watchdog Group. (2018) East Asia Research Center. September 9. URL: https://eastasiaresearch.org/2019/07/11/public-statement-on-the-byun-hee-jai-and-tablet-trial-by-citizen-watchdog-group/.

Choi Ha-young. (2016) Park Forces Hanjin Chairman to Adopt Dog Mascot for Winter Olympics. *The Korea Times*. November 17. URL: http://m.koreatimes.co.kr/phone/news/view.jsp?req_newsidx=218402.

Do Je-hae. (2020a) Moon Appoints Ministers, Neglects Political Cooperation Pledge. *The Korea Times*. December 29. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/12/356_301627.html.

Do Je-hae. (2020b) Moon Lacking in Public Communication. *The Korea Times*. September 17. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/09/356_296229.html.

Lee Han-soo, Park Si-soo. (2016) ‘Eight Secret Files’ Could Spell the End for Park. *The Korea Times*. December 1. URL: http://m.koreatimes.co.kr/phone/news/view.jsp?req_newsidx=219303.

Lockheed Should Speak Out. (2016) *The Korea Times*. November 27. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinon/2016/11/202_219000.html.

O Tara. (2020) A Response to JTBC, Part II: The Truth about the Impeachment of South Korea’s President Park Geun-hye and the Rule of Law. *East Asia Research Center*. May 20. URL: https://eastasiaresearch.org/2020/05/20/a-response-to-jtbc-part-ii-the-truth-about-the-impeachment-of-south-koreas-president-park-geun-hye-and-the-rule-of-law/.

Park Got Free Health and Beauty Treatments, Used Silly Pseudonym. (2016) *Korea Joongang Daily*. November 16. URL: http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3026254.

Ser Myo-Ja. (2016) Saenuri Begs Victorious Independents to Return. *Korea JoongAng Daily*. April 15. URL: https://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3017605.

Testimony Implicates Park More Deeply in Scandal. (2016) *The Chosun Ilbo*. November 11. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2016/11/11/2016111101130.html.

Torches Blaze as 2.32 Million People Calling for Pres. Park’s Immediate Resignation. (2016) *Hangyoren*. December 4. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/773169.html.

ГЛАВА 6. ЭЛЕМЕНТЫ ДОМОДЕРНА, МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МИФЕ КНДР: ОПЫТ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА*

Аннотация. Опыт конструктивистского анализа избранных элементов северокорейского политического мифа позволяет проследить сочетание в нем черт домодерна, модерна и постмодерна. В главе проанализированы генезис понятия *чучхе*, развитие нарратива «линии крови» (*пхитчуль/хёльтхон*), сюжет с «техникой *чхукчиппоп*», так или иначе влияющие на конструирование и восприятие ключевого образа северокорейской идеологии — образа вождя. Также рассмотрены новые особенности политического мифа КНДР, связанные с информационной эпохой: трансляция «нормальности», коммерциализация и демократизация. Предложены перспективные направления дальнейших исследований.

Изучение северокорейского политического мифа актуально хотя бы потому, что экспертные оценки северокорейский идеологии далеки от консенсуса (см., например, дискуссию [Myers, 2015: 5—8]). Идеология непосредственно связана с политическим мифом и мифологическим сознанием (по Сорелю, «идеологии — это перевод мифов в абстрактные формы» [цит. по: Tudor, 1972: 149]). Здесь под политическим мифом мы имеем в виду драматический нарратив, излагающий политическую историю народа и предназначенный для формирования у целевой аудитории определенного мировоззрения [Tudor, 1972: 138]. Этот нарратив динамический, то есть не столько зафиксированный текст, сколько процесс работы коллективного политического воображения социума о себе и об окружающих [Bottici, 2007: 133]. Иными словами, мы рассматриваем политический миф как

* Глава развивает идеи статьи Asmolov K., Lebedev V. (2021) North Korea's Ideology and Propaganda. *Russia in Global Affairs*. Vol. 19. No. 1. P. 70—97.

дискурсивно-аналитическую категорию, как коммуникативную систему, «определяемую не объектом ее сообщения, а способом, которым оно высказывается», как «систему знаков, претендующую на перерастание в систему фактов» [Барт, 1996: 233, 260]. Отечественная традиция изучения политического устройства и идеологии КНДР достаточно богата. Стоит выделить работы А. З. Жебина [1996, 1997, 2003, 2012], прежде всего его монографию [2006]. Необходимо также отметить основательный обзор корейской политической культуры, выполненный К. В. Асмоловым [2017]. Отдельным аспектам северокорейской идеологии посвящены работы И. Ю. Панкиной [2011], О. П. Мальцевой [2017]. Много на эту тему пишет Андрей Ланьков [2003а; 2003б; 2019; 2020а; 2020б], но все названные (и другие) работы отличаются либо эмпирическим подходом к изучаемой теме (некоторые из них лучше отнести к жанру «академической публицистики», что, впрочем, нисколько не умаляет ни качество анализа, ни объем фактуры, ни их полезность для исследователей и практиков), либо иной, отличной от конструктивизма, теоретической рамкой.

Из западных исследователей стоит отметить Брайана Майерса, прежде всего обе его книги [Myers, 2010; 2015]. Трактовки исследователя (сутью политической идеологии КНДР он полагает воинствующий этнонационализм) считаются крайне дискуссионными и даже предвзятыми, однако Майерсу нельзя отказать ни в глубоком понимании северокорейского политического контекста, ни в оригинальности мышления. Корпус западной литературы, посвященной идеологии КНДР и различным аспектам ее политического мифа, достаточно богат и разнообразен (от авторов, которые считаются уже классическими — например, Б. Камингс [Cumings, 1998; 2004] или Б. Мартин [Martin, 2004], до исследований, посвященных отдельным аспектам изучаемой проблемы, — см. [Lee, Chen, 2007; Cho, 2011; Joinau, 2014] и др.) и в последнее время активно прирастает как академическими изданиями, так и качественной публицистикой. Разумеется, пристальное внимание этой проблематике уделяют и южнокорейские авторы (см., например, [Кан, 2017; Чон, 2018]).

И западные, и южнокорейские исследователи часто описывают и политическую систему, и идеологию Пхеньяна как «сталинизм»

с национальным колоритом, но это, скорее, стоит считать исследовательской метафорой, чем строгим академическим определением. Отсылка к образу Сталина в этом контексте связана, вероятно, с желанием избежать термина «вождизм», который в контексте модерна может показаться слишком архаичным, отсылающим к устройству домодерных политий.

Методология исследования и контекст

Конструктивизм, при всей его методологической неоднозначности [Казанцев, Кравцов, 2016], претендует на понимание «смысла событий для их реальных участников, а также различных способов стыковки этих смыслов» [там же]. Деконструкция этих смыслов и каналов их трансляции позволяет точнее определить их место в структуре политического и государственного мифа КНДР. В мифе людей интересует не «истинность, а применимость», «миф не объясняет, а констатирует» [Барт, 1996: 271], миф «дает имена» предметам и явлениям [Bottici, 2007: 116], поэтому для его анализа и деконструкции «понимающая социология» конструктивизма прекрасно подходит.

Историография исследований политического мифа настолько обширна, что список только основополагающих работ может занять несколько страниц. В рамках этой статьи мы ограничимся упоминанием книги Г. Тюдора [Tudor, 1972], с которой вполне можно начинать знакомство с этой темой, и относительно недавней книги К. Боттичи, изящно разобравшей особенности политического мифа в эпоху модерна и постмодерна [Bottici, 2007].

Корректная деконструкция политического мифа невозможна без учета того исторического и идейно-политического контекста, в котором он формировался и развивался. Не перегружая читателя пространным изложением всех особенностей почти векового строительства модерной нации в КНДР, выделим ключевые для нас эпизоды и процессы, создававшие этой контекст. Среди них — проникновение в корейскую среду идей немецкой философии, специфика восприятия национально-освободительной борьбы на фоне мировой истории в целом (распространяющаяся и на период после холодной войны), особенности национального подхода к заимствовани-

ям и подражательству; а также характерные для корейской истории фракционность и, соответственно, борьба с ней.

В процессе анализа мы проследим сопряжение элементов домодерна, модерна и постмодерна в некоторых сюжетах северокорейского политического мифа, избранных нами в качестве иллюстрации. Это идеи *чучхе*, нарратив «линии крови» (*пхитчуль/хёльтхон*) и родственный ему нарратив «кровной линии [горы] Пэкту», а также любопытный эпизод, связанный с использованием северокорейскими вождями «тайной техники перемещения в пространстве» *чхукчиппоп*. Все эти сюжеты так или иначе формируют ключевой нарратив северокорейского политического мифа — вождистский.

При анализе прежде всего стоит обращать внимание на понятия, концепции и образы. Конкретные приемы политической пропаганды — вроде массового обнаружения «революционных деревьев» с партизанскими лозунгами или «перелицовки» памятников, «стареющих» вместе с вождем, — актуальны для исследования лишь постольку, поскольку они становятся физическим воплощением конструирования политического мифа. В процессе такого конструирования происходит, по сути, слияние этих понятий, концепций, образов (*message*) с каналами и средствами их трансляции (*media*). Можно сказать, что в КНДР успешно воплощается известная метафора канадского социолога и философа Маршалла Маклюэна *the media is the message* [McLuhan, 1964], со временем переросшая в теорию медиа.

Становление современной государственности в Корее связано с очень болезненным преодолением конфуцианского принципа *садэчжуи* — «служения высшему», укоренившегося в корейской политической культуре с раннего средневековья. Вплоть до конца XIX века таким «высшим» был Китай, а потом Корея (успев при этом 13 лет пробыть «Великой империей») попала в колониальную зависимость от Японии. В современном политическом лексиконе что Севера, что Юга низкопоклонство — несмываемый политических грех.

Однако международная реальность вынуждала оба корейских государства, ставших в период холодной войны вполне «горячим» полигоном для великих держав, искать политического покровительства, заключая альянсы, которые в рамках теории международных

отношений принято называть асимметричными. В союзах такого рода государство-«клиент» жертвует своей автономией ради безопасности, которую обеспечивает государство-«патрон» [Walt, 1997: 157]. В рамках политической реальности — и политического мифа КНДР — холодная война не заканчивалась, и в ближайшей (по крайней мере) перспективе не закончится. Соответственно, у Пхеньяна не было поводов для «ресентимента проигравшего» (хотя с точки зрения международных отношений выигрыш Сеула, установившего вполне добрососедские связи с бывшими противниками — СССР и Китаем, по сравнению с КНДР, оказавшейся в почти абсолютной изоляции, представляется едва ли не абсолютным). Вообще, капитулянтство — серьезнейшее идеологическое прегрешение и сегодня, а «пораженцам, впадающим в ступор перед новыми вызовами… нет места на нашей земле!» [Для нас год лишений…, 2021].

Суровые ордалии 1990-х для КНДР остаются периодом «Трудного марша» — общенациональной мобилизации, завершившейся блистательной победой. Поэтому требование готовиться к новому «трудному походу», озвученное Ким Ченыном на VI конференции секретарей парторганизаций Трудовой партии Кореи (ТПК) в апреле 2021 г., стоит расценивать не столько как намек на то, что партийцам придется «затянуть пояса», сколько как призыв к новым свершениям (при этом одно, конечно, не исключает другого, а в северокорейских реалиях, пожалуй, даже предполагает).

Не испытав ощущения поражения, КНДР (в отличие, например, от России) не была вынуждена и проходить через идейную переоценку самой себя; не пыталась (до самого последнего времени) примерить на себя западную «капиталистическую нормальность», не разочаровывалась в глобализации и либеральной демократии и, разумеется, не испытывала необходимости в разработке альтернативного ей учения.

Отдельно стоит отметить обстоятельства формирования северокорейского вождизма — прежде всего, партийные чистки, начавшиеся со второй половины 1950-х годов. К 1970-м внутрипартийная дискуссия (фракционность) была фактически уничтожена, и в стране утвердился персоналистский режим, периодически «взбадривающий» партактив раундами борьбы с ревизионизмом (в Уставе ТПК

в перечне враждебных идеологий ревизионизм предшествует догматизму и низкопоклонству, что позволяет условно считать его еще более страшным грехом).

Имитация и политический миф

Не переживала КНДР и разочарования в «больших нарративах» [Lyotard, 1984], которое, по Ж. Лиотару, является признаком перехода от модерна к постмодерну. «Метанарратив» (с учетом масштабов — «микро-мета-нарратив») Северной Кореи — это *чучхе* — мобилизационная антитеза *садэчжуи* [Асмолов, 2009: 261—262]. В наиболее полном катехизисе, принадлежащем перу Ким Ченира «*Чучхе сасан тэхаё*» («Об идеях чучхе») можно найти и заявку на понятийный и объяснительный универсализм, на гуманизм в духе эпохи Просвещения, на готовность — и способность — преобразовывать мир.

Проблема расшифровки этой коммуникативной системы по-прежнему актуальна, поскольку даже вопрос о том, как называть северокорейскую идеологию, как ни странно, остается открытым. Обычно для этого используется термин *чучхе*, но в самой КНДР официально (на уровне Устава ТПК) «единственной руководящей идеологией» выступает «кимирсенизм-кимчениризм», а *чучхе* остается «стержнем и ручкой» этого зонтичного термина [Asmolov, Lebedev, 2021: 76]. Академические же оценки северокорейской идеологии вообще (и *чучхе* в частности) варьируют в очень широком спектре — от практической «непознаваемости» [Klug, 2019] до фактического отказа *чучхе* в притязаниях на идеологию [Myers, 2015: 6]. Одно из радикальных толкований вообще полагает *чучхе* лишь средством риторической маскировки истинной идейной сути северокорейского режима — воинствующего этнонационализма [Myers, 2015: 3]. В принципе, имитационная, «маскировочная» функция тоже не чужда идеологиям, а с точки зрения С. Жижека — вообще имманентна им: «Идеология — фантазматическая конструкция… *маскирующая невыносимую, реальную, непостижимую сущность*» [Žižek, 1989: 45].

Разумеется, в КНДР сама идея имитации чего-либо считается вариантом низкопоклонства и сурово порицается (в отличие от творческого переосмысления). Признание подражательства — прямое противоречие официальной риторике, внутренняя угроза целостности

политического мифа. Подражание, однако, — важный элемент мифа и мифологического сознания, основа мифологического обобщения [цит. по: Сурков, 2013] и бытования традиции.

Китай, Япония и Корея давно (как минимум с XIX века) и успешно осваивают западный опыт — это, в принципе, трюизм. Заимствования — идеологические, технологические, управленческие — переосмысляются и относительно безболезненно становятся частью национального опыта. Более того, политическая имитация — совсем не эксклюзивный атрибут дальневосточных политий (о современных «апроприационных» имитационных практиках см., например, соответствующие разделы в: [Holmes, Krastev, 2019]).

Кажущееся противоречие между подражательством и его риторическим отрицанием разрешает сама природа мифа. Миф натурализует то, что он описывает: ничего не скрывая и ничего не демонстрируя, он деформирует, то есть меняет представление об образе так, что означающее обосновывает означаемое [Барт, 1957: 255]. То есть миф делает «чужое» — «своим».

Любопытный пример заимствования китайского внешнеполитического нарратива северокорейцами привел в разговоре с одним из авторов Андрей Ланьков (и любезно разрешил обнародовать). Обсуждая с ним в начале 2020 г. проблему ядерного разоружения на полуострове, Джошуа Поллок из Центра исследований в области нераспространения им. Джеймса Мартина (Jaimes Martin Center for Nonproliferation Studies) заметил, что вплоть до 2018 г. многие официальные заявления северокорейской стороны были намеренно написаны в качестве своеобразной полупародийной ссылки к похожим по сути заявлениям, которые делал Китай в период разработки собственного ядерного арсенала. По мнению Поллока, это делалось специально, чтобы подразнить Китай, к чему в первые пять-шесть лет своего пребывания у власти Ким Ченын был весьма склонен. Имитацией (копированием) методов пропаганды российского RT и китайского CGTN в западных СМИ считают и новый (оформившийся ближе к завершению второго десятилетия XXI века) формат зарубежного вещания КНДР, который авторы *NK News*, считают следствием сотрудничества российских и китайских государственных медиа с северокорейскими [Zwirko, Hotham, 2020].

Как бы то ни было, если рассматривать *чучхе* как дискурс, то вопрос о его аутентичности или имитационности уходит на второй план. Миф работает именно потому, что его аудитория верит в то, что он является правдой [Tudor, 1972: 138], а его творцы — в то, что он работает. При анализе мифа мы должны иметь дело именно с теми знаками и символами, которые нам предлагают. При этом особую важность приобретает генезис этих знаков и символов.

В таком смысле весьма показательна дискуссия даже не вокруг содержания, а вокруг точного перевода с корейского понятия *чучхе*. Специалистам хорошо известен весь спектр возможных вариантов, однако очень часто на русском (да и на английском) это слово передают просто транслитерацией. Нам представляется, что стоит вернуться к тому значению, которое, как полагает Б. Майерс [Myers, 2015: 11—12, 20], этому термину придавалось изначально, когда он только попал в Корею из Японии. Опираясь на работу Т. Кобаяси «Определения субъекта» (主體の ゆくえ, *Сютай:но юкуэ*), Майерс утверждает, что впервые термин *сютай* (яп. 主體) появился в японском для обозначения кантовского понятия «субъект», то есть носителя действия, того, кто мыслит, познает или действует; чье действие или познание направлено на объект. В таком значении его употребил в 1887 г. в книге «Основы философии» (哲学 要領, *Тэцугаку ёрё*) Иноуэ Энрё. В самом начале XX века этот термин перебрался и в Корею. В 1908 г. им оперировал Син Чхэхо в полемической статье, в контексте, подразумевавшем, что его читатель уже знаком с этим термином.

Представляется, что в англоязычной литературе широкому использованию этого перевода, хорошо известного специалистам (см., например, [Kim, 2012]), мешает двусмысленность английского *subject*, которое имеет два «политически противоположных» смысла: собственно «субъект» и «подданный». Субъект обладает *agency* — акторностью, способностью к самостоятельному, независимому политическому действию, а подданный этой акторности практически лишен. Впрочем, в лексиконе российских международников и социологов понятия «субъект» и «субъектность» прижились давно и достаточно безболезненно.

В политическом (и прежде всего внешнеполитическом) дискурсе субъектность — устойчивый синоним понятия «суверенитет». В со-

временном корейском для обозначения этого понятия используется термин *чуквон* (主觀), который также восходит к японским трактовкам (яп. *сюкан*) понятия «субъект» начала XX века. Если понятие *сюкан* применялось скорее в контексте способности к самостоятельному и абстрактному мышлению, то *сютай* означало способность к этическому действию. В период японского колониального господства в ходу были оба эти термина [Myers, 2015: 11].

Деконструкция же «чучхейского мифа» дает нам возможность переводить слово *чучхе* как «субъектность», когда мы обсуждаем его концептуальное наполнение, или как «суверенитет», когда речь идет о его практическом содержании. При таком подходе типичные для русскоязычного дискурса выражения вроде «чучхейская экономика», «чучхейская историческая наука» и т. п. превращаются в «суверенную экономику», «суверенную историческую науку» и т. п. Такой перевод лишает *чучхе* экзотического восточного флера (или, если хотите, налета местечковости) и рационализирует (и интернационализирует) дискурс. Травмирующий опыт модерна не мог не сделать суверенность главным фокусом корейской политической мысли — как не мог и не подстегнуть националистические настроения. Передачу власти от японской колониальной администрации в руки корейцев один из ведущих деятелей народно-освободительного движения Ё Унён обусловил обязательным суверенитетом (*чучхечжогыро*) корейцев в вопросах собственной безопасности [Myers, 2015: 12, 21]. Разумеется, в реальной международной ситуации второй половины XX века о полноценной реализации суверенитета нельзя говорить ни практически, ни теоретически. Стремление к субъектности находило выход в дискурсе — Ким Ирсен, например, подтрунивал над зависимостью стран Восточной Европы от Кремля (будто там, когда в Москве шел дождь, раскрывали зонтики даже при ясном небе). Оба корейских государства синхронно отказывали друг другу в субъектности, называя своих оппонентов марионетками. На Севере отказ Сеула подписать соглашение о перемирии после окончания Корейской войны объясняют тем, что марионетке не было нужды ставить свою подпись — ведь все решал патрон.

Стоит, кстати, отметить, что в нужные моменты каждый северокорейский лидер клятвенно подтверждал верность принципам мар-

ксизма-ленинизма (показательный пример: прошедший 5—12 января 2021 г. VIII съезд ТПК завершился исполнением «Интернационала»). В принципе, такая риторика — тоже своего рода подражание мантрам китайских идеологов о советских (а потом и российских) ревизионистах и об истинном марксизме, который остался только в Китае.

До и после модерна

Следы «натурализации» внешнего концепта можно найти и в северокорейском нарративе «линии крови». Понятие «линии крови» (*пхитчуль* или *хёльтхон*) закрепилось в общественно-политическом дискурсе КНДР как минимум с 1973 г. В тот период проходила ревизия определения понятия «нация», которое приобретало все более выраженный примордиалистский оттенок и, соответственно, приставку «этно». С тех пор корейскую нацию как «устойчивый коллектив людей с [единой] судьбой» [Большой…, б. д.] «со времен Тангуна» определяет прежде всего «единая линия крови» — наряду с языковой, культурной и территориальной общностью (подробнее об эволюции чучхейской, то есть суверенной, теории этногенеза корейцев см., например, [Крупянко, Акуленко, 2017]). Созвучие нарратива *пхитчуль* с немецкой концепцией «крови и почвы» (Blut und Boden) бросается в глаза. Идея «крови и почвы», концептуализированная в 1922 г. О. Шпенглером в «Закате Европы», в Германии стала основой национал-социалистической доктрины. В 1930-х годах транзитом через Японию, где, в свою очередь, в тот период самым активным образом развивался дискурс крови (особенно «чистой крови»), она попала в Корею. В 1930-х годах к идее кровного родства как основе нации обращается писатель и публицист Ли Гвансу [там же: 44], которого считают основателем современной корейской прозы.

Если в немецком оригинале «кровь и почва» были понятиями сакральными, а цель состояла в возвращении к «корням» (то есть была, по сути, антитезой модерна [см., например, Frøland, Irons, 2020]), то в «чучхейском изводе» общность территории не наделяется метафизическими нациеобразующими свойствами сама по себе, а задает лишь пространственные рамки, значительно уступая по важности фактору крови (в 1980-х вместо понятия «кровь» часто употребляли «генетическое родство», но суть от этого не меняется).

В период правления Ким Ченира в северокорейском нарративе нациестроительства доминировала примордиалистская трактовка *пхитчуль* как исключительно биологической (физиологической) характеристики (и преобладала риторика «чистой крови»). Однако в последнее время параллельно с этим нарративом формируется конструктивистский, рассматривающий «линию крови» как метафору, «социологический концепт», включающий в себя «передаваемые последующим поколениям идейно-идеологические достижения, опыт, традиции», отличный от «биологического *пхитчуль*» [Чхве, 2014]. Конструктивистские мотивы в нарративе нациестроительства — несомненный признак перехода от модерна к постмодерну.

Похожее развитие характерно и для нарратива «революционной кровной линии», или «кровной линии [горы] Пэкту», который традиционно считается атрибутом правящей семьи Кимов (или, шире, их клана). В последнее время определенной метафоризации подвергаются и эти образы. Так, в 2016 г. Ким Ченын в речи на IX съезде Кимирсенско-кимченирского социалистического союза молодежи заявил, что в современных «верных продолжателях великого дела чучхейской революции продолжается кровная линия Пэкту» [Выступление Ким Ченына…, 2016].

Разумеется, разработка этих конструктов остается прерогативой интеллектуальной верхушки, а на бытовом уровне в Северной Корее вопрос «линии крови» сводится именно к биологии: у кровных родственников есть *пхитчуль*, а у свойственников (у свекрови с невесткой, например) — нет. Однако такие идеологические упражнения могут быть и вполне целенаправленными попытками осмысления (или конструирования) новых принципов нациестроительства: если «линия крови» не обязательно биологически детерминирована, то к корейской нации вполне можно причислить и корейских китайцев *хвагё*, которые все время существования КНДР жили «на идеологическом отшибе»: с одной стороны, они подвергались определенной социальной дискриминации (никогда не могли быть приняты в ТПК и, соответственно, не могли занимать руководящих постов даже среднего уровня), с другой — были избавлены от некоторых видов идеологической обработки (например, от участия в обязательных собраниях-политинформациях). При этом *хвагё* — одни из самых

активных агентов «низового квазикапитализма» в КНДР (подробнее о социально-экономическом статусе *хвагё* см., например [Lankov, 2007]). Кроме того, под расширенное толкование «линии крови» подпадают и дети от смешанных браков. Если такое смелое предположение имеет под собой основания, то вполне вероятно появление и дальнейшее распространение (тоже, кстати, вполне постмодерное) толкования «территориальной общности» соотечественников от «земель и рек со времен Тангуна» на весь мир — то есть на все зарубежные корейские диаспоры.

Другой любопытный пример сочетания домодерна и модерна можно наблюдать в дидактических рассказах о навыке *чхукчиппоп*, позволяющем его носителю становиться практически вездесущим, молниеносно перемещаясь в пространстве за счет его «искривления». Эти рассказы давно стали одним из элементов официальной агиографии Ким Ирсена. Их суть сводится к тому, что его партизанский отряд в Маньчжурии был неуловим благодаря помощи местных крестьян, сообщавших ему обо всех передвижениях и планах оккупантов. Оставленные в очередной раз в дураках японцы заподозрили, что партизанский командир владеет «волшебной» техникой *чхукчиппоп*, и исполнились благоговейного страха перед гениальным корейским полководцем (см., например, [Чхукчиппоп широких народных масс, 2018; Чан, 2020]). Отражены сказочные мотивы и в «партизанской» живописи [Асмолов, 2018: 142].

Разумеется, официальный нарратив никогда не наделял вождя сверхъестественными свойствами напрямую. Партизанские легенды всегда были частью «народного эпоса», сформировавшегося в период борьбы за независимость и воспроизводящегося в рамках публицистики или приключенческой литературы. Вообще, былинность — неотъемлемый атрибут рассказов о героях и полководцах. В этом контексте можно вспомнить, например, жизнеописание силласца Сона, который несколько часов бился с врагами «весь [утыканный] стрелами, как еж» [Ким, 2002: 173], или «корейского Робин Гуда» — Хон Гильдона, также владевшего приемами *чхукчиппоп*. Примечательно, что истории о *чхукчиппоп* часто представляют собой нарратив в нарративе: с развитием сюжета роль протагониста меняется от Героя до Наставника (в приведенном выше приме-

ре Ким Ирсен разъяснял обстоятельства возникновения легенды о себе по просьбе работников провинциального комитета самоуправления), — а этот образ в дальневосточной культуре едва ли не самый мощный.

Рассказ (легенда) о *чхукчиппоп*, не являясь мифом *per se*, прекрасно иллюстрирует процесс политического мифотворчества через ритуал. Легенда, в отличие от мифа, не связана с ритуалом (а ритуал как сакрализующее действие одновременно является и способом трансляции мифа). Важность действия (а не только речевого акта) в процессе мифотворчества, «работы над мифом» подчеркивают многие исследователи (см. [Bottici, 2007: 99]). Рассказ о *чхукчиппоп* — это описание такого ритуала (передачи знаний от вождя народу), мифотворческий нарратив, демонстрирующий, как легенда становится мифом.

В этом сюжете ярко проявляется переплетение сказочных (домодерных) и рациональных (модерных) мотивов. Прагматичный модерн (массовая народная поддержка в рамках национально-освободительной борьбы) очевидно торжествует над мистическим домодерном (суевериями японских реакционеров-колонизаторов). В постмодерные медийно-абсурдистские тона этот сюжет раскрасила его подача в западной прессе. Та заинтересовалась супергеройскими способностями (точнее, их отсутствием) Ким Ирсена сразу после того, как Ким Ченын, на время «исчезнув с радаров» после операции на сердце (некоторые вполне официальные лица успели его даже похоронить), вновь появился на публике. Общая тональность статей сводилась к тому, что северокорейский режим, официально подтверждая отсутствие магических способностей у основателя КНДР, перестраивает политический и идеологический нарратив на более прагматичный лад. Стремление Пхеньяна «осовременить» прежний нарратив сообразно требованиям времени само по себе сомнений не вызывает, однако истолкование его в медиа представляется несколько упрощенным. *Чхукчиппоп* в рамках северокорейского политического мифа прагматичен не менее, чем непревзойденная государственная мудрость Елизаветы I в рамках британского, естественнонаучные штудии Бенджамина Франклина — в рамках американского, трудовой подвиг Стаханова — в рамках советского мифа.

Действенность и живучесть политического мифа определяются не соотношением «прагматического» и «мистического» в нем, а уровнем его соответствия ожиданиям и ощущениям аудитории. До тех пор, пока миф созвучен эмпирическому и духовному опыту аудитории, пока он способен объяснять повседневность и обосновывать практические цели, он остается востребованным [Tudor, 1974: 138].

Отображение этой истории в западных медиа скорее показывает, как она конструирует образ КНДР как «Другого» (Other) для своего читателя. Само название одной из основополагающих для западного дискурса книг о КНДР — *North Korea. Another County* [Cumings, 2004] — фиксирует эту инаковость.

Впрочем, северокорейский политический миф способен работать с постмодернистскими категориями и без интерпретирующей «помощи» западных медиа. Наиболее наглядно это проявилось в связи с распространением современных средств коммуникации — «цифровая эпоха» вовсе не обошла КНДР стороной (подробно о цифровом аспекте северокорейской пропаганды см. [Asmolov, Lebedev, 2021]). Прекрасный пример северокорейского постмодернистского мифотворчества — наделавший много шума видеоблог Echo of Truth, стартовавший в 2017 г. В отличие от «цифрового официоза», заполняющего официальные северокорейские каналы на YouTube, Echo of Truth, лицом которого стала симпатичная пхеньянская девушка Ына, транслировал «живую повседневность». Изящно и со вкусом одетая Ына гуляла по Пхеньяну, рассказывая о городе на неплохом английском. Ее ролики напоминали обычные туристические видеоблоги. В апреле 2020 г. стартовал YouTube-канал под названием New Korea, посвященный жизни и быту семилетней девочки Ли Сучжин. Довольно живо выглядел твиттер-аккаунт @coldnoodlefan, который появился летом 2017 г. и даже поддерживал обратную связь с аудиторией.

Реакция самих интернет-площадок на этот charm offensive вполне соответствовала реалиям информационных войн. В декабре 2020 г. YouTube удалил канал Ына — правда, всего через несколько часов на той же площадке появился новый — под тем же именем и с тем же содержанием (пострадали лишь статистические данные — обнулились счетчики просмотров и нарушилась хронология размещения

роликов). Впрочем, новых роликов Ына с 2021 г. в сети не появлялось. Комментаторы считают, что это может говорить о смене задач пропагандистского ведомства в контексте общего ужесточения режима и противодействия со стороны международных интернет-платформ [Zwirko, 2021].

В принципе, пример Echo of Truth подтверждает гипотезу Б. Майерса о «трех треках» северокорейской пропаганды: «внутреннем», направленном исключительно на граждан страны и недоступном для внешних наблюдателей, «внешнем» — та же внутренняя пропаганда, но ограниченная пониманием того, что к ней могут получить доступ иностранцы, и «экспортном», предназначенном исключительно для международной аудитории [Myers, 2015: 9]. Пока сложно судить, насколько адекватно эта исследовательская рамка, вполне позволяющая структурировать пропагандистские информационные потоки по каналам и (условно) по формальному контенту, отображает «способ высказывания». Медиа свойственна конвергенция, и развитие технологий эту конвергенцию только стимулирует. Судить о том, отличается ли «способ высказывания» в зависимости от «трека», можно будет только с помощью дальнейших глубоких исследований самого пропагандистского механизма КНДР, а это задача невероятно сложная.

Историю Ына (или ее образа) и ее видеоблога вполне можно рассматривать в контексте идей Фредрика Джеймисона о постмодернизме, изложенных в статье ”Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism” [Jameson, 1984], которая позже разрослась до книги. Вполне консюмеристские экскурсии Ына по магазинам сопровождались разоблачениями буржуазных «фейк-ньюс», призывами сохранять бдительность и здравицами в адрес вождя. Стилистика ее блога имеет элементы джеймисоновского *пастиша* — стилистическую маску, «мертвый» (чужой) язык. Ее блог имитирует «буржуазный» нарратив, не пародируя и не высмеивая его, а сама Ына становится образом джеймисоновского «децентрированного человека/субъекта», существующего в бесконечной череде нарративов настоящего, ибо иного времени, кроме текущего, для него не существует. При этом в глазах самих создателей это наверняка просто попытка говорить с Западом на «его» языке.

Вождь

Некоторые элементы «разорванности нарратива» (возникающие, как ни парадоксально, на фоне попыток сохранить традицию или, по крайней мере, обеспечить ее мягкий трансфер в современность) можно найти и в сегодняшнем прочтении ключевого образа северокорейской идеологии — в образе вождя. Объединение фигур Ким Ирсена и Ким Ченира в «биноминальную монаду» под названием «пэктусанские руководители» отобразилось в реновации скульптурной группы на холме Мансудэ — рядом со статуей Ким Ирсена появилась статуя Ким Ченира, а голову Ким Ирсена «состарили».

Наделение неживого (скульптуры) атрибутами жизни (старение) — это (опять же, скорее всего, вне желания конструкторов) заставляет северокорейский миф звучать постмодернистски и подталкивает к его маклюэновской интерпретации: «старение» статуи — это буквальное воплощение принципа *the media is the message*. Статуя (медиа), изменяясь, тем самым доносит определенное сообщение (message). Но старение статуи демонстрирует, что она подвластна времени, а это противоречит образу «вечного» вождя, который задает титулатура. Если Ким Ирсен увековечен в должности вечного президента страны, Ким Ченир останется в истории вечным генсеком и председателем Комитета обороны.

И в этой вечности пока есть место только для двоих. Во всяком случае, очевидных попыток подняться на монументальный пьедестал деда и отца Ким Ченын пока не делает. Нет его церемониальных портретов, значков с его изображением и даже титулы типа «блистательного товарища» или «гения среди гениев» — в целом куда менее пышные и малочисленные, чем у его предшественников — в центральной партийной газете «Родон Синмун» практически не встречаются. Все чаще по отношению к Ким Ченыну употребляется титул *субан* (глава, руководитель), в этимологии которого еще предстоит разобраться. Вероятно, существенную роль играет то, что Ким Ченын — наследник национального революционного мифа, но не творец, поэтому он остается прежде всего нарратором, хранителем, но не героем этого мифа. В КНДР постоянно и буквально подчеркивается, что «уважаемый и любимый товарищ Ким Ченын без самых малейших изменений, в первозданном виде продолжает мысль и намерения великих вождей» [Тан, 2014].

Представляется, что «вождистская» мифология подвержена модернизации в наименьшей степени. Об этом, в частности, говорит и сохранение ключевых практик госуправления — от «зачисток» потенциальных смутьянов в верхах до «руководства на местах», сопряженных с «работой над мифом». Некоторые элементы этого культа можно возводить к весьма архаичным представлениям. Так, уважительное обращение к Ким Ирсену *обой*, которое обычно передают как «Отец нации», вообще-то переводится как «родитель» и объединяет две морфемы — «отец» и «мать» (разумеется, в северокорейском идеологическом нарративе гораздо чаще используется вполне узнаваемая модерная метафора «вождь-отец и партия-мать»). К. Асмолов вслед за Б. Камингсом трактует это обращение в духе конфуцианской патерналистской модели устройства государства (см. [Асмолов, 2009: 69]). Однако здесь можно увидеть и отсылку к образу андрогинного (обоеполого) бога-творца или первочеловека, представленному в мифологии многих древних обществ, хотя достоверно проследить этимологию этого гоноратива наверняка очень непросто.

Разумеется, по сравнению с предшественниками Ким Ченын выглядит гораздо более «модерным» автократом, но он остается в рамках традиции, обеспечивая один из важнейших принципов сохранения режима — преемственность. Другое дело, что он пока явно дистанцируется от сакрализации собственного образа, делая упор на демонстрации человеческих качеств. Так, в речи на военном параде, посвященном 75-й годовщине ТПК 10 октября 2020 г., лидер государства публично покаялся в том, что не может в полной мере соответствовать чаяниям народа, признался, что ему трудно подобрать верные слова и ограничился простым «Спасибо». Такое поведение противоречит стереотипному образу вождя, чеканящего безупречные формулировки. Показательно, что речь Ким Ченын завершил здравицей не в адрес ТПК, а в адрес народа.

Разумеется, искренность этого «перформанса» не стоит переоценивать: практика публичного аффективного покаяния руководителей самого разного уровня — традиционный элемент государственной, социальной и даже деловой коммуникации на Дальнем Востоке, восходящий к конфуцианским представлениям о добродетели пра-

вителя (см., [Ким, 2002: 309, прим. 26]; примеры подобного поведения силласких ванов можно найти в «Самгук саги» в сообщениях от 14-го года правления *марипкана* Сочжи или 19-го года правления вана Мунсона [там же: 122, 267]).

Важнее то, что примеру руководителя следуют его подчиненные. Покаянные статьи чиновников высокого ранга в центральной прессе, сопровождаемые редакционными инвективами в адрес коррупции и бюрократии [Asmolov, Lebedev, 2021: 82], — это фактически перенос практики «сеансов самокритики» *сэнъхваль чхонхва* в медийное (то есть максимально публичное) пространство. Иными словами, это пример «работы над мифом».

Заключение

Рамки главы позволяют уделить внимание лишь отдельным элементам северокорейского политического мифа. Так, мы не затрагиваем «изобретения истории» в КНДР — эта тема достойна целой монографии. Эволюция квазисословной системы *сонбун*, особенно в контексте развития цифровых технологий, также представляет огромный интерес (в том числе и с точки зрения конвергенции домодерных, модерных и постмодерных мотивов): вполне можно предположить, что Пхеньян заинтересуется китайским опытом социальных рейтингов — вопрос только в ресурсах, которыми располагает режим. Отдельного внимания заслуживают социальные практики «работы с мифом» на низовом уровне (хотя бы на уровне «народных групп» *инминбан*). Последнее, конечно, наиболее трудная задача, поскольку полноценная полевая социология в КНДР невозможна, но без исследований социальных взаимодействий любая попытка конструктивистского анализа будет неполной. Очевидно также, что за эволюцией политического мифа надо наблюдать постоянно, фиксируя риторические новеллы вроде лозунга *ури куккачеильчжуи*, созвучного трамповскому «Америка прежде всего» и вполне укладывающегося в дискурс о суверенитете.

Однако некоторые выводы как практического, так и общетеоретического характера мы можем попытаться сделать даже на таком небольшом материале и достаточно поверхностном описании нашей проблематики.

Прежде всего, понимание *чучхе* — и северокорейского политического мифа в целом — как дискурса о суверенитете, на наш взгляд, облегчает задачу общения с Пхеньяном, прежде всего для России — с учетом той первостепенной роли, которую этот конструкт играет в российском внутри- и внешнеполитическом дискурсе [Филиппов, 2020]. Здесь стороны говорят на одном языке, что может обеспечить российской дипломатии определенное преимущество по отношению к тем же США или европейцам, которые трактуют суверенитет иначе.

Претензия *чучхе* на полноценную альтернативу любому «чужому» дискурсу частично может объяснять стрессоустойчивость северокорейского режима (анализ его стрессоустойчивости в контексте непосредственных угроз см.: [Ланьков, 2021]). Как, кстати, и способность этого дискурса вбирать в себя образы и смыслы трех разных эпох и достаточно успешно оперировать ими.

Инструментальной основой этого дискурса (и, соответственно, мифа) остается государственная монополия на информацию. В принципе, модернизация северокорейского режима вполне может превратить его в «информационную автократию» — Сергей Гуриев и Дэниел Трейсман предложили этот термин для описания новых «антилиберальных демократий» [Guriev, Treisman, 2015], но КНДР вполне отвечает многим ключевым признакам такого устройства. Поэтому применение исследовательской рамки Гуриева — Трейсмана к изучению КНДР представляется вполне оправданным.

Попытки нарушить эту монополию воспринимаются Пхеньяном как одна из ключевых экзистенциальных угроз. Контрабандные флешки с развлекательным контентом — едва ли не главная «маклюэновская» мина под политический режим КНДР. Они опасны не столько своим содержимым, каким бы крамольным оно ни было, а самим фактом своего распространения — то есть подрыва главной прерогативы государства, осуществляемой при этом по всем канонам «дикого капитализма», в погоне за наживой.

Логика развития современного информационного противостояния подразумевает постоянную борьбу просто за присутствие в медийном поле, «борьбу за дискурс». Альтернатива — «информационная автаркия», которая для международной роли ядерной КНДР несет больше опасностей, чем преимуществ, поскольку, во-первых, пол-

ностью отдает информационную инициативу оппонентам (противникам), а во-вторых, увеличивает неопределенность (и связанные с ней страхи — или необоснованные надежды) для всех заинтересованных лиц, включая саму КНДР, больше, чем риторическая конфронтация. Неопределенность, в свою очередь, провоцирует укоренение стереотипного восприятия КНДР. Живучесть стереотипов вольно или невольно подтвердил один из авторитетных американских экспертов Виктор Ча (бывший главным советником по КНДР в администрации Буша-мл.): «Если мы не видим [подобных провокаций], значит, в Пхеньяне что-то неладно» [цит. по: Grady, 2020].

Уже в ближайшем будущем политическому мифу КНДР предстоит целая серия проверок на прочность. Они связаны и с очевидными внешнеполитическими успехами Пхеньяна (де-факто изменившийся международный статус страны потребует более активной стратегической коммуникации), и с не менее очевидными внутриэкономическими проблемами, и с общим развитием международного контекста, в который КНДР вовлекается все сильнее.

Список литературы

Асмолов К. В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2017.

Асмолов К. Не только ракеты: путешествие историка в Северную Корею. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2018.

Барт Р. Миф сегодня // Мифологии / Р. Барт, пер. с фр. С. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых. М.: 1996.

Жебин А. З. Некоторые механизмы социального контроля в КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С. 19—30.

Жебин А. З. Особенности современного политического режима в КНДР // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Часть 1. Материалы научной конференции. Москва, 10—11 декабря 1996 года. М., 1997.

Жебин А. З. КНДР: традиции и современность // Восток (Oriens). 2003. № 3. С. 85—96.

Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006.

Жебин А. З. КНДР: время перемен? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 114—143.

Казанцев А., Кравцов В. Современный конструктивизм. Два суждения об одной методологии // Гефтер. 14.12.2016. http://gefter.ru/archive/20402#up1.

Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи Трех государств). М.: Восточная литература, 2002.

Крупянко А. А., Акуленко В. С. Чучхейская теория этногенеза корейцев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (40). С. 43—51. https://www.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-2/43-51.

Ланьков А. Слабое звено северокорейской пропаганды // Русский журнал. 13.08.2003а. URL: http://old.russ.ru/politics/research/20030818-lan.html.

Ланьков А., Официальная пропаганда в КНДР: идеи и методы // Хроно. 2003б. URL: http://www.hrono.info/statii/2003/lanprop.html.

Ланьков А. Идеология КНДР эволюционировала, но остается социалистической // Профиль. 17.11.2019. URL: https://profile.ru/abroad/ideologiya-kndr-evolyucionirovala-no-ostaetsya-socialisticheskoj-192212/.

Ланьков А. Великие и непобедимые — что представляет собой исторический нарратив КНДР // Профиль. 2020а. URL: https://profile.ru/abroad/velikie-i-nepobedimye-chto-predstavlyaet-soboj-istoricheskij-narrativ-kndr-398130/.

Ланьков А. Борцы с китайско-коммунистическим заговором встали на защиту вновь избранного президента Трампа // Случайные заметки Андрея Ланькова — LiveJournal. 2020б. URL: https://tttkkk.livejournal.com/326390.html.

Ланьков А. Северокорейское чудо: 30 лет выживания в условиях кризиса и изоляции // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 2. С. 31—48. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-31-48.

Мальцева О. П. Некоторые особенности стратегического курса Ким Чен Ына // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 1. С. 41—47.

Панкина И. Ю. Политика приоритета армии (сонгун) в КНДР: истоки, сущность и формы проявления : автореф. дисс. … канд. полит. наук. М., 2011.

Сурков А. Миф, сила и насилие в философии Ж. Сореля // Руниверс. 2013. URL: https://runivers.ru/philosophy/logosphere/471679/#_edn24.

Филиппов А. Суверенитет // Россия в глобальной политике. 2020. № 1. URL: https://globalaffairs.ru/articles/glossarij/#t10.

Bottici Ch. (2007) A Philosophy of Political Myth. New York: Cambridge University Press.

Cho Y. Ch. (2011) North Korea's Nationalistic Discourse: A Critical Interpretation. *Korea Observer*. Vol. 42. No. 2. P. 311—343.

Cumings B. (1998) Korea's Place in the Sun. A Modern History. New York.

Cumings B. (2004) North Korea. Another Country. New York, London.

Frøland C. M. I., Irons, J. (2020) Understanding Nazi Ideology: Its Historical Roots, Evolution and Consequences. Jefferson, NC: McFarland & Company.

Grady J. (2020) U. S. Forces Korea CO: North Korea Showing No Signs of Regime Instability. URL: https://news.usni.org/2020/09/11/u-s-forces-korea-co-north-korea-showing-no-signs-of-regime-instability?fbclid=IwAR05V73h43fa-JAaLniElAhuDPw179UXrub0VCMKflQiwuQm1cKhFHVnM1I.

Guriev S., Treisman D. (2015) How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism. Working Paper 21136. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research.

Holmes S., Krastev I. (2019) The Light That Failed: Why the West Is Losing the Fight for Democracy. UK: Penguin and Random House.

Joinau B. (2014) The Arrow and the Sun: A Topo-mythanalysis of Pyongyang. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. Vol. 14. No. 1. P. 65—92.

Kim Ch. (2012) Total, Thus Broken: Chuch'e Sasang and North Korea's Terrain of Subjectivity. *The Journal of Korean Studies*. Vol. 17. No. 1 (Spring). P. 69—96.

Klug F. (2019) Juche Rules North Korean Propaganda, but What Does It Mean? *APNews*. September 30. URL: https://apnews.com/article/d63d00ce9de042dc88b9df2c40be53ee.

Lyotard J.-F. (1984) The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Trans. Geoffrey Bennington and Brian Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Jameson F. (1984) Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. *New Left Review*. Vol. I (146), July — August.

Lankov A. (2007) Chinese Community in RK. *The Korea Times*. 18 November. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2009/02/166_13968.html.

Lee Ji-Yong, Cheng Chen. (2007) Making Sense of North Korea: In Comparative-Historical Perspective. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 40. No. 4. P. 459—475. URL: https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2007.10.003.

Martin B. K. (2004) Under the Loving Care of the Fatherly Leader: North Korea and the Kim Dynasty. New York: Thomas Dunne Books.

McLuhan H. M. (1964) Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill.

Myers B. (2010) The Cleanest Race: How North Koreans See Themselves and Why it Matters. Brooklyn, NY: Melville House Publishing.

Myers B. (2015) North Korea's Juche Myth. Busan: Sthele Press.

Tudor H. (1972) Political Myth. London: Macmillan Education.

Žižek S. (1989) The Sublime Object of Ideology. Verso: London, New-York.

Zwirko C. (2021) Why Did North Korea's 'Ordinary Girl' YouTuber Disappear from the Web? *NKNews*. 30 April. URL: https://www.nknews.org/2021/04/why-did-north-koreas-ordinary-girl-youtuber-disappear-from-the-web/.

Zwirko C., Hotham O. (2020) What's up Pyongyang? North Korea Experiments with Vlogging to Fight "Fake News". *NK News*. 18 May. URL: https://www.nknews.org/2020/05/whats-up-pyongyang-north-korea-experiments-with-vlogging-to-fight-fake-news/.

Кан Хесок. Пукхан минчжокчжуи ёнгу: чогынъчжок куккаминчжокчжуива чонъданъсонъый чонъчхи (Исследование северокорейского национализма: политика адаптивного государственного национализма и легитимности): дисс. Сеул: Изд. Сеульского национального университета, 2017. 강혜석. 북한 민족주의 연구: 적응적 국가민족주의와 정당성의 정치. 서울대학교 대학원 사회과학대학 정치외교학부, 2017. 8. 백창재.

Ким Ченын вонсунимккесо Ким Ильсон сахвечжуи чхонънён тонъмэнъ чегучха тэхвеесо хасин ёнсоль (Выступление Ким Ченына на IX съезде Союза социалистической молодежи имени Ким Ир Сена) // Чосон синбо. 29.08.2016. 김정은 원수님께서 김일성사회주의청년동맹 제9차 대회에서 하신 연설. URL: https://www.chosonsinbo.com/2016/08/kcna_160829-2/.

Тан Гёнхо. Кёнъэханын Ким Ченын-тончжиккесо палькхёчжусин ури сигый кёнъчже кваллипанъбобый пончжильчжок тхыкчин (Коренные особенности метода управления экономикой нашего образца, который открыл любимый и уважаемый товарищ Ким Ченын) // Кёнъчже ёнгу. 130 г. эры чучхе (2014). № 2 (163). Пхеньян. 당경호. 경애하는김정은동지께서 밝혀주신 우리 식의 경제관리방법의 본질적 특징.

Урига иллён косэнъхамён чогугыль симнён пальчонхаге твенда (Для нас год лишений — для Родины десять лет развития»). 02.06.2021. 우리가1년 고생하면 조국은 10년 발전하게 된다. URL: https://www.facebook.com/RusEmbDPRK/photos/pcb.1632737656900017/1632732290233887.

Чан Ынгён. («Чхукчиппоб»ый пигёль — Загадка «чхукчиппоп») // Родон синмун. 20.05.2020. 장은경《축지법》의 비결. URL: www.rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2020-05-20-0008.

Чон Миён. Ким Ченын сидэ пукхан минчжокчуи ёнгу: тамнон, чонъчхэк, мунхва (Национализм в Северной Корее эпохи Ким Ченына: дискурс, культура, политика) // Пукхан хакпо. 2018. № 1 (43). С. 218—249. 전미영. 김정은 시대 북한 민족주의 연구: 담론 · 정책 · 문화.

Чосонмаль тэсачжон (Большой [толковый] словарь корейского языка). 조선말대사전. URL: http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=ckodic&skey=%EB%AF%BC%EC%A1%B1.

Чхве Х. Чучхеый минчжок рирон ёнгу (Анализ чучхейской теории нации). Сахве квахак чхульпханса. Пхеньян, 2014. 최희열. 주체의 민족리론연구. 평양: 사회과학출판사, 2014.

Инминдэчжунъый чхукчиппоп (Чхукчиппоп широких народных масс) // Родон синмун. 인민대중의 축지법. 07.02.2018. URL: http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2018-02-07-0009.

ЧАСТЬ III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

ГЛАВА 7. РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЖИМЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Аннотация. В главе рассматривается роль Республики Корея в действующих и находящихся в состоянии обсуждения соглашениях о свободной торговле с точки зрения влияния внутриполитических процессов как в самой Корее, так и за ее пределами. Режимы международной торговли — это продукт непрерывных переговоров, проводимых на двух уровнях: внутреннем и международном. Позиция Кореи по соглашениям о свободной торговле оставалась стабильной, несмотря на усиление влияния правых партий во внутренней политике Кореи в 2008 г. и возвращение к доминированию левых партий в 2017 г. Партнеры Кореи по соглашениям о свободной торговле иногда стремятся пересмотреть действующие соглашения о свободной торговле в ответ на внутренние политические и экономические изменения в этих странах. В большинстве случаев Корее и ее партнерам удавалось найти точки соприкосновения при повторных переговорах и таким образом заключить возобновленные двусторонние и многосторонние соглашения о свободной торговле.

Теоретические подходы к региональной интеграции

В рамках теории неофункционализма причины интеграционных процессов объясняются эффектом перелива (spill-over effect). Перелив подразумевает, что интеграция постепенно распространяется из одной отрасли в другую. Торговля между двумя и более странами достигает таких масштабов, что появление зоны свободной торговли (ЗСТ) становится неизбежным. Возникновение неофункционализма связано с начальным, очень успешным периодом в развитии европейской интеграции, которая нашла в этой теории свое убедительное объяснение. В рамках неофункционализма правила и институты рассматриваются как неотделимые друг от друга. Более того,

неофункционализм рассматривает институты как один из трех ключевых факторов (вместе с эффектом перелива и европейской идентичностью), влияющих на формирование новых правил.

В начале 1990-х годов возникла необходимость объяснить деятельность людей, выступающих против интеграции, другими причинами, нежели радикальной национальной идеологией. В то же время активизировались интеграционные процессы за пределами Европы, что тоже потребовало объяснений. После публикации Э. Моравчика «Выбор Европы» [Moravcsik, 1998] теория интерговернментализма (межправительственный подход) стала одной из основных теорий, пытающихся объяснить региональную экономическую интеграцию не только в Европе, но и в других регионах мира. Идея Моравчика разделить два аспекта европейской интеграции, а именно правила и институты, делает межправительственный подход применимым за пределами Европы. Теория интерговернментализма объясняет, что интеграция является следствием не углубления сотрудничества, но выбора, который делает каждое участвующее в процессе интеграции государство, исходя из своих внутренних процессов. В отличие от неофункционалистов, Моравчик отдельно обсуждает три процесса, сочетание которых привело к европейской интеграции, какой мы ее знаем.

Во-первых, это внутренние переговоры между различными группами интересов: некоторые из них стремятся к расширению экспортных возможностей, другие нацелены на сокращение затрат на корректировку возможного снижения торговых барьеров, а остальные руководствуются геополитическими соображениями.

Во-вторых, это переговоры между правительствами об общих правилах поведения, которые обеспечили экспортные возможности для одних групп, низкие издержки адаптации для других групп и геополитические интересы третьих групп — при условии, что аналогичные группы существуют в каждой из представленных стран.

В-третьих, это снова межправительственные переговоры о делегировании и объединении суверенитета, направленные на обеспечение результатов переговоров второго типа. Ниже на примере соглашений о свободной торговле, заключенных или обсуждаемых с участием Республики Корея, будет продемонстрировано, что пер-

вые два вида процессов можно найти не только в Европе, но и в других местах, в том числе в Азии. Южная Корея — ориентированная на экспорт экономика, производители товаров которой ищут более широкие возможности для увеличения своего экспорта в соседние страны, Китай и Японию, в другие страны Азии, такие как страны АСЕАН и Индию, а также на отдаленные рынки, такие как страны Западного полушария и Европы.

Эти производители хотят, чтобы корейское правительство провело переговоры, подписало и реализовало соглашения о свободной торговле с этими странами. Одновременно те же производители опасаются высоких издержек адаптации в случае, если Корея заключает соглашение о свободной торговле с другими ориентированными на экспорт экономиками без обеспечения своего права на создание механизмов, позволяющих защитить определенных отечественных производителей. В этом отношении корейские фермеры представляют собой важную группу интересов. И, наконец, что не менее значимо, Корея переживает важный этап в формировании своей национальной идентичности, из-за чего геополитические проблемы часто влияют на результаты внутренних переговоров, которые определяют позицию Кореи на переговорах по конкретному соглашению о свободной торговле.

Азиатский финансовый кризис 1990-х годов, провал многосторонних торговых переговоров под эгидой ВТО и мировой финансовый кризис 2008 г. подтолкнули Южную Корею к переговорам или пересмотру трех типов соглашений о свободной торговле, которые будут обсуждаться в этой главе. Во-первых, это двусторонние (bilateral) соглашения о свободной торговле, которые Корея подписала с несколькими странами Азии, включая крупнейшую экономику Азии, Китай, и с множеством партнеров на Западе, включая крупнейшую экономику Запада, США. Во-вторых, это региональные многосторонние (multilateral) соглашения о свободной торговле. Некоторые из них были заключены во времена холодной войны, например Бангкокское соглашение, пересмотренное в начале XXI века в Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение, а по некоторым другим все еще ведутся переговоры, например по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству. В-третьих, это были ми-

нисторонние (minilateral) соглашения о свободной торговле, такие как предлагаемые соглашения о свободной торговле Кореи, Китая и Японии [Brummer, 2014: 2].

Соглашения о свободной торговле Кореи с Западом

Последствием глобального финансового кризиса 2008 г. для внешних связей Европейского союза, в том числе для торговых отношений со странами Восточной Азии, стало то, что он сделал голоса сторонников протекционизма более громкими как в отдельных государствах-членах, так и на уровне сообщества. Что касается стран Восточной Азии, из-за кризиса ЕС приостановил переговоры о соглашении о свободной торговле со странами АСЕАН и сосредоточил внимание на переговорах с отдельными странами Юго-Восточной и Восточной Азии. После кризиса ЕС начал переговоры о зонах свободной торговли с шестью странами АСЕАН, хотя переговоры принесли плоды только в двух случаях: Сингапура и Вьетнама в 2014 г. и 2015 г. соответственно. Среди стран Восточной Азии, не входящих в АСЕАН, ЕС заключил Соглашение об экономическом партнерстве с Японией только в 2019 г. На этом фоне отношения между ЕС и Кореей являются исключением. В 1997 г. ЕС и Корея подписали Соглашение о сотрудничестве и взаимной административной помощи в таможенных вопросах; в 2001 г. — Рамочное соглашение о торговле и сотрудничестве.

В 2007 г. ЕС и Корея начали переговоры о соглашении о свободной торговле, которые продолжались до 2010 г., несмотря на кризис. В результате соглашение было подписано и временно вступило в силу в 2011 г. и полностью вступило в силу в 2015 г. после его ратификации всеми странами — членами ЕС. В 2008—2010 гг. внутри ЕС было сильное противодействие соглашению; например, яростно сопротивлялись итальянские и французские автопроизводители. Однако Европейской комиссии и правительственным агентствам в отдельных странах-членах удалось преодолеть сопротивление соглашению. На уровне сообщества Генеральный директорат Комиссии по торговле создал идеальный императив либерализации в глобальной Европе, позволяющий преодолеть оппозицию Соглашению о свободной торговле между ЕС и Кореей [Siles-Brügge, 2011].

Примером успешного преодоления противодействия соглашению на уровне отдельных государств-членов является кампания, проводимая британским правительственным агентством по торговле и инвестициям Великобритании, которое в 2016 г. было переименовано в Департамент международной торговли [Cherry, 2013].

Соглашение о свободной торговле между ЕС и Южной Кореей встретило сильное сопротивление в ЕС, но не в Республике Корея. Напротив, в 2006 г., когда Южная Корея начала переговоры о соглашении о свободной торговле с Соединенными Штатами, между сторонниками и противниками соглашения в Корее начались жаркие дебаты. Соглашение о свободной торговле между Южной Кореей и США, также известное как KORUS FTA, разделяет политические элиты как в США, так и в Южной Корее с 2008 г., когда президент США Джордж Буш — мл. и президент Южной Кореи Но Мухён подписали первую версию соглашения. Для США KORUS FTA стало вторым крупным соглашением о свободной торговле после НАФТА с Канадой и Мексикой и первым соглашением о свободной торговле с крупной экономикой в Азии (Южная Корея подписала соглашение о свободной торговле с США раньше, чем Япония).

Хотя Джордж Буш — мл. подписал KORUS FTA в 2007 г., он никогда не отправлял его в сенат для ратификации, потому что в то время в сенате доминировали демократы, что делало невозможной ратификацию соглашения. В Южной Корее обратили внимание на критику соглашения со стороны сенатора Барака Обамы [Jung, 2008]. После того как Обама был избран президентом, он пересмотрел соглашение о свободной торговле KORUS FTA с президентом Южной Кореи Ли Мёнбаком. Пересмотренное соглашение вступило в силу в 2011 г. Влиятельный профсоюз United Auto Workers похвалил KORUS FTA времен Обамы, хотя он подверг критике первую версию соглашения. Однако через пять лет после вступления соглашения в силу корейская сторона обратила внимание на то, что кандидат в президенты США от республиканской партии Дональд Трамп выступает против соглашения [Trump Denounces…, 2016]. Когда Трамп был избран президентом, он провел повторные переговоры о зоне свободной торговли KORUS с президентом Южной Кореи Мун Чжэином, пересмотренное соглашение вступило в силу в 2018 г. Новая версия со-

глашения была в пользу американских автопроизводителей (аналогично соглашению времен Обамы) и производителей стали.

В Южной Корее у соглашения были как сторонники, так и противники. В 2007 г., когда процесс переговоров по соглашению еще находился в самом начале, *Корейский институт исследований экономики села* (Korea Rural Economic Institute) опасался, что импорт сельскохозяйственной продукции из США может удвоиться после вступления соглашения в силу, что «приведет к потере до 130 000 рабочих мест» [South Korea, 2007]. Во время президентства Но Мухёна, представителя леволиберального крыла корейских политиков, многие члены оппозиционной консервативной Партии великой страны («Ханнарадан») в Национальном собрании Республики Корея высказывались против этой сделки. В 2010 г., когда представитель Партии великой страны Ли Мёнбак пересмотрел соглашение, партия поддержала его, в то время как оппозиционное на тот момент леволиберальное крыло выступило против пересмотра соглашения. В 2018 г. представитель Демократической партии Мун Чжэин снова пересмотрел соглашение и получил поддержку своей партии, в то время как консервативная партия «Свободная Корея» (2012—2016 гг. носила название «Сэнури», до 2012 г. — Партия великой страны)[21] выступила против сделки.

Темпы переговоров по соглашению о свободной торговле между Кореей и Канадой во многом зависели от темпа аналогичных переговоров между Кореей и США. Корея начала переговоры о соглашении с Канадой за год до того, как аналогичные переговоры начались с США. Переговоры длились почти десять лет, когда в 2008 г. было подписано Соглашение о свободной торговле KORUS FTA, таким образом Корея стала менее заинтересована в соглашении о свободной торговле с Канадой [Yoon, 2013]. В то же время в Канаде, как и в ЕС, мировой финансовый кризис 2008 г. сделал более громкими голоса противников соглашения о свободной торговле с Кореей. Почти пять лет противостояние канадских автопроизводителей и корейских фермеров препятствовало успеху переговоров. Однако в 2013 г. Корея и Канада снова добились прогресса на переговорах по соглашению

[21] В настоящее время партия «Свободная Корея» вновь сменила название и претерпела реорганизацию. На начало 2022 г. ее официальное наименование — «Сила народа».

о свободной торговле; соглашение было подписано в 2014 г. и вступило в силу в 2015 г. Помимо Канады и США, в Западном полушарии Корея также имеет соглашения о свободной торговле с Чили [Kang, Keys, Shin, 2016], Колумбией и Перу.

После того как Барак Обама и Ли Мёнбак подписали обновленное Соглашение о свободной торговле KORUS FTA в 2010 г., США пригласили Корею присоединиться к переговорам по Транстихоокеанскому партнерству (ТТП; Trans-Pacific Partnership). Бруней, Сингапур, Новая Зеландия и Чили подписали Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве в 2005 г.; в 2009 г. Обама возглавил движение, направленное на привлечение к соглашению большего числа партнеров, которое было переименовано в Транстихоокеанское партнерство. В 2016 г. ТТП подписали двенадцать стран, но в их число не вошла Южная Корея. ТТП не была задумана как эксклюзивное соглашение, то есть соглашение, которое запрещает подписавшим его сторонам одновременно вести переговоры и присоединяться к другим соглашениям о свободной торговле. Шесть стран, подписавших ТТП, а именно Сингапур, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия и Япония, одновременно участвовали в переговорах, направленных на построение Всеобъемлющего экономического партнерства для Восточной Азии (Comprehensive Economic Partnership for East Asia, CEPEA). Более того, Япония, подписавшая ТТП, начала переговоры по CEPEA в середине 2000-х годов. Однако роль Китая в CEPEA с начала 2010-х годов начала расти. В 2011 г. Япония и Китай выступили с совместной инициативой, направленной на ускорение переговоров по CEPEA и Восточноазиатской зоне свободной торговли (East Asian Free Trade Area, EAFTA). В результате этой инициативы позднее в том же году было введено Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП; Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP)).

ТТП и ВРЭП стали рассматриваться как конкурирующие инициативы. Аналогичным образом в 2000-х годах некоторые ученые задавались вопросом, какое из предложений соглашения о свободной торговле, CEPEA или EAFTA, было более конкурентоспособным [Kawai, Wignaraja, 2008], в 2010-х годах другие ученые изучали относительную конкурентоспособность ТТП и ВРЭП [Yamamoto Rosenbaum,

2018]. Многие считали, что две крупнейшие экономики мира, США и Китай, не впишутся в одно всеобъемлющее соглашение о свободной торговле. Некоторые восточноазиатские страны, включая Южную Корею, начали разрабатывать свои подходы к переговорам о свободной торговле с точки зрения выбора между проамериканской ТТП и прокитайской ВРЭП. В этих условиях Республика Корея сделала выбор в пользу ВРЭП.

Что касается ТТП, то Япония и Новая Зеландия ратифицировали соглашение, и ожидалось больше ратификаций, когда вступивший в должность президент США Дональд Трамп заявил, что его страна выходит из соглашения. Одиннадцать оставшихся участников ТТП подписали пересмотренную версию соглашения под названием «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве» (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership). В 2018 г. министр торговли, промышленности и энергетики Кореи Пак Унгю заявил, что его страна примет решение о присоединении к соглашению в течение года [Jung, 2018], в конце 2021 г. было объявлено, что процесс присоединения начнется в ближайшее время [South Korea, 2021].

Корея между Китаем и Японией

Несмотря на оккупацию Кореи Японией на протяжении первой половины XX века и обусловленные этим антияпонские настроения в Корее во второй половине XX века, две страны добились значительного прогресса в двусторонних экономических отношениях с 1965 г., после установления дипломатических отношений между Японией и Южной Кореей. Во время холодной войны обе страны были стратегическими союзниками США, американское лидерство в Восточной Азии сделало значимым их экономическое сотрудничество. После окончания холодной войны, на фоне усиливавшихся интеграционных процессов в мире (в 1992 г. был создан Европейский союз, а в 1994 г. — Североамериканская зона свободной торговли), Япония и Южная Корея начали переговоры о создании зоны свободной торговли.

В то же время доля взаимной торговли в общем внешнеторговом балансе начала снижаться в 1990-х годах как в Корее, так

и в Японии. В 1995 г. на Корею приходилось 7,05 % японского экспорта и 5,14 % японского импорта. Тогда же на Японию приходилось 13,63 % корейского экспорта и 24,13 % корейского импорта. Два года спустя на Корею приходилось только 6,19 % японского экспорта и 4,30 % японского импорта, в то время как на Японию — 10,85 % корейского экспорта и 19,3 % корейского импорта [Imazawa, 2001]. Одновременно возросла роль Китая во внешнеторговом балансе Кореи. В 2000-х годах для Кореи стало более важным создать трехстороннюю зону свободной торговли с Китаем и Японией, а не двустороннюю зону свободной торговли только с Японией [Kang, 2006]. Когда трехсторонние переговоры не принесли результатов в краткосрочной перспективе, Корея предпочла подписать двустороннее соглашение о свободной торговле с Китаем. Более того, после того как Мун Чжэин сменил Пак Кынхе на посту президента Южной Кореи, страна оказалась в торговой войне с Японией. Китай попытался взять на себя роль посредника с целью положить конец японо-корейскому торговому спору [Tachikawa, 2019], но эти попытки провалились в ситуации, когда сам Китай вел торговую войну с США.

Предложение о зоне свободной торговли между Кореей, Китаем и Японией было сделано почти одновременно с предложением о зоне свободной торговли между Кореей и Японией, но потребовалось почти десять лет, чтобы начались существенные переговоры. В период с 2013 по 2019 г. состоялось пятнадцать раундов переговоров; шестнадцатый раунд был назначен на 2020 г., однако начало кризиса в области здравоохранения, связанного с пандемией COVID-19, осложнило планы по проведению переговоров. их успешному завершению. На протяжении семи лет переговоров им препятствовали три фактора.

Во-первых, это быстро меняющаяся структура мировой экономики, включая структуру торговли между Кореей, Китаем и Японией. Когда переговоры начались, они в первую очередь были сосредоточены на торговле товарами; три стороны искали взаимоприемлемые правила ценообразования, которые были менее подвержены протекционистским злоупотреблениям по сравнению с существующими правилами ценообразования в Корее, Китае и Японии [Bi, Van Uytsel, 2015]. Однако с 2017 г. центром переговоров стала тор-

говля услугами [Shi, 2014]. Еще одной темой в центре переговоров были права интеллектуальной собственности из-за того, что Китай подходил к ним иначе, чем Япония или Корея. Когда Китай вступил в ВТО, он был вынужден соответствующим образом изменить свое законодательство.

Во-вторых, успешному завершению переговоров препятствовала политика идентичности в Китае, Корее и Японии. Воспоминания о Второй мировой войне и предшествующих событиях являются важной составляющей идентичности в трех странах. Для Японии посещения премьер-министром Японии храма Ясукуни, посвященного чествованию погибших на войне японцев, в том числе военных преступников времен Второй мировой войны,— важная проблема идентичности [Shibuchi, 2005]. Такие визиты раскалывают само японское общество и разжигают конфликты с Кореей и Китаем, тем не менее премьер-министр Синдзо Абэ, возглавлявший кабинет министров Японии с начала переговоров о возможном соглашении о свободной торговле между Кореей, Китаем и Японией, неоднократно посещал это святилище. В отношениях Республики Корея и Японии существует множество болезненных проблем, в том числе сам факт аннексии Кореи Японией и связанная с этим политика ассимиляции. Также печально известна проблема так называемых «женщин для утешения». Для Китая, вероятно, самым известным злодеянием Японии является Нанкинская резня 1937—1938 гг. Осложняют отношения между Китаем и Кореей, с одной стороны, и Японией — с другой, территориальные споры между Китаем и Японией и между Южной Кореей и Японией.

В-третьих, переговоры по соглашению о свободной торговле между Кореей, Китаем и Японией проходили в быстро меняющейся международной обстановке. Геополитические амбиции Китая, которые значительно выросли после 2008 г., когда Пекин принимал летние Олимпийские игры, неизбежно вступили в конфликт с геополитическими амбициями США в регионе, проявившимися в «повороте в сторону Азии» Барака Обамы. В начале 2010-х годов многие наблюдатели воспринимали экономическую интеграцию в Восточной Азии как соревнование между «ВРЭП под руководством Китая и ТТП под руководством Америки» [Chiang, 2013]. Однако, когда США вы-

шли из ТТП, Китай не мог праздновать победу, потому что сразу же оказался вовлеченным в торговую войну с США, что нанесло серьезный ущерб его экономике.

В отличие от трехсторонних переговоров Кореи, Китая и Японии, Корее и Китаю потребовалось всего двенадцать раундов переговоров, чтобы разработать соглашение о свободной торговле. Переговоры по двустороннему соглашению о свободной торговле начались почти одновременно с переговорами по трехстороннему соглашению. Соглашение о свободной торговле между Китаем и Кореей было подписано в 2015 г. и вступило в силу позже в том же году. Согласно соглашению, Корея обязалась сделать немедленные уступки по половине всех тарифных позиций товаров, тарифные уступки по дополнительным 12% всех тарифных позиций до 2020 г. и тарифные уступки по более чем 18% всех тарифных позиций до 2025 г. [Schott, Jung, Cimino-Isaacs, 2015].

В свою очередь, Китай обязался немедленно пойти на уступки по 20% всех тарифных позиций. Кроме того, Корея пошла на уступки по дополнительным 13% всех тарифных позиций из так называемого чувствительного списка, который вступит в силу в период с 2030 по 2035 г. Китайский «чувствительный список» включает 20% всех тарифных позиций, Китай также взял на себя уступки по этим тарифным позициям, они должны вступить в силу между 2030 и 2035 г. Наконец, каждая из стран отказалась либерализовать торговлю товарами из так называемого высокочувствительного списка: эти списки покрывают 8% всех тарифных позиций в случае Кореи и 9% всех тарифных позиций в случае Китая [ibid.].

Помимо торговли товарами, соглашение охватывало торговлю сельскохозяйственной продукцией, услугами, а также прямые иностранные инвестиции. В рамках соглашения Республика Корея обязалась немедленно уступить 13,4% всех тарифных позиций сельскохозяйственной продукции, а Китай — 19,5% всех тарифных позиций. В случае Кореи уступки еще по 13% всех тарифных позиций вступили в силу в 2020 г., к 2025 г. ожидаются уступки по остальным 10,2% всех тарифных позиций, «чувствительный список» Кореи включает 27,4% всех тарифных позиций, а ее «высокочувствительный список» включает 36% всех тарифных позиций. В случае Китая уступки еще

по 5,7 % всех тарифных позиций вступили в силу в 2020 г., к 2025 г. ожидаются уступки по остальным 38,8 % всех тарифных позиций, «чувствительный список» Китая включает 26,9 % тарифных позиций. Уже первые 100 дней реализации соглашения принесли существенную прибыль как экспортным, так и импортным компаниям Китая [Wang, Wang, 2017].

Ожидалось, что в 2015 г., когда соглашение вступит в силу, оно станет фактором, позволяющим ускорить аналогичные переговоры с целью заключения соглашения о свободной торговле на двустороннем уровне между Кореей и Японией, на трехстороннем уровне между Кореей, Китаем и Японией и на многостороннем уровне среди стран — участниц ВРЭП. Пять лет спустя ни одно из этих ожиданий не сбылось. В то же время Соглашение о свободной торговле между Кореей и Китаем представляет собой образцовое соглашение о свободной торговле для продвижения переговоров по ВРЭП. Более того, с точки зрения Китая, соглашение с Кореей прокладывает путь к переговорам о зоне свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что является предложением для всех партнеров по Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (АТЭС), включая США и Россию, начать переговоры о будущей зоне свободной торговли [Zhuang, Hong, Bai, 2014]. В то же время даже китайские стратеги согласны с тем, что вовлечение США, России и Китая в одно соглашение о свободной торговле может быть достигнуто только в долгосрочной перспективе.

Соглашения о свободной торговле Кореи со странами и клубами стран Большой Азии

Инициатива по созданию первого соглашения о свободной торговле, частью которого стала Южная Корея, исходила от ЭСКАТО ООН, Экономического и социального комитета ООН для Азии и Тихого океана, членом которого были Соединенные Штаты, но не Советский Союз. В 1968 г., когда ЭСКАТО ООН была известна под названием ECAFE, Экономический совет для Азии и Дальнего Востока, конгресс США отметил роль этой организации в «содействии более тесному региональному сотрудничеству между ее членами» [U. S. Congress, 1968: 289]. В 1975 г. семь стран подписали Азиатско-Тихоокеанское

соглашение о свободной торговле в Бангкоке, из-за чего оно стало известно как Бангкокское соглашение. Из семи стран, подписавших соглашение, Таиланд и Филиппины его не ратифицировали; оно вступило в силу только для пяти стран: Южной Кореи, Индии, Шри-Ланки, Бангладеш и Лаоса. Для Южной Кореи соглашение стало частью экономической политики президента Пак Чонхи, одним из столпов которой было расширение экспорта всеми средствами, от предоставления государственных субсидий гигантским конгломератам до увеличения экспорта. Ключом к успеху в этом отношении было то, что Пак обеспечил применение критериев эффективности при распределении субсидий между конгломератами, несмотря на тесные связи между ними и государством, для заключения сделок с азиатскими соседями [Thompson, 2019: 48].

Бангкокское соглашение помогло увеличить экспорт из более экономически развитой Южной Кореи в менее экономически развитые Шри-Ланку и Бангладеш [Mukherjee, 1978]. Несмотря на то что с середины 1970-х годов Индия показывала более высокие экономические темпы по сравнению с этими двумя странами Южной Азии, торговый баланс между Республикой Кореей и Индией был в пользу Кореи. В то же время соглашение предусматривало повторные переговоры по нему в зависимости от экономического развития в Азии, а также от других обстоятельств. В то время как подписание соглашения в 1975 г. завершило собой первый раунд переговоров под его эгидой, второй раунд переговоров состоялся в 1980-х годах и завершился в 1990 г.

КНР присоединилась к соглашению в 2001 г., открыв тем самым третий раунд переговоров, который завершился в 2006 г. В 2005 г. стороны договорились переименовать соглашение в Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (Asia-Pacific Trade Agreement, APTA). Помимо тарифных уступок на определенные продукты, новое соглашение касается упрощения процедур торговли, торговли услугами в дополнение к торговле товарами, а также либерализации инвестиций. В 2013 г. к соглашению присоединилась Монголия.

Практически одновременно с заключением этого соглашения Корея и Индия начали двусторонние переговоры о заключении Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве (Compre-

hensive Economic Partnership Agreement between India and South Korea, CEPA). Переговоры начались при администрации Но Мухёна, но завершились они только в 2009 г. при администрации его преемника Ли Мёнбака. Таким образом, нельзя сказать, что политика Южной Кореи в отношении соглашения о свободной торговле изменилась после того, как консерватор Ли сменил представителя леволиберального крыла Но на посту президента. Важно отметить, что Манмохан Сингх был премьер-министром Индии на протяжении всего процесса переговоров и подписания Соглашения. В Индии CEPA воспринималось как важная веха в процессе реализации инициативы Look East, которая была сформулирована в 1991 г. премьер-министром Нарсимха Рао. Ее продолжили премьер-министры Атал Бихари Ваджпаи и Манмохан Сингх. Эта политика была направлена не только на развитие отношений безопасности и экономического сотрудничества со странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, но также ожидалось, что она станет драйвером развития собственной северо-восточной части Индии [Chatterjee, 2019].

Вышеупомянутый отрицательный торговый баланс с Южной Кореей вынудил Индию возобновить переговоры по CEPA. Другая причина заключалась в том, что в 2014 году Нарендра Моди из партии Бхаратия Джаната сменил Манмохана Сингха из Индийского национального конгресса на посту премьер-министра. Ранее Пак Кынхе сменила Ли Мёнбака на посту президента Южной Кореи, хотя оба принадлежали к одной партии. Таким образом, нельзя сказать, что приоритеты внешней политики Республики Корея серьезно изменились вследствие внутриполитических изменений. Все эти факторы вместе подтолкнули Корею и Индию к пересмотру условий CEPA; пересмотренное соглашение было подписано в 2018 году, при этом Нарендра Моди по-прежнему был премьер-министром Индии, в то время как Мун Чжэин сменил Пак Кынхе на посту президента Южной Кореи [Suneja, 2018].

В 2016 г., когда продолжались консультации, направленные на пересмотр CEPA, Корея также начала переговоры о соглашении о свободной торговле с другой южноазиатской страной, Пакистаном. Однако переговоры с Пакистаном не имели отношения к переговорам с Индией. Скорее, для Кореи и Пакистана стало важным под-

писать соглашение о свободной торговле после того, как в 2015 г. вступило в силу Соглашение о свободной торговле между Китаем и Южной Кореей. Китай и Пакистан подписали соглашение о свободной торговле в 2006 г., что привело, среди прочего, к экономическому буму в китайской провинции Синьсян [Small, 2015: 98]. Переговоры между Кореей и Пакистаном не привели к соглашению по состоянию на начало 2022 г.

Важным участником интеграционных процессов в Азии является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В 1992 г. шесть стран-участниц подписали Соглашение о свободной торговле АСЕАН (AFTA). В 1990-х годах в АСЕАН вошли Вьетнам, Мьянма, Камбоджа и Лаос. Новые участники должны были также подписать AFTA, хотя и с длительными переходными периодами. После азиатского финансового кризиса 1990-х годов страны АСЕАН улучшили отношения с государствами Северо-Восточной Азии; Южная Корея подписала соглашения о свободной торговле с несколькими странами АСЕАН в начале 2000-х годов. В 2005 г. Южная Корея и АСЕАН подписали Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве и Соглашение о механизме разрешения споров. В 2006 г. было подписано Соглашение о торговле товарами между АСЕАН и Кореей; Таиланд отказался подписывать соглашение, в которое не входила торговля рисом, и присоединился к соглашению только в 2009 г. В 2007 г. было подписано Соглашение о торговле услугами между АСЕАН и Кореей, а в 2009 г. последовало Соглашение об инвестициях между АСЕАН и Кореей.

Все эти соглашения вместе предусматривали Зону свободной торговли АСЕАН — Корея (AKFTA). AKFTA способствовала передаче технологий из Кореи в страны АСЕАН, из которых беднейшие страны, такие как Лаос, получили выгоду [Oh, Kyophivalong, 2015]. Тем не менее крупные предприятия выиграли от AKFTA больше, чем малые и средние предприятия как в Корее, так и в странах АСЕАН. Можно ожидать, что всеобъемлющее соглашение между Кореей и АСЕАН придет на замену множеству существующих соглашений в результате повторных переговоров по AKFT [Hayakawa, Kim, Lee, 2014].

Однако переговоры, направленные на возобновление AKFTA, не начались в 2020 г., потому что страны АСЕАН рассчитывают подпи-

сать соглашение о свободной торговле в формате АСЕАН + 3, которое, как ожидается, будет включать, помимо стран АСЕАН и Южной Кореи, также Китай и Японию. Однако со временем вероятность подписания всеобъемлющего соглашения о создании зоны свободной торговли между странами АСЕАН + 3 уменьшается, так как не преодолены препятствия, мешающие Китаю, Японии и Корее подписать трехстороннее соглашение о создании зоны свободной торговли между ними.

В то время как переговоры, направленные на создание зон свободной торговли АСЕАН + 3 и АСЕАН + 6, зашли в тупик, страны АСЕАН достигли соглашения о создании зоны свободной торговли с Австралией и Новой Зеландией в 2009 г. В связи с выходом США из ТТП и с заключением Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в 2018 г. странам АСЕАН, Австралии и Новой Зеландии пришлось пересмотреть положения Соглашения 2009 г. о создании зоны свободной торговли АСЕАН — Австралия — Новая Зеландия (AANZFTA). Неспособность достичь соглашения, к которому будут стремиться все страны АСЕАН, а также Австралия и Новая Зеландия, вынудила некоторые страны АСЕАН заключить отдельные всеобъемлющие соглашения об экономическом сотрудничестве с Австралией или Новой Зеландией. Так, Соглашение о более тесном экономическом партнерстве между Новой Зеландией и Сингапуром было подписано в 2019 г. [Falak, 2020]. Тесные экономические связи между Кореей и АСЕАН, с одной стороны, и между АСЕАН и Австралией, с другой стороны, подтолкнули Корею также к институционализации своих экономических отношений с Австралией. Соглашение о свободной торговле между Кореей и Австралией (KAFTA) было подписано в 2014 г.

До конца XX века Австралия в основном воспринималась как западное государство. Однако в начале XXI века «мультикультурное и евразийское видение континента вызвало в некоторой степени дискуссию об идентичности страны и о том, что значит быть гражданином Австралии» [Paul, 1998: 59]. На продолжающуюся дискуссию повлияли три фактора: культурный вклад австралийцев азиатского происхождения в австралийское общество, открытие австралийской экономики для растущих азиатских экономик, включая Корею, и институционализация отношений с азиатскими странами, примером чего может

служить KAFTA. По мере того, как шли дебаты, экономическая взаимозависимость Австралии со странами Азии росла, что позволяло рассматривать KAFTA как соглашение о свободной торговле между Южной Кореей и страной Большой Азии. Помимо углубления экономических связей, соображения безопасности стали важным фактором, который помог переговорам по KAFTA привести к подписанию соглашения о свободной торговле: и Австралия, и Корея поддерживают тесные отношения безопасности с США [Yu, 2011]. Почти одновременно с KAFTA Австралия подписала соглашение о свободной торговле с Японией, а также с Китаем. Таким образом, Австралия теперь имеет соглашения о свободной торговле с Южной Кореей, Японией и Китаем, в то время как эти три страны остаются в тупике относительно соглашения о свободной торговле между собой.

Заключение

Режимы международной торговли — это продукт постоянных переговоров. Такие переговоры проходят на двух уровнях: внутреннем и международном. На внутреннем уровне финансовый кризис 1990-х годов в Азии стал вызовом для президента Кореи Ким Дэчжуна, инаугурация которого состоялась в начале 1998 г. Он и его преемник президент Но Мухён председательствовали на внутренних переговорах между политическими кругами и бизнес-элитами. Результатом этих переговоров стал ряд предложений о подписании соглашений о свободной торговле, эти предложения выли вызваны стремлением поднять экономику после финансового кризиса в Азии.

Два президента Кореи правого толка, Ли Мёнбак, который председательствовал на таких переговорах в 2008—2013 гг., и Пак Кынхе, которая делала это в 2013—2017 гг., не изменили данного курса. Несмотря на многочисленные разногласия между левым Но и правым Ли, Ли председательствовал на переговорах о свободной торговле, начатых Но, и руководил их заключением при подписании соглашений о свободной торговле. Для Ли и Пак эти соглашения о свободной торговле были ответом на провал многосторонних торговых переговоров в ВТО и на мировой финансовый кризис 2008 г. На данный момент еще слишком рано оценивать результаты президентства Мун Чжэина, который останется на этой должно-

сти до 2022 г., но первая половина его президентства была отмечена преемственностью в политике Кореи в отношении соглашений о свободной торговле со странами Запада и Азии.

На международном уровне режим международной торговли не является чем-то неизменным. Развитие обусловлено как динамикой внутренних экономик стран, участвующих в режимах, так и международной экономической динамикой. Переговоры о режимах международной торговли ведутся постоянно. С момента подписания Маастрихтского договора государства — члены Европейского союза подписали Амстердамский договор, Ниццкий договор и Лиссабонский договор. В 2018 г. президент США Дональд Трамп пересмотрел Североамериканское соглашение о свободной торговле, заключив соглашение между США, Мексикой и Канадой. Аналогичным образом Республика Корея не только ведет переговоры о новых соглашениях о свободной торговле, но также постоянно делает выбор в пользу пересмотра старых соглашений о свободной торговле в связи с экономическими и политическими изменениями в странах-партнерах.

Южная Корея участвовала в повторных переговорах по Бангкокскому соглашению, в результате которых было подписано Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение. Республике Корея приходилось пересматривать соглашение о свободной торговле между Кореей и Соединенными Штатами каждый раз, когда США избирали нового президента. Корея пересмотрела Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве с Индией по просьбе нового премьер-министра Индии Нарендры Моди. Ждут своей очереди повторные переговоры по Соглашению о свободной торговле между АСЕАН и Кореей. В то же время, учитывая внутреннюю политическую ситуацию и экономические показатели Республики Корея, можно ожидать, что на будущих переговорах как внутри страны, так и на международном уровне она снова сделает выбор в пользу свободной торговли, выбор в пользу Азии.

Список литературы

Bi Ying, Van Uytsel S. (2015) Could Predatory Pricing Rules Substitute for Anti-Dumping Laws in the Proposed China-Japan-Korea Free Trade Agreement? *Social Science Japan Journal*. Vol. 18. No. 2. P. 163—192.

Brummer C. (2014) Minilateralism: How Trade Alliances, Soft Law, and Financial Engineering Are Redefining Economic Statecraft. New York: Cambridge University Press.

Chatterjee S. (2019) India's Spatial Imagination of South Asia: Power, Commerce and Community. New Delhi: Oxford University Press.

Cherry J. (2013) How to Promote a Free Trade Agreement: UK Trade & Investment and the EU-Korea FTA. *Korea: Politics, Economy and Society*. Vol. 7. P. 109—135.

Chiang Min-Hua. (2013) The Potential of China-Japan-South Korea free Trade Agreement. *East Asia*. Vol. 30. No. 3. P. 199—216.

Falak A. (2020) Singapore and New Zealand Ratify Upgraded Trade Agreement. *ASEAN Briefing*. February 6. URL: https://www.aseanbriefing.com/news/singapore-new-zealand-ratify-upgraded-trade-agreement/.

Hayakawa Kazunobu, Kim Hansung, Lee Hyun-Hoon. (2014) Determinants on Utilization of the Korea — ASEAN Free Trade Agreement: Margin Effect, Scale Effect, and ROO Effect. *World Trade Review*. Vol. 13. No. 3. P. 499—513.

Imazawa I. (2001) Assessing a Japan-Korea Free Trade Agreement. *The Developing Economies*. Vol. 39. No. 1. P. 3—48.

Jung Sung-ki. (2008) Korea-US Alliance Hinges on US Election: Experts. *The Korea Times*. September 28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2008/09/205_31804.html.

Jung Suk-yee. (2018) S. Korea to Decide on Participation in TPP within This Year: Trade Minister. *Business Korea*. May 10. URL: http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=22167.

Kang Heejoon. (2006) Free Trade Agreement among China, Japan and Korea. *Research in Global Strategic Management*. Vol. 12. P. 151—165.

Kang Kichun, Keys Phyllis, Shin Yoon S. Free Trade Agreements and Bridgehead Effect: Evidence from Korea-Chile FTA. *Singapore Economic Review*. 2016. Vol. 61. No. 5. 1550098.

Kawai Masahiro, Wignaraja Ganeshan. (2008) EAFTA or CEPEA: Which Way Forward? *ASEAN Economic Bulletin*. Vol. 25. No. 2. P. 113—139.

Moravcsik A. (1998) The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Mukherjee I. N. (1978) The Bangkok Agreement: An Evaluation of Its Implications in Trade Liberalization in Asia. *The Bangladesh Development Studies*. Vol. 6. No. 3. P. 301—322.

Oh Jeong-Soo, Kyophivalong P. (2015) Impact of the ASEAN — Korea Free Trade Agreement (AKFTA) on Poverty: The Role of Technology Transfer. *International Journal of Economic Research*. Vol. 12. No. 3. P. 547—558.

Paul E. C. (1998) Australia in Southeast Asia: Regionalization and Democracy. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies.

Schott J. J., Jung E., Cimino-Isaacs C. (2015) An Assessment of the Korea-China Free Trade Agreement. Policy Brief of the Peterson Institute for International Economics. No. PB-1524. URL: https://www.piie.com/sites/default/files/publications/pb/pb15-24.pdf.

Shi Jingxia. (2014) Bridging the Gap between the Ideal and Reality: Services Liberalization in the China-Japan-South Korea Free Trade Agreement. *Asia Pacific Law Review*. Vol. 22. No. 1. P. 45—65.

Shibuichi Daiki. (2005) The Yasukuni Shrine Dispute and the Politics of Identity in Japan. *Asian Survey*. Vol. 45. No. 2. P. 197—215.

Siles-Brügge G. (2011) Resisting Protectionism after the Crisis: Strategic Economic Discourse and the EU-Korea Free Trade Agreement. *New Political Economy*. Vol. 16. No. 5. P. 627—653.

Small A. (2015) The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics. Oxford, New York: Oxford University Press.

South Korea to Apply for CPTPP Free Trade Pact Membership. (2021) *The Japan Times*. December 13. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2021/12/13/business/south-korea-cptpp-trade/.

South Korea/US: FTA Jumps Major Hurdles, Faces Others. (2007) *The New York Times*. April 3. URL: https://www.nytimes.com/2007/04/03/news/03iht-oxan.0403.5124955.html.

Suneja K. (2018) India, South Korea Sign Agreement on Trade and Commerce. *India Times*. July 10. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/india-south-korea-sign-agreements-on-trade-and-commerce/articleshow/64914925.cms?from=mdr.

Tachikawa Tomoyuki. (2019) China Urges Japan, S. Korea to Resolve Dispute through Dialogue. *Kyodo News*. August 21. URL: https://english.kyodonews.net/news/2019/08/06da87acd4c0-update1-japan-china-s-korea-should-cooperate-despite-soured-ties-kono.html.

Thompson M. R. (2019) Authoritarian Modernism in East Asia. New York: Palgrave Macmillan.

Trump Denounces Korea-U.S. FTA as “Job-Killing Deal”. (2016) *The Korea Times*. July 22. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2016/07/120_210039.html.

U. S. Congress (1968) Hearings before the Sub-Committee on Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs of the Committee of Foreign Affairs, House of Representatives, Ninetieth Congress, Second Session, February 29, March 4, 7, 13, 14, 19, 140, April 4. The Future United States Role in Asia and in the Pacific. Washington: U. S. Government printing Office, 1968.

Wang Meiling, Wang Chun-Kai. (2017) The Assessment of the China-Korea Free Trade Agreement: Implementation Outcomes and Influencing Factors. *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations*. Vol. 3. No. 1. P. 103—135.

Yamamoto Rosenbaum C. (2018) RCEP or TPP? An Empirical Analysis Based on Global Experience. *Asian Politics and Policy*. Vol. 10. No. 3. P. 427—441.

Yoon Sungwook. (2013) South Korea’s Free Trade Agreement Roadmap and Canada: A Case of Promise and Betrayal. *Korea Observer*. Vol. 44. No. 1. P. 167—198.

Yu Hyun Seok. (2011) The Korea-Australia Free Trade Agreement and Its Security Implications. *Korea Observer*. Vol. 42. No. 1. P. 47—67.

Zhuang Rui, Hong Junjie, Bai Guangyu. (2014) Sino-Korean Free Trade Agreement and Asia-Pacific Economic Integration. *China Economic Journal*. Vol. 7. No. 2. P. 237—250.

ГЛАВА 8. ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Республика Корея является одним из крупнейших потребителей энергии в мире, а из-за отсутствия внутренних резервов — также одним из крупнейших импортеров энергетических ресурсов. Это второй по величине импортер сжиженного природного газа, третий — угля и пятый — сырой нефти. Южная Корея не имеет международных нефте- или газопроводов и полагается исключительно на танкерные перевозки. В стремлении обеспечить энергетическую безопасность страны правительство страны настойчиво ищет возможности для сотрудничества в энергетической сфере.

Россия — один из крупнейших в мире производителей и экспортеров природного газа, а ее экономический рост обусловлен экспортом энергоресурсов. Россия обладает самыми обширными в мире запасами природного газа, входит в десятку стран по величине нефтяных запасов. Министр иностранных дел Сергей Лавров назвал «поворот на Восток» национальным приоритетом XXI века для России, что имеет огромное практическое значение в рамках переноса глобальных центров силы в Азию с ее динамичным экономическим ростом. В этом контексте вопрос возможных путей и опций стратегического энергетического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Корея становится чрезвычайно актуальным.

Формирование энергетического партнерства Россия — Республика Корея

С момента установления дипломатических отношений между Россией (на тот момент СССР) и Республикой Корея в 1990 г. сотрудничество двух государств в энергетическом секторе развивалось поступательно и планомерно, но недостаточно активно. Было заключено всего два межправительственных соглашения: 1) «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Прави-

тельством Республики Корея о сотрудничестве в отраслях топливно-энергетического комплекса» от 10.10.2000 и 2) «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области газовой промышленности» от 17.10.2006[22]. При этом с Японией, например, было заключено пять межгосударственных и межправительственных соглашений, а с КНР — 19[23]. Примечательно, что по итогам государственного визита президента Республики Корея в Российскую Федерацию 21—23 июня 2018 г. никаких соглашений подписано не было, хотя формально обе стороны «договорились содействовать увеличению объемов поставок российского природного газа в Республику Корея и продолжить взаимодействие в данной области, в том числе рассмотреть возможность совместного освоения месторождений нефти, газа и другого углеводородного сырья» [Совместное заявление…, 2018]. В этом же совместном заявлении было отмечено, что основным координирующим органом двустороннего экономического сотрудничества на государственном уровне между РФ и РК является Российско-Корейская совместная межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству[24]. При этом существует два комитета, которые должны заниматься именно сотрудничеством в энергетической сфере: Совместный координационный комитет по атомной энергии, последнее заседание которого состоялось 19 июня 2013 г. в Сеуле, и Российско-Корейский комитет по сотрудничеству в области энергетики и минеральных ресурсов, 16-е заседание которого состоялось 24 сентября 2019 г. в Москве на площадке Министерства энергетики РФ. Необходимо признать, что работа комитетов недостаточно эффективна, а решения зачастую носят декларативный характер. За прошедшие 30 лет Россия и Корея установили прочные отношения в поставках нефти,

---

[22] Министерство энергетики Российской Федерации. Межгосударственные и межправительственные соглашения в области ТЭК. URL: https://minenergo.gov.ru/node/11212.

[23] Министерство экономического развития Российской Федерации. Структура и график проведения заседаний межправительственных комиссий. URL: http://www.ved.gov.ru/at_mpk/.

[24] Министерство экономического развития Российской Федерации. Российско-Корейская совместная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК) и двусторонние отраслевые комитеты и комиссии. URL: http://economy.gov.ru/minec/resources/2c01a08040a05516a41de6b1e9ba48ef/r_k_kommision.doc.

сжиженного природного газа (СПГ) и угля, но динамика их развития не позволяет оптимистично оценивать перспективы расширения сотрудничества в энергетическом секторе.

Южнокорейский рынок нефти и газа чрезвычайно диверсифицирован и уступает только японскому. Индекс Херфендаля-Хиршмана[25] для рынка СПГ РК составляет 0,17—0,15, Японии — 0,13—0,12, Китая — 0,2—0,19 [Country Analysis Brief: South Korea, 2018]. Аналогичная ситуация наблюдается и на рынке нефти РК. За прошедшие 30 лет Россия добилась лишь 5—6 % на рынке нефти РК[26] и занимает постоянные 5 % рынка СПГ РК за счет поставок СПГ с проекта «Сахалин-2». Контракт с KOGAS заключен на срок 20 лет с июля 2005 г. и составляет 1,5 млн тонн в год. При этом «Сахалин-2» постоянно работает с превышением производственных мощностей, поэтому увеличение поставок с него невозможно. Долгосрочных контрактов между компанией «НОВАТЭК», оператором «Ямал СПГ», и РК нет.

За прошедшие годы сформировалось устойчивое сотрудничество между двумя странами по поставкам угля. В 2018 г. РФ занимала третье место на рынке РК (уступая Австралии и Индонезии). Основной поставщик — «Мечел» с Эльгинского угольного месторождения. Даже несмотря на решение РК снизить угольную генерацию, именно рынок угля РК стал самым перспективным для РФ за все 30 лет сотрудничества.

Основное достижение двусторонних отношений в энергетической сфере в том, что, даже несмотря на крайнюю диверсификацию и конкурентность рынка РК, странам удалось наладить устойчивые отношения на межгосударственном уровне. При любой президентской администрации РК сотрудничество с Россией продолжается. Это подтверждается тем, что Россия не была вытеснена с рынка РК другими поставщиками нефти, СПГ или угля. Поставки нефти стабильны, хотя, вне всякого сомнения, главным рынком для РФ остается Европа. Аналогичная ситуация складывается с поставками СПГ. Как отмечалось

[25] Показатель, использующийся для оценки степени монополизации отрасли; чем он меньше, тем выше конкуренция в отрасли, например, в случае чистой монополии показатель равен 1.
[26] British Petroleum Statistical Review of World Energy 2019, 68th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf.

выше, объемы поставок ограничены 1,5 млн тонн в год согласно контракту KOGAS и «Сахалин Энерджи». Россия за последние десять лет стабильно занимает до 5% рынка СПГ РК. Благодаря разработке Эльгинского угольного месторождения горнодобывающая и металлургическая компания «Мечел» стала одним из основных поставщиков угля на рынок РК. По состоянию на 2017 г. РФ занимала 18% рынка угля РК. При этом нельзя забывать, что Россия традиционно ориентирована в поставках нефти и газа на рынок Европы по трубопроводам. На рынках своих основных европейских партнеров (Германии, Италии, Турции) Россия занимает значительную долю, а рынок Азиатско-Тихоокеанского региона до сих пор остается новым и конкурентным для поставщиков энергоресурсов из РФ.

Однако в корейско-российском энергетическом сотрудничестве есть целый ряд недостатков. Как отмечалось выше, многие двусторонние инициативы остаются чисто декларативными. Это можно объяснить тем, что рынок РК для России никогда не был приоритетным. В этом смысле Китай в качестве энергетического партнера в регионе находится на первом месте, Япония — на втором, а Корея — лишь на третьем. Вряд ли данная ситуация изменится в среднесрочной и даже долгосрочной перспективе. Проект трубопровода РФ — КНДР — РК интересен, но на фоне строительства «Силы Сибири»[27] теряет экономическую актуальность. Необходимо помнить, что для РК проект трубопровода при условии его реализации будет ключевым и может кардинальным образом изменить энергетический баланс. Также он однозначно приведет к увеличению энергетической зависимости от единственного поставщика, а сформировавшаяся структура энергопотребления РК в нефти, СПГ и угле является диверсифицированной, что обеспечивает энергетическую безопасность страны. В случае прокладки трубопровода по территории КНДР ситуация кардинально изменится. Однако на сегодняшний день вероятность реализации проекта по строительству газопровода РФ — КНДР — РК невелика.

В 2015 г. был подписан трехсторонний Меморандум о взаимопонимании между ОАО «Интер РАО», ОАО «Россети» и КЕРСО о воз-

[27] Российский магистральный газопровод из Якутии (Чаяндинское месторождение) в КНР и Приморский край.

можности соединения энергосистем двух стран для экспорта электроэнергии из РФ в РК, а также Меморандум о взаимопонимании по долгосрочному сотрудничеству в научно-технической сфере между ОАО «Россети» и KEPCO. В данный момент эти проекты также не являются приоритетными для РФ.

Как указывалось, на сегодняшний день наиболее перспективны поставки угля. Несмотря на желание действующей президентской администрации РК отказаться от атомной и угольной генерации в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и природного газа, с 2007 по 2018 г. ежегодный прирост потребления угля Кореей составил в среднем 3,7 %.

В энергетическом секторе РФ и РК разделяют общие стратегические цели в средне- и долгосрочной перспективе. Потребление электроэнергии в Корее, как и большинстве стран мира, постоянно растет, при этом основная доля электроэнергии производится за счет угольной, газовой и атомной генерации, в незначительной степени — ВИЭ. Как видно из объемов потребления угля, природного газа, ядерной энергии и ВИЭ Республикой Корея в 2000—2018 гг., угольная генерация превалирует, однако с 2015 г. атомная генерация постепенно снижается при росте газовой (см. Приложение 1). Правительство РК придает большое значение развитию ВИЭ, но их роль в общем объеме электрогенерации страны пока незначительна. Сейчас природный газ конкурирует с более дешевым углем и атомной генерацией, а внутренние цены на газ в РК выше, чем международные спотовые цены на СПГ. Курс администрации президента РК Мун Чжэина направлен на сокращение доли атомной и угольной генерации и замещение их газовой генерацией и ВИЭ, к 2030 г. правительство намерено сократить долю угольной и атомной генерации до 36 % и 24 % соответственно, компенсировав их ВИЭ (20 %) и газовой генерацией (19 %).

Следовательно, наиболее перспективной стратегической целью корейско-российского энергетического партнерства является углубление и расширение сотрудничества в области поставок природного газа, а с учетом политической ситуации на полуострове, конкретно — поставок СПГ. «Газпром» заинтересован в дальнейшей работе в сфере СПГ с KOGAS. 5 сентября 2019 г. в рамках V Во-

сточного экономического форума (ВЭФ-2019) состоялась рабочая встреча главы «Газпрома» А. Миллера и президента, главного исполнительного директора KOGAS, где обсуждались ход и перспективы взаимодействия компаний в области СПГ. Контракт с KOGAS заключен до 2025 г., а «Сахалин Энерджи» практически с момента запуска завода производит сырье в бóльших объемах, чем предусматривает производственный план. Выпущенный сверх плана объем также выкупается контрагентами, работающими по подобным соглашениям. На сегодняшний день другие проекты РФ по производству СПГ, целевым рынком которых является АТР в целом и РК в частности, находятся на стадии проектирования при невысокой вероятности реализации в краткосрочной перспективе. К последним относятся «Дальневосточный СПГ», который планировался «Роснефтью» совместно с ExxonMobil, и «Владивосток-СПГ» — проект «Газпрома», предусматривающий строительство завода мощностью не менее 15 млн тонн газа в год. Предполагалось, что ресурсной базой для «Владивосток-СПГ» станет Южно-Киринское месторождение на Сахалине, откуда сырье будет поставляться по существующему газопроводу Сахалин — Хабаровск — Владивосток. Однако в начале 2014 г. «Газпром» признал, что Южно-Киринское заработает лишь в 2019 г., а на пиковую добычу выйдет только к 2023—2024 гг., в дальнейшем сроки разработки месторождения были снова перенесены [Газпром отложил разработку…, 2021] В этих условиях для KOGAS было бы перспективнее подписать долгосрочный контракт на поставку СПГ с компанией «НОВАТЭК», оператором «Ямал СПГ», но такой контракт так и не был подписан. При этом по итогам 2018 г. выручка «НОВАТЭК» от реализации нефти и газа в два раза превысила выручку за 2017 г.[28] У РК есть еще одна открытая опция, а именно — вхождение в качестве акционера в проект «НОВАТЭК» «Арктик СПГ 2», который предусматривает производство 19,8 млн тонн СПГ в год.

[28] ПАО «НОВАТЭК». Годовой отчет ПАО «НОВАТЭК» за 2018 год (подготовлен в соответствии с «Положением о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг», утвержденным Банком России 30.12.2014). URL: http://www.novatek.ru/ru/investors/disclosure/annual_reports/.

Вектор двустороннего энергетического сотрудничества

Республике Корея необходимо более активно продвигать свои энергетические интересы на межгосударственном уровне. Следует активизировать работу в рамках Российско-Корейского комитета по сотрудничеству в области энергетики и минеральных ресурсов. Должна быть выработана долгосрочная стратегия работы с Россией, которая могла бы реализовываться поэтапно вне зависимости от внутриполитической обстановки в Корее. Принимая во внимание инициативу президента России В. Путина по внесению изменений в Конституцию РФ и перераспределению полномочий ветвей власти, можно предположить, что после очередных президентских выборов в 2024 г. В. Путин не уйдет с политической сцены, а с большой долей вероятности займет должность главы Государственного совета. Следовательно, внутриполитическая конъюнктура в РФ изменится незначительно.

Корейские президентские администрации излишне ориентируются на США в принятии внешнеполитических решений, в том числе и при реализации серьезных экономических проектов. Однако в этом смысле Япония, например, не в меньшей степени ориентируется на США, что не мешает ей более активно работать с Россией по энергетическим вопросам. Например, ВЭФ-2019 концентрировался на поставках СПГ в Японию. «НОВАТЭК» сообщил о принятии окончательного инвестиционного решения по проекту «Арктик СПГ 2», в котором будут участвовать японские компании[29]. Как указывалось выше, РК могла бы войти в проект «Арктик СПГ 2», однако KOGAS не работает активно в этом направлении, хотя корейские компании пытаются присоединиться к проекту, например, «Samsung Heavy Industries Co. Ltd» и судостроительный комплекс «Звезда» на ВЭФ-2019 подписали контракт на проектирование газовозов для «Арктик СПГ 2». В отличие от Японии, рынок нефти и газа РК является по существу монопольным рынком KNOC и KOGAS, поэтому сотрудничество РФ и РК в нефтегазовой сфере, особенно касающееся поставок СПГ и нефти на рынок РК, должно осуществляться по линии KOGAS/KNOC — «Газпром»/«НОВАТЭК»/«Роснефть» при активи-

[29] ПАО «НОВАТЭК». Арктик СПГ 2. URL: http://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/.

зации межгосударственного диалога по энергетическим вопросам. Угольный сектор будет продолжать развиваться, при этом основными конкурентами РФ останутся Австралия и Индонезия. Проект соединения энергосистем двух стран для экспорта электроэнергии из РФ в РК в среднесрочной перспективе вряд ли будет реализован.

Содействовать развитию сотрудничества между Кореей и Россией в энергетическом секторе могут совместные проекты не только на территории РФ, но и в третьих странах, например в Африке. С учетом роста влияния РФ и ее заинтересованности в региональном присутствии, Корея могла бы участвовать в трехстороннем энергетическом проекте РФ — РК — Африка (одна из стран). Это позволило бы РК закрепиться на региональном рынке (в Африке), где она пока неактивна (за исключением работы в Нигерии). Российские представители активно работают в ЦАР, Ливии, в Северном и Южном Судане, на Мадагаскаре, в Анголе, Чаде, Камеруне, Гвинее, Зимбабве и Демократической Республике Конго. В октябре 2019 г. состоялся первый саммит «Россия — Африка» с участием лидеров 35 африканских стран. Корея могла бы присоединиться к возможным совместным проектам в качестве высокотехнологичного партнера, например в Мозамбике [Мозамбик заманивает Россию…, 2019].

В «Энергетической стратегии России на период до 2030 г.» указывается, что доля европейского направления в общем объеме экспорта российских топливно-энергетических ресурсов будет неуклонно сокращаться за счет диверсификации экспортных энергетических рынков в восточном направлении (Китай, Япония, Республика Корея). К 2030 г. удельный вес восточного направления РФ в экспорте жидких углеводородов (нефть и нефтепродукты) должен возрасти до 22—25 %, а в экспорте газа — до 20 %. При этом указывается, что экспорт газа, осуществляемый на основе долгосрочных контрактов, позволит сохранить необходимый объем поставок из РФ на европейский рынок при кратном увеличении поставок в восточном направлении[30]. Кроме того, Указом Президента Российской Федерации № 216 от 13 мая 2019 г. утверждена новая Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации — документ стратегиче-

[30] Министерство энергетики Российской Федерации. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. URL: https://minenergo.gov.ru/node/1026.

ского планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В Доктрине отмечается, что одним из новых вызовов энергетической безопасности России является перемещение центра мирового экономического роста в Азиатско-Тихоокеанский регион, а также рост производства СПГ и его доли на мировых энергетических рынках[31]. Таким образом, восточному направлению придается должное значение в определяющих документах, формирующих стратегию развития топливно-энергетического комплекса РФ в долгосрочной перспективе. Кроме того, в перечисленных документах особое внимание уделяется именно СПГ. Корея и Россия должны развивать сотрудничество в сфере поставок СПГ на рынок Кореи. Климатические изменения и глобальное потепление имеют негативный эффект, но также открывают новые возможности использования Северного морского пути (СМП) в поставках СПГ на рынок Кореи с проектов «Ямал СПГ», а также перспективного проекта «Арктик СПГ 2». Безусловно, принимая во внимание высокую диверсификацию рынка РК и наличие таких конкурентов и долгосрочных поставщиков, как Катар и Австралия (см. Приложение 2), Россия должна быть готова к жесткой конкуренции.

В «Прогнозе научно-технологического развития отраслей топливно-энергетического комплекса России на период до 2035 г.» отмечается, что в долгосрочной перспективе Россия может потерять рынок АТР в случае активной разработки газогидратных месторождений[32]. Вывод на рынок значительных объемов газа станет стимулом снижения цен на углеводороды. Имеющиеся предварительные оценки мировых ресурсов газа в гидратах дают величину в 2800 трлн м^3, что на 35 % превышает оценки всех других запасов газа в совокупности. Японское море может стать крупным регионом добычи газогидратов. Между тем сегодня с учетом заинтересованности Кореи в переходе от атомной и угольной генерации к газовой и ВИЭ именно поставки СПГ из РФ являются самым перспективным направлением сотруд-

[31] Министерство энергетики Российской Федерации. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации. URL: https://minenergo.gov.ru/node/14766.

[32] Министерство энергетики Российской Федерации. Прогноз научно-технологического развития отраслей топливно-энергетического комплекса России на период до 2035 года. URL: https://minenergo.gov.ru/node/6366.

ничества между странами в энергетическом секторе. Строительство крупнотоннажных газовозов ледового класса Arc 7 упрощает логистику поставок на рынок Кореи, а СМП значительно сокращает сроки поставок с проектов «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ 2».

Общемировой энергетический контекст

В долгосрочной перспективе мы можем рассматривать ряд последовательных возможных трансформаций энергетического рынка. Стоимость генерации ВИЭ будет снижаться. До 2030 г. многие страны достигнут момента, когда ВИЭ станут конкурентоспособны по сравнению с традиционным топливом, в большинстве регионов цены на них будут ниже, чем на уголь и газ. Результатом станет вытеснение традиционных источников энергии ВИЭ. Значительную роль может сыграть и водородное топливо, если розничные цены упадут до 3,5 долл. за 1 кг или ниже. Доля ветровой и солнечной энергии будет быстро увеличиваться в структуре ВИЭ, к 2040 г. она составит более 50 %, это станет критическим моментом перехода от ископаемых видов топлива. Однако для эффективного использования солнечной и ветровой энергии потребуется значительное усовершенствование электрических энергосистем. После 2035—2040 гг. мировой спрос на углеводороды начнет снижаться, несмотря на экономический рост. При этом потребление электроэнергии увеличится к 2050 г. вдвое, 50 % ее будет генерироваться за счет ВИЭ. Более эффективные технологии станут доступны в различных секторах экономики, снижая энергопотребление даже в таких крупных промышленных странах, как Китай. В большинстве стран OECD будет наблюдаться снижение спроса на электроэнергию, но энергопотребление в Африке и Индии значительно увеличится. Будет снижаться стоимость электрических батарей, а их полезный объем увеличится, до 2030—2035 гг. автомобили с двигателями внутреннего сгорания будут вытеснены электромобилями. Подобная тенденция будет характерна не только для легкового, но и для грузового автотранспорта. Несмотря на стабильный исторический рост более 1 % в год, спрос на нефть до 2030—2035 гг. замедлится и в дальнейшем мировое потребление нефти будет снижаться. Пиковый спрос, вероятно, придется на начало 2030-х годов с объемом до 100 млн баррелей в день.

При переходе от угольной генерации к ВИЭ, снижении спроса на нефть и расширении использования природного газа выбросы углерода должны начать снижаться с 2030 г. В основном это будет происходить в Китае, где угольная генерация будет замещаться газовой и ВИЭ. Однако использование СПГ в свете климатических изменений и последних исследований может оказаться под ударом. Дело в том, что основным источником парниковых газов при производстве СПГ является сгорание метана в турбинах, которые приводят в действие холодильные компрессоры. По количеству выбросов CO_2 заводы по производству СПГ могут быть приравнены к угольной генерации и даже превосходить ее [Greenhouse Cases…, 2020; Traywick et al., 2020]. Возможно, будут изобретены новые способы сжижения газа или существующие технологии будут усовершенствованы. В любом случае доля природного газа (СПГ и трубопроводного) в мировом потреблении продолжит расти до 2040 г., после чего потребление газа стабилизируется и уступит место ВИЭ. В среднесрочной перспективе потребность в газе будет возрастать во всех секторах, что к 2035 г. повысит спрос на газ на 20 %. В Китае потребление газа будет расти и составит около 50 % мирового спроса к 2035—2040 гг. Стабилизация и постепенное снижение спроса на природный газ будут, скорее всего, устойчивыми при различных сценариях цены. Учитывая растущую конкурентоспособность ВИЭ по сравнению с газом, даже значительное снижение цен на газ обеспечит незначительный прирост спроса.

Выводы

Принимая во внимание курс Республики Корея, с одной стороны, на отказ от атомной энергетики, сокращение в перспективе угольной генерации, переход к ВИЭ, а с другой стороны — на развитие новых СПГ проектов с Россией, заинтересованность обеих стран в создании единой электросети или строительстве трубопровода РФ — КНДР — РК и характер трудностей при реализации таких проектов, а также перспективные изменения на мировом энергетическом рынке в течение следующих 30 лет, можно наметить основные факторы, которые повлияют на корейско-российское энергетическое сотрудничество.

В краткосрочной (до 2025 г.) и, возможно, среднесрочной (до 2035 г.) перспективе РК не сможет отказаться от импорта угля, так как необходимо компенсировать мощности выводимых из строя энергоблоков атомных электростанций. 24 октября 2018 г. кабинет министров РК утвердил план перехода от ядерной энергетики к ВИЭ. Согласно плану, решено не продлевать срок эксплуатации еще 14 энергоблоков, таким образом, из действующих 24 реакторов к 2038 г. останутся только 10 (при условии полной заморозки строительства двух энергоблоков на станциях Син Хануль и Син Кори). Даже с учетом значительных темпов прироста генерации ВИЭ (10,8% ветровой, 32,5% солнечной и 21,9% других видов ВИЭ в 2018 г.[33]) ее недостаточно, чтобы компенсировать энергопотери от остановки энергоблоков атомных станций. Таким образом, в краткосрочной и, возможно, среднесрочной перспективе Корея продолжит покупать российский уголь.

Ежегодный прирост потребления нефти РК невелик, исключением стали 2015—2016 гг. (см. Приложение 3). Учитывая высокую диверсификацию рынка нефти РК, наличие двух альтернативных рынков (Китай и Япония), где рыночная доля РФ составляет, соответственно, 12% и 8%, Корея будет оставаться третьим по значимости для РФ нефтяным рынком в Северо-Восточной Азии. Мировой пик спроса на нефть придется, вероятно, на начало 2030-х годов, однако это произойдет в первую очередь за счет развивающихся рынков. Технологическое развитие РК позволит ей заместить автопарк с двигателями внутреннего сгорания электромобилями и транспортом на водородном топливе, что окажет значительное давление на потребление нефти Кореей. Также важным моментом остается геополитическая обстановка на Ближнем Востоке. В случае улучшения отношений США с Ираном возможно увеличение объемов поставок иранской нефти в РК. Таким образом, в краткосрочной и среднесрочной перспективе объемы поставок нефти и нефтепродуктов из РФ на рынок Кореи не увеличатся, а в долгосрочной будут сокращаться.

---

[33] British Petroleum Statistical Review of World Energy 2019, 68th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf.

Принимая во внимание перспективное увеличение доли природного газа (СПГ и трубопроводного) в мировом потреблении в ближайшие 15—20 лет вплоть до 2040 г., а также курс РК на увеличение газовой генерации, Корея и Россия должны развивать сотрудничество в сфере поставок российского СПГ на рынок Кореи не только с проекта «Сахалин-2», но в особенности с проекта «Ямал СПГ», а в будущем — «Арктик СПГ 2». Строительство трубопровода РФ — КНДР — РК даже в долгосрочной перспективе маловероятно, так как содержит значительные геополитические риски. Поставки СПГ являются в среднесрочной и долгосрочной перспективе наиболее взаимовыгодным направлением сотрудничества Кореи и России. При этом в краткосрочной перспективе Россия вряд ли сможет конкурировать на диверсифицированном рынке РК с традиционными поставщиками — Катаром и особенно Австралией, ставшей в 2019 г. крупнейшим производителем СПГ в мире [What the Frack?.., 2019].

Список литературы

Газпром отложил разработку Южно-Киринского месторождения на шельфе о. Сахалин // Neftegaz.RU. 09.04.2021. URL: https://neftegaz.ru/news/shelf/675422-gazprom-otkladyvaet-razrabotku-yuzhno-kirinskogo-mestorozhdeniya-na-shelfe-o-sakhalin/.

Мозамбик заманивает Россию в опасный и прибыльный проект // Взгляд. 21.08.2019. URL: https://vz.ru/politics/2019/8/21/993589.html.

Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея от 22 июня 2018 года // Президент России. Официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/supplement/5321.

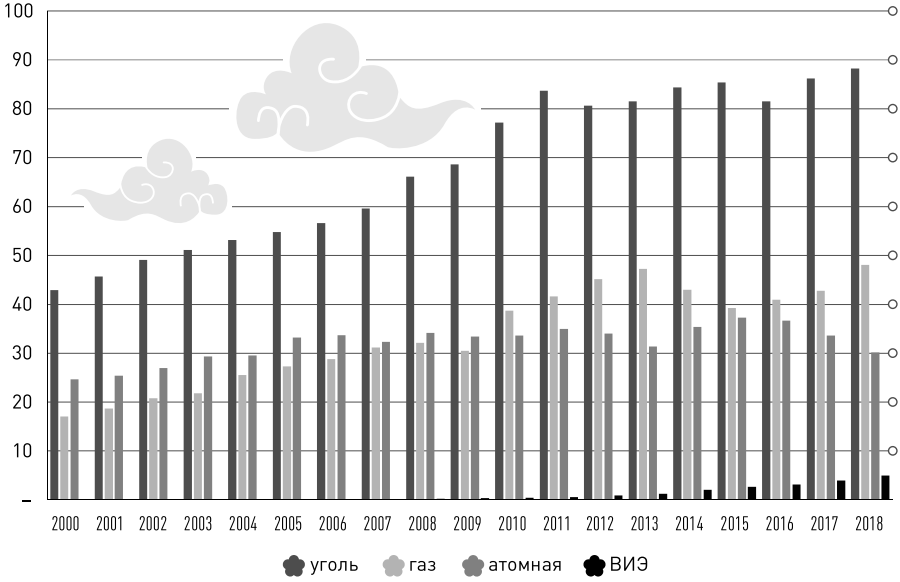
Country Analysis Brief: South Korea. (2018) *U. S. Energy Information Administration.* URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/South_Korea/south_korea.pdf.

Greenhouse Cases from Oil, Gas, and Petrochemical Production. U. S. Fracking Boom Fuels Rise in Greenhouse Cases and Health-Damaging Pollutants. (2020) Environmental Integrity Project. URL: https://environmentalintegrity.org/wp-content/uploads/2020/01/Greenhouse-Gases-from-Oil-Gas-and-Petrochemical-Production.pdf.

Traywick C., Cunningham S., Malik N. S, Merrill D. (2020) Gas Exports Have a Dirty Secret: A Carbon Footprint Rivaling Coal's. *Bloomberg Green*. January 23. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-23/gas-exports-have-dirty-secret-a-carbon-footprint-rivaling-coal-s#footnote-3.

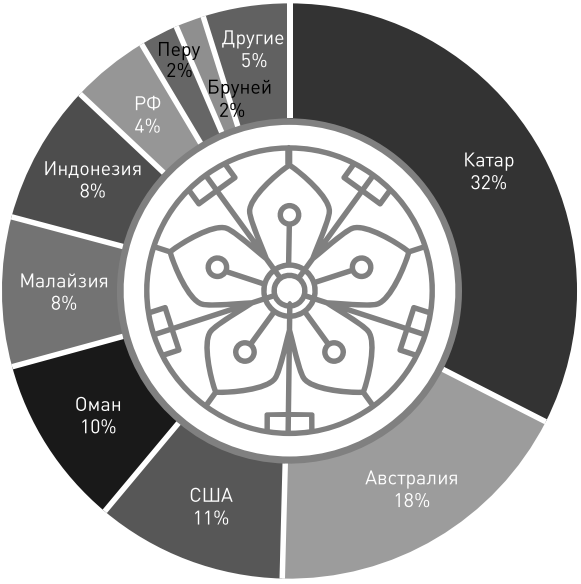
What the Frack? Australia Overtakes Qatar as World's Largest Gas Exporter (2019). *Climate Council*. July 25. URL: https://www.climatecouncil.org.au/australia-worlds-largest-gas-exporter/.

Приложение 1.
Потребление угля, природного газа, ядерной энергии, ВИЭ Республикой Корея, 2000—2018, млн тонн нефтяного эквивалента



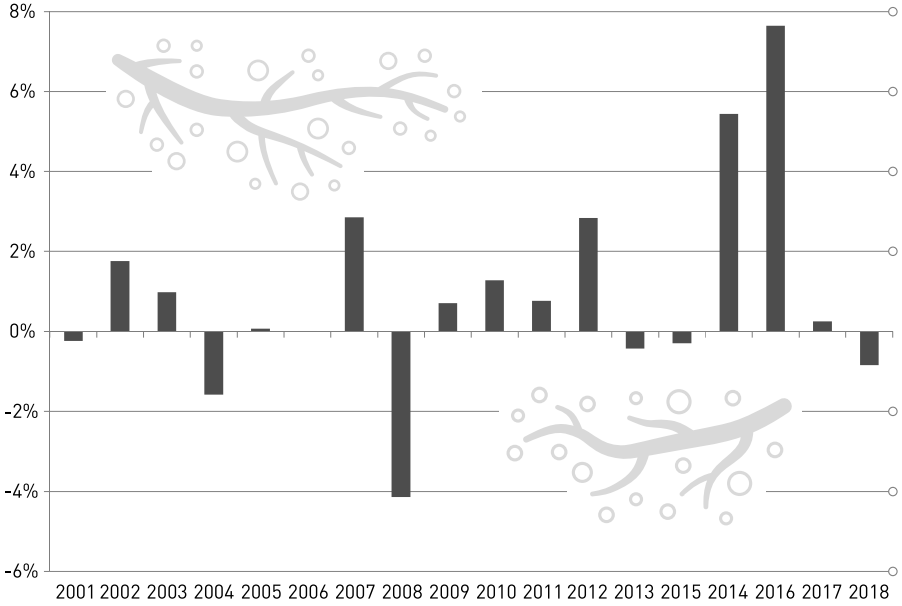
Источник данных: British Petroleum Statistical Review of World Energy 2019, 68th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf.

Приложение 2.
Доля поставщиков СПГ на рынок Республики Корея, 2018 г.



Источник данных: British Petroleum Statistical Review of World Energy 2019, 68th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf.

Приложение 3.
Ежегодный прирост потребления нефти Республикой Корея, 2001—2018 гг.



Источник данных: British Petroleum Statistical Review of World Energy 2019, 68th edition. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf.

ГЛАВА 9. ПОЛИТИКА ПО ПОДДЕРЖКЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. В главе анализируется политика по поддержке предприятий малого и среднего бизнеса (МСБ) в Республике Корея. Рассматриваются конкретные механизмы реализации политики на следующих направлениях: 1) повышение производительности МСБ посредством инноваций; 2) решение проблемы нехватки рабочей силы в МСБ; 3) создание способствующей динамичному развитию МСБ экосистемы; 4) содействие развитию предпринимательства в целях увеличения количества стартапов; 5) улучшение финансирования МСБ и стартапов. Освещаются результативность политики, проблемы ее реализации и их возможные решения. Автор приходит к выводу, что результативность стратегии в целом можно оценить положительно, однако необходимо учитывать ряд негативных моментов.

Введение

Поощрение развития малого и среднего бизнеса (МСБ) занимает одно из центральных мест в политике правительства Республики Корея по экономической модернизации страны. В новой экономической парадигме, предусмотренной южнокорейским правительством, присутствует тезис о том, что «МСБ и стартапы заменят крупные фирмы в качестве драйверов экономических инноваций» [Jones, Jae, 2018: 6]. Курс, направленный на развитие производительности и инновационности МСБ, видится правительством как способ решения ряда экономических и социальных проблем страны; как механизм ускорения экономического роста и модернизации, смягчения социально-экономического неравенства и создания новых рабочих мест. Критическая важность для Южной Кореи сектора малого и среднего бизнеса обусловлена рядом факторов. Так, на данный

сектор приходится 99 % всех зарегистрированных в стране предприятий, на них работает около 88 % всех работников в стране, что является наивысшим показателем среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Кроме того, предприятия МСБ обеспечивают примерно 38 % всего южнокорейского экспорта [SMEs' Role in Korean Economy, 2021].

В целях осуществления указанной выше правительственной программы в 2017 г. было создано Министерство малого и среднего бизнеса и стартапов (Ministry of SMEs and Startups, MSS). Основными объектами политики данного ведомства являются, во-первых, микропредприятия (до 9 сотрудников, всего в РК 3 млн); во-вторых, предприятия малого бизнеса, которые определяются как предприятия с ежегодным доходом до 12 млрд вон (может варьироваться в зависимости от индустрии), их число в стране около 378 тыс.; и, в-третьих, предприятия среднего бизнеса (ежегодный доход до 150 млрд вон — также варьируется в зависимости от индустрии, 102 тыс.) [ibid.]. Перед данным министерством был поставлен ряд задач:

— содействие росту предприятий на всех стадиях развития: от стартапов до МСБ и от МСБ до глобальных предприятий;

— стимулирование создания новых стартапов посредством развития новых идей, которые можно воплотить в бизнесе, а также облегчение привлечения финансовых средств;

— поддержка микропредприятий посредством мер, которые обеспечивают успешный старт, развитие моделей кооперации, здоровый рост и успешную окупаемость [ibid.].

Можно выделить следующие ключевые направления государственной политики по поддержке МСБ: 1) повышение производительности МСБ посредством инноваций; 2) решение проблемы нехватки рабочей силы в МСБ; 3) создание специальной экосистемы, способствующей динамичному развитию МСБ; 4) содействие развитию предпринимательства в целях увеличения количества стартапов; 5) улучшение финансирования МСБ и стартапов. В первую очередь необходимо рассмотреть проблему низкой производительности предприятий малого и среднего бизнеса, она хорошо заметна из статистических данных. Так, в 2015 г. средняя производительность труда в данном секторе составляла около 30 %. При этом в 1988 г. про-

изводительность труда на предприятиях МСБ составляла 53 %, что указывает на значительный спад данного показателя [Jones, Jae, 2018: 19]. Данную проблему южнокорейское правительство пытается решить посредством стимулирования внедрения в данную сферу инноваций и высокотехнологичных практик. В целях стимулирования инновационной активности МСБ государственные органы внедряют различные государственно-частные программы, направленные в наибольшей степени на стартапы как предприятия, наиболее склонные к использованию высоких технологий. Часть этих программ направлена на помощь в формировании команд стартапов, включающих представителей разных поколений и разных отраслей экономики, для содействия созданию новых отраслей.

Инновации

Отдельного внимания заслуживает запущенная правительством в 2014 г. программа Accelerator Investment-Driven Tech Incubator Program for Startup (TIPS). Ее целью является поддержка высокотехнологичных стартапов со стороны государства и бизнес-ангелов, то есть инвесторов, осуществляющих финансовую и экспертную поддержку предприятиям на ранних этапах развития. Бизнес-ангелы инвестируют в стартап средства и оказывают менторскую поддержку, а взамен получают долю в стартапе, «развивают и защищают портфель для последующих инвестиций»[34]. Средняя сумма инвестиций составляет около 100 млн вон. Основатели стартапов привлекают дополнительное финансирование, гарантированно сохраняя за собой долю в проекте как минимум 60 %, а также получают возможность запустить высокотехнологичную компанию с минимальными финансовыми рисками. Государство, со своей стороны, предоставляет финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также берет на себя часть рисков при банкротстве стартапа, позволяя обанкротившемуся стартапу не возмещать государству предоставленное финансирование. Средняя сумма финансирования со стороны государства составляет 500 млн вон. Взамен в случае успеха стартап выплачивает государству «платежи лояльно-

[34] Tech Incubator Program for Startups. *TIPS Korea*. URL: http://www.jointips.or.kr/global.

сти» (loyalty payments) в размере 10 % от предоставленного финансирования НИОКР [ibid.]. Результативность данной программы можно оценить положительно. Так, с 2014 г. по настоящее время в рамках TIPS было организовано 423 стартапа. Со стороны бизнес-ангелов были предоставлены инвестиции в размере 71 млн долл., а со стороны государства — 137 млн долл. 55 стартапов, прошедших через программу, вышли на глобальный уровень [ibid.].

Другим примером программы, нацеленной на развитие высокотехнологичных стартапов, является программа K-Startup Grand Challenge, запущенная в 2016 г. Министерством МСБ и стартапов и Национальным агентством по продвижению индустрии ИТ. Главной целью данной программы позиционируется поддержка талантливых предпринимателей и перспективных стартапов и превращение Южной Кореи в «глобальный центр стартапов в Азии». Для участия в программе акселерации специалисты и бизнес-ангелы отбирают 60 лучших проектов в области высоких технологий со всего мира. Продолжительность данной программы, которая проходит в Технодолине Пхангё (Pangyo Technovalley), южнокорейском аналоге Кремниевой долины в Соединенных Штатах, составляет 3,5 месяца[35]. В рамках программы акселерации команды получают бесплатное офисное помещение, менторскую поддержку, шанс наладить контакты с ключевыми корейскими высокотехнологическими компаниями, а также консультации и образовательные мероприятия в сферах бизнес-культуры Кореи и Азии в целом, патентов, бухгалтерского учета, налогообложения, правового регулирования предпринимательской деятельности и других областях. По итогам программы акселерации 30 лучшим стартапам предоставляются финансовые стимулы в размере от 10 тыс. до 120 тыс. долл., а также дополнительная поддержка со стороны государства в случае, если они решат открыть свой бизнес в Южной Корее[36].

Отметим также программу помощи агентства Born2Global, основанного в 2013 г. под эгидой Министерства науки и информационно-коммуникационных технологий (Ministry of Science and ICT, MSIT).

---

[35] K-Startup Grand Challenge Program. Introduction. *K-Startup Grand Challenge.* URL: https://www.k-startupgc.org/project/challenge.do.

[36] Ibid.

Ежегодно агентство выбирает более 100 стартапов с высоким потенциалом для выхода на глобальный рынок и предоставляет им услуги по профессиональному консультированию и обучению:

— юридические консультации по созданию дочерних компаний за рубежом, проверке зарубежных деловых контрактов, управлению юридическими рисками, анализу сделок слияний и поглощений;

— патентные консультации по процессу подачи заявки на патент за рубежом, управлению рисками в области интеллектуальной собственности, консультациям по стратегии НИОКР в области интеллектуальной собственности;

— маркетинговые консультации по исследованию рынка и разработке маркетинговых стратегий, глобальным маркетинговым инструментам и краудфандинговому маркетингу;

— бухгалтерское консультирование по бухгалтерскому аудиту и диагностике бизнеса, обзору международных налоговых систем в области инвестиций, IPO и другим аспектам;

— консультации по привлечению инвестиций, в том числе по проведению питчинга, по анализу документов инвестиционного контракта, тактике выбора инвесторов и составлению инвестиционных стратегий;

— консультации в ряде других сфер.

Кроме того, более 50 стартапов получают возможность базироваться в бизнес-пространстве K-Global Startup Hub и получать консультативные услуги в кампусе для стартапов в Пхангё, обеспечивающем необходимую для развития стартапов «экосистему»[37].

Дефицит рабочей силы

Что касается проблемы дефицита рабочей силы, можно выделить две ее причины. Первая связана с плохими условиями труда и низкими заработными платами на предприятиях малого и среднего бизнеса, что также связано с описанной выше проблемой низкой производительности данной сферы. Таким образом, политика по повышению производительности путем стимулирования более широкого использования высоких технологий, скорее всего, приведет к увеличению доходов предприятий МСБ. Вторая проблема — дефицит

[37] About Center. *Born2Global*. URL: https://www.born2global.com/userborn2globalcenter.do.

рабочей силы с профессионально-техническим образованием, связанный с экспансией высшего образования и низким статусом профессионально-технического образования в обществе, а также недостаточной практико-ориентированностью образования, что является причиной значительного несоответствия между спросом и предложением на рынке труда. Для решения данной проблемы правительство принимает различные меры по реформированию системы профессионально-технического образования в целях создания в стране «общества, основанного на компетенциях», вместо «общества, ориентированного на академическое образование», усилив таким образом акцент на практических составляющих образования вместо теоретических аспектов. Реформирование заключается в реструктуризации профессионально-технических школ и усилении акцента в обучении на определенных отраслях экономики, на более тесное сотрудничество образовательных учреждений с представителями индустрии. Особое внимание в данном контексте уделяется таким отраслям, как сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, ИТ и рыбная промышленность[38].

Кроме того, среди профессионально-технических учреждений, готовящих наиболее высококвалифицированных специалистов, правительство в кооперации с представителями отраслей, в наибольшей степени нуждающихся в специалистах, определяет так называемые Meister High Schools (MHS). Учебные программы данных образовательных учреждений максимально адаптированы к потребностям индустрии на основе соглашений с конкретными отраслями. Выпускники MHS, в отличие от выпускников обычных профессионально-технических учреждений, обязаны по окончании обучения устроиться на работу [Lee, 2015: 10].

В данном контексте южнокорейское правительство продвигает систему «сначала трудоустройство, затем колледж». В ее рамках, с одной стороны, осуществляются меры по мотивированию выпускников профессионально-технических учреждений искать в первую очередь работу, а не продолжать обучение в сфере высшего образования после

[38] South Korea: Career and Technical Education. *National Center on Education and the Economy*. URL: https://ncee.org/center-on-international-education-benchmarking/top-performing-countries/south-korea-overview/south-korea-school-to-work-transition.

получения профессионально-технического образования. Для данных целей вводятся упрощенные программы для поступления в колледжи и университеты для лиц, имеющих опыт работы. К примеру, выпускники с опытом работы три года в сфере бизнеса освобождаются от национального экзамена для поступления в высшее учебное заведение. С другой стороны, данная программа направлена на поощрение трудоустройства выпускников профессионально-технических учреждений, а также на поощрение более близкого сотрудничества между работодателями и образовательными учреждениями в целях приближения образовательных программ к нуждам рынка труда. Программа также стимулирует развитие дополнительного образования и онлайн-образования, позволяющего работникам получить необходимые им знания, не покидая места работы [ibid.: 11—12]. Кроме того, в целях продвижения более практико-ориентированного образования южнокорейское правительство разработало Национальные стандарты компетенций (National Competency Standards, NCS). Концепция устанавливает единые национальные стандарты знаний, умений и навыков, необходимых для занятия определенных рабочих мест в определенных индустриях; стандарты для измерения компетенций сотрудников, такие как способность к планированию, профессиональные знания и производительность труда; стандарты развития человеческого потенциала, необходимого для удовлетворения потребностей работодателей. На основе данных стандартов рекомендуется вести подготовку специалистов, осуществлять прием на работу и повышение в должности [ibid.: 15—17].

Экосистема, регулятивная нагрузка

Важным направлением поддержки МСБ является создание способствующей росту экосистемы, что выражается в снижении регулятивной нагрузки на предприятия малого и среднего бизнеса и стартапы. По оценкам экспертов из ОЭСР, к предприятиям МСБ применялись около 9 тыс. регулятивных правил, а это 59 % от общего количества всех экономических, социальных и административных правил. Экономические регулятивные нормы составляют около трети всех применимых регуляций и касаются таких сфер, как выход на рынок, цена, условия торговли и качество товаров и услуг.

Социальные регулятивные правила составляют еще одну треть и относятся к экологии, авариям на производстве, защите покупателей и социальной дискриминации. Кроме того, около 20 % регулятивных норм приходится на правила открытия бизнеса. Специалисты заключают, что большая регулятивная нагрузка, особенно в сфере открытия бизнеса, в значительной степени тормозит динамизм развития МСБ [ibid.: 24]. В целях решения данной проблемы принимаются специальные регулятивные акты, адаптированные для предприятий МСБ. Так, Закон о стандартах труда (Labour Standard Act) позволяет микропредприятиям не выпускать в письменном виде внутренние правила для работников. Закон о сборе взносов по страхованию занятости и страхованию от несчастных случаев на производстве (Act on the Collection of Premiums for Employment Insurance and Industrial Accident Compensation Insurance) дает микропредприятиям возможность подавать сведения о зарплатах сотрудников в письменной форме вместо электронной. Закон о содействии занятости и профессиональной реабилитации людей с ограниченными возможностями (Act on Employment Promotion and Vocational Rehabilitation of Disabled Person) предполагает, что предприятия с количеством сотрудников менее 50 освобождены от обязанности нанимать в качестве сотрудников лиц с ограниченными возможностями. Закон об охране труда и технике безопасности (Occupational Safety and Health Act) освобождает предприятия с количеством сотрудников менее 50 от обязательства организовывать внутри предприятия комитет по охране труда и технике безопасности. Принятый южнокорейским правительством адаптированный регуляторный подход к МСБ (Tailored Regulatory Approach for SMEs) предполагает, что микропредприятия в течение трех лет после введения правил освобождаются от регулирования в принципе [OECD Review…, 2017: 129]. Кроме того, в Южной Корее с 2009 г. существует институт омбудсмена МСБ, основной функцией которого является представление интересов предприятий МСБ в государственных структурах. За время его существования через него посредством различных каналов было подано около 10 тыс. жалоб со стороны предприятий, 9,8 тыс. из которых были удовлетворены [ibid.: 133].

С 2015 г. администрация Пак Кынхе проводила реформу регулирования малого и среднего бизнеса. В рамках данной программы такие институции, как Корейская федерация МСБ, Администрация по делам малого и среднего бизнеса (предшественник Министерства МСБ и стартапов), а также омбудсмен МСБ, активно сотрудничали в целях реализации программы Removal of the Thorn-Under-the-Fingernail. Так, в рамках данной программы были выделены 4165 регулятивных актов, которыми «можно было бы легко пренебречь, но которые имели значительное влияние» на динамизм развития МСБ, 1532 из них были реформированы. В дополнение к этому правительство стимулировало активное включение отдельных представителей МСБ в процесс регулятивной реформы. Так, через каналы омбудсмена МСБ были представлены 6477 регулятивных жалоб от МСБ, в рамках рассмотрения этих жалоб также были реформированы 1389 регулятивных актов [ibid.: 136]. Продолжалась и начатая в 2014 г. программа по снижению необоснованных экономических регулятивных правил на 10%. Кроме того, принимались меры по ликвидации диспропорции регулятивного бремени на предприятия малого и среднего бизнеса.

Администрация Мун Чжэина в контексте ускорения модернизации Южной Кореи через инновационную деятельность малого и среднего бизнеса также проводит политику, направленную на снижение регулятивной нагрузки на предприятия МСБ. Так, правительство разрабатывает план либерализации регулирования в определенных географических зонах и для определенных секторов промышленности, в первую очередь высокотехнологичных. Планы также включают создание «регулятивных песочниц», первая из которых появилась еще в 2015 г. в целях развития ИТ-сектора. «Регулятивные песочницы» подразумевают временное и облегченное предоставление лицензий в секторах, использующих высокие технологии. Данные инициативы направлены в том числе на установление негативной регулятивной системы, подразумевающей, что «разрешено то, что не запрещено», вместо существующей позитивной регуляционной системы, подразумевающей, что «запрещено все, что не разрешено» [Jones, Jae, 2018: 24—26].

Важную роль в поддержке малого и среднего бизнеса играет также существующий в Южной Корее льготный налоговый режим. Под

него попадают практически все предприятия МСБ. Так, налоговые послабления предлагаются фирмам, которые особое внимание уделяют созданию новых рабочих мест, расширяют количество принимаемых на работу постоянных работников, а также фирмам, принимающим временных сотрудников на работу в качестве постоянных работников. Для увеличения доходов МСБ правительство применяет и такую меру, как более активное привлечение данных предприятий к государственным заказам. С точки зрения экспертов ОЭСР, государственные закупки в Республике Корея сфокусированы в первую очередь на предприятиях МСБ, за исключением ряда крупных поставщиков [ibid.: 26]. Законодательство устанавливает долю величиной в 50 %, зарезервированную в рамках государственных закупок для предприятий МСБ. В 2014 г. на долю предприятий МСБ пришлось 54 % всех контрактов по государственным закупкам, притом что в 2009 г. данный показатель составлял 30 %, так что заметен значительный положительный тренд по данному направлению.

Поощрение развития предпринимательства

Другим направлением является поощрение развития предпринимательства, в первую очередь высокотехнологичных стартапов, улучшение предпринимательской среды. Существующий уровень развития предпринимательства в Южной Корее можно квалифицировать как средний. Согласно Всемирному индексу предпринимательства (Global Entrepreneurship Index), в 2018 г. страна заняла 21 место среди стран ОЭСР [Global Entrepreneurship Index, 2018]. Кроме того, согласно данным опросов общественного мнения, только треть южнокорейских граждан положительно относится к стартапам [Jones, Jae, 2018: 27]. Таким образом, проблема развития предпринимательства представляется значимой в контексте поддержки инновационного развития МСБ. Важную роль в рамках решения данной проблемы играют рассмотренные выше государственные программы, направленные на поощрение создания инновационных стартапов, примерами которых указывались Accelerator Investment-Driven Tech Incubator Program for Startup (TIPS), K-Startup Grand Challenge, программа агентства Born2Global. Данные программы вносят вклад в развитие экосистемы, способствующей креативности и предпри-

нимательской деятельности, а также улучшают имидж предприятий МСБ [ibid.: 28].

В 2017 г. южнокорейское правительство приняло «План создания экосистемы для развития инновационных стартапов». Данный план подразумевает три общих направления деятельности.

Первое направление заключается в создании благоприятной среды для развития и создания стартапов. Предполагается поддержка талантливых людей, запускающих стартапы, путем поощрения выделения новых предприятий из существующих фирм через введение системы «отпусков для стартапов», позволяющая предпринимателям вернуться на работу в случае неудачи; и разрешение профессорам университетов иметь более гибкие условия найма для участия в стартапах. Кроме того, в рамках данного направления планируется предоставлять начинающим стартапам инфраструктуру, такую как офисные помещения и сетевые возможности, привлекая к этому Долину Пхангё и государственную собственность и учреждения. Также предусмотрено более широкое привлечение частного бизнеса к финансированию стартапов, всемерная поддержка стартапов на начальных уровнях развития путем финансирования, участия в государственных закупках и обеспечения безопасности рынков.

Цель второго направления деятельности состоит в расширении возможностей финансирования и налоговых льгот. В рамках данного направления предполагается создание специального «инновационного фонда» в размере 10 трлн вон, 3 трлн из которых будет внесено государством в виде бюджетных расходов и займов, а 7 трлн будет предоставлено частным сектором. Средства из данного фонда будут направлены на финансирование бизнеса на разных этапах, начиная от коммерциализации идей и вывода на рынок и заканчивая слиянием и поглощением и реорганизацией бизнеса. Кроме того, важным аспектом данного направления является диверсификация налоговых льгот для начальных инвестиций с целью привлечения большего количества инвесторов. Предполагается двойное увеличение суммы, освобождаемой от налогов на инвестиции со стороны бизнес-ангелов с 15 млн до 30 млн вон; освобождение от налога на прибыль от опционов на акции; увеличение суммы, освобождаемой от налогов на владение акциями сотрудников, с 4 млн вон

до 15 млн вон; а также введение налоговых льгот для инвестиций в инвестиционные ассоциации стартапов в целях стимулирования инвестиций в небольших количествах [Jones, Jae, 2018: 28].

Третье направление заключается в расширении доступа стартапов к инвестициям. Предполагается постепенный отказ от совместного поручительства при займах, которое ложится зачастую тяжелым бременем на семью и друзей предпринимателя в случае банкротства, что затрудняет повторный запуск компании. В рамках программы государственные финансовые учреждения упразднили его в первой половине 2018 г., частным учреждениям также рекомендуется отказаться от поручительства. В данном контексте предполагается прощение части налоговой задолженности размером до 30 млн вон при повторном открытии бизнеса после банкротства и некоторые другие меры. Таким образом, акцент делается на расширении помощи обанкротившимся предпринимателям, предоставлении им «второго шанса». Кроме того, в рамках направления правительство планирует содействовать первичным публичным предложениям (IPO), а также слияниям и поглощениям (M&A) посредством, во-первых, укрепления независимости рыночного комитета Корейской ассоциации участников фондового рынка (Korean Securities Dealers Automated Quotations, KOSDAQ) в целях стимулирования рынков KOSDAQ и KONEX; во-вторых, поощрения инвестиций из пенсионных фондов; в-третьих, стимулирования крупных предприятий для участия в слияниях и поглощениях; и, в-четвертых, привлечения иностранных венчурных инвестиций для внутренних сделок в сфере слияний и поглощений. Также данная программа подразумевает меры по предотвращению кражи технологий. Примером реализации этого аспекта может служить организация рабочей группы при Комиссии по справедливой торговле Кореи с расширенными полномочиями по расследованию краж технологий [ibid.: 28].

В контексте поощрения развития предпринимательства в Южной Корее осуществляются меры по более широкому привлечению к предпринимательской деятельности женщин и молодежи. Так, существует специальный фонд размером 90 млрд вон для поддержки более широкого включения женщин в предпринимательскую деятельность. Минимальным критерием для получения средств из данного фонда

является доля женщин в 35 % среди сотрудников предприятия, даже если сам предприниматель является мужчиной. Кроме того, предпринимаются различные меры по популяризации предпринимательства среди учащихся школ, например, в 2018 г. в образовательные программы включен обязательный курс по бизнес-образованию, сопровождаемый факультативными «стартап-занятиями». Кроме того, правительство рассматривает меры по привлечению к предпринимательской деятельности лиц пожилого возраста.

Финансирование

Последним направлением в политике южнокорейского правительства по поддержке малого и среднего бизнеса являются меры по улучшению финансирования МСБ и стартапов. Ряд механизмов в данном направлении был рассмотрен выше. Так, упоминались государственные программы по развитию стартапов, специальный фонд размером 10 трлн вон, направленный на финансирование бизнеса, в первую очередь стартапов, на разных этапах развития, а также фонд для поощрения включения женщин в предпринимательскую деятельность. Помимо данных мер, южнокорейское правительство предоставляет значительные государственные гарантии кредитов, выданных МСБ. По данным ОЭСР за 2018 г., правительство потратило на данные нужды 68 трлн вон — сумму, эквивалентную 3,6 % ВВП страны [Financing SMEs…, 2020: 152]. Кроме того, правительство осуществляет прямое кредитование предприятий малого и среднего бизнеса. В 2018 г. таким образом предприятиям было предоставлено 4,4 трлн вон, что составило 0,2 % ВВП Южной Кореи за тот год [ibid.: 152]. Также в целях привлечения большего количества средств для МСБ и стартапов действует Комиссия по финансовым услугам.

Заключение

Для поддержки предприятий МСБ правительство Республики Корея придерживается многопланового подхода, сочетающего различные виды помощи, включающие консалтинговую, экономическо-финансовую, научно-техническую, информационную и имиджевую поддержки. В целом политика поддержки предприятий МСБ дает положительный результат, о чем свидетельствуют статистические

показатели. Так, за период с 2016 по 2019 г. доля экспорта в доходе предприятий рассматриваемой отрасли возросла с 44% до 59% [Chae, 2019], что свидетельствует о повышении конкурентоспособности товаров и услуг, производимых ими, а также о положительном влиянии политики правительства по помощи в выходе стартапов и предприятий МСБ на глобальный рынок. Кроме того, с 2017 по 2018 г. на 3,7% выросла средняя зарплата в сфере МСБ, что оказалось значительно выше, чем рост зарплат в средних и крупных компаниях, составивший 2,6%. Стоит также отметить, что ситуация с кредитованием предприятий МСБ достаточно положительная [Joo et al., 2020: 103]. По данным за 2016 г., 79% всех выданных кредитов пришлось на предприятия данного сектора.

Косвенным свидетельством развития малого и среднего бизнеса является увеличение среднего класса в обществе: за 2017—2018 гг. средний класс в Южной Корее вырос с 47,8% до 49% [ibid.: 103]. Приведенные данные свидетельствуют о достаточно динамичном развитии сектора МСБ в Южной Корее и, следовательно, позитивном влиянии политики правительства по его поддержке.

Однако существует и ряд отрицательных следствий и результатов описываемой политики. К примеру, льготный налоговый режим для МСБ приводит к тому, что предприятия намеренно перестают развиваться, ограничивая продажи и накопление активов, поддерживая их сумму ниже 10 трлн вон, чтобы не выходить из-под определения МСБ и сохранить право на государственную поддержку. Данный эффект, получивший название «синдромом Питера Пена», значительно тормозит как рост малого и среднего бизнеса, так и развитие южнокорейской экономики в целом. Чтобы не терять налоговые льготы, используется еще один механизм — искусственное разделение предприятия на несколько. Данные меры ухудшают управляемость компании, сокращая ее эффективность и тормозя развитие сектора. Из-за этого некоторые эксперты, в первую очередь специалисты ОЭСР, рекомендуют правительству сокращать круг предприятий МСБ, получающих налоговые льготы, и постепенно отменять льготы для фирм, которые выходят из статуса МСБ или средних фирм.

Можно отметить определенное негативное влияние гарантий привлечения предприятий МСБ к государственных закупкам. Данное

влияние заключается в увеличении зависимости предприятий МСБ от государственной поддержки и замедлении роста производительности. Так, выбираемые для государственных заказов фирмы зачастую имеют меньшую производительность, но бóльшие шансы на выживание на рынке, чем среднестатистические предприятия МСБ. Тем самым данная политика побуждает конкретные предприятия МСБ зависеть от закупок в целях выживания при отсутствии повышения производительности до уровня, требуемого рынком. В этих условиях специалисты рекомендуют ужесточить процесс проверки предприятий МСБ, участвующих в государственных закупках, тщательнее анализировать их деятельность и больше внимания уделять технологически продвинутым предприятиям.

Кроме того, на экономику страны негативно влияют государственные гарантии кредитования и прямое государственное кредитование. Данные меры вытесняют частное финансирование и в определенной степени препятствуют развитию рынка, уменьшая стимулы финансовых учреждений к приобретению навыков «управления рисками» при кредитовании МСБ. К тому же длительная государственная поддержка удерживает предприятия МСБ от расширения. Таким образом, общая рекомендация, даваемая специалистами, заключается в том, что правительство в рамках поддержки предприятий малого и среднего бизнеса должно не фокусироваться на поддержании нежизнеспособных компаний, а концентрировать деятельность на предотвращении сбоев рынка, которые приводят к банкротству компаний с высоким потенциалом [Jones, Jae, 2018: 26, 28, 33].

Список литературы

Chae Eun-Mi. (2019) SMEs, the Driving Force of The Korean Economy. *FedEx*. URL: https://fedexbusinessinsights.com/smes-the-driving-force-of-the-korean-economy/#:~:text=Since%20more%20than%2080%20percent,create%20more%20jobs%20with%20SMEs.

Financing SMEs and Entrepreneurs. An OECD Scoreboard (2020) OECD. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/financing-smes-and-entrepreneurs-2020_061fe03d-en#page1.

Global Entrepreneurship Index. (2018) Global Entrepreneurship Development Institute. http://dx.doi.org/10.1787/888933739205.

Jones R. S., Jae Wan Lee. (2018) Enhancing dynamism in SMEs and entrepreneurship in Korea. OECD Economics Department Working Papers No. 1510. *OECD*. URL: http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2018)58&docLanguage=En.

Joo Sangyong, Lee Kangkook, Nah Won Jun, Jeon Su Min, Joe Dong-Hee. (2020) The Income-led Growth in Korea: Status, Prospects and Lessons for Other Countries. Korea Institute for International Economic Policy. URL: https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0001&list_no=9322&act=view.

Lee Ji-Yeon. (2015) Vocational Education and Training in Korea: Achieving the Enhancement of National Competitiveness. UNED. URL: https://www.uned.ac.cr/ocex/images/stories/SINAES_1103_%20by%20LJY%201.pdf.

OECD Review of Regulatory Reform. Regulatory Policy in Korea. Towards Better Regulation. (2017) OECD. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/governance/regulatory-policy-in-korea_9789264274600-en#page134.

SMEs' Role in Korean Economy. (2021) Ministry of SMEs and Startups. URL: https://www.mss.go.kr/site/eng/02/10202000000002016111504.jsp.

ЧАСТЬ IV
СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ГЛАВА 10. МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация. В главе анализируются процессы изменений социальной структуры в Южной Корее во второй половине XX и в первое десятилетие XXI века. Под социальной структурой понимается социоструктурный комплекс, включающий конфигурацию занятости в экономике, социальную стратификацию, паттерны социальных отношений, структуру семьи и соотношение гендерных ролей. Южнокорейское общество за шесть десятилетий прошло через пять фаз трансформации, которые вначале соответствовали траекториям догоняющей модернизации, а затем сменились новыми тенденциями, не вписывающимися в классическую модернизационную модель.

Трансформация экономики и общества в Южной Корее

Высокие темпы экономического роста, быстрое и масштабное обновление технологий и инфраструктуры, отличающие на рубеже XX—XXI веков азиатских «тигров» и «драконов» — Сингапур, Тайвань, Гонконг, Китай и Южную Корею, привлекают внимание многих экспертов, стремящихся представить «азиатское экономическое чудо» в качестве образца успешного социально-экономического развития по модели модернизации [Александров, 2007; Абдурасулова, 2009; Саблин, 2010].

Особенно впечатляющим, даже на фоне остальных «тигров» и «драконов», выглядит «корейское чудо». Будучи в середине прошлого века бедной аграрной страной с показателем ВВП на душу населения в 70 долл. (1960 г.), не имея больших запасов минерального сырья и не занимая выгодного положения на торговых путях, Южная Корея за три-четыре десятилетия совершила впечатляющий

рывок в развитии. Она достигла подушевого ВВП в 1600 долл. уже в 1980 г. и затем вошла в двадцатку самых развитых стран, достигнув уровня 10 000 долл. в 1995 г. и уровня 20 000 долл. в 2005 г. При этом экономика Южной Кореи диверсифицирована, в ее экспорте велика доля высокотехнологичной продукции, а по объему экспорта продукции на базе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) она входит в пятерку мировых лидеров [Цветкова, 2012]. Страна успешно реализует масштабные проекты по развитию информационно-коммуникационных технологий и находится среди мировых лидеров по количеству интернет-пользователей (82 из 100 жителей в 2002 г. и 96 из 100 жителей к 2020 г.), по уровню доступа к широкополосному интернету и по интенсивности развития технологий мобильной связи [Lee, 2003; Park, 2020].

Такой феноменальный экономический прогресс и переход Южной Кореи из состояния экономически отсталого аграрного и к тому же разрушенного войной[39] общества через интенсивную и во многом принудительную индустриализацию к развитому постиндустриальному обществу выглядит идеальным примером, подтверждающим положения классической теории модернизации [Rostow, 1960; Levy, 1966]. В 1960-х годах опиравшееся на военных правительство президента Пак Чонхи провозгласило программу «модернизации родины» [Хан, 2010] и практически навязало обществу новые институты западного типа, которые активизировали экономическую деятельность и стали вытеснять традиционные социальные структуры и культурные паттерны.

Однако авторитарная модернизация сопровождалась ростом социального неравенства, распадом традиционных социальных групп, давлением государственной бюрократии на предпринимателей, рабочих, интеллектуалов. И реакцией на болезненные следствия догоняющей модернизации стало возникновение в южнокорейском обществе неотрадиционалистских структур и движений, сформировавших альтернативу тем институтам, которые поддерживались авторитарным государством. На месте распавшихся клановых свя-

[39] В результате Корейской войны (1950—1953) в южной части Корейского полуострова погибло около 1,5 млн человек (более 10 % населения), было разрушено три четверти промышленных предприятий и половина жилых домов.

зей возникли формы солидарности, превращавшие промышленные корпорации, государственные учреждения и университеты в подобие общин, руководство и большинство членов которых объединены происхождением из одного клана, региона, учебного заведения, воинской части и т. п. Эти противоречащие идеальному типу модернизации структуры рекрутинга и карьерного продвижения стали характерной чертой современного корейского общества и были названы исследователями «неофамилистскими» [Lew, Chang, 1998; На, 2007], или «псевдофамилистскими» [Cha, 2000].

Другой характерной тенденцией догоняющей модернизации в Южной Корее стало возникновение социокультурного и политического движения, объединившего интеллектуалов, студенческих, профсоюзных и религиозных активистов, выступавших против «идущего извне» разрушения корейской культуры и угнетения простого народа и обращавшихся в поисках альтернативы прозападным нововведениям к традиционным видам искусства, религиозным верованиям и ритуалам. Это широкое движение, известное как *минчжун* («народ») и варьировавшееся от этнографических изысканий и фольклорных представлений до забастовок и акций гражданского неповиновения, стало в 1970—1980-х годах серьезным вызовом модернизационной элите [Wells, 1995; Koo, 1999].

Уже традиционно ключевым этапом в модернизации южнокорейского общества считается демонтаж режима военной диктатуры в конце 1980-х — начале 1990-х годов и последовавшие демократизация политической жизни и либерализация экономики [Kim, 1998; Koo, 1999; Хан, 2010]. Однако этот сдвиг от авторитаризма к либерализму был инициирован и стал результатом успешной борьбы тех общественных движений, которые в рамках классических теорий модернизации следовало бы определить как контрмодернизационные и неотрадиционалистские. Это противоречие может быть устранено обращением к концепции множественных современностей (multiple Modernities) Ш. Эйзенштадта [Eisenstadt, 1987, 2000]. Концепция множественных современностей позволяет уйти от парадоксов, связанных с бинарной схемой «традиционализм — модернизация», и рассматривать неофамилизм и движение *минчжун* не как проявления социального консерватизма и культурного фундамента-

лизма, но как специфические паттерны траектории модернизации, характерной для Южной Кореи.

Индустриализация и демократизация — это те процессы социальных изменений, которые составляют ядро всех научных теорий модернизации и всех модернизационных проектов в политике. Однако как жесткие модели классических теорий модернизации [Levy, 1966], так и более гибкие модели теорий множественных модернизаций [Eisenstadt, 2000] оказываются малоэффективны при описании и объяснении тенденций социально-экономических и социокультурных изменений конца 1990-х — начала 2000-х годов. В этот период экономические структуры, обеспечившие «корейское чудо», впали в состояние кризиса, а идущие через национальные границы интенсивные потоки инвестиций, технологий, людей, информации, товаров существенно изменили южнокорейское общество.

Плюрализм паттернов консюмеризма и нарастающий космополитизм новых поколений, принимающих экономическое благополучие и гражданские свободы как само собой разумеющуюся данность, не поддерживают функционирование тех социальных институтов и воспроизводство тех культурных практик, которые сложились на этапах индустриализации и демократизации. Открытые, подвижные и сетевые структуры в экономике и обществе лучше описывать и объяснять с использованием новых концептуальных средств, предоставляемых теориями глобализации и виртуализации [Robertson, 1992; Appadurai, 1990; Castells, 1996; Иванов, 2000].

Ограниченность модернизационной модели трансформации общества связана с тем, что ею предполагается однозначно направленная и непрерывная траектория социальных изменений: от аграрного общества к индустриальному, от авторитарного режима к либеральному, от деревенского образа жизни к городской культуре. В Южной Корее же в течение половины столетия с 1960-х по 2000-е годы практически каждое десятилетие происходили резкие повороты и возникали принципиально новые тенденции во всех сферах общественной жизни [Иванов, 2013; 2015]. Модель догоняющей модернизации хорошо описывает и объясняет лишь первоначальные траектории этих изменений. Поэтому концептуализация и теоретические объяснения социальных изменений в Южной Корее (как

и в любом другом случае догоняющей модернизации) должны базироваться на эмпирически очевидной и теоретически адекватной реконструкции последовательно сменяющихся траекторий изменений как экономической системы, так и социальной структуры.

Социальная структура Южной Кореи, под которой в данном случае понимается комплекс структур, включающий конфигурацию занятости в экономике, стратификацию, паттерны социальных отношений, структуру семьи и соотношение гендерных ролей, прошла во второй половине XX и в первое десятилетие XXI века через пять фаз трансформации, реализовавших вначале траектории догоняющей модернизации, а затем — новые траектории, не вписывающиеся в классическую модернизационную модель. Фазы трансформации социальной структуры тесно связаны с фазами трансформации экономической системы и в самом общем виде могут быть охарактеризованы следующим образом: 1) распад в 1960-х традиционного аграрного общества, выразившийся в интенсивной урбанизации и в замещении расширенной семьи нуклеарной семьей; 2) рост в 1970-х пирамидообразной стратификации и (нео)фамилизма, реструктурировавшего на корейский манер «импортированные» структуры бизнеса и бюрократии; 3) развитие в 1980-х урбанизированного и интенсивно стратифицированного общества, в котором появляются средние слои и гражданские объединения; 4) сдвиг в 1990-х к колоколообразной стратификации с доминирующим средним слоем и рост «нового среднего класса» (специалисты, менеджеры); 5) структурная подвижность и социальная поляризация в 2000-х, когда выросли слои выше среднего, уменьшилась доля среднего слоя, из которого выпали работающие бедные и не полностью занятые, увеличился нижний слой, включающий также гастарбайтеров.

Первая фаза: начало интенсивной модернизации

Главной тенденцией, определившей начальную фазу модернизации южнокорейской экономики и послужившей основой дальнейших изменений ее технологического и институционального режима, стал в 1960-х годах рост ориентированных на экспорт отраслей легкой промышленности (текстиль, обувь и т. п.), активно стимулируемых и регулируемых меркантилистской политикой государства. Именно

в этот период в Южной Корее началось так называемое экономическое чудо. Средние темпы роста ВВП составили в 1963—1966 гг. 7,8%, а в 1967—1971 гг.— 10,5%; прирост экспорта в 1967—1971 гг. составил 33,7%; ВВП на душу населения вырос с 87 долл. в 1962 г. до 293 в 1972 г.; безработица снизилась с 8,3% в 1963 г. до 4,5% в 1971 г. [Хан, 2010: 546; Chang 2008: 654]. Феноменальные показатели экономического роста обуславливались высокой конкурентоспособностью корейских товаров, продвигаемых на внешних рынках, в первую очередь японском. Конкурентоспособность корейского экспорта опиралась на целенаправленно поддерживаемый низкий уровень издержек производства.

Использование дешевой рабочей силы на создаваемых промышленных предприятиях обеспечивалось установленными государством низкими ценами на главный продукт питания — рис. Политика низких цен на продукцию сельского хозяйства позволяла удерживать низкий уровень оплаты труда на фабриках и одновременно вынуждала массы разорявшихся крестьян уходить из села в город и пополнять ряды неквалифицированной рабочей силы. Одновременному ограничению роста потребления внутри страны и повышению конкурентоспособности промышленности на внешних рынках способствовали также осуществленные правительством девальвация национальной валюты — воны, введение высоких пошлин и прямых запретов на импорт многих товаров и при этом либерализация импорта полуфабрикатов для развиваемых производств [Коргун, 2007: 170]. Вершиной системы мер по развитию экспортных производств стало сочетание прямой поддержки и контроля фабрик высшими государственными чиновниками. Правительство перенаправило внешнеэкономическую помощь и кредиты с социальных программ на закупку необходимых для развиваемой легкой промышленности сырья и оборудования. Был создан Комитет экономического планирования, составлявший и доводивший до предприятий пятилетние планы экономического развития. Бизнес-планы владельцам предприятий напрямую вменялись на ежемесячных совещаниях по экспорту, проходивших под председательством президента-диктатора Пак Чонхи.

Радикальные изменения в системе разделения труда, в принципах формирования занятости населения, в функционировании эконо-

мических институтов вызвали резкие сдвиги в социальной структуре: в структуре занятости, структуре социально-экономических статусов, структуре семьи, структуре расселения. В 1960-х годах главной тенденцией трансформации социальной структуры был распад традиционного аграрного общества, когда в результате интенсивной индустриализации и урбанизации первичный сектор (сельское хозяйство, рыболовство и т. п.) утратил доминирующее положение в структуре занятости, а расширенная семья была вытеснена нуклеарной. Если в 1960 г. в первичном секторе экономики были заняты 79,5 % работников, а во вторичном (горнорудной и обрабатывающей промышленности) — только 5,4 %, то в 1970 г. — 50,4 % и 14,3 % соответственно. В традиционном обществе расширенная семья выполняла функции хозяйственной единицы, она была и группой родственников, и трудовым коллективом. Поэтому еще в конце 1950-х годов 30,9 % рабочей силы составляли неоплачиваемые работники — младшие члены таких традиционных семей, тогда как доля наемных работников составляла лишь 21,6 %. К 1970 г. доли неоплачиваемых семейных работников и наемных работников были уже, соответственно, 26,2 % и 30 % [Hong, 2003: 41]. Ключевую роль в трансформации социальной структуры в тот период сыграла миграция огромного числа молодых мужчин и женщин из деревень в города, где они работали на текстильных и обувных фабриках и в отрыве от родительских семей в урбанистической среде создавали нуклеарные семьи — малые группы.

Вторая фаза: рост социальных издержек модернизации

В 1970-х годах режим экономического роста изменился: произошел поворот к развитию тяжелой промышленности (черная металлургия, кораблестроение, нефтехимия, автомобилестроение и т. д.) силами так называемых *чэболей* — вертикально и горизонтально интегрированных и диверсифицированных промышленных групп, находящихся в собственности семейных кланов, управляемых на основе родственных и земляческих связей и зависимых от отношений с правящей элитой. На долю полусотни *чэболей* приходилось около половины производимого ВНП. При этом семь из десяти крупнейших *чэболей* принадлежали выходцам из провинции Ённам, откуда родом были многие высшие чиновники государства, в том числе и прези-

дент Пак Чонхи [Shin, Chin, 1989: 10; Cha, 2000: 479]. Связи в духе неофамилизма с государственной бюрократией открывали *чэболям* доступ к льготным кредитам и к прямому субсидированию экспорта, делали *чэболи* для государства эффективным инструментом проведения экономической и социальной политики и способствовали институционализированной коррупции, когда режим благоприятствования *чэболям* предоставлялся в обмен на лояльность и пожертвования в партийные фонды и на социальные проекты правительства. В 1970-х годах темпы роста ВНП оставались очень высокими и составляли в среднем 10 % в год [Shin, Chin, 1989: 7]. Именно в этот период структура южнокорейской экономики приобрела вид, характерный для развитого индустриального общества: доля промышленного производства в национальном продукте превысила долю сельскохозяйственного производства [Koo, 1991: 487].

На фоне развития индустриальной и корпоративной экономики в 1970-х годах главной тенденцией модернизации социальной структуры южнокорейского общества стало резкое социальное расслоение, характерное для первоначальной стадии формирования развитого индустриального общества, и сложилась стратификационная пирамида, в которой в нижнем слое оказались 70—75 % населения [Хан, 2010: 548; Hong 2003: 45]. Бедняками, составлявшими в тот период подавляющее большинство в южнокорейском обществе, становились сельские жители, фактически экспроприируемые при помощи низких цен на сельскохозяйственную продукцию, и низкооплачиваемые рабочие в урбанизированных промышленных зонах, мирившиеся с тяжелыми условиями труда и быта. В 1970-х годах от 20 % до 30 % городского населения составляли мигранты из деревень, самовольно селившиеся в самодельных лачугах на окраинах Сеула и других промышленных центров, где возникали огромные кварталы убогих жилищ без элементарных удобств [На, 2004: 142].

Ослабление и даже разрушение за столь короткое время многих социальных связей, характерных для традиционного общества, было компенсировано развитием отношений неофамилизма, реструктурировавшего «импортированные» организационные структуры в специфически корейские формы поддержания социальной солидарности и социальной мобильности. Сетевая структура социальной мобиль-

ности, осуществлявшейся на основе родственных, земляческих связей, знакомства по школе, университету или службе в армии, стала отличительной чертой догоняющей модернизации по-корейски [На, 2007]. О роли неофамилистских отношений в структурировании южнокорейского общества можно судить по следующим данным: 21% высших управленческих позиций в *чэболях* занимали родственники владельцев, из 25 крупнейших корпораций 11 принадлежали выходцам из провинции Ённам, 33% топ-менеджеров в этих 25 компаниях были из того же региона [Shin, Chin, 1989].

Третья фаза: пик модернизации

В 1980-х годах произошел новый поворот траектории экономического развития, обусловленный быстрым ростом экспортно-ориентированных производств в области высоких технологий (микроэлектроника, бытовая электроника) и формированием системы трудовых отношений на базе альянса национального капитала, государства и официальных профсоюзов. Лояльность к курсу догоняющей модернизации, требующей удержания низкой стоимости трудовых ресурсов, достигалась гарантиями пожизненного найма для готового к полной самоотдаче большинства работников и репрессиями против рабочих активистов. Институционализация авторитарно-корпоративной системы трудовых отношений привела к тому, что сформировавшийся в среде *чэболей* и правительственных учреждений неофамилизм в рекрутировании и карьерном продвижении укоренился во всех отраслях экономики [На, 2007]. Эффективность авторитарно-корпоративной системы трудовых отношений в сдерживании требований повышения зарплат и улучшения условий труда подтверждается статистическими данными о трудовых спорах: в 1986 г. было зафиксировано 276 таких споров, а в 1987 г., когда был свергнут режим военной диктатуры Чон Духвана и восстановлены элементарные гражданские свободы, трудовых споров было уже 3749 [Koo, 2001: 159]. Новые высокотехнологичные отрасли развивались внутри структур крупнейших промышленных конгломератов, что привело к еще большему усилению их позиций в экономике. Сверхконцентрация и монополизм в южнокорейской экономике достигли беспрецедентных масштабов. Доля десяти крупнейших ком-

паний в ВНП за десятилетие выросла с 33% (1979) до 54% (1989) [Хан, 2010: 555]. Южнокорейская система монополизма и протекционизма допускала конкуренцию на внутреннем рынке только под внешним давлением. Так, торговые споры с США из-за демпинговых цен на корейскую бытовую электронику и таможенных барьеров для американских продуктов привели к ослаблению барьеров для импорта сельскохозяйственной продукции, и показатель самообеспечения зерном снизился с 86% в 1970 г. до 48,4% в 1985 г. [там же].

Синхронно с достижением пика в развитии индустриальной экономики в режиме авторитарной модернизации достигла пика и модернизация социальной структуры. В 1980-х годах южнокорейское общество трансформировалось в урбанизированное и интенсивно стратифицированное общество, в структуре которого сформировался относительно многочисленный средний слой. Численность среднего слоя в тот период можно оценить приблизительно в 35—40% населения. Рост среднего слоя происходил главным образом за счет увеличения в городах числа владельцев малого бизнеса и квалифицированных специалистов из категории «белых воротничков» (менеджеров и профессионалов). Если в 1970 г. квалифицированные «белые воротнички» и владельцы малого бизнеса составляли в сумме 13% (6% + 7%) рабочей силы, то в 1985 г. их было уже 23% (11% + 12%) [Koo, 1991: 485, 488]. Если к числу профессионалов и менеджеров добавить низкоквалифицированных «белых воротничков» — офисных работников, зарплата, условия труда и быта которых заметно поднялись в тот период над чертой бедности, то эта составляющая рабочей силы составила в середине 1980-х годов порядка 16—18% [Koo, 1991; Hong, 2003]. Ядро возникшего в условиях развитого индустриального общества среднего слоя образовали беловоротничковые работники *чэболей* [На, 2007], где создавалось большинство рабочих мест соответствующего уровня, осуществлялись рекрутинг и карьерное продвижение в духе неофамилизма, культивировался стандартный образ жизни корпоративных работников.

Четвертая фаза: начало постмодернизации

В 1990-х годах траектория завершения индустриализации в Южной Корее резко сменилась траекторией роста «новой экономики»,

движимой высокотехнологичным производством полупроводников, телекоммуникационного оборудования и т. п., а также либерализацией финансовых рынков, рынка труда и глобализацией корейских компаний. Решающим событием этого периода стал кризис 1997 г., который привел к первому после начала индустриализации падению производства, оцениваемому в 5—7 % [Shin, Chang, 2005: 411; Kim, Park, 2006: 437], к банкротству многих крупных корпораций, включая компанию Daewoo, к росту уровня безработицы с 2—2,5 % (1994—1997) до 7 % (1998) [Kim, Park, 2006: 440]. Кризис вынудил перейти от выдвинутых президентом Ким Ёнсамом проектов постепенной глобализации прежде «закрытой» корейской экономики [Lee, Lee, 2003] к неолиберальной политике, которую на условиях предоставления кредитов Международным валютным фондом проводил новый президент Ким Дэчжун, осуществивший реструктуризацию экономики. Уменьшилось государственное регулирование, осуществлена либерализация внешней торговли и финансового рынка, проведена приватизация госкорпораций, были реформированы *чэболи*, чья инвестиционная экспансия повлекла гигантскую задолженность по кредитам и спровоцировала финансовый крах в 1997 г. Из 30 крупнейших *чэболей* исчезли 11, остальные утратили прежнюю «осьминожью» структуру, которая позволяла головной компании полностью контролировать функционирование сети дочерних и аффилированных предприятий [Хан, 2010: 574; Lee, Lee, 2003; Shin, Chang, 2005; Lie, Park, 2006: 57]. Созданию более конкурентных и ориентированных на интересы потребителей рынков способствовал и демонтаж системы протекционизма: если в 1980 г. 30 % товарных категорий имели ограничения на импорт и таможенные тарифы находились на уровне 25 %, то в 2000 г. эти показатели составили, соответственно, 0,1 % и 8 % [Lee, Lee, 2003: 510].

Демонтаж структур, лежавших в основе «экономического чуда», последовал за замедлением среднегодовых темпов роста ВНП с 8—10 % в 1970—1980-х годах до 5,5 % в 1990-х [Хан, 2010: 546]. Несмотря на успешную экспансию на внешних рынках, корейские производители высокотехнологичной продукции занимали подчиненное положение в глобальных сетевых структурах — цепях поставок, максимальную выгоду в которых получают обладатели прав на патенты и бренды.

Например, в 1989 г. корейские фирмы выплатили 1,2 млрд долл. правообладателям за использование запатентованных технологий [Smith, 1997: 750]. В 1990-х годах государством и частным бизнесом были осуществлены масштабные инвестиции в НИОКР, чтобы перейти от так называемого обратного инжиниринга, когда разбирались и детально копировались изделия мировых технологических лидеров, к созданию собственных инновационных технологий. С этой же целью были созданы сети, объединившие исследовательские центры в Корее и за рубежом под эгидой таких компаний, как Samsung [ibid.]. Формирование структур «новой экономики» привело к реструктуризации рынка труда. Рост зарплат, улучшение условий труда на новых производствах по стандартам транснациональных компаний сопровождались снижением конфликтности трудовых отношений и снижением членства в профсоюзах [Koo, 1991; 2001: 159]. Одновременно рабочие места в традиционном индустриальном секторе, утратившем привлекательность для южнокорейских работников, стали заполняться гастарбайтерами, число которых выросло с 50 000 (1991) до 250 000 (1997) [Lee, Lee, 2003: 511].

Поворот к формированию новой, постиндустриальной экономики сопровождался сдвигами и в социальной структуре. В 1990-х годах произошел сдвиг стратификационной системы от пирамидообразной к колоколоподобной с доминирующим средним слоем, большинство в котором принадлежало уже не «старому среднему классу», то есть предпринимателям, а «новому» — профессионалам и менеджерам. С переходом к постиндустриальному типу развития в Южной Корее впервые за полстолетия произошло не возрастание, а уменьшение доли занятых в промышленности — с 27,6 % занятых в экономике в 1990 г. до 20,6 % в 2000 г. [Hong, 2003: 41]. При этом после ослабления контроля авторитарного государства над экономикой резко выросли зарплаты. В 1988 г. оплата труда у «синих воротничков» выросла на 22,6 %, у «белых воротничков» — на 11,9 %, в 1989 г. прирост зарплат составил соответственно 18,8 % и 15,3 % [Koo, 1991: 497]. Относительно высокооплачиваемые наемные работники невысокой квалификации достигли уровня жизни, характерного для среднего слоя, так что в совокупности средние слои составили около 50 % населения Южной Кореи, а новый средний слой,

образуемый семьями менеджеров и профессионалов, — 25 % [Hong, 2003; Chung, 2005].

Рост уровня жизни на протяжении большей части десятилетия не сопровождался адекватным повышением качества жизни. Расслоение южнокорейского общества по условиям жизни проявлялось в нарастании жилищной проблемы. Несмотря на развернутую еще в правление Чон Духвана программу массового строительства (с 1983 г.), к 2000 г. 23 % домохозяйств оставались в условиях тесноты и без необходимого комфорта и продолжали существовать поселения из тысяч «виниловых хижин» чернорабочих на окраинах индустриальных центров [На, 2004: 141—142].

Пятая фаза: социально-экономические последствия перехода к постмодернизации

В 2000-х годах в Южной Корее сформировалось постиндустриальное общество, в котором режим экономического роста кардинально отличается от режима догоняющей модернизации. С достижением в середине десятилетия уровня ВВП свыше 20 000 долларов на душу населения [Lie, Park, 2006], переходом с шестидневной на пятидневную рабочую неделю в 2004 г. и ростом потребительских кредитов [Shin, Chang, 2005: 418] южнокорейская экономика утратила ключевой фактор развития по модернизационному типу — низкие издержки на человеческий капитал в трудоемких производствах. А возросшая конкуренция со стороны Китая создала угрозу потери лидирующих позиций в экспорте традиционной промышленной продукции [Cha, 2005; Lie, Park, 2006]. Конкурентные преимущества южнокорейской экономики теперь связаны с экспортом культуры, ярким примером чего стал феномен *халлю* («корейской волны») — распространения в азиатских странах коммерческой продукции корейской поп-культуры: кинофильмов, «мыльных опер», музыкального видео, анимации, компьютерных игр и т. д. [Lie, Park, 2006: 61]. Внутреннее потребление символической или виртуальной продукции также способствует экономическому росту, условием для которого становится реализация масштабных проектов опережающего развития цифровой инфраструктуры коммуникаций и коммерции [Lee, Park, 2010: 30].

Реконфигурация экономических структур продолжается под воздействием пересекающих границы национальной экономики материальных и символических потоков. Культурный экспорт дополняется исходящими потоками технологий, организационных решений, брендов, например, при создании сборочных производств в Азии или Восточной Европе. При этом происходит и отток культурного капитала: число эмигрирующих высококвалифицированных работников, таких как ИТ-специалисты, финансисты, ученые, удвоилось в 2000-х годах по сравнению с серединой 1990-х [Kim, Park, 2006: 453]. Входящие потоки образуются импортом потребительских товаров престижных японских, европейских и американских брендов, а также притоком дешевой рабочей силы, в основном для производства аналогичных потребительских товаров на предприятиях легкой промышленности и для работы на вредных и опасных производствах в тяжелой промышленности. К 2005 г. в Южной Корее трудилось около 350 000 рабочих из Китая, Вьетнама, Филиппин, Бангладеш [ibid.: 445].

После азиатского финансового кризиса 1997 г. произошел поворот к большей гибкости той структуры занятости, которая сформировалась в период авторитарной модернизации. Если в 1995 г. на условиях полной занятости трудились 58 % работников, то в 2000 г. — уже 48 % [Lee, Lee, 2003: 511; Kim, Park, 2006: 443]. Диктуемые Международным валютным фондом неолиберальные реформы рынка труда привели в 2000-х годах к росту социальной поляризации: вырос верхний сегмент среднего слоя, из среднего слоя «выпали» массы людей, чьи доходы сократились из-за перехода к неполной занятости, снижения зарплат и девальвации национальной валюты, увеличился нижний слой, пополняемый еще и притоком иностранных рабочих. Разрыв в доходах между наиболее обеспеченными 20 % населения и наиболее бедными 20 % вырос с четырех до пяти раз [Kim, Park, 2006].

При этом параллельно с «размыванием» основного массива среднего слоя и появлением, впервые с 1970-х годов, огромной категории людей, имеющих постоянную работу, но находящихся ниже черты бедности, произошел рост с 2 % в начале 1990-х до 5 % в 2000-х [Hong, 2003: 45] сверхнового среднего слоя, пополняемого топ-ме-

неджерами и высокооплачиваемыми специалистами из постиндустриальных сегментов экономики. Данные налоговой статистики и обследование домохозяйств показывают, что к 2010 г. принадлежащие к традиционному среднему слою работники получали 20—60 млн вон в год, а сверхновый средний слой сформировался из работников, чей годовой доход варьируется в диапазоне 90—500 млн вон[40] [Kim, Kim, 2013].

Данные статистики и социологических исследований указывают на то, что в Южной Корее в самом начале нового века стала формироваться бимодальная стратификация, которая характеризуется прежде всего тем, что большинство владельцев малых предприятий, профессионалов и квалифицированных рабочих, традиционно составлявших средний слой, стали получать доход ниже среднего уровня. В экономически развитых странах они образовали парадоксальную группу новых бедных. В противоположность привычному представлению о бедности, новые бедные имеют все атрибуты нормального среднего слоя: работу, дающую средства для текущего потребления, жилье, возможность приобретения автомобиля и оплаты образования. Но при этом люди ощущают себя нуждающимися и прилагают все больше усилий (например, беря кредиты и находя дополнительную работу), чтобы включаться в потребительскую гонку. Те группы, которые входят в слой, традиционно воспринимавшийся как средний, теперь оказываются под прессом дополнительной работы и выплат по кредитам, потому что стандарт благополучия задают не они, а те предприниматели и профессионалы, которые образуют новый модальный слой на уровнях доходов, ранее характерных для богатого меньшинства. Богатые парадоксальным образом становятся новым средним слоем — массовой категорией, генерирующей новые паттерны потребления.

Важным фактором трансформации социальной структуры в 2000-х годах стал демографический переход: упала рождаемость, началось старение населения, большое число женщин фертильного возраста переориентировалось в своих жизненных стратегиях с брака и деторождения на получение образования профессиональную карье-

[40] При обменном курсе 1100 южнокорейских вон за 1 доллар США.

ру [Lie, Park, 2006; Хан, 2010; Kim, 2015]. Демографические сдвиги в условиях перехода к постиндустриальному обществу стали сказываться на изменении гендерной структуры занятости. В 2000-х годах произошла дефеминизация промышленных производств, где еще 30—40 лет назад эксплуатация дешевого женского труда была основным источником прибыли, и возникла тенденция феминизации офисного труда, приведшая к тому, что более половины южнокорейских клерков — женщины [Hong, 2003: 43—44]. Демографический переход и перемещение работников на позиции в постиндустриальных сегментах экономики создают дефицит рабочей силы в сохраняющихся аграрных и промышленных производствах, который компенсируется притоком мигрантов, интенсивно эксплуатируемых, дискриминируемых, но постепенно встраивающихся в систему статусов принимающего общества.

Структура южнокорейского общества после модернизации

Проделанный анализ траекторий изменений в экономической и социальной структуре Южной Кореи позволяет отчетливо видеть, что классические теории модернизации могут служить адекватной моделью трансформации южнокорейского общества только применительно к периоду быстрого экономического подъема, так называемого take-off [Rostow, 1960], произошедшего в 1960-х годах. При интерпретации социальных изменений, пришедшихся на 1970-е и 1980-е годы, когда индустриальная рыночная экономика и политическая демократия были соединены с неофамилизмом и неоконфуцианством, скорее адекватной будет концепция множественности паттернов модернизации, позволяющая выделить специфически южнокорейский тип современного (модернизированного) общества. Процессы изменений, характерные для рубежа XX—XXI веков, уже не вписываются в рамки разнообразных, но все же национальных паттернов развития. Когда множество транснациональных паттернов открытого, плюралистического, сетевого общества были заимствованы Южной Кореей извне и в то же время многие такие паттерны были созданы в Южной Корее и заимствованы другими странами, более адекватную модель изменений позволяет построить концепция глобализации.

Но некоторые тенденции в выделенных в трансформации социальной структуры фазах (4) и практически все тенденции в фазах (5) правильнее объяснять не тем, что национальные структуры и взаимодействия сменяются транснациональными или локальные — глобальными, а тем, что реальные структуры и действия замещаются виртуальными.

Виртуализация социальных институтов происходит, когда создание образов и поддержание электронных коммуникаций становятся важнее материального производства и взаимодействий в режиме «лицом к лицу» [Иванов, 2000]. Интенсивные товарные и финансовые потоки формируют постиндустриальные рынки, на которых обращаются не реальные вещи, а образы — имиджи и бренды. Виртуализация товаров, организационных структур и финансовых операций становится рациональной стратегией для участников рыночной конкуренции. В этих условиях виртуальная реальность может служить хорошей метафорой и адекватной моделью для новой экономики брендов, сетевых предприятий, финансовых деривативов и потребительских кредитов. Экономический сдвиг от индустриального «корейского чуда» к постиндустриальной «корейской волне» является весьма наглядной тенденцией виртуализации товара, когда экспортную выручку приносят уже не материальные продукты, а имиджи, создаваемые брендингом, индустрией развлечений и сетевыми коммуникациями.

Логика виртуализации как замещения реальных вещей и действий образами и коммуникациями в южнокорейском обществе начала набирать силу в середине 1990-х годов, когда отмечаемые экспертами «беспрецедентная социальная значимость» внешней красоты, «потребительская эйфория» и ориентация на имидж «крутизны» (coolness) стали всерьез определять направленность развития консюмеризма, стратегии формирования медийных образов, потребительские стратегии следования моде и карьерные стратегии молодежи [Nelson, 2000; Choi, 2005; Kim, 2003: 104]. В социальной структуре главными эффектами роста новой разновидности постиндустриального капитализма становятся «размывание» традиционного среднего слоя и увеличение доли и общественного влияния предпринимателей и профессионалов, чьи доходы, стиль жизни

и престижное положение связаны с созданием виртуальных производств и имиджеемких продуктов.

По характеристикам социальной структуры южнокорейское общество можно отнести к тому постмодернистскому типу, который в начале нового века трансформируется в условиях виртуализации всех социальных структур. Догоняющая модернизация определила базовые характеристики и специфику южнокорейского общества в прошлом веке. И это наследие формирует основы идентичности и влияет на траектории дальнейших изменений. Однако в настоящее время социально-экономические процессы в Южной Корее все больше удаляются от модернизационных паттернов, и это требует от исследователей и аналитиков постоянно прилагать усилия, чтобы адекватно описывать и объяснять новые тенденции в развитии общества.

Список литературы

Абдурасулова Дж. Республика Корея: промышленная политика в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5. С. 100—107.

Александров Ю. Г. Может ли Россия стать «евроазиатским тигром». М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007.

Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

Иванов Д. В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 1. С. 64—80.

Иванов Д. В. Траектории социальных изменений в Южной Корее и России во второй половине XX — начале XXI века // Россия и Корея: социокультурная динамика. СПб., 2015.

Коргун И. А. Политика поддержки промышленного экспорта в Республике Корея // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2007. Вып. 4. С. 170—174.

Саблин К. С. Новая индустриализация российской экономики в контексте создания институтов развития // Журнал экономической теории. 2010. № 4. С. 198—202.

Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд. М.: Восточная литература, 2010.

Цветкова Н. Н. Развитие информационно-коммуникационных технологий и афро-азиатские страны // Восток (Oriens). 2012. № 1. С. 176—183.

Appadurai A. (1990) Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. In: M. Featherstone (ed.) *Theory, Culture & Society.* Vol. 7. P. 295—310. London: Sage Publications.

Castells M. (1996) The Rise of Network Society. Oxford: Blackwell.

Cha Seong Hwan. (2000) Korean Civil Religion and Modernity. *Social Compass*. Vol. 47. No. 4. P. 467—485.

Cha V. D. (2005) South Korea in 2004: Peninsular Flux. *Asian Survey*. Vol. 45. No. 1. P. 33—40.

Chang P. Y. (2008) Unintended Consequences of Repression: Alliance Formation in South Korea's Democracy Movement (1970—79). *Social Forces.* Vol. 87. No. 2. P. 651—677.

Choi Jung-ah. (2005) New Generation's Career Aspirations and New Ways of Marginalization in a Postindustrial Economy. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 26. No. 2. P. 269—283.

Chung Chulhee. (2005) The New Class and Democratic Social Relations in South Korea. *International Sociology.* Vol. 20. No. 2. P. 225—246.

Eisenstadt S. (1987) Patterns of Modernity. New York: Basic Books.

Eisenstadt S. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1. P. 1—29.

Ha Seong-Kyu. (2004) Housing Poverty and the Role of Urban Governance in Korea. *Environment and Urbanization*. Vol. 16. No. 1. P. 139—153.

Ha Yong Chool. (2007) Late Industrialization, the State, and Social Changes. The Emergence of Neofamilism in South Korea. *Comparative Political Studies.* Vol. 40. No. 4. P. 363—382.

Hong Doo-Seung. (2003) Social Change and Stratification. *Social Indicators Research.* Vol. 62/63. P. 39—50.

Kim Andrew Eungi, Park Innwon. (2006) Changing Trends of Work in South Korea: The Rapid Growth of Underemployment and Job Insecurity. *Asian Survey*. Vol. 46. No. 3. P. 437—456.

Kim Jongsung. (2015) Challenges at the Crossroad: The Evolution of Social Policy in South Korea. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. 29. No. 2. P. 279—286.

Kim Nak Nyeon, Kim Jongil. (2013) Income Inequality in Korea, 1933—2010: Evidence from Income Tax Statistics. Working Paper. Seoul: Naksungdae Institute of Economic Research.

Kim Sunhyuk. (1998) Civil Society and Democratization in Korea. *Korea Journal*. No. 2. P. 101—117.

Koo Hagen. (1991) Middle Classes, Democratization, and Class Formation: The Case of South Korea. *Theory and Society*. Vol. 20. No. 4. P. 485—509.

Koo Hagen. (1999) Modernity in South Korea: An Alternative Narrative. *Thesis Eleven*. No. 57. P. 53—64.

Koo Hagen. (2001) Korean Workers: The Culture and Politics of Class Formation. Ithaka, NY: Cornell University Press.

Lee Sang M. (2003) South Korea: From the Land of Morning Calm to ICT Hotbed. *The Academy of Management Executive (1993—2005).* Vol. 17. No. 2. P. 7—18.

Lee Won-Duck, Lee Byoung-Hoon. (2003) Korean Industrial Relations in the Era of Globalization. *Journal of Industrial Relations.* Vol. 45. No. 4. P. 505—520.

Lee Yeon-Ok, Park Han Woo. (2010) The Reconfiguration of E-Campaign Practices in Korea: A Case Study of the Presidential Primaries of 2007. *International Sociology.* Vol. 25. No. 1. P. 29—53.

Levy M. (1966) Modernization and the Structure of Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Lew Seok-Choon, Chang Mi-Hye. (1998) Functions and Roles of Nonprofit/Nongovernmental Sector for Korean Social Development: The Affective Linkage-Group. *Korea Journal.* Vol. 38. No. 4. P. 199—208.

Lie John, Park Myoungkyu. (2006) South Korea in 2005: Economic Dynamism, Generational Conflicts, and Social Transformations. *Asian Survey.* Vol. 46. No. 1. P. 56—62.

Nelson L. (2000) Measured Excess: Status, Gender, and Consumer Nationalism in South Korea. New York, N.Y.: Columbia University Press.

Park Arum. (2020) The Social Construction of Internet Addiction: A Comparative Study of South Korea, Japan, and the U.S. Ph. D. dissertation. Princeton, New Jersey: Princeton University.

Robertson R. (1992) Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications.

Rostow W. (1960) The Stages of Economic Growth. New York: Basic Books.

Shin Eui Hang, Chin Seung Kwon. (1989) Social Affinity among Top Managerial Executives of Large Corporations in Korea. *Sociological Forum*. Vol. 4. No. 1. P. 3—26.

Shin Jang-Sup, Chang Ha-Joon. (2005) Economic Reform after Financial Crisis: A Critical Assessment of Institutional Transition and Transition Costs in South Korea. *Review of International Political Economy.* Vol. 12. No. 3. P. 409—433.

Smith D. (1997) Technology, Commodity Chains and Global Inequality: South Korea in the 1990s. *Review of International Political Economy.* Vol. 4. No. 4. P. 734—762.

Wells K. (ed.) (1995) South Korea's Minjung Movement: The Culture and Politics of Dissidence. Honolulu: University of Hawaii Press.

ГЛАВА 11. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Аннотация. История капитализма в Южной Корее представляет собой процесс смены разных его моделей. Первый этап истории — колониальный капитализм первой половины XX века, когда Япония использовала Корею как свою сырьевую базу, что предполагало формирование адекватных этой цели производительных сил и производственных отношений. На втором этапе уже независимая Республика Корея шла по пути формирования мобилизационного капитализма как способа преодоления социально-экономической отсталости. Внутреннее потребление сдерживалось ради снижения стоимости экспортируемых товаров и роста инвестиций в производство. Такому типу капитализма соответствовало авторитарное общество, господствующие позиции в нем занимали бюрократия и крупный капитал. В конце XX века в стране началось формирование потребительского капитализма, движущей силой которого выступил спрос на внутреннем розничном рынке. Быстрый подъем потребительского капитализма опирался на фундамент предшествующего периода, когда ориентированная на экспорт экономика добилась выхода на мировой уровень качества широкого круга отечественных товаров. Это позволило придать консюмеризму патриотический характер: потребитель, не ущемляя своих интересов, стал отдавать предпочтение корейским товарам.

В XX веке в центре внимания общественных наук стояло противопоставление и сравнение социализма (коммунизма) и капитализма. На Корейском полуострове это означало сравнение двух его частей. При этом первоначально однозначного и убедительного ответа относительно преимуществ социализма или коммунизма не было. Однако постепенно фокус сдвинулся в сторону многообразия форм капитализма. К началу XXI века превосходство социально-экономической системы Южной Кореи стало столь очевидным, что сравнение социализма и капитализма утратило былую актуальность, сместившись скорее в сферу пропаганды. В данной главе проанализируем историческую динамику форм корейского капитализма.

Концепции многообразия форм капитализма

Интерес к многообразию форм капитализма возник в связи с тем, что после 1945 г. капиталистическая экономика в разных странах приняла различные институциональные очертания. Тематика, которая изначально была монополией экономистов и историков экономики, постепенно заинтересовала представителей и социальных наук [Coates, 2005b: 1], хотя экономический подход по-прежнему доминирует. Первый толчок к ее обсуждению дал скандинавский опыт, существенно отличавшийся от доминировавшей англосаксонской модели. Затем произошла успешная модернизация целого ряда стран Дальнего Востока при существенном отступлении от канонов неолиберального англосаксонского капитализма. Возрождение Германии также пошло в рамках иной модели капитализма. Еще одним толчком для обсуждения данной темы стал развал в начале 1990-х годов мировой системы социализма и вставшая перед бывшими ее членами проблема выбора варианта уже капиталистического пути (см. [Lane, Myant, 2007]). Как пишет Д. Коутс, старая тема «капитализм против социализма» сошла с повестки дня, уступив место новой — «капитализм против капитализма» [Coates, 2005a: x].

Обычно анализ ведется, во-первых, в экономических категориях (сравнительной политэкономии, неоинституционализма), поэтому в центре внимания оказывается взаимодействие, с одной стороны, государства, а с другой — рынка и бизнеса. Это характерно и для западных [Grant, 1993; Lane, Myant, 2007], и для отечественных исследований [Лапина, 1998; Зудин, 2006 и др.]. Во-вторых, классификация производится по критерию роли государства в регулировании рынка, то есть в континууме «неолиберальная рыночная экономика — рыночная экономика с сильной регулирующей ролью государства». Однако проблематика капитализма не сводится к этой дилемме.

Одним из критериев классификации форм капитализма является роль потребителя в социально-экономической системе и, следовательно, роль культуры потребления как экономического ресурса. По этому критерию можно выделить две разные модели: капитализм потребительский и мобилизационный.

Мобилизационный капитализм

Мобилизационный капитализм — это способ производства, в котором движущей силой экономического роста выступает государственная политика, реализующая волю к достижению политических целей. Это обеспечивается за счет жесткого государственного регулирования экономики. Государство выступает главной движущей силой роста, формируя спрос своими заказами, которые, в свою очередь, определяют структуру экономики. Налоговая политика направлена на реализацию государственных целей и аккумуляцию ресурсов, обеспечивающих инвестиции в наиболее перспективные отрасли. Таким образом, «нужный» государству бизнес получает конкурентные преимущества по отношению к «менее полезному» или даже «вредному». Поддержание относительно низкого уровня жизни населения позволяет снижать издержки производства, повышать конкурентоспособность отечественных товаров, аккумулировать ресурсы для реализации целей развития.

Обязательным элементом такого базиса является адекватная ему надстройка. Во-первых, это авторитарное государство, подавляющее социальные движения (в первую очередь профсоюзное), направленные на повышение стоимости рабочей силы, отвлекающие от стратегических целей государства. Во-вторых, это мобилизационная идеология, принимающая самые разнообразные формы. Распространенный случай — идеология государственного национализма. Он предлагает в качестве национальной идеи борьбу за создание великого государства, за преодоление отсталости, за выход в ряды самых развитых стран мира. Такая идея, овладевшая массами, становится материальной силой: работник «затягивает пояс», умеряя свои потребительские амбиции, во имя светлого будущего нации. Патриотизм и аскетизм — важнейшие элементы идеологии мобилизационного капитализма.

Мобилизационный капитализм в современной истории встречается в двух вариантах. Их идеальные типы, то есть модели, очищенные от конкретно-исторических и национальных частностей, обладают следующими характеристиками.

1. Милитаристский капитализм, в котором ключевую роль играет военный государственный заказ, не сводящийся к прямому

обеспечению вооруженных сил, но включающий также вспомогательное производство, инфраструктуру и товары двойного назначения. Такая модель превращалась в доминирующую почти во всех воюющих странах в период Первой и Второй мировых войн. В мирное время такая модель обычно отходит на второй план, а военно-промышленный комплекс конкурирует с мирными отраслями. Эта модель поддерживается идеологией воинствующего государственного национализма (патриотизма), позволяющего мобилизовать население на достижение военной победы, укрепление безопасности или улучшение геополитического положения государства ценой тех или иных жертв (начиная от готовности погибать в военных действиях и кончая самоограничением в области потребления, трудовым героизмом, принятием жесткого режима работы и т. д.). В дилемме «пушки или масло» народу предлагается отдать предпочтение пушкам. Народ, осознавший угрозу своему коллективному существованию как реальную, обычно в своем большинстве смиряется с новой моделью культуры потребления как неизбежностью. Милитаристский капитализм в определенном смысле можно отнести к разновидности капитализма развития, однако этот процесс в данном случае понимается в геополитических терминах.

2. Капитализм развития, в котором государственное регулирование, заказ и инвестиции, а также бюджетная политика направлены на обеспечение ускоренного экономического роста страны, преодоление ею экономической отсталости. Геополитические цели формулируются в терминах мировой конкуренции, наращивания экспорта, завоевания долей глобального рынка, мягкой силы. Ближе всего к этой теоретической модели опыт капиталистических стран Дальнего Востока (в том числе Южной Кореи), продемонстрировавших примеры успешной догоняющей модернизации. Такая модель опирается на идеологию мирного национализма. Массам предлагается ограничить свои материальные притязания, согласиться на интенсификацию эксплуатации сегодня во имя достижения страной высоких целей завтра. Такая идеология, принимаемая массами и превращающаяся в культуру труда и потребления, является важным фактором экономического развития. Часто такая культура потребления может интерпретироваться массами как отложенный консюмеризм: мы за-

тягиваем свои пояса сегодня, чтобы завтра насладиться сытой жизнью в соответствии с современными стандартами.

Потребительский капитализм

Потребительский капитализм — это способ производства, в котором движущей силой экономического роста выступает спрос индивидуальных потребителей [Korkotsides, 2007]. Такая модель капитализма является, с одной стороны, результатом экономической глобализации, а с другой — ее предпосылкой.

Есть разные стратегии интеграции национального общества потребления в процессы глобализации. Первая опирается на импорт основного ассортимента потребительских товаров, особенно высокотехнологичных и модных, то есть тех, которые являются материалом для конструирования востребованной идентичности современного успешного человека. Этот путь наиболее типичен для развивающихся стран, где ограниченные очаги общества потребления формируются на базе импорта как товаров, так и стилей жизни. Таким путем в 1990-е годы пошла и Россия, которая за счет экспорта сырья начала массированный импорт очень широкого ассортимента товаров.

Вторая стратегия опирается на развитие отечественного производства потребительских товаров и услуг. Она характерна для раннего этапа истории потребительского капитализма (когда экономическая глобализация еще не получила развития) в развитых странах мира. В Западной Европе и США потребительский капитализм опирался в первую очередь на мощную базу отечественной промышленности, производившей готовые товары из сырья, импортируемого из колоний и других зарубежных стран. Политика жесткого протекционизма поддерживала такую модель развития.

Третья стратегия носит смешанный характер и опирается на глобальное разделение труда. Такая модель потребительского капитализма оформилась к последней четверти XX века. Наиболее развитые страны разрабатывают образцы новых товаров, отражающих и формирующих внутренние потребительские тренды. Здесь находятся, с одной стороны, пионеры потребления, создающие спрос на новизну и высокую технологичность. А с другой стороны, здесь же

концентрируются дизайнеры, конструкторы, маркетологи, материализующие смутные устремления потребителей в форме новых моделей товаров и технологий соблазнения потребителей.

В то же время в условиях сложившегося глобального разделения труда производство мигрирует из развитых стран с дорогой рабочей силой туда, где есть дешевая, но качественная рабочая сила. Это позволяет существенно снижать стоимость товаров и экологические риски. Именно в рамках такой модели Китай стал мировой фабрикой, на которой развернулось производство товаров, разрабатывавшихся на Западе и в Японии. Аналогичную роль в глобальном разделении труда стали выполнять и многие другие развивающиеся страны. Среди них была и Южная Корея.

В то же время наиболее перспективным рынком сбыта произведенных там товаров остались развитые страны Запада, где концентрируется основная масса состоятельных покупателей с высокой платежеспособностью. Существенное снижение цен на потребительские товары, достигнутое в результате глобального разделения труда, позволяет радикально расширить массовую базу общества потребления. Глобализация сыграла в этом отношении такую же роль, как и технический прогресс: обеспечила удешевление товаров не только за счет дешевых рынков труда, но и в результате максимального расширения рынка сбыта, где сработал эффект масштабов. В то же время в новых условиях возникла глобальная конкуренция, приведшая к борьбе разработчиков и производителей за качество товаров.

В XXI веке модель глобального потребительского капитализма усложнилась. В ней начались процессы реструктурации. Наиболее ярким примером стало возникновение тренда к изменению роли Китая. Во-первых, там вполне закономерно начал формироваться внутренний рынок, обладающий относительно большой платежеспособностью. В расчете на одного потребителя она далека от западных стандартов, но срабатывает эффект масштабов: несколько процентов китайских активных потребителей сопоставимы по численности со 100 % во многих странах мира. Во-вторых, Китай постепенно начал переходить от роли мирового сборочного цеха к роли разработчика и экспортера собственных новых (в том числе и высокотехнологичных) товаров для мирового рынка. Схожие, хотя и не столь

масштабные процессы проявились и в ряде других стран мира, среди которых заметное место занимает Южная Корея.

На базисе потребительского капитализма возникает общество потребления как совокупность социальных отношений, ядром которых является индивидуальное потребление, опосредованное рынком [Ильин, 2005]. И здесь переплетаются экономика и культура потребления. С одной стороны, в условиях плотной конкуренции бизнес вынужден производить товары параллельно с желанием их купить. С другой стороны, культура перепотребления (консюмеризм) превращается в движущую силу экономики перепроизводства, формируя спрос, выходящий за рамки, обусловленные естественными потребностями.

Один из побочных продуктов общества потребления — аполитичная лояльность: в условиях относительной сытости существенная часть населения предпочитает не вмешиваться в политику, доверяя ее правящей элите. Дж. Кампфнер ставит вопрос: «Почему так многие в мире готовы поступиться свободой в обмен на безопасность или преуспевание?» [Кампфнер, 2012: 9, 14—15]. Его ответ таков: новые авторитарные правительства обеспечивают себе успех, заключая с населением пакт. При всех национальных различиях его суть сводится к следующему. Репрессии избирательны и распространяются только на тех немногих, кто открыто посягает на статус-кво и создает проблемы для власти. Остальное население может наслаждаться свободой передвижения, жить более или менее в соответствии со своими желаниями, зарабатывать и тратить деньги, давая себя уговорить, что они свободны. В качестве примеров автор рассматривает не только страны незрелой демократии с явными проявлениями авторитарных тенденций (Сингапур, Китай, Россию, ОАЭ, Индию), но и классические образцы западной демократии (США, Великобританию, Италию). Более всего приближаются к этому идеальному типу наиболее развитые экономически страны Западной Европы, начиная с 1960-х годов.

Консюмеризм как культура потребления, краеугольными камнями которой являются ценности индивидуализма и гедонизма, выступает в качестве обязательного элемента идеологии потребительского капитализма. В этой модели потребитель воспроизводит

социальность и служит общему делу, потребляя, то есть создавая спрос, а значит, и рабочие места, налоговые поступления и т. д. Тут уместно вспомнить популярный американский слоган после Второй мировой войны: «Если ты патриот, то потребляй!» Таким образом идеология незаметно прорастает на почве консюмеризма как фактор общественного воспроизводства. В этой системе эгоизм объективно превращается в общественно полезные устремления.

Культура перепотребления выполняет важную функцию поддержания социального порядка, зачастую делая это более эффективно, чем репрессивный аппарат. Потребитель, у которого желания существенно опережают возможности, прибегает к ставшим доступными кредитам. Это качественно меняет его положение. Его материальное благополучие стоит на фундаменте, где существенная часть «свай» — это вещи, используемые им, но фактически не находящиеся в его собственности (куплены в кредит, за который еще не удалось расплатиться). Система жизни в долг вполне эффективно поддерживает видимости благополучия, однако имеет очень зыбкий и условный характер. Она целиком зависит от стабильной занятости. Пока есть работа, удается выплачивать кредит. Если работу потерять, то все благополучие оказывается под вопросом. Риск возникает в результате не только колебаний рынка, но и личных отклонений от модели лояльного по отношению к корпорации и государству поведения. Таким образом, консюмеризм и политический конформизм оказываются жестко связанными.

Потребительский капитализм представляет собой базис, на котором формируются адекватные ему социальные структуры. С одной стороны, это структура стратификационного типа, в которой неравным образом распределен доступ к потребительским благам, пользующимся широким спросом. Такая иерархическая структура, делящая общество на тех, кто «имеет» и «не имеет», является классической и уходит корнями в раннюю историю общества потребления. С другой стороны, в относительно развитом обществе потребления все более явно на передний план выходит горизонтальная стилевая структура, опирающаяся на дифференциацию вкусов как основу формирования стилей жизни. Иначе говоря, при одном и том же размере кошелька можно по-разному тратить его содержимое, приобретая товары по своему вкусу, по-разному проводить время и т. д.

Модели капитализма — это теоретические абстракции, очищенные от исторических и национальных особенностей. Однако в реальном историческом процессе они неизбежно обрастают массой «подробностей», которые придают универсальным моделям в контексте каждой страны неповторимый колорит. В результате динамика южнокорейского капитализма, с одной стороны, несет в себе универсальные свойства, присущие капитализму как таковому, а с другой — окрашена в специфические национальные краски, существенно отличающиеся от капитализма США или Европы.

Колониальный вариант мобилизационного капитализма в Корее (1910—1945)

В формировании капитализма в Корее первой половины XX века решающую роль сыграли два фактора. Во-первых, превращение Кореи в колонию Японии. В 1876 г. Япония, незадолго до этого принужденная США к открытию своего рынка, сделала то же самое по отношению к соседней Корее, которая вышла из исторической изоляции, открыв свои порты для иностранных кораблей. В 1910 г. Япония превратила Корею в настоящую колонию, дав мощный импульс насильственной технической, культурной и социальной модернизации [Aseniero, 1994: 301—302]. Это была капиталистическая модернизация Кореи в интересах Японии, превращение страны в сырьевой придаток метрополии [Ильин, 2015: 154]. Сама Япония встала на путь капиталистической модернизации во второй половине XIX века, в стране сформировалась специфическая модель капитализма, движущей силой которого стало государство. В дальнейшем эта модель был экспортирована и в колонии. При этом Корея, будучи колонией, демонстрировала темпы экономического роста, заметно превосходившие показатели не только британских колоний, но и самой Японии [Gulati, 1992: 162, 164].

Колониальный капитализм в контексте политической морали той эпохи по определению имеет мобилизационный характер. Это значит, что население страны не обладает субъектностью как способностью навязать экономическую политику, исходящую из собственных интересов. Население колонии — это всего лишь ресурс для решения проблем метрополии. Отсюда вытекает и принцип ко-

лониальной эффективности: максимизация экспорта и минимизация расходов, в том числе на социальные нужды. Ценность населения колонии ограничена его способностью выполнять функцию рабочей силы.

Во-вторых, в первой половине XX века Япония втянулась в активную борьбу за укрепление своего геополитического положения и формирование колониальной империи. Войны чередовались с подготовкой к ним. Такая цель требовала колоссальной мобилизации ресурсов и метрополии, и колоний. В этой ситуации в Корее могли возникать лишь крошечные очаги общества потребления, локализованные в высших слоях колониальной администрации и менеджмента.

Однако любой капитализм порождает очаги своей потребительской модели. В колониальной Корее они были представлены, с одной стороны, узким слоем высокопоставленных чиновников колониальной администрации и менеджеров. Ядром этой группы, формирующей платежеспособный потребительский спрос на широкий спектр товаров и услуг, являлись прибывшие в страну японцы, но были в ней и корейцы, получившие соответствующую подготовку и ответственные посты. С другой стороны, зачатки потребительского капитализма были представлены производством и сферой услуг, удовлетворявшими спрос этой узкой платежеспособной группы.

В Корее формировалась по японскому образцу и своя система образования. Ее функция ограничивалась подготовкой кадров для колониальной экономики, в которой корейцам отводилась роль в первую очередь малоквалифицированной рабочей силы. В колониальной экономике образование является ресурсом, распределяемым исключительно в государственных интересах метрополии.

Корейский сегмент этого очага зарождающегося общества потребления в колониальный период представлен в южнокорейском фильме «Современный парень» (2008 г.), повествующем о Сеуле 1937 г. Главный герой Ли Хэмён, секретарь генерал-губернаторства Кореи, с первого взгляда очарован Чо Нансиль — женщиной, выступавшей танцовщицей в одном из тайных клубов. Герои начинают отношения, но счастье недолговечно. Коробочка с обедом, упакованная героиней, взрывается в кабинете генерал-губернатора, затем

она грабит дом главного героя и бесследно исчезает. Этот фильм — пример дискурса, отсылающего к новому стилю потребления среди корейских мужчин, который появился в городском пространстве колониальной столицы в 1920-х годах. Молодое поколение начало раскрывать свою идентичность через новые стили (одежда, прическа, украшения, язык, ритуалы и т. д.).

Мобилизационный капитализм развития

После окончания Второй мировой войны Южная Корея решала проблемы выживания, восстанавливая разрушенное войной хозяйство в существенной мере с опорой на помощь США. Разрушительная Корейская война (1950—1953 гг.) и восстановление после нее тоже заняли продолжительный период. С 1948 по 1961 г. в стране была диктатура Ли Сынмана, не демонстрировавшая никаких заметных признаков развития. И к 1960 г. большинство экспертов и политических советников склонялись к оценке Южной Кореи как безнадежного случая [Chibber, 2005: 122].

На смену этому периоду пришла военная диктатура развития (1961—1987 гг.) во главе с генералом Пак Чонхи, которого после его убийства в 1979 г. сменил Чон Духван. Экономический рост, наметившийся еще в конце 1950-х годов, с середины 1960-х годов принял форму так называемого корейского чуда. Если в 1960 г. ВВП Южной Кореи в расчете на душу населения был сопоставим с Конго [Minns, 2001: 1025], то уже к началу 1990-х годов страна вошла, согласно классификации Всемирного банка, в категорию развитых индустриальных стран [Aseniero, 1994: 275].

Однако в мобилизационной модели капитализма нет прямой связи между динамикой ВВП и ростом уровня жизни. Это две разные реальности, связанные между собой лишь косвенно с помощью тонких сообщающихся сосудов. Формой иллюзорной связи является статистический метод выведения ВВП в расчете на душу населения.

Каковы же особенности мобилизационного капитализма в Республике Корея?

— Частная собственность на средства производства в промышленности, что стало экономическим фундаментом растущего класса буржуазии.

— Монопольный государственный контроль финансов, позволявший превращать послушных частных собственников в послушных исполнителей воли бюрократии.

— Принудительное снижение стоимости рабочей силы как средства повышения экспортной конкурентоспособности. Это осуществлялось двояким образом. Во-первых, важнейшим инструментом достижения этой цели было авторитарное государство, не позволявшее работникам создавать профсоюзы, способные бороться за улучшение условий продажи рабочей силы. Во-вторых, то же государство принудительно поддерживало низкие цены на продукты питания, что позволяло обеспечивать относительную сытость работников при очень невысоком уровне заработной платы.

— Экспортная ориентация экономики. Прирост экспорта в 1967—1971 гг. составил 33,7 % [Хан, 2010].

В рамках корейского капитализма развития государство уделяло большое внимание развитию образования как одного из важнейших факторов догоняющей модернизации. В этой модели образование выступает как государственный ресурс, воспроизводимый и распределяемый в целях реализации государственной политики. Пак Чонхи регулярно повторял тезис: «Сила государства в образовании. Образование определяет судьбу страны» [цит. по: Асмолов, 2017: 476].

Однако и в рамках мобилизационного капитализма развития были заметные очаги зарождающегося общества потребления. С одной стороны, это формирование небольшой группы населения, обладающей высоким потребительским спросом. После окончания Корейской войны в период развернувшейся модернизации и быстрого экономического роста члены высшего класса имели огромные материальные ресурсы, часть из которых направлялась на потребление. В их среде стало заметно стремление отмежеваться от классов, занимающих положение ниже их, путем приобретения дорогих западных товаров. Этот тренд проявлялся в практиках издевательств в школах и в обмене подарками стоимостью в десятки тысяч долларов между семьями жениха и невесты [The Luxury Craze, 2013]. С другой стороны, в этот период развилось ориентированное на экспорт производство потребительских товаров.

Потребительский капитализм в Южной Корее

К началу XXI века экономика Республики Корея заняла в мировом рейтинге почетное 12-е место [Minns, 2001: 1025]. Это создало базис для перехода к модели потребительского капитализма, движущей силой которого выступает спрос на внутреннем розничном рынке. Его ростки возникают вместе с капитализмом, однако формирование целостной системы, опирающейся на массовый внутренний рынок, возможно лишь на стадии зрелого развития данного способа производства. Предпосылками такого спроса являются, с одной стороны, рост доходов широких слоев населения, а с другой — формирование культуры перепотребления (консюмеризма).

Быстрый подъем корейского потребительского капитализма опирался на фундамент предшествующего периода, когда ориентированная на экспорт промышленность добилась выхода на мировой уровень качества широкого круга отечественных товаров. Это позволило придать консюмеризму патриотический характер: потребитель, не ущемляя своих интересов, отдает предпочтение корейским товарам (особенно автомобилям, бытовым приборам, электронике). Возникает органичное переплетение потребительского эгоизма и гражданского патриотизма. Глубокая интеграция экономики Южной Кореи в глобальный рынок позволяет опираться на эффект масштабов, что особенно важно для относительно небольшой страны.

Новым явлением в корейском потребительском капитализме стало, с одной стороны, формирование отечественной постиндустриальной экономики, а с другой — ее переход от удовлетворения потребностей внутреннего рынка к экспорту. Возник феномен «корейской волны», ядром которой стало производство продуктов шоу-бизнеса и киноиндустрии как для корейцев, так и для публики в разных странах мира.

В контексте потребительского капитализма изменяются смыслы образования. С одной стороны, его развитие остается условием достижения государственных стратегических целей в области экономики и политики. С другой стороны, намечается тренд превращения образования в услугу, в основе которой лежат как частные интересы ее индивидуальных потребителей, так и их инвестиции в развитие своего культурного капитала. Родители приобретают для своих

детей дополнительные образовательные услуги (например, репетиторов), финансируют популярное обучение за границей [Ильин, 2012a, 2012b]. В начале XXI века Республика Корея занимала первое место в мире по расходам граждан на услуги репетиторов (около 3% ВВП) [Пак, 2004]. Обучение в университете хотя и доступное (3—4 тыс. долл. в год), но все же платное [Асмолов, 2017: 492].

Корейский консюмеризм

Экономика перепроизводства, сформировавшаяся в Южной Корее, нуждается не только во внешних рынках, но и во внутреннем рынке, движущей силой которого является культура перепотребления (консюмеризм). Он представляет собой конкретно-исторический феномен, порождаемый определенной фазой развития капиталистического общества.

На стадии формирования общества потребления доминирует классический консюмеризм, в основе которого перепотребление, измеряемое в терминах количества товара и его цены. Этот тип культуры потребления ярко проявлялся во всех странах на этой фазе своей истории.

Классическое описание этой модели представлено Т. Вебленом в его концепции «показного потребления» [Веблен, 1984]. Для такого консюмеризма характерно увлечение гламуром, то есть системой конструирования идентичности на основе формулы «броскость + роскошь + сексапильность». Данный тип культуры формирует особый статус предметов роскоши, выполняющих функцию маркеров неожиданного социального успеха.

В 2013 г. The Asia Society Korea Center и итальянская торговая палата организовали панельную дискуссию «Мания роскоши: интерпретация внутренних мотивов корейских потребителей». М-р Кавало, итальянский менеджер, работающий с корейским рынком, описал Корею как «рынок мечты», где предметы роскоши являются статусными символами. «Мое первое впечатление от этого рынка было невероятным. Люди, выходящие из магазина, реально возбуждены совершенными покупками сумок и обуви. Итальянцы родились с товарами такого типа, поэтому они больше не мечтают о них. <…> Поэтому Корея — важный рынок для итальянских компаний. Моя

фирма, имеющая много брендов, основным из которых является TOD'S, известна тем, что показывает, как использовать роскошь не на выходные или в ночное время, а течение дня, когда вы едете или идете куда-то» [The Luxury Craze, 2013].

Корейские эксперты констатируют действие на рынке товаров роскоши классической элитарной модели («концепции просачивания»), предложенной еще в начале XX века Г. Зиммелем: низшие слои подражают высшим, создавая иллюзию общности с ними [Зиммель, 1996]. Корейский высший класс стремится создавать маркеры, отличающие его от классов, стоящих ниже в социальной иерархии. При этом покупатели предметов роскоши получают удовлетворение, наблюдая их восприятие окружающими. В то же время представители других классов стремятся гнаться за высшим классом. Участвуют в этой гонке и те, чье материальное положение не позволяет безболезненно покупать предметы роскоши [The Luxury Craze, 2013].

Потребление предметов роскоши превращается в формирующемся обществе потребления в своего рода спорт. Как подметил итальянский эксперт, «в Корее каждый хочет быть № 1» [ibid.].

Маркерами роскоши выступают цены и бренды (взаимосвязанные, но не равнозначные категории). Как и во многих иных странах, дорогие зарубежные товары имеют более высокий статус. Корейцы сдержанно относятся к покупке местных брендов, даже если они признаются в качестве «дизайнерских» [ibid.].

Все это приводит, в частности, к кражам дорогих товаров из магазинов. Но особенно большие масштабы занимает другой способ решения противоречия между высокими потребительскими идеалами и ограниченными индивидуальными возможностями: потребление подделок брендовых товаров, в больших количествах импортируемых контрабандным путем из Китая [ibid.].

Формирование культуры консюмеризма играет важную роль и как фактор стимулирования труда. Революция притязаний неизбежно порождает необходимость борьбы за карьерный рост и интенсификацию труда. Появляется феномен человека, бегущего как белка в колесе в погоне за служебным повышением, увеличением доходов и возможностью повышения уровня потребления. Такая гонка для многих оказывается изнуряющей [Breen, 2017: 241—262].

Заключение

История Кореи последовательно демонстрирует динамику развития капитализма в разных моделях. Потребительский капитализм, движущей силой которого является внутренний спрос на товары индивидуального спроса, сначала зародился в качестве маргинальных очагов в рамках мобилизационной модели. Однако постепенно, когда страна достигла высокого уровня экономического развития, эта модель вышла на первый план. Ее особенностью в Республике Корея является то, что базис потребительского капитализма был создан в рамках мобилизационного капитализма развития с ярко выраженной экспортной ориентацией. Это позволило перейти к стимулированию роста внутреннего спроса с ориентацией на национальное предложение товаров, соответствующих мировым стандартам.

Постепенно произошел сдвиг от индустриальной фазы потребительского капитализма к его постиндустриальной разновидности. В ее центре стоит духовное производство, ориентированное как на экспорт, так и на внутренний рынок.

Список литературы

Асмолов К. В. Корейская политическая культура. Традиции и трансформации. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Зиммель Г. Мода. Избранное. Т. 2. Содержание жизни. М.: Юрист, 1996.

Зудин А. Государство и бизнес в России: эволюция модели взаимоотношений // Неприкосновенный запас. 2006. № 6. С. 200—212.

Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 4. С. 3—39.

Ильин В. И. Модернизация повседневности в Корее // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012a. С. 90—106.

Ильин В. И. Корейское образование: традиции и модернизация // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи. СПб.: Скифия-пресс, 2012b. С. 63—77.

Ильин В. И. Модели капиталистической модернизации повседневности (на материалах Южной Кореи и России) // Корея и Россия: со-

циокультурная динамика / под ред. Р. К. Тангалычевой, Д. В. Иванова, В. И. Ильина, Е. А. Островской. СПб. : Алетейя, 2015.

Кампфнер Дж. Свобода на продажу. Как мы разбогатели — и лишились независимости. М. : Астрель, 2012.

Лапина Н. Бизнес и политика в современной России. М. : ИНИОН, 1998.

Пак В. Г. Некоторые черты образования в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 2. С. 120—130.

Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд / пер. с кор. под ред. М. Н. Пака. М. : Вост. лит., 2010.

Aseniero G. (1994) South Korean and Taiwanese Development: The Transnational Context. *Review (Ferdinand Braudel Center).* Vol. 17. No. 3. P. 275—336.

Breen M. (2017) The New Koreans. The Business, History and People of South Korea. London: Penguin Random House.

Chibber V. (2005) The Politics of a Miracle: Class Interests and State Power in Korean Developmentalism. In: Coates D. (ed.) *Varieties of Capitalism, Varieties of Approaches*. New York, N.Y.: Palgrave Macmillan. P. 122—138.

Coates D. (2005a) Introduction. In: Coates D. (ed.) *Varieties of Capitalism, Varieties of Approaches*. New York, N.Y.: Palgrave Macmillan. P. x — xi.

Coates D. (2005b) Paradigms of Explanation. In: Coates D. (ed.) *Varieties of Capitalism, Varieties of Approaches*. New York, NY: Palgrave Macmillan. P. 1—26.

Grant W. (1993) Business and Politics in Britain. London: Macmillan.

Gulati U. C. (1992) The Foundations of Rapid Economic Growth: The Case of the Four Tigers. *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 51. No. 2. P. 161—172.

Kim Choong Soon. (2007) Kimchi and IT. Tradition and Transformation in Korea. Seoul: Ilchokak Publishing Co.

Korkotsides A. (2007) Consumer Capitalism. London: Routledge.

Lane D., Myant M. (eds.) (2007) Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. New York, NY: Palgrave Macmillan.

Minns J. (2001). Of Miracles and Models: The Rise and Decline of the Developmental State in South Korea. *Third World Quarterly.* Dec. Vol. 22. No. 6. The Post-Cold War Predicament. P. 1025—1043.

The Luxury Craze: Understanding the Korean Consumer's Inner Motives. (2013) *Asia Society*. URL: https://asiasociety.org/korea/luxury-craze-understanding-korean-consumer's-inner-motives.

ГЛАВА 12. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В XXI веке в свете многочисленных геополитических и социокультурных изменений, модернизации общества в Республике Корея особую актуальность приобретает проблема разработки и реализации языковой политики. С учетом специфики языковой ситуации и геополитических задач языковая политика охватывает широкий спектр вопросов и реализуется в разных сферах: практическая нормализаторская деятельность, языковая политика в мультикультурном обществе, языковая политика по преодолению расхождений между языковыми вариантами Севера и Юга, политика повышения престижа и распространения корейского языка в мире в качестве важного инструмента мягкой силы, борьба с проявлениями дискриминации в языке и пр. В данной главе анализируются основные направления государственной языковой политики Республики Корея в рамках модернизации современного общества, целей и задач, которые она преследует, а также ее нынешнее состояние и перспективы.

Введение

В широком смысле под модернизацией понимается «процесс обновления и совершенствования отсталого традиционалистского (или посттрадиционного) общества и государства в духе требований современного этапа развития, то есть переход от традиционного общества к современному» [Толстокулаков, 2010: 54]. Традиционное общество имеет четкое классовое разделение ролей между его членами с момента рождения. Все виды разделения в традиционном обществе усиливают друг друга в рамках различных территориальных единиц. Данное разделение естественным образом влияет на языковой репертуар общества. Последний также имеет четкие разграничения, соотносящиеся с общественными. Подобные границы по-

зволяют сохранять или даже усиливать разрыв между социальными и региональными языковыми кодами, между разными видами разговорных вариантов языка и стандартным письменным языком. Данные факторы в традиционном обществе оказывают большее влияние на языковую политику, чем лингвистические факторы.

В традиционном обществе можно выделить ряд движущих факторов модернизации:

— контакты с внешним миром;

— военная элита, служащая правящему классу;

— светская интеллигенция, которая имеет особые права в реализации модернизационного процесса и максимизирует его полезность для правящей элиты.

Поскольку правящий класс контролирует военных, светскую интеллигенцию и различные виды элит, процесс модернизации является подконтрольным и управляемым. В случае усиления коллаборации между военными и интеллигенцией или получения правящей элитой поддержки от широких слоев населения, как правило, модернизационные процессы ускоряются.

В процессе модернизации общества возникает задача выбора языка, который должен нести свое послание и быть символом перемен, вступающих в противоречие с традиционно существовавшими связями и границами. Развитие языка — это неотъемлемый аспект социальных изменений. Контроль над изменениями в языке при этом соизмерим со степенью контроля над трансформационными процессами в обществе.

Следует отметить, что все виды модернизационного планирования включают в себя использование прошлого и частичное его «создание». Планирование требует как избирательного отказа от определенных фактов прошлого, так и избирательной идеологизации и примирения с настоящим.

Языковая политика связана с формированием определенной позиции относительно истории и исторических связей, что предполагает объединение разобщенных территорий, героев, культурного наследия и эмоций, она также соотносится с определением национальной самоидентичности. В ходе реализации языковой политики даются новые названия предметам и явлениям (таким образом вы-

полняется роль проводника новой миссии и новых ценностей), может изменяться сам язык, который в той или иной степени становится отличным от языка предыдущих поколений. Важно в данном случае лишь то, что измененный под влиянием определенной языковой политики язык представляет собой легитимизацию новой идентичности и новой власти.

Как правило, социальный контекст языковой модернизации может рассматриваться с точки зрения повышения статуса стандартного языка среди широких слоев населения, повышения качества коммуникации за счет понятности языковых вариантов разным социальным группам, быстрого распространения языковых инноваций и маркеров статусности, приводящего к целостности языкового репертуара в рамках одного социального класса [Fishman, 1974: 87—91].

В Республике Корея происходят стремительные процессы модернизации общества во всех сферах, в том числе в сфере языковой политики. Неслучайно в настоящее время в стране особую актуальность приобрела проблема разработки и реализации языковой политики в свете поступательного развития общества, формирования новых общественных ценностей и ориентиров, изменения языковой ситуации, многочисленных геополитических и социокультурных трансформаций.

Понятие языковой политики

Языковая политика — это важная часть национальной политики любого государства, которая охватывает все виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование в сфере использования языка. Языковая политика тесно связана с такими нелингвистическими сферами, как экономика, политика, демография, религия, культура, административное управление, и т. п. Язык и языковая политика существуют в рамках сложного, динамичного контекста, все части которого оказывают взаимное влияние друг на друга. Изменение одного из компонентов этого контекста вызывает соответствующий эффект, оказывающий влияние на остальные его составляющие. Овладение языковыми практиками происходит при постоянном конструктивном взаимодействии с социальной средой [Spolsky, 2004: 6—7].

Существуют различные подходы к пониманию сущности языковой политики, ее масштабов и терминологии. В данной работе под языковой политикой мы будем понимать «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Языкознание, 1998: 616]. Языковая политика включает в себя языковые практики, языковую идеологию, а также реализацию практических мер, являющихся результатом языкового менеджмента или планирования, направленных на изменение языковых практик или идеологии сообщества.

Предметом интереса языковой политики выступают не только конкретные языковые варианты, но и всевозможные языковые элементы на всех уровнях. Языковая политика может быть направлена на регулирование произношения, правописания, лексики, грамматики, стилей речи, борьбу с «плохим», расистским, нецензурным языком и пр. Языковая политика ассоциируется с властью и органами власти. В современном мире власть концентрируется в руках государственных органов, что закрепляется на законодательном уровне. Правительство устанавливает принципы языковой политики государства в конституции и соответствующих законах, а также располагает необходимыми средствами для ее реализации [Spolsky, 2004: 39—40].

Законодательные основы разработки и реализации языковой политики

Определяющим законом при разработке языковой политики Республики Корея в XXI веке является Основной закон о корейском языке (2005 г.). Цель его принятия — создание законодательной базы для развития и сохранения корейского языка. Основной закон о корейском языке вобрал в себя пункт 2 «Развитие и распространение корейского языка» Закона о развитии культуры и искусства (2005 г.), который до этого был основополагающим при разработке языковой политики.

Приведем наиболее важные, на наш взгляд, положения Основного закона о корейском языке, определяющие базовые векторы современной языковой политики Республики Корея.

1) Государство и органы местного самоуправления активно реагируют на изменения языковых практик, развивают и сохраняют род-

ную речь (повышают уровень владения населением стандартным корейским языком и сохраняют региональные диалекты), помогают осваивать родную речь и пользоваться ею людям с ограниченными умственными и физическими возможностями (п. 4).

2) Все официальные документы должны быть составлены на хангыле по правилам орфографии корейского языка (п. 14). Однако в случае необходимости в скобках может быть указано написание на иероглифах или иностранном языке (приказ о вступлении в силу Основного закона о корейском языке, п. 11).

3) Правительство должно принимать соответствующие меры для того, чтобы граждане не испытывали неудобств во время использования средств информационно-коммуникационных технологий (п. 16).

4) Государство должно стандартизировать, систематизировать и распространять специализированные термины из разных областей так, чтобы гражданам было легко ими пользоваться (п. 17).

5) Министр образования, науки и технологий в соответствии с п. 29 Закона о начальном и среднем образовании должен обеспечить соблюдение правил орфографии для школьных учебных пособий (п. 18), а также распространение корейского языка в мире (разработку учебных планов и пособий по корейскому языку для иностранцев и зарубежных корейцев, подготовку специалистов по корейскому языку и т. п.) (п. 19).

6) Государство и органы местного самоуправления должны обеспечивать равные возможности гражданам для изучения корейского языка, разрабатывать и реализовывать политику, направленную на повышение знания корейского языка (п. 22).

7) Министр культуры, спорта и туризма способствует улучшению знания родной речи у граждан, с целью организации консультативных услуг по корейскому языку может присвоить статус Культурного центра корейского языка специализированным организациям, в которые приказом президента назначаются профессиональные работники, или в соответствии с п. 2 Закона о высшем образовании прочим организациям при учебных заведениях (п. 24).

В Основном законе о корейском языке заложены такие приоритетные направления языковой политики, как повышение грамотности населения и уровня владения стандартным языком, обеспечение

равных возможностей по изучению корейского языка, сохранение региональных диалектов, распространение корейского языка в мире, развитие информационно-коммуникационных технологий, и т. д.

Государственные органы, отвечающие за разработку и реализацию языковой политики

Вопросами разработки и реализации государственной языковой политики Республики Корея занимается Министерство культуры, спорта и туризма, а также находящийся в его подчинении Национальный институт корейского языка. Эти организации играют центральную роль в данной сфере.

Следует отметить, что до 1989 г. в Республике Корея не было государственного органа, который бы полностью определял и планомерно реализовывал языковую политику страны. До этого за языковую политику в стране отвечал отдел по разработке учебной литературы Министерства просвещения, однако эта работа не имела системного характера. Основное внимание в работе отдела уделялось соблюдению норм орфографии в школьных учебниках, а все остальное носило в значительной степени второстепенный характер.

В 1990 г. полномочия по разработке языковой политики были переданы созданному в этом же году Министерству культуры, а в 1991 г. в соответствии с приказом президента был реформирован находившийся в подчинении Министерства культуры Институт корейского языка, получивший название Национальный институт корейского языка. Перед Институтом были поставлены задачи разработать основные направления языковой политики, провести исследования в области корейского языка, содействовать повышению грамотности населения. Среди задач, выполняемых Национальным институтом корейского языка в разные годы, следует отметить разработку, корректировку и реализацию планов, связанных с языковой политикой, подготовку законов, направленных на сохранение родной речи, проведение исследований в области корееведения, истории и культуры корейского народа, сохранение культурных традиций, развитие сотрудничества и обмена в сфере культуры и языкознания с КНДР,

поддержку организаций, занимающихся изучением корейского языка и литературы, и пр. Институт ведет активную исследовательскую работу по изучению развития корейского языка в разные исторические периоды, фонетических особенностей корейского языка, подходов к написанию заимствованных слов, способов романизации корейских слов и пр. Результаты исследовательской деятельности Института докладываются министру культуры, спорта и туризма, а министр, в свою очередь, докладывает о содержании данных исследований на совещании кабинета министров или непосредственно президенту.

В Министерстве культуры, спорта и туризма разработку языковой политики курирует Департамент политики в сфере культуры и туризма. В Министерстве утверждается и контролируется реализация планов в сфере языковой политики и корейского языка, проводится разработка законодательной базы в языковой сфере, организуется работа Комитета по корейскому языку, руководство Национальным институтом корейского языка и Национальным музеем корейской письменности, а также определяются направления работы по информатизации в сфере корейского языка, сохранения диалектов, обеспечения равных возможностей по изучению корейского языка среди населения, повышения грамотности, распространения корейского языка в мире и пр.

В XXI веке Министерство культуры, спорта и туризма и Национальный институт корейского языка стали важнейшим центром разработки языковой политики Республики Корея. В соответствии с указом президента от 2009 г. бóльшая часть полномочий по разработке государственной языковой политики возлагается на Министерство, а Институт отвечает за ее реализацию и проведение исследований в области корейского языка.

Помимо Министерства культуры и туризма и Национального института корейского языка в разработке и реализации языковой политики Республики Корея по отдельным ее направлениям принимают участие Министерство иностранных дел, Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи, Министерство юстиции, Министерство труда и занятости, Министерство образования, а также организации, находящиеся в их подчинении.

Основные направления языковой политики

В Республике Корея с учетом специфики языковой ситуации и геополитических задач языковая политика охватывает широкий спектр вопросов и реализуется в разных сферах.

Практическая нормализаторская деятельность

Данное направление деятельности включает в себя пуризацию языка, разработку норм романизации и правил написания заимствованных слов, разработку правил орфографии и норм стандартного языка, повышение уровня знания корейского языка у населения и пр.

Пуризация корейского языка подразумевает под собой замену иностранных слов на исконно корейские, замену неправильных, нецензурных слов правильными словами стандартного языка. Основными причинами реализации политики пуризации языка являются укрепление национального самосознания, развитие национальной культуры, упрощение излишне сложных слов родного языка и усовершенствование языковых практик, формирование желательной общественной культуры.

Движение по очищению языка набрало силу после создания Министерства культуры в 1990 г., а в 1991 г. к этой работе подключился Национальный институт корейского языка: ежегодно стали издаваться сборники упорядоченной лексики. За 20 лет после создания Национального института корейского языка было пересмотрено около 25 тыс. слов [Чхве, 2010: 217], однако следует отметить, что количественные результаты не соответствуют качеству этой работы. Бóльшая часть слов, предложенных Институтом на замену иностранным словам, не получила широкого использования. Как правило, даже сторонники пуризации признают, что предложенные Институтом слова часто звучат достаточно искусственно и непривычно [Чхве, 2010: 219; Хо, 2015: 270; Чон, 2018: 225—226].

В итоге в 2004 г. Институт изменил процедуру подбора замен иноязычным заимствованиям — к данной работе были приглашены простые граждане, которые получили возможность предлагать свои варианты, а через интернет проводится голосование за лучший вариант замены. Следует отметить, что даже несмотря на эти меры,

степень вхождения пуризованных слов в повседневный язык остается относительно невысокой.

В настоящее время вектор работы по очищению языка сместился с замены иностранных слов на исконно корейские в сторону повышения эффективности коммуникации путем замены сложных непонятных слов более простыми. Проверке и рецензированию подвергается язык общественного пространства: стандартизируются термины, проверяются документы государственных органов, дается оценка правильности использования языка административными органами и пр. В отличие от КНДР, труды Национального института корейского языка в данной области носят рекомендательный характер, а количество заимствованных слов постоянно растет.

Разработка языковых норм

Разработка языковых норм включает в себя работу над составлением и утверждением правил орфографии, положения о стандартном языке, правил написания заимствованных слов и норм романизации.

Принятие единых норм орфографии было особенно важным для Кореи, поскольку с момента создания хангыля и вплоть до XIX века корейская письменность практически не использовалась. Официальные документы писали на ханмуне, в результате чего в написании хангылем разных слов появилось немало расхождений, кроме того, существовали и значительные диалектные различия.

После освобождения страны Корейским советом по вопросам образования при американском военном правительстве была подготовлена резолюция об исключительном использовании хангыля (1945 г.), определившая базовые положения Закона об исключительном использовании хангыля (1948 г.), распространявшемся прежде всего на официальные документы.

Определяющими документами для разработки единообразной орфографии и положений о стандартном языке после освобождения от японского колониализма являются Проект по унификации корейской орфографии (1933 г.) и Собрание стандартных слов корейского языка (1936 г.)

Современный стандартный язык основывается на Орфографии корейского языка (1989 г.) и Нормах стандартного языка (1989 г.),

которые стали первыми языковыми нормами, официально провозглашенными Министерством образования Республики Корея, и отразили изменения в языке, возникшие после создания Проекта унификации орфографии корейского языка (1933 г.).

В настоящее время в Республике Корея действуют Правила орфографии (2017 г.) и Положения о стандартном языке (2017 г.), Правила написания заимствованных слов (2017 г.) и Правила романизации (2014 г.), утвержденные Министерством культуры, спорта и туризма [Национальный институт корейского языка, 2017].

Фундаментальный принцип орфографии современного корейского языка заключается в написании слов в соответствии с произношением и грамматическими нормами. Положения о стандартном языке закрепляют за современным сеульским говором, на котором говорят образованные люди, статус стандартного языка. В Правилах написания заимствованных слов определены возможные способы записи иностранных слов (возможно использование только 24 букв корейского алфавита, в патчиме могут быть только семь согласных, принцип неиспользования сильных согласных и пр.), а также закреплен принцип написания иноязычных слов, максимально приближенный к фонетической системе корейского языка (за последние 80 лет произошел переход от принципа сохранения максимально приближенного к языку оригинала произношения к максимальному приближению к фонетической системе корейского языка). В Правилах романизации зафиксирован принцип сохранения особенностей корейского произношения, то есть правила романизации корейского языка основаны на транскрипции, а не на транслитерации. При передаче корейских слов латиницей дополнительные символы не используются.

Повышение уровня грамотности

Языковые навыки лежат в основе любой социальной деятельности человека. Повышение уровня владения родным языком у населения представляет собой важную задачу языковой политики. За обучение корейскому языку детей отвечает Министерство образования, повышение грамотности среди взрослых — задача Министерства культуры, спорта и туризма и Национального института корейского языка.

В Основном законе о корейском языке предписано проведение регулярных проверок грамотности населения. Первый раз Национальным институтом корейского языка проверка грамотности населения была проведена в 2008 г. среди 12 317 человек в возрасте от 19 до 79 лет, в результате которой было выявлено 1,7 % неграмотных. В 2013 г. было проведено тестирование на знание корейского языка, в котором проверялись не просто умения читать и писать, а также навыки говорения и аудирования. В проверке знаний приняли участие 3000 человек. Интересным результатом данного исследования стало то, что с увеличением возраста уровень владения родным языком снижался. Так, количество баллов, набранных участниками в возрасте от 20 до 30 лет, было выше, чем количество баллов участников в возрасте от 60 до 70 лет. Данные различия в уровне грамотности среди людей разного возраста можно объяснить повышением качества образования и количества обучающихся в школах и университетах. Данное тестирование также проводилось в 2018 г., при этом уровень владения языком в разных возрастных группах оказался примерно на том же уровне, а общий уровень владения языком в целом был незначительно выше, чем в 2013 г. В следующий раз проведение тестирования населения на грамотность запланировано в 2023 г.

Кроме того, Национальный институт корейского языка регулярно проводит занятия для желающих повысить свой уровень корейского языка в рамках школ корейского языка и культуры. На занятиях изучают правила орфографии, грамматику, практикуют говорение, письмо и пр.

Важным направлением работы Национального института корейского языка также является составление словарей. В 1999 г. был издан Большой словарь стандартного корейского языка. В данном словаре были размещены не только слова стандартного языка, но также устаревшие, диалектные и северокорейские слова. В его состав вошло около 50 тыс. слов. Большой словарь стандартного корейского языка является эталоном правильности: в случае возникновения разногласий в написании обращаются к этому словарю, на него ориентируются при составлении официальных документов, учебников, при подготовке материалов СМИ и пр.

Для сохранения и аккумуляции результатов исследований по корейскому языку важным звеном языковой политики стала цифровизация. В 1998 г. Национальный институт корейского языка начал масштабный проект Сечжон, который длился десять лет и был направлен на создание корпуса корейского языка, включивший в себя тексты письменной и устной речи, северокорейские, специализированные и параллельные тексты, исторический корпус корейского языка и т. п. Помимо этого, результатом данного проекта стало размещение в 2002 г. Большого словаря корейского языка в интернете, а также создание специального Словаря корейской нации, который позволяет поиск диалектных слов, поиск этимологии слов, сравнение северокорейской и южнокорейской лексики и пр. Позднее в 2016 г. был создан открытый онлайн-словарь Урималь сэм, в составлении которого могут принимать участие пользователи интернета, что позволяет добавлять неологизмы, сленг и пр., то есть то, что не отражено в словарях стандартного корейского языка. С целью предотвращения распространения недостоверной информации словарные статьи, предлагаемые пользователями, проходят проверку специалистами.

Сохранение диалектов корейского языка

Ввиду относительно короткой истории использования хангыля и долгого периода японского колониализма задача распространения стандартного языка как инструмента повышения эффективности коммуникации стала первостепенной. После освобождения от японского колониализма главным направлением деятельности правительства в области языковой политики было повышение грамотности и распространение стандартного корейского языка.

Согласно результатам исследования по анализу языкового сознания, проведенного в 2015 г. Национальным институтом корейского языка, доля использования диалектов по сравнению с 2010 г. сократилась на 7 процентных пунктов, что говорит о тенденции перехода к использованию стандартного языка [Ким, 2015: 34].

В XXI веке отношение к диалектам начало изменятся. В п. 4 Основного закона о корейском языке говорится, что государство и органы местного самоуправления должны прилагать усилия по сохранению

региональных диалектов, при этом нет конкретного руководства, каким образом это должно происходить. Тем не менее в законе впервые отражается необходимость внимательного отношения к говорам корейского языка. Данный закон стал основой для формирования нормативно-правовой базы о сохранении региональных диалектов.

Поворотным моментом стал судебный иск 2006 г. от общества по изучению диалектов «Тхэмальдуре» (탯말두레) о том, что обязательное использование стандартного языка в официальных документах нарушает права носителей региональных говоров. Представители данного общества также потребовали включить изучение диалектов в школьную программу. Конституционный суд после трех лет разбирательств принял решение, что обязательное использование стандартного языка не противоречит конституции. Несмотря на отклонение иска, сам факт подобного разбирательства является значимым маркером, указывающим на изменение отношения к диалектам в обществе [Почему только сеульский говор…, 2008].

В отличие от прошлого века, когда на первое место ставилось распространение стандартного языка, в начале XXI века все чаще раздаются призывы о сохранении диалектов. Национальный институт корейского языка регулярно проводит исследования различных говоров. Результатом масштабного исследования диалектов в период с 2004 г. по 2019 г. стало создание сайта диалектов, на котором представлены словарь, карта и различные материалы, посвященные говорам корейского языка. Помимо исследовательской деятельности внимание общественности к важности сохранения региональной языковой культуры привлекается посредством различных фестивалей местных диалектов и культур, в ходе которых проводятся представления, выставки и прочие мероприятия с использованием местных говоров.

Языковая политика в мультикультурном обществе

За счет активации потоков миграции Республика Корея в XXI веке становится полиэтнической страной, что делает проблему адаптации и включения мигрантов и их детей в корейское общество особенно актуальной. До недавнего времени языковая политика в данной сфере была направлена на полную ассимиляцию детей из мультикуль-

турных семей [Ким, Ли, 2018: 32]. В настоящее время подчеркивается важность сохранения национальной самоидентичности детей из многонациональных семей, а также необходимость создания билингвальной системы обучения и мультикультурной среды, обеспечения права на образование для всех членов общества.

Дети из мультикультурных семей по состоянию на 2020 г. составляют около 2,8 % от общего количества школьников Республики Корея, их количество растет с каждым годом. Под мультикультурными семьями понимаются семьи, созданные в браках между корейцами и иностранцами. В этих семьях могут быть как дети, рожденные в этих браках, так и усыновленные в браках с иностранцами дети, рожденные и выросшие за границей. К мультикультурным семьям также относятся живущие в Корее семьи иностранцев с детьми. В мультикультурных семьях большинство родителей составляют вьетнамцы (31,7 %), китайцы (31,7 %), филиппинцы (10,3 %), этнические корейцы из Китая (8,3 %), японцы (5,9 %) [Министерство образования Республики Корея, 2020b: 6—7].

В реализации данного направления языковой политики участвуют Министерство культуры, спорта и туризма, Министерство образования, Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи.

Наибольшие сложности в адаптации у членов мультикультурных семей с иноязычным бэкграундом вызывает недостаточное знание корейского языка. Начиная с 2007 г. Национальный институт корейского языка выпускает специальные учебные пособия для жен-иностранок, пособия по изучению корейского языка и культуре, по которым оба супруга-иностранца могут самостоятельно заниматься, пособия для детей из мультикультурных семей, пособия для детей жен-иностранок от их первых браков, то есть для детей, которые родились и выросли за границей.

Министерство образования, науки и технологий опубликовало Меры поддержки обучения детей из мультикультурных семей [Министерство образования Республики Корея, 2006]. Данный документ, содержащий описание направлений деятельности министерства, дополняется и утверждается в новой редакции каждый год.

В качестве основных задач, зафиксированных в этом документе, можно выделить следующие:

1) обеспечение условий для раннего обучения детей корейскому языку и культуре с целью преодоления языкового и культурного барьера;

2) повышение уровня грамотности детей из мультикультурных семей;

3) формирование самоидентичности в качестве члена корейского общества у членов мультикультурных семей;

4) преодоление предрассудков о мультикультурных семьях через понимание и принятие этническими корейцами иностранцев.

Министерством образования был определен Главный центр мультикультурного образования, им стал Центр мультикультурного образования Сеульского национального университета, взявший на себя главную роль в разработке образовательной политики и подготовке учебных материалов для мультикультурных семей, проведении стажировок для преподавателей и онлайн-консультаций. В Центре были подготовлены учебники по корейскому языку для детей из мультикультурных семей на их родных языках, кроме того, для преподавателей были разработаны методические пособия, содержащие информацию о языках, истории и культуре стран, представители которых в наибольшем количестве проживают в Корее, организовано проведение консультаций по вопросам обучения членов мультикультурных семей. Данный центр совместно с органами местного самоуправления разработал и реализовал программу внеклассных школьных занятий для детей из мультикультурных семей. Наибольшая часть учебного плана занятий выделена на изучение корейского языка, кроме того, в программе предусмотрены занятия по корейской культуре, индивидуальные консультации и практическая помощь в решении повседневных жизненных ситуаций.

В 2006 г. Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи при участии Министерства культуры, спорта и туризма разработало Меры поддержки социальной интеграции семей с женами-иностранками, в рамках реализации которых были открыты Центры поддержки мультикультурных семей. Целью работы данных центров стала интеграция членов мультикультурных семей в корейское общество. В центрах проводятся занятия по корейскому языку, реализуются образовательные программы, направленные на формирование

правильных семейных ценностей, занятия по культуре, информатике, а также семейные консультации.

В корейском обществе растет понимание важности билингвального обучения и осознание того, что дети из мультикультурных семей могут стать связующим звеном между Кореей и странами, откуда они сами или их родители родом [Министерство образования Республики Корея, 2020a: 1, 14]. Министерство образования стало уделять больше внимания подготовке преподавателей билингвов с целью помощи детям из мультикультурных семей в адаптации к учебному процессу и школьной жизни. Разработаны двуязычные электронные учебные пособия: корейском и родном языке (китайский, вьетнамский, японский, филиппинский, русский, монгольский, индонезийский, кхмерский). Билингвизм рассматривается как важное преимущество детей из мультикультурных семей. Для поддержания желания изучать и говорить на обоих языках с 2020 г. стали проводиться конкурсы говорения среди билингвов [Министерство образования Республики Корея, 2020a: 14].

Отдельно необходимо отметить проблему северокорейских беженцев, которые, бесспорно, отличаются от иностранцев, однако для их успешной адаптации также необходимо изучение языка и современной южнокорейской культуры. С этой целью Национальный институт корейского языка разработал специальный курс языковой подготовки, входящий в общую программу по адаптации беженцев, реализуемый при участии Министерства по делам объединения.

Языковая политика по преодолению расхождений между языковыми вариантами Севера и Юга

Данное направление языковой политики включает в себя работу по составлению Большого словаря корейского народа, изучение расхождений и разработку предложений по унификации северного и южного вариантов языка, просветительскую деятельность в школах на уроках родной речи, в ходе которой школьникам рассказывается о различиях между северным и южным вариантами языка, прививается толерантное отношение к различным языковым вариантам и пр.

Национальный институт корейского языка на постоянной основе проводит исследования различий северокорейского и южноко-

рейского вариантов языка. Так, в 1992 г. Институтом был проведен анализ Большого словаря корейского языка (조선말대사전) КНДР для выявления сходств и различий с южнокорейской версией языка. Результатом данной работы стало появление в вышедшем в 1999 г. Большом словаре стандартного языка северокорейских слов с соответствующими пометами.

Кроме того, Национальный институт корейского языка провел исследования орфографии и языковых норм КНДР и Республики Корея, сравнение терминов, анализ литературных произведений и пр.

В условиях разделения особенно важны контакты между учеными Севера и Юга. Так, в 1996 г. в Китае на международной конференции состоялась первая встреча сотрудников Национального института корейского языка с представителями Института языкознания Академии общественных наук КНДР. Ученым удалось встретиться друг с другом семь раз, их встречи продолжались вплоть до 2007 г. Совещания между учеными Севера и Юга были особенно важны для обмена знаниями о северокорейском и южнокорейском вариантах языка.

Наиболее заметной работой в данной направлении является составление Большого словаря корейского народа. Это первый словарь, в составлении которого принимали непосредственное участие представители Севера и Юга. Данная работа ставила собой целью преодоление различий, возникших между двумя языковыми вариантами.

В 2005 г. во время встречи между президентом Республики Корея Ким Дэчжуном и председателем Трудовой партии Ким Чениром было принято решение о формировании совместного комитета по созданию Большого словаря корейской нации. С этого момента и до 2009 г. представители обеих стран вели интенсивную работу, по четыре раза в год проводились совместные совещания. С 2009 г. началось составление словарных статей по отобранной лексике. Однако в 2010 г. отношения между Республикой Корея и КНДР обострились и вплоть до 2014 г. совместных заседаний не было. В июле 2014 г. совещания возобновились, и до декабря 2015 г. ученые смогли провести еще 24 встречи. За эти годы представители Севера и Юга договорились о принципах составления словаря (например, о названии и порядке букв), подготовили 33 тыс. словарных статей. После это-

го началась работа по внесению совместных правок. Планируется, что окончательная версия словаря выйдет к 2022 г. [Исчезновение языкового барьера…, 2020].

Кроме того, начиная с 2015 г. Национальный институт корейского языка ведет работу по созданию корпуса северокорейских текстов. Создание подобного корпуса станет базой для проведения последующих исследований.

Политика повышения престижа и распространения корейского языка в мире

В реализации данного направления языковой политики помимо Министерства культуры, спорта и туризма (в его ведении находятся культурные центры, институты короля Сечжона) принимают участие также Министерство иностранных дел и подведомственные ему Корейский фонд, Фонд зарубежных соотечественников и др., а также Министерство образования и находящиеся в его ведении Национальный институт развития международного образования, Академия корееведения и др.

Основные сферы деятельности данного направления языковой политики: открытие институтов короля Сечжона, преподавание корейского языка этническим корейцам, внедрение преподавания корейского языка в средних школах за рубежом, разработка учебников корейского языка, включение корейского языка в систему экзаменов, стимулирование университетского преподавания корейского языка и пр.

В последние два десятилетия направления политики по распространению корейского языка за рубежом значительно расширились: произошло смещение от преподавания корейского языка преимущественно этническим корейцам к массовому обучению иностранцев корейскому языку в качестве иностранного.

В настоящее время количество говорящих на корейском языке достигает 77 млн человек, корейский язык является четырнадцатым по распространенности языком мира. В мире около 2 тыс. учебных организаций занимается преподаванием корейского языка, примерное количество их слушателей достигает 250 тыс. человек. В Республике Корея за все это время было издано около 3400

пособий по корейскому языку для иностранцев, а в 2018 г. количество сдающих экзамен на знание корейского языка TOPIK составило 329 224 человека, в то время как в 1997 г. количество сдающих TOPIK составляло всего лишь 2692 человека [Корейский фонд международных культурных обменов, 2020].

Популярность корейского языка обусловила его включение в различные экзамены. Так, в 1997 г. корейский язык был включен в американскую систему экзаменов для поступления в университет SAT, а в 2018 г. — в программу вступительных экзаменов в университетах Таиланда в качестве второго иностранного языка. В 2011 г. во Франции началось преподавание корейского языка в старших классах общеобразовательной школы в качестве третьего иностранного языка. В 2006 г. в Великобритании корейский язык был включен в качестве предмета по выбору в школьный выпускной экзамен IGCSE. Данный экзамен по корейскому языку могут выбирать носители корейского языка в качестве родного [Чхве, 2010: 279]. В 2020 г. правительство Индии приняло решение о включении корейского языка в школьную программу в качестве второго иностранного языка [Корейский становится вторым…, 2020]. В России в 2020 г. была утверждена примерная образовательная программа по корейскому языку (второй иностранный язык) для общеобразовательных школ, в настоящее время разрабатывается линейка учебников по корейского языку для российских средних школ.

В 104 университетах мира ведется преподавание корейского языка в рамках образовательных программ бакалавриата, магистратуры, аспирантуры[41].

В 2011—2012 гг. Национальный институт корейского языка разработал стандартные учебные планы по корейскому языку как иностранному. С 2015 г. создается учебный корпус для изучающих корейский язык, что также должно содействовать развитию преподавания корейского языка за рубежом.

Еще одним инструментом распространения корейского языка в мире и повышения имиджа страны является сеть институтов короля Сечжона. По состоянию на 2020 г. в мире открыто 213 институтов

[41] Корейский фонд. URL: http://www.kf.or.kr/koreanstudies/koreaStudiesList.do?regionChkAll=regionChk&nationChkAll=nationChk&instHg_1=1&instHg_2=1&instHg_3=1&searchInstHgNm=.

в 76 странах [Фонд институтов короля Сечжона, 2021]. Институты короля Сечжона ставят своей целью распространение корейского языка среди всех желающих, популяризацию корейской культуры среди широких слоев населения.

Правительство Республики Корея активно работает на популяризацию корейского языка в мире: предоставляются гранты и стипендии для изучающих корейский язык, организуются бесплатные стажировки для обучающихся и преподавателей, направляются преподаватели корейского языка в образовательные организации за рубежом, создаются учебные пособия и интернет-ресурсы и пр.

Борьба с проявлениями дискриминации в языке

В Основном законе о корейском языке (п. 4, ст. 2) говорится, что государство и органы местного самоуправления должны разрабатывать и реализовывать меры, направленные на помощь в освоении и использовании родной речи людям с ограниченными умственными и физическими возможностями. В данном законе государственным органам предписано оказывать помощь людям с ограниченными возможностями в изучении корейского языка. При этом в законе ничего не говорится о борьбе с проявлениями дискриминации.

В Республике Корея не принят единый Закон о запрете дискриминации, а существуют лишь отдельные законы, такие как Закон о запрете дискриминации людей с ограниченными возможностями, Основной закон об обеспечении развития женщин, Закон о гендерном равенстве при трудоустройстве и оказании поддержки работающим женщинам, Закон о средствах массовой информации, и пр. Процесс рассмотрения и принятия Закона о запрете дискриминации осложняется действием консервативных сил, поскольку в проекте данного закона предполагается содержание о защите прав сексуальных меньшинств, трансгендеров и пр.

Корейский язык содержит огромное количество дискриминационных выражений, однако в Основном законе о корейском языке не уделяется внимание данной проблеме [Ли, 2013: 391].

В последние годы в обществе все больше говорится о борьбе с различными видами дискриминации (по гендерному, этническому, социальному признаку, по физиологическим особенностям и пр.). Борьба

с проявлениями дискриминации в языке ведется на разных уровнях различными организациями. Так, Национальный институт корейского языка регулярно проводит исследования, направленные на выявление всех видов дискриминации в языке по разным критериям и признакам, предлагает использование более корректных с точки зрения толерантности выражений и слов. Министерство образования проверяет школьные учебники на предмет наличия в них дискриминационных выражений. Корейский комитет средств коммуникации проверяет СМИ на наличие дискриминационных выражений.

Следует особо отметить развернувшуюся в последние годы борьбу с проявлениями гендерной дискриминации в языке, что вызвано в том числе усилением социальной активности и экономической роли корейских женщин. Вопросами гендерной дискриминации в языке помимо Национального института корейского языка также активно занимается Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи. Для выявления случаев проявления гендерной дискриминации проводятся анкетирование и специальные встречи со школьниками, молодежью, модераторами сайтов и т. п. Министерство организует кампании, в ходе которых все желающие могут предложить свои варианты замены дискриминационных выражений, проверяет словари на предмет наличия дискриминационных трактовок или слов. Министерство готовит указания по мониторингу и исправлению гендерно дискриминационных выражений. Так, в 2017 г. было подготовлено и издано Руководство по выпуску телерадиопрограмм с соблюдением принципов гендерного равноправия. Вопросами гендерного равенства в языке занимаются также научно-исследовательские и общественные организации (Институт изучения политики в отношении женщин, Общество по исследованию равноправия полов и пр.).

В связи с переходом к мультикультурному обществу все острее встает вопрос о дискриминации по этническому принципу. В Республике Корея данному вопросу не придавалось особого значения до последнего времени. В 2018 г. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации выразил озабоченность уровнем нетерпимости по отношению к иностранцам в Корее и обратился с рекомендациями к правительству страны о принятии мер по борьбе с расовой дискриминацией.

Национальный комитет по правам человека Республики Корея в 2019 г. провел масштабное исследование причин и форм проявления расовой дискриминации, правовой базы по борьбе с проявлениями расовой дискриминации, в том числе и в языке. Работа Национального комитета по правам человека придала новый импульс в борьбе с проявлениями дискриминации по национальному признаку.

Заключение

Корейское общество претерпевает значительные изменения в свете модернизационных процессов, появляются новые вызовы во внутренней и внешней политике Республики Корея, что оказывает влияние на направления и содержание языковой политики государства. В настоящее время перед страной стоят важные задачи:

— эффективное использование инструментов мягкой силы для улучшения имиджа страны и получения соответствующей экономической выгоды;

— переход страны от монокультурного государства к мультикультурному;

— обеспечение социальной интеграции и единства;

— повышение грамотности населения;

— преодоление языковых различий, возникших за годы разделения между Севером и Югом, и пр.

Список литературы

Толстокулаков И. А. Посттрадиционное общество Южной Кореи и проблемы политической модернизации // Известия Восточного института, 2010. С. 54—70.

Корейский становится вторым иностранным языком в школах Индии // KBS World. 03.08.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=62645.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Fishman J. A. (1974) Advances in Language Planning. The Hague: De Gruter Mouton.

Spolsky B. (2004) Language Policy. Cambridge: Cambridge University Press.

Вэ соульмальман пхёчжуно? Вихон сосон. (Почему только сеульский говор признается стандартным корейским языком? Иск о нарушении принципов Конституции). 연합뉴스. '왜 서울말만 표준어?' 위헌 소송. 2008. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20080408204200004.

Ким Чханъён. 2015нён кунминый оно ыйсик чоса. (Исследования языкового сознания корейских граждан по состоянию на 2015 г.) Сеул : Национальный институт корейского языка, 2015. 김창영. 2015년 국민의 언어 의식 조사.

Ким Юён, Ли Гюбин. Хангукква хочжуый ичжуноно кёюкчончхэк пигё — пальчжон квачжон мит хёнхваныль чунъсимыро. (Сравнения образовательной политики в сфере билингвизма в Республике Корея и Австралии. Анализ этапов становления и современного состояния // Исследования в области билингвизма). Сеул : Научное общество по исследованиям в области билингвизма. 2018. № 73. С. 29—63. 김유연, 이규빈. 한국과 호주의 이중언어 교육정책 비교 — 발전 과정 및 현황을 중심으로 —.

Корейский фонд международных культурных обменов. 한국국제문화교류진흥원. URL: http://kofice.or.kr/b20industry/b20_industry_03_view.asp?seq=8009.

Ли Чжонбок. Хангук сахвеый чхабёль оно (Проявления языковой дискриминации в корейском обществе). Сеул : Сотхон, 2013. 이정복. 한국 사회의 차별 언어.

Министерство образования Республики Корея. 2006нён хва качжон чанё кёюкчивон тэчхэк (Меры поддержки в системе обучения детей из мультикультурных семей в 2006 г.) 교육부. 2006 년 다문화가정 자녀 교육지원 대책). URL: https://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=316&boardSeq=76066&lev=0&s=moe&m=0302.

Министерство образования Республики Корея. 2020нён кёюккибонтхонге кёльгва пальпхё (Основные статистические данные в сфере образования за 2020 г.). 교육부. 2020년 교육기본통계 결과 발표. URL: https://moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=294&boardSeq=81682&lev=0&searchType=null&statusYN=W&page=1&s=moe&m=020402&opType=N.

Министерство образования Республики Корея. Чхульбальсон пхёндыныль вихан 2020нён тамунхва кёюкчивонкехвек (План поддержки мультикультурного образования для обеспечения равных

возможностей, 2020 г.) 교육부. 출발선 평등를 위한 2020년 다문화교육 지원계획). URL: https://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=316&lev=0&statusYN=W&s=moe&m=0302&opType=N&boardSeq=79898.

Национальный институт корейского языка. Омункючжон (Положения о стандартном языке). 2017. 국립국어원. 어문규정. URL: https://www.korean.go.kr/front/etcData/etcDataView.do?mn_id=46&etc_seq=545&pageIndex=1.

Фонд институтов короля Сечжона. 세종학당재단. URL: https://www.ksif.or.kr/ste/ksf/hkd/lochkd.do?menuNo=20101800 (дата обращения: 10.03.2021).

Ханмичжок тарын оно чанбёк хомунда. Намгва пук онон тамын «Кёремальсачжон» 2022нён чхульган мокпхё (Исчезновение языкового барьера между корейцами. Планируется выпуск «Большого словаря нации», содержащего южнокорейский и северокорейский варианты языка) // Hankyung Magazine. 매거진한경. '한민족 다른 언어 장벽 허문다' 남과 북 언어 담은 '겨레말큰사전' 2022년 출간 목표. 2020. URL: https://magazine.hankyung.com/job-joy/article/202010128277b.

Хо Чжэён. Куго сунхва чарёчжибый мунчжэчжомгва сунхвао чонбиый панхян (Недостатки сборников упрощенных слов корейского языка и направления пуризации // Исследования в области преподавания корейского языка). Сеул : Научное общество изучения преподавания корейского языка. 2015. № 57. С. 251—274. 허재용. 국어 순화 자료집의 문제점과 순화어 정비의 방향.

Чон Хивон. Хангугый оночжончхэк хёнхвангва квачже (Языковая политика Республики Корея: современное состояние и задачи // Сборник материалов конференции Научного общества по изучению корейского языка, зима 2018 г.). Сеул : Научное общество по изучению корейского языка. 2018. С. 221—232. 정희원. 한국의 언어정책 현황과 과제.

Чхве Ёнги. Хангуго чончхэгый ихэ (Понимание языковой политики Республики Корея). Сеул : Хангук мунхваса, 2010. 최용기. 한국어 정책의 이해.

ЧАСТЬ V
ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ

ГЛАВА 13. ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: ПО МОТИВАМ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ФИЛЬМОВ О КОНЦЕ СВЕТА

Аннотация. Модернизация общества рассматривается сквозь призму южнокорейских фильмов, в которых в качестве метафоры прогресса и движения используется поезд. Режиссеры Ён Санхо и Пон Чжунхо, создавая на экране вызванные техногенными катастрофами глобальные угрозы, обращаются к социальному устройству общества и поведению представителей разных его слоев в обстоятельствах случившейся трагедии. Обзор фильма «Поезд в Пусан» Ён Санхо проводится на основе контент-анализа, интервью с режиссером, отзывов и рецензий на фильм в российской и зарубежной прессе. Идеология фильма приводит к дилемме между капиталистической эффективностью и социальной справедливостью в модернизирующемся обществе. Эти сюжеты анализируются в статье с позиций социологических подходов и концепций Ю. Хабермаса, У. Бека, З. Баумана, И. Валлерстайна и других социологов.

Введение

Модернизация общества в широком смысле слова означает процесс поступательного развития общества, путь к прогрессу, движение к более совершенным формам жизни. В этом смысле знаменательно название фильма Ён Санхо «Поезд в Пусан» (부산행) с использованием слова «поезд». Поезд может быть метафорой общества, движения, прогресса. Если речь идет об обществе, то какое место в обществе будущего у каждого конкретного человека? Если речь идет о движении — то куда же движется сегодняшнее общество? При обсуждении прогресса неизбежно возникает вопрос: возможен ли он сегодня? Именно этим вопросом и был озабочен режиссер фильма Ён Санхо, снимая свой фильм.

Художественный фильм корейского мультипликатора и режиссера Ён Санхо «Поезд в Пусан» вышел на экраны в 2016 г. и имел боль-

шие кассовые сборы по всему миру, став самым кассовым корейским фильмом в Малайзии, Гонконге и Сингапуре. Он также получил положительные отзывы кинокритиков. На сайте Rotten Tomatoes фильм имеет рейтинг 94% на основе 115 рецензий со средним баллом 7,6 из 10[42]. На сайте Metacritic фильм получил оценку 72 из 100 на основе 16 рецензий критиков, что соответствует статусу «в целом положительные отзывы»[43]. В России картина также имеет высокие отзывы кинокритиков и зрителей. Ряд российских критиков увидели в фильме социальную притчу о том, как реагировать на массовое безумие [Долин, 2016], а один из них посчитал зомби-вирус «прямолинейной политической метафорой» [Нечаев, 2016], хорошо понятной участникам массовых протестов в Южной Корее в 2016 г. Вспомним, что в декабре 2016 г. президенту Республики Корея Пак Кынхе был объявлен импичмент, а накануне по стране прошли массовые народные протесты против взяточничества, злоупотребления властью, а также передачи секретной информации людям, далеким от правительства.

Действие фильма происходит во время зомби-апокалипсиса по дороге из Сеула в Пусан в высокоскоростном поезде. Во время отправления поезда на вокзале появляются зомби, нападающие на людей. В последний вагон успевает заскочить укушенная зомби девушка, которая быстро распространяет инфекцию по всему поезду. Герои вынуждены спасаться от зомби, и в экстремальной для каждого персонажа ситуации раскрываются их характеры, внутренняя сущность. Режиссер представляет в фильме галерею социальных типажей из самых разных слоев общества с их жизненными установками и ориентирами, а также показывает их трансформацию перед лицом смертельной угрозы. На катастрофу каждый из них отреагировал по-своему. При этом главная сила картины проявляется в человечности рассказа: отец защищает маленькую дочь, муж — жену, юноша — девушку, пожилая женщина — сестру, и зритель на протяжении всего фильма отчаянно переживает за них. Актуальность сюжета обусловлена техногенными рисками и угрозами, вызванными техническим прогрессом, с одной стороны, и отсутствием рационализации «жизненного мира» человека — с другой. Ю. Хабермас на-

[42] Train to Busan // Rotten Tomatoes. URL: https://www.rottentomatoes.com/m/train_to_busan.
[43] Train to Busan // Metacritic. URL: https://www.metacritic.com/movie/train-to-busan.

звал этот процесс патологией современности [Habermas, 1986: 96]. Такого рода ситуации мы наблюдаем в современном обществе повсеместно. Однако одним из наиболее необычных и сильных по воздействию на сознание и поведение людей событием последнего времени стала всеобщая пандемия коронавируса, объявленная Всемирной организацией здравоохранения 12 марта 2020 г. и изменившая нормальное функционирование социальных институтов и привычных повседневных практик людей во всех уголках мира.

Ключевой фокус исследования — социологический анализ зомби-апокалипсиса как образа будущего в современном модернизирующемся обществе сквозь призму южнокорейского фильма «Поезд в Пусан», для чего мы провели контент-анализ кинокартины. Для сопоставления альтернативных сценариев будущего мы обратились также к фильму «Сквозь снег» (설국열차) южнокорейского режиссера Пон Чжунхо, в котором тоже изображается (пост)апокалипсис в поезде. Теоретическими источниками для интерпретации сюжетных линий и дискурсов стали социологические концепции общества риска У. Бека, публичной социологии М. Буравого, а также научные гипотезы и предсказания исследователей будущего капитализма И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна и др. Для того чтобы понять, как художественные и теоретические конструкты преобразуются в конструкции социальной реальности, мы обратились к серии интервью и рецензиям на фильм, опубликованным в российской и зарубежной прессе. В статье уделяется внимание как универсальным сценариям будущего, так и специфически корейским аспектам модернизации.

Контент-анализ фильма «Поезд в Пусан»

Фильм символично начинается с проверки на дороге и информации о том, что в некой научной лаборатории произошла непонятного рода утечка. Водитель грузовичка, выражая недовольство постоянными проверками, пытается ответить по телефону и сбивает детеныша лося на дороге. Обнаружив это, он тем не менее уезжает. Окровавленный лось поднимается, оживая уже в виде животного-зомби.

После этого разворачиваются основные события фильма, которые были подвергнуты контент-анализу. Для контент-анализа были выбраны такие единицы наблюдения, как главные герои фильма,

количество и содержание ключевых эпизодов с их участием. Обычно еще выделяются хронометраж ключевых эпизодов и общее количество появлений в кадре главных героев, но поскольку фильм «Поезд в Пусан» является триллером-боевиком, отследить хронометраж и общее количество появлений в кадре представляется затруднительным: все герои постоянно мелькают в кадре, спасаясь от зомби или в борьбе с ними.

Подсчитав количество ключевых эпизодов, мы видим, что главным героем фильма является Со Согу, биржевой брокер — успешный и продуктивный. Как водится, он жертвует интересами семьи ради работы и, находясь в разводе, живет с матерью и дочерью. Все так бы и продолжалось, если бы не случилось непредвиденное нападение зомби на людей в поезде. В ходе спасения своей дочери и себя происходит трансформация личности главного героя, переоценка им ценностей и то, что в феноменологической социологии называют «переопределением ситуации». Сначала Согу пытается, пользуясь своим особым статусом, воспользоваться инсайдерской информацией и получить поддержку «своих» на остановке в Тэчжоне. Однако позже инсайдерская информация из того же источника открывает глаза Согу: ему сообщают, что коммерческая деятельность именно их компании привела к катастрофе в стране. Перед лицом смертельной угрозы он осознает, что главной ценностью в его жизни является дочь, и старается спасти ее всеми возможными способами. Когда же он сам оказывается инфицированным, перед его глазами всплывают картины новорожденной дочери и он испытывает самое обычное человеческое счастье.

Антиподами Согу выступают отрицательный персонаж Ёнсок и положительный герой Санхва. Санхва, терпеливо ухаживающий за своей капризной беременной женой Сонгён, проявляет себя как отважный герой, помогает не только жене, но и остальным пассажирам, включая Согу и его дочь Суан. Он отважно бьется с зомби, без конца прикрывая других людей. У этого героя нет моральной дилеммы — он является, хотя и простоватым, но, бесспорно, сугубо положительным персонажем. В противоположность ему изображен директор компании Ёнсок, который до самого конца спасает самого себя, при этом постоянно получает инсайдерскую информацию и отдает приказы

начальнику поезда не дожидаться остальных людей, срочно уезжать. Он буквально «идет по головам», бросая на растерзание зомби других героев фильма: проводника, девушку-чирлидера бейсбольной команды и, наконец, самого начальника поезда. Нетрудно заметить собирательность образов главных героев: на одном полюсе мы видим реакцию на случившуюся чрезвычайную ситуацию со стороны представителей базовых, ничем не приметных в обычной жизни слоев общества (простых работяг и служащих), а на другом — поведение избранных (чиновников и высокопоставленных руководителей).

Остальные персонажи фильма — молодые бейсболисты, бездомный, две пожилые женщины — изображаются в фильме, скорее, как социальные типажи, дополняющие предыдущих героев и замыкающие галерею социальной стратификации современного общества.

Ён Санхо, отвечая на вопрос, почему фильм стал таким популярным, говорит, что он пытался объединить в своей ленте такие экстраординарные элементы, как зомби, с самыми обычными людьми из привычной нам жизни во всем их многообразии — разных возрастов, полов, социальных статусов. Он хотел нарисовать портрет современного общества [«Busan» Director…, 2016]. При этом режиссер держит моральный нейтралитет, упоминая о том, что он не намеревался изобразить Согу или Санхва героями, а Ёнсока — дьяволом. Просто первые спасали своих родных, а второй боялся погибнуть, помогая другим. Режиссер стремился высветить поведение обычных людей в чрезвычайных, нестандартных ситуациях.

Спастись удается только представителям будущего поколения — Суан и Сонгён, которая вот-вот родит ребенка. Завершая таким образом свой фильм, режиссер как бы отдает будущее следующим поколениям. Он ставит центральный вопрос своей картины: какое будущее мы передаем нашим детям?

Характеризуя сюжетные линии фильма, невозможно упустить еще два важных персонажа. Это сами зомби, наводнение которых, бесспорно, лидирует по числу эпизодов картины, и новостная информация, поступающая от официальных властей по телевидению и в виде обращений к пассажирам.

После просмотра картины становится очевидным, что для режиссера отношения между персонажами гораздо важнее тематики

зомби, которые лишь олицетворяют любую опасность, угрозу в современном мире. Вместе с тем Ён Санхо довольно сильно сконцентрирован на детальном изображении зомби — того, как они выглядят, двигаются, как изменяются выражения их лиц и глаз. Стоит отметить, что многие российские и зарубежные критики обратили внимание на высокий профессионализм в изображении зомби (см., например, [Трофименко, 2016]). Все это, несомненно, сделало фильм привлекательным для обычных зрителей и способствовало кассовому успеху.

Особая тема в фильме — новости и информация официальных органов власти. Реальность нынешнего времени такова, что подлинные события далеко не всегда соответствуют новостной повестке дня. Мы переполнены информацией, которая противоречит сама себе. В фильме «Поезд в Пусан» один раз с экрана мы слышим, что в городе происходят вспышки насилия, но военные принимают меры для наведения порядка. В другой раз оказывается, что ряд провинций захлестнула волна насилия, бунтовщики пытались уничтожить государственное имущество, введен режим чрезвычайного положения. Потом были объявления о ликвидации основных очагов насилия, просьбы сохранять спокойствие и довериться правительству. Кроме того, пассажиры поезда были дезинформированы, когда им сказали, что в Тэчжоне правительство контролирует ситуацию и всем следует выходить. А между тем Согу получил инсайдерские сведения о том, что вышедшие из поезда отправятся на карантин. Тема информационной коммуникации представляется чрезвычайно актуальной для оценки данного фильма и отчасти помогает объяснить его кассовый успех: правительство в нем изображается саркастически, поскольку не может справиться с текущими событиями. Вместе с тем трактовать новостную повестку в фильме, несомненно, можно и в более широком ключе: буквально во всех обществах сегодня мы наблюдаем идейную разрозненность информационных источников, формирующих практически параноидальную картину происходящего в сознании обычных людей, которые, не доверяя официальным источникам информации, действуют в соответствии со своими представлениями и ценностями. Вместе с тем сам факт возможности протестных движений за отставку президента в слу-

чае нарушений закона и превышения полномочий явно свидетельствует о достаточно крепком демократическом фундаменте современного южнокорейского общества.

Дискурс будущего в киноискусстве и социологии

Жанр фильмов о конце света не нов в мировом кинематографе, художественной литературе, компьютерных играх и всегда является своего рода предсказанием будущего, часто неминуемого и трагического. Распространены такие сюжеты апокалиптического кино, как:

— инопланетное вторжение («Война миров», «День независимости», «Звездные войны», мультсериал «Трансформеры», «Пятый элемент»);

— вытеснение человека живыми существами иного вида («Власть огня», «Планета обезьян», «Крысы: Ночь ужаса», «Паразит»);

— вирусы, эпидемии, пандемии («Земля мертвых», «Танец мертвых», «Я легенда», «Обитель зла»);

— взбунтовавшийся искусственный разум («Матрица», «Терминатор», «Крикуны», «Стальной рассвет», «Киборг»);

— ядерная война («Безумный Макс — 2, 3», «Почтальон», «Хроника мутантов», «На последнем берегу», «Новые амазонки»);

— природные катаклизмы («Астероид», «Армагеддон», «Ночь кометы», «Когда наступит конец света», «Долгая зима», «День катастрофы», «После апокалипсиса») и др.

В целом, обобщая тематику этого жанра, можно обозначить следующие сюжетные направления: а) природные, «естественные» катаклизмы; б) техногенные катастрофы, вмешательство человека в законы природы; в) вмешательство внешней, чаще всего разумной, силы [Порядин, 2009].

Апокалипсис в обыденном смысле, понимаемый как процесс крушения мира, конец света, нашел отражение в сказаниях, легендах и мифах разных народов мира. В них даются разнообразные описания того, как мир исчезнет, будет проглочен, сгорит, замерзнет, утонет или будет уничтожен другими способами. Существует множество научных и религиозных гипотез о конце света. То, что в прошлых столетиях рассматривалось в качестве причин апокалипсиса, потеряло свое значение, но появились новые способы и средства выражения этой идеи.

Мы считаем уместным обратиться к теориям и идеям современных социологов для того, чтобы представить их видение будущего и того, насколько оно перекликается с изображением будущего в современных формах искусства, прежде всего в кинематографе.

Основная масса социологических исследований проводится как описание и объяснение настоящего — социальных явлений, наблюдаемых в режиме «здесь и сейчас». Однако объект и предмет социологии диахронны: объектом социологии является настоящее, но ее предметом — будущее. В отличие от современной футурологии, сосредоточенной на технологических перспективах человечества, на (пост)человеческой генетике и демографии, климате и экологии, а в последнее время и космологии, предметом социологии является не столько судьба человечества, сколько социальное будущее: актуальные в долгосрочной перспективе социальные структуры и способы социального взаимодействия [Иванов, Асочаков, 2016].

В июле 2016 г. в Вене состоялся форум Международной социологической ассоциации (ISA), посвященный теме «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир». В концентрированном виде ключевая идея мероприятия была выражена в программном докладе президента форума Маркуса Шульца. В основу его доклада были положены идеи из статьи, в которой он утверждает, что социология изначально была движима коллективной рефлексией возможности изменений и сейчас в условиях глобальных трендов и подъема новых социальных движений должна от объективистского видения на основе детерминизма и «экспертократии» перейти к вовлеченности в публичные дебаты и ориентации на «открытое и оспариваемое» будущее [Shulz, 2016].

Социальное будущее как предмет изучения в социологии последних лет представлено в форме концептуализации рисков и социального хаоса. К примеру, немецкий социолог У. Бек связал концепцию риска с этапами модернизации общества. Согласно его теории, первая, простая модернизация была связана с риском детрадиционализации и становлением новых для того времени институтов индустриального общества. Вторая волна рефлексивной модернизации, наступившая примерно в 1960-е годы, привела к обнаружению «побочных эффектов» экономического прогресса в виде угрозы ядерной

войны, терроризма, загрязнения окружающей среды, глобального потепления, глобальных болезней типа СПИДа, коровьего бешенства, а теперь и коронавирусной пандемии. Современное развитие связано с рисками индивидуализации, пересмотром гендерных отношений и глобальными экономическими рисками. Последние связаны с тем, что технологические достижения, роботизация и компьютеризация ведут к вымещению человека из сферы труда, переводу его на гибкие формы занятости с низкой зарплатой и отсутствием социальных гарантий. Если главной ценностью индустриального общества было равенство, то в современном обществе ею становится безопасность: люди видят, что государство не способно справиться с новыми угрозами, и начинают самостоятельно искать способы управления рисками своей жизни [Beck, 1999; Beck, 2000; Beck, Beck-Gernsheim, 2002].

Концепция общества риска У. Бека перекликается с событиями фильма «Поезд в Пусан», где неизвестного рода инфекция проникла за пределы научной лаборатории и привела к превращению людей в зомби. В этих условиях каждому пассажиру, оказавшемуся в поезде, пришлось самостоятельно искать выход из сложившейся ситуации и спасение от зомби. На фоне элементов фантастической развлекательности и удержания зрительского внимания острым, захватывающим сюжетом Ён Санхо поднимает актуальные политико-идеологические проблемы, связанные как с выживанием человечества, так и с личной безопасностью отдельно взятого человека и его близких. И в этом тоже можно обнаружить секрет популярности фильма, в котором показываются ситуации, вызывающие тревогу у каждого зрителя. Один из российских кинокритиков даже гипотетически проводит параллели ситуации в скоростном поезде, следующем из Сеула в Пусан в Корее, со скоростным поездом «Сапсан», регулярно курсирующим из Москвы в Санкт-Петербург в России [Зельвенский, 2016]. В этом смысле фильм «Поезд в Пусан» выполняет важную социальную функцию информирования зрителей о том, как следует себя вести в непредвиденных опасных происшествиях.

Логика исследования социального активизма, открывающего перспективу лучшего будущего, изначально положена в основу движения за «публичную социологию», инициированного М. Буровым

[Burawoy, 2005]. Публичная социология стремится вывести социологию за академические рамки и вовлечь в ее идеи широкую аудиторию. Буравой и другие ученые, продвигающие эти идеи, стремятся подтолкнуть развитие социологической науки в сторону вовлечения в открытые публичные и политические сферы проблематик, связанных с общественной деятельностью, политической активностью, социальными движениями, институтами гражданского общества. Если возможно движение, ассоциируемое с публичной социологией, то оно должно вдохнуть новую жизнь в социологию за счет использования ее эмпирических методов и теоретических идей при обсуждении не только того, что сейчас происходит в обществе, но и того, каким общество могло бы стать. Публичная социология предполагает нормативный подход к анализу и политический характер анализа социальной реальности [Иванов, Асочаков, 2016].

Социальное будущее — это интенсивное настоящее: не все институциональные структуры и паттерны интеракций, которые в настоящем распространены и устойчивы, а только те процессы, что вызывают неустойчивость, подвижность и разрывы в социальной жизни. Поэтому тенденции протеста и вызова наиболее ущемленных в правах групп и структур системе, объективно находясь на периферии социальной жизни и, следовательно, на периферии внимания в исследовании социального настоящего, в изучении социального будущего должны становиться центральным объектом.

Последователи теории социального акционализма в 1970-е годы активно участвовали в деятельности социальных движений, в том числе экстремистских, применяя метод социальной интервенции на практике. Эта же идея, но в менее радикальной форме обнаруживается у М. Буравого и последователей его концепции «публичной социологии», которые обращаются к практикам гражданского активизма и протестных движений, распространившихся в период после глобального экономического кризиса 2008 г. [там же].

Если талантливо сделанное кино, пользуясь простым, доступным обывателям языком, может вовлечь в ареал своего воздействия миллионы зрителей из самых разных стран и заставить их задуматься о важных проблемах современности, то социальные науки ограничены в своих возможностях главным образом университетской ауди-

торией. Вместе с тем искусство кино обретает популярность на пике текущих трендов, политических событий и моды, тогда как продукт социальных наук имеет более продолжительный срок жизни и воздействует на самую интеллектуальную часть общества. Тем не менее публичные дискурсы киноискусства и социальных наук имеют большой потенциал воздействия на так называемое дискурсивное и практическое сознание в современном обществе [Гидденс, 2005] и формирование когнитивных, эмоциональных установок и поведенческих ориентаций миллионов людей в разных странах.

Дискурс будущего капитализма: продуктивность и материальный успех

В одном из интервью режиссер фильма «Поезд в Пусан», отвечая на вопрос о том, почему он оставляет надежду в конце фильма, говорит: «Я не дал очевидной концовки фильма» [«Busan» Director… 2016]. И правда, не совсем понятно, каким образом удалось пусанским военным в камуфляже удержать оборону от наводнивших страну зомби; режиссер предлагает зрителям самостоятельно домыслить финал. Последние выжившие представлены будущим поколением — маленькой девочкой Суан и беременной женщиной, которая должна вот-вот родить ребенка. Развивая главную сюжетную линию картины — отношения между Согу и его дочерью, — Ён Санхо задается вопросом: «Что мы можем передать следующим поколениям? До сих пор мы ценили развитие — экономическое, социальное — в надежде на то, что наши дети будут жить лучше. Однако развитие само по себе в один прекрасный день может остановиться. Даже сегодня можно сказать, что развитие не всегда имеет смысл. В таком случае что же мы все-таки должны передать следующим поколениям?» [ibidem].

В попытке ответить на этот вопрос обратимся к социологическим работам, в которых дается оценка будущего как экономической системы производства и распределения. Капитализм связан прежде всего с целями и идеалами обогащения, и хоть он и является причиной многих бед и несчастий современного общества, все же до сих пор не имеет достойных альтернатив. Анализ будущего капитализма дается, к примеру, в книге «Есть ли будущее у капитализма?» — сборнике статей известных социологов И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна,

Г. Дерлугьяна, К. Калхуна [Есть ли будущее у капитализма, 2015]. Авторы книги стремятся определить, куда движется наша современность, описываемая в терминах «неолиберализм», «постиндустриализм», «постфордизм», «постконсюмеризм» и пр., каковы последствия глобализации общества. Единодушно полагая, что в современных условиях имеет место кризис как в мире в целом, так и в отдельно взятом обществе, социологи по-разному трактуют будущее капитализма.

Так, И. Валлерстайн в статье «Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным?» опирается на традиционную для него посылку, согласно которой капитализм, как и любая другая система, имеет свой срок жизни. Он пишет, что сегодня спор о структуре новой макросистемы разворачивается на основе двух альтернативных идеологий: дух Давоса (по названию Всемирного экономического форума в Давосе, Швейцария) и дух Порту-Алегри (по названию Всемирного социального форума в городе Порту-Алегри, Бразилия). Сторонники духа Давоса предлагают жесткие меры по сохранению прежних капиталистических порядков, вместе с тем в их рядах распространены представления о том, что репрессии не всегда работают в долгосрочной перспективе и нужно совершенствовать капитализм, удобряя его идеями зеленых движений или социальной справедливости. Сторонники духа Порту-Алегри, выступая за идеи равенства и справедливости, тоже не солидарны в своих подходах и делятся на тех, кто развивает дискуссии в направлении консенсуса на основе дискурсов цивилизационного кризиса, а также нерационального обогащения и потребления, и тех, кто открыто призывает к политической борьбе за власть, настаивая на перераспределении всех имеющихся благ и возможностей [Валлерстайн, 2015].

Р. Коллинз в статье «Средний класс без работы: выходы закрываются» характеризует технологическое замещение как новую угрозу капитализму. Если раньше механизация замещала главным образом ручной труд, то сейчас новые технологии способны вытеснить многие профессии и виды занятости людей умственного труда. Автор перечисляет возможные угрозы:

— появление онлайн-магазинов, интернет-изданий и пр. не создает новые рабочие места, а, напротив, вытесняет ранее занятых работников;

— компьютерные технологии позволяют вести бизнес дистанционно из любой точки мира, что влечет за собой усиление конкуренции среди специалистов и менеджеров с современным бизнес-образованием в развитых странах мира;

— финансовые операции в пенсионных фондах, биржевые инвестиции и спекуляции, популярные среди представителей среднего класса, становятся все более рискованными, так как финансовые рынки могут лопнуть в любой момент;

— административная работа на государственной службе также может быть сокращена в три-пять раз и более в условиях кризиса занятости, так как, с одной стороны, растет недовольство владельцев бизнеса высокими налогами, с другой стороны, протестуют безработные и частично занятые, имеющие высокий уровень образования и способные быстро мобилизоваться в случае необходимости организации протестного движения;

— наконец, происходит инфляция дипломов, ценность которых снижается по мере того, как растет количество выпускников вузов (сейчас в университетах учится 60 % молодежи, а в Республике Корея — 80 %). Этот процесс чреват высокой конкуренцией за престижные рабочие места и отчуждением молодежи от официальных стандартов взрослости. Р. Коллинз пишет, что экономика знаний — это миф, а образование в сегодняшних условиях представляет собой скрытое кейнсианство: дешевые кредиты на обучение являются просто механизмом распределения скрытых социальных пособий и государственных дотаций. Согласно автору, возможны разные способы решения данной проблемы: от удешевления образования за счет введения онлайн-курсов до технологического замещения в самой сфере образования и даже массовых выступлений против высоких расходов на образование, как это было в 2010 г. в США [Коллинз, 2015: 64—91].

Социолог отмечает также неравномерность технологического замещения в разных обществах: если в США и Западной Европе технологическое замещение коснется среднего класса, то в Китае, Индии и Бразилии оно не будет столь же глубоким. Кризис капитализма усилится в случае, если он соединится с другими протестными движениями (религиозными, расовыми, этническими) за распределение

официальных должностей и рент, государственное регулирование и доступ этнических групп к ресурсам (позитивная дискриминация).

М. Манн в статье «Конец, может, и близок, только для кого?» высказывает гораздо более оптимистичную точку зрения. Он полагает, что к 2010 г. многие страны справились с кризисом. Среди структур, доказавших свою работоспособность, были корпоративистские «государства развития» вроде Южной Кореи, девелопменталистские экономики Восточной Азии, где идеология неолиберализма не получила значительного распространения, или же страны, где сохранилось строгое регулирование финансового капитала (Канада).

М. Манн полагает, что будущее капитализма будет, скорее всего, «не бурным, а именно скучным» (около одного процента прироста в год) [Манн, 2015: 145], и альтернатив капитализму нет, так как фашизм и коммунизм оказались малоэффективными и непривлекательными, а фундаментализм ратует не за материальное, а за духовное спасение. Поэтому нужен поворот в сторону большего государственного регулирования, обуздания национальных государств, расширения прав граждан. Если этого не произойдет, то действительно наступит катастрофа: относительно привилегированные и богатые государства Севера выстроят крепости «осадного капитализма», «экофашизма» против остального мира, и основным мотивом таких обществ и людей станет злоба [там же: 153].

Режиссера фильма «Поезд в Пусан» можно признать продолжателем социальной проблематики и революционного зомби-дискурса, связанного с модернизацией современного общества.

Вспомним один из первых корейских зомби-фильмов, также затрагивающий проблематику модернизации, — фильм «Пульгасари» (불가사리 — кор., или «пожирающий железо» — в поздней корейской мифологии легендарное животное с туловищем медведя, хоботом слона, глазами и хвостом буйвола, лапами тигра, которое питается железом). Образ Пульгасари в корейском фольклоре стал известен с периода Корё еще в X—XIV веках. Фильм снял южнокорейский режиссер Син Санок в 1985 г. в Северной Корее в жанре фантастического боевика. Син Санок был похищен спецслужбами Северной Кореи по прямому указанию Ким Ченира и долгие годы принудительно работал на пропагандистский кинематограф КНДР. Некоторые ис-

точники впоследствии называли этот фильм «коммунистическим Годзиллой». В фильме «Пульгасари» также изображается прямая аллюзия и критика капитализма как политико-экономической системы, которая вызревает в недрах феодализма и разрушает его из-за неуемного потребления ресурсов. Дополнительной идеологической моралью, выдвигаемой Ким Чениром, который взял под личный контроль весь съемочный процесс, является идея народной революции [Gorenfeld, 2003].

Ён Санхо развивает тему модернизации общества совсем в другом контексте. Если в северокорейском фильме 1985 г. изображена традиционная критика капитализма, то в «Поезде в Пусан» мы видим деятельность крупных транснациональных компаний, финансовых пирамид, которые ведут высокоэффективную деятельность без какой бы то ни было социальной ответственности. Можно в этой связи вспомнить эпизод прозрения главного героя Согу: в то время как кровь пассажиров уже брызжет на стекла вагонов, телевизор вещает о забастовках, переросших в мятеж, и введении военного положения для подавления антигосударственного заговора, его накрывает чувство вины за свои финансовые аферы, поскольку он спекулировал акциями компании, допустившей утечку секретной инфекции, которая превращает корейцев в зомби.

В данном эпизоде вскрывается нарушение социального порядка и законности в современном обществе, на которые обращает внимание британский социолог З. Бауман. Он пишет, что в современном мире некоторые структуры движутся быстрее, например, экономика и бизнес. Транснациональные корпорации в погоне за прибылью развиваются с огромной скоростью и стремятся к полной ликвидации пространственных ограничений (полному преодолению гравитации). И лишь в самых вопиющих случаях корпоративные преступления заканчиваются судом и становятся достоянием общественности [Бауман, 2004]. Тюрьмы же заполнены прежде всего выходцами из низших слоев общества, совершивших так называемые традиционные преступления, такие как, к примеру, безбилетный проезд в поезде бездомного пассажира в анализируемом нами фильме.

Главный герой фильма «Поезд в Пусан» Согу до катастрофы представлял собой типичного высокопоставленного менеджера, в терми-

нологии другого персонажа Санхва — человека, «который привык ходить по головам мелких людишек», «кровопийцу». Именно для таких высокооплачиваемых менеджеров проводит свои тренинговые программы философ-практик Эндрю Таггарт (см. [Taggart, 2018]).

Таггарт ставит вопрос: почему одним из главных кумиров в наши дни является Илон Маск, особенно для тех, кто работает в IT-индустрии? Философ-практик полагает, что ответ на этот вопрос связан с понятием «эра буржуазности», означающим постепенный сдвиг в общественном сознании, начавшийся примерно в XIX веке. «Эра буржуазности» состоит из нескольких стадий.

— Буржуазная парадигма и переоценка ценностей (с начала XIX века). Прежние ценности аристократов — честь, гордость, как и христианские ценности — сострадание и благочестие, ушли. Их стали вытеснять буржуазные ценности — благоразумие, сдержанность, способность заслужить доверие и честность в сделках. Аристократы чтили героев, христиане — святых, буржуа — практичных предпринимателей и более всего — визионеров, таких как Стив Джобс и Илон Маск. Переоценка ценностей привела к тому, что люди стали судить о себе и других по тому, как они зарабатывают на жизнь.

— Общество труда (с 1945 г. по настоящее время). После Второй мировой войны начался другой процесс: постепенное превращение людей в работников, когда работа занимает все большую часть жизни. Период после Второй мировой войны был отмечен экономическим ростом. К примеру, многие американцы, относящиеся к среднему классу, могли позволить себе собственные дома, комфорт и технологические новинки. Они начали отделять досуг от работы и получили возможность спокойно уйти на пенсию. Наблюдая за благополучием родителей, представители «поколения X» (а позднее и «поколения Y») поверили, что их перспективы еще лучше. Формально люди в США сегодня работают меньше, чем в XIX веке: рабочая неделя сократилась с 70 часов в 1830 г. до 40 часов к настоящему времени. Но числа не отражают качественных характеристик работы, которая стала основой нашей социальной идентичности.

— Угроза технологической безработицы (наше возможное будущее). Эта стадия связана с развитием искусственного интеллекта и машинного обучения. Результатом этих процессов может стать без-

работица в транспортной отрасли, производстве, сфере услуг и других областях. Значит ли это, что люди почувствуют себя «бесполезным классом» и в целом бесполезными людьми?

Таггарт пишет, что современные люди находят в личной продуктивности спасение от страдания, счастье или как минимум нечто, что дает им шанс быть счастливыми. Но это иллюзия. Цель продуктивности — сохранение общества труда: отпадет необходимость в труде, и обесценится идея продуктивности.

Кроме того, каждый из нас стремится преодолеть пустоту своей жизни, тот вакуум, который возникает, если его не заполнять работой. Именно поэтому в соцсетях последних лет столь популярен лайфхакинг: легче решать простые задачи, чем отвечать на важные, сложные вопросы, связанные со смыслом нашего бытия. Эти вопросы философские по своей сути: кто я? в чем смысл жизни? Общество труда, с его постоянной занятостью и гонкой за продуктивностью, отвлекает нас от того, чтобы мы задумывались над этими вопросами [ibid.].

Ответы на эти вопросы ищет и по-своему находит режиссер фильма «Поезд в Пусан» Ён Санхо. На наш взгляд, общий посыл фильма Ён Санхо приводит зрителей к идее приоритетов ценностей. Мы видим, как перед лицом смерти герои фильма делают моральный выбор в пользу своих близких: Согу прыгает с поезда, спасая дочь; Санхва погибает в схватке с зомби, выручая свою жену; пожилая женщина добровольно выходит к инфицированной сестре, желая отблагодарить ее в последний раз; Ёнгук отказывается убегать от зомби без своей возлюбленной Чжинхи, предпочитая умереть в ее объятиях; бездомный также приносит свою жизнь в жертву, давая возможность убежать Суан и Сонгён. Даже директор компании Ёнсок в последние минуты жизни вспоминает свое детство и маму, которая, вероятно, любила его больше всех в жизни. Действительно, если верить находкам современных психологов, практически нет таких людей, которые перед лицом смерти думают о том, что мало работали.

Заключение: альтернативные сценарии будущего

Сюжет фильма «Поезд в Пусан» заставляет зрителя вспомнить еще один яркий южнокорейский триллер «Сквозь снег», снятый в 2013 г. режиссером Пон Чжунхо и демонстрирующий жизнь спас-

шихся в поезде после глобального похолодания. В обеих картинах показан (пост)апокалипсис в поезде, но содержательно это пример фильмов-антагонистов [Нечаев, 2016]. В фильме Пон Чжунхо несущийся по обледенелой планете состав представлял метафору человеческого общества — с его социальной несправедливостью и делением на классы. В хвосте состава едут социальные низы, которых фашистская диктатура кормит белковой биомассой из переработанных жуков и при каждом удобном случае им напоминают об их месте с помощью системы жестких наказаний. Началась кровавая революция с постепенным продвижением униженных и оскорбленных к паровозу. И тем не менее фильм «Сквозь снег» только поначалу кажется картиной с левым уклоном и стремлением к справедливости путем революции. В финале фильма все переворачивается с ног на голову. Оказывается, что система сама запланировала кровавый бунт с целью уменьшить избыточную с точки зрения жизнеобеспечения численность пассажиров. Создатели «Сквозь снег» с явным скепсисом относятся как к революционному пафосу, так и к возможности позитивного сценария выживания человечества.

В фильме «Поезд в Пусан» причины зомби-апокалипсиса прямо не называются, но по репликам можно понять, что виноваты в нем именно «акулы капитализма», которые ради наживы были готовы пожертвовать интересами и безопасностью общества, финансируя опасные научные разработки. Режиссер настойчиво проговаривает магистральную мысль произведения — выжить и победить можно, только сплотившись и забыв об эгоистических устремлениях. Помогает проиллюстрировать посыл почти карикатурный злодей Ёнсок — бизнесмен со связями, буквально готовый идти по трупам, чтобы остаться в живых.

К концу фильма «Поезд в Пусан» мы видим, что после смерти главного героя Согу в живых остаются только его дочь Суан и беременная Сонгён. Локомотив, в котором они остались вдвоем, мчится по зеленым полям и лесам. В кадре мы видим цветущую красоту, наполненную жизнью. На путях защитные сооружения. Локомотив останавливается, обе героини идут через тоннель, через груды трупов и костры. Город охраняют военные, которые сначала получили приказ ликвидировать Суан и Сонгён, но потом, услышав детское

пение Суан, приняли решение спасти их. Раздалась команда: «Прикрыть их!». В этих простых словах слышно тепло человеческого разума, действующего не как запрограммированная машина, а полагаясь на чувства и эмоции. И хотя мы не знаем, удастся ли в конце концов Пусану устоять в схватке с зомби, но благодаря создателям фильма зрителям дается надежда на спасение, победу добра и здравого смысла.

Таким образом, мы становимся свидетелями двух возможных исходов в корейских фильмах о конце света. В обеих картинах выжили, по сути, только дети, которые принимают эстафету от взрослых. Какое будущее их ждет? В первой ленте «Сквозь снег» — смерть среди снегов и белых медведей. Во второй — надежда на воссоединение с людьми и встречу с матерью. И их путь к надежде, лучшему будущему, как мы видели, неочевиден. Вовсе не обязательно, что он будет связан с безответственным капитализмом или, наоборот, с революциями и гибелью капиталистического устройства общества. Однако в любом случае будущее, согласно как социологическим концепциям, так и идейному замыслу режиссера Ён Санхо, должно быть связано с активными коллективными действиями людей в направлении создания справедливого и безопасного общества. В терминах Ю. Хабермаса, «новые технологии вынуждают нас вести публичный дискурс о правильном понимании культурной формы жизни как таковой. И у философов больше нет никаких благовидных предлогов отдавать предмет этой дискуссии на откуп представителям биологических наук и вдохновленных научной фантастикой инженеров» [Хабермас, 2002: 26].

Список литературы

Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005.

Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 23—60.

Долин А. «Поезд в Пусан»: социальная притча о зомби-апокалипсисе // Вести FM. 2016. 24 ноября. URL: https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1436393/.

Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

Зельвенский С. «Поезд в Пусан» — корейский блокбастер о зомби-апокалипсисе // Афиша Daily. 2016. 25 ноября. URL: https://daily.afisha.ru/cinema/3724-poezd-v-pusan-koreyskiy-blokbaster-pro-zombi-apokalipsis/.

Иванов Д., Асочаков Ю. Будущее как предмет социологии // Телескоп. 2016. № 3 (117). С. 15—21.

Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 61—112.

Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? Сб. Статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 113—155.

Нечаев А. Левый марш. Новое нашествие зомби в южнокорейском триллере «Поезд в Пусан» // Российская газета. 2016. 28 ноября. № 7138 (270). URL: https://rg.ru/2016/11/28/poezd-v-pusan-stal-samym-kassovym-blokbasterom-v-istorii-iuzhnoj-korei.html.

Порядин И. А. Конец света как мечта, или синдром апокалипсиса // Вестник СамГУ. 2009. № 1 (67). С. 93—100.

Трофименко М. У Кореи прорезались зомби // Коммерсантъ. 2016. 23 ноября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3150089.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002.

Beck U. (1999) World Risk Society. Cambridge: Polity Press.

Beck U. (2000) Brave New World of Work. Cambridge: Polity Press.

Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: Sage.

Burawoy M. (2005) For Public Sociology. *American Sociological Review*. Vol. 70. P. 4—28.

“Busan” Director Reflects on Film’s Wild Ride: Yeon Sang-Ho’s First Live-Action Movie Was a Historic Success — So Why Is He Still Worrying? Korea JoongAng Daily. 2016. August 10. http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3022477.

Gorenfeld J. (2003) Kidnapped by Kim Jong-il: the man who directed the socialist Godzilla. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/film/2003/apr/04/artsfeatures1.

Habermas J. (1986) Autonomy and Solidarity: Interviews. London: Verso.

Schulz M. (2016) Debating Futures: Global Trends, Alternative Visions, and Public Discourse. *International Sociology*. No. 1. P. 3—20.

Taggart A. (2018) We’re All Bourgeois Now: The Story of our 200-year-old Obsession with Personal Productivity. URL: https://medium.com/@andrewjtaggart/were-all-bourgeois-now-the-story-of-our-200-year-old-obsession-with-personal-productivity-e178bbce766b.

ГЛАВА 14. ВИРУС МОДЕРНИЗАЦИИ В КОРЕЙСКОМ АРТХАУСЕ: «ЖАЖДА»

Аннотация. Южнокорейский кинематограф уверенно встроился в глобальную киноиндустрию и получает высшие награды на мировых кинофестивалях. Начиная с 2000-х годов южнокорейские режиссеры покидают ниши «азиатского экстрима» и «региональной экзотики». Этого удалось добиться благодаря фильмам режиссеров «второй новой волны» корейского кинематографа. Их уникальным стилем считается сочетание несовместимого — коммерческой успешности и артхаусного содержания. Этих режиссеров объединяет также принадлежность к поколению рожденных в 1960-х годах, переживших последствия модернизации южнокорейского общества. Данную тему режиссеры «новой второй волны» раскрывают через рефлексию о бэкграунде религиозного выбора, гендера, неравенства, насилия, моральной стороны преступления, политического дискурса о демократии.

Авторы представляют социологический анализ фильма «Жажда» Пак Чханука, обозначившего своей главной темой гибридную современную идентичность южнокорейского общества, сложившуюся как далекое эхо разных этапов модернизации. Методологической рамкой исследования выступили концепция медиатизированной религии Стига Хьярварда, дискурс-анализ Нормана Фэркло и качественный контент-анализ. Узловой дискурс фильма Пак Чханука — это поиск ответа на вопрос о том, является ли человеческая жизнь ценностью высшего божественного порядка или каждый человек волен распоряжаться собой и чужой жизнью по своему усмотрению. Авторы показывают, что идентичность режиссер Пак Чханук пытается обнаружить между христианской трансцендентностью благодати и автохтонной включенностью в жизнь, природу, мир. Пак Чханук сталкивает и противопоставляет католические идеологемы в их региональной интерпретации и традиционные корейские представления о чистоте крови, гендерных диспозициях, ценности и смысле человеческой жизни.

Феномен модернизации южнокорейского общества привлекает исследовательское внимание вот уже несколько десятилетий. Анализ социологических и религиоведческих публикаций о современном корейском обществе показывает, что с 1990-х годов рефлексия о неоднозначных и травматичных последствиях модернизации является одной из ключевых тем современного южнокорейского кинематографа. Более того, тема культурной травмы, пережитой поколениями современников догоняющей корейской модернизации, позволила южнокорейскому кинематографу занять уникальную нишу в медиатизированном транснациональном кинематографе.

В истекшие десятилетия южнокорейский кинематограф уверенно встроился в глобальную киноиндустрию — это и совместные проекты корейских и американских кинокомпаний, и успех на площадках международных кинематографических фестивалей, и уверенное освоение классических голливудских жанров блокбастера и триллера. Начиная с 2000-х годов южнокорейские режиссеры покидают ниши «азиатского экстрима» и «региональной экзотики», обращаясь к широкой глобальной аудитории, предпочитающей рефлексивное кино о современности. Это осуществилось благодаря фильмам таких режиссеров, как Пак Чханук, Ким Кидок, Хон Сансу, Лим Сансу [Ahn, 2012: 82—83; Paquet, 2009: 83—91]. В исследовательской литературе их называют представителями южнокорейского кинематографа «второй новой волны», или «нового корейского кинематографа» [Choi, 2010: 38; 165]. Международный успех и всемирное признание стали для них результатом продуманных стратегий экономического и культурного производства продукции, востребованной в глобальной медиатизированной реальности. А стратегии эти выстраивались через рефлексию о достижениях и неудачах культурной продукции режиссеров первой новой волны корейского кинематографа.

Сам феномен новой волны корейского кинематографа принято увязывать с событиями политической и экономической истории Южной Кореи конца 1980-х — начала 1990-х годов. К цепочке ключевых событий принадлежат смена авторитарного политического режима на азиатский тип смешанной демократии, курс на радикальные экономические реформы, значимо сократившие государственное регулирование во всех областях, включая киноиндустрию. Приме-

нительно к кинопроизводству это имело своим следствием отмену государственных квот на создание и распространение кинопродукции, отмену художественно-идеологической цензуры, открытие внутреннего культурного рынка для импорта голливудской продукции. Представителями «новой волны» корейского кинематографа стали бывшие участники протестных студенческих и народных движений 1980-х годов. Они желали реформировать корейскую киноиндустрию, ввести новые экономические стратегии партнерства с зарубежными кинокомпаниями, новые темы, приемы и жанры [Paquet, 2009: 51—52]. В короткие сроки возникли собственные южнокорейские кинокомпании, продюсируемые местными бизнес-группами (*чэболь*). Они превратились в серьезных конкурентов голливудским дочерним компаниям, созданным на территории Южной Кореи. Режиссеры «новой волны» ввели в медиадискурс темы критической ревизии травматичного прошлого Кореи — разделенной страны, вестернизации корейской культуры, экономического неравенства корейского общества, порожденного модернизацией, утраты традиционной корейской уникальности. Их принципиальной художественной инновацией стал «новый реализм», призывающий к социальным изменениям и фокусировавшийся на поиске специфически корейского, традиционного [ibid.: 21—22].

Режиссеры «второй новой волны», в целом наследуя ключевые тематики своих предшественников, сместили акценты с анализа прошлого на рефлексию о современности и будущем Южной Кореи. Пульсирующим нервом их рефлексии стал корейский национализм, формировавшийся в контексте экономического кризиса 1997 г. и в условиях вновь возникшей зависимости Южной Кореи от Международного валютного фонда. Достоин внимания тот факт, что, заимствовав у предшественников тему травматичной, навязанной модернизации, режиссеры «второй новой волны» сами инициировали модернизацию южнокорейской киноиндустрии и кинематографа [ibid.: 62—63]. Их инициатива базировалась на идеологической и экономической поддержке вновь избранного президента Ким Дэчжуна (1997—2003), провозгласившего одним из важных пунктов своей социально-политической доктрины развитие национального искусства. Впервые за десятилетия существования корейского кине-

матографа были выделены государственные гранты на короткометражное и независимое кино, созданы региональные медиацентры, призванные дать образование и техническое обеспечение кинематографистам-любителям, финансирование артхаусных и малобюджетных фильмов и др. [Davis, Yeh, 2008: 21—24].

Режиссеров, чьи яркие успехи на международных кинофестивалях пришлись на 2000-е годы, часто называют «поколением 386». В цифрах числа 386 закодированы смыслы, важные для этого поколения: 3 — в свои 30 лет они смогли осуществить значимые преобразования в южнокорейском кинематографе, 8 — свое образование они получили в 1980-х годах, 6 — родились в 1960-х годах [Choi, 2010: 4]. Кроме того, здесь также присутствует аналогия с процессором Intel 386, позволившим управлять памятью, сделавшим возможными многозадачность и защиту памяти. Режиссеры «поколения 386» одними из первых стали использовать компьютерные и новые медиатехнологии для модернизации национальной киноиндустрии. Принципиальными инновациями стали совместные проекты с крупными западными кинокомпаниями, распространение продукции через интернет, участие в престижных международных кинофестивалях, а также показы фильмов, еще не выпущенных на большой экран, на платформах Netflix, Hulu, YouTube и YesAsia.com [Chung, Diffrient, 2015: 248].

Важной творческой стратегией режиссеров «поколения 386» выступил также отказ от регрессии к концептам режиссеров «первой новой волны». Они сделали ставку на включение идеологем корейской культуры, ее мировоззренческих дилемм в популярные и коммерчески успешные жанры голливудского кино нарратива [Shin, 2005: 57]. Актуальные проблемы южнокорейской современности они препарировали в жанровых нишах блокбастера и триллера [Choi, 2010: 38; Ahn, 2012: 64—65]. Корейскому кино, таким образом, удалось выйти из узкой рамки локального кинематографа. Более того, южнокорейские режиссеры оказали значимое влияние на преобразование западных национальных жанров блокбастера и фильма ужасов. Модели и контенты реальности южнокорейского кино активно заимствуются известными режиссерами западной киноиндустрии [Smith, 2013: 196].

По мнению известной корейской исследовательницы новых медиа и кинематографа, социологу Ок Херён, в транснациональный жанр блокбастера и триллера режиссеры «поколения 386» вложили свой травматичный опыт проживания современной истории Кореи. Она подчеркивает, что южнокорейские блокбастеры и триллеры, безусловно, произвели голливудизацию национального кинематографа. Вместе с тем они стали своего рода корейским ответом Голливуду, поскольку импортировали в глобальные кинопотоки собственную локальную идентичность новой региональной силы. Южнокорейские триллеры и блокбастеры — это «гибридные тексты», воплощающие конфликтные столкновения и диалоги между локальным и глобальным, национальным и универсальным. Они содержат рефлексию о национальной корейской идентичности, о будущем разделенной Кореи, об актуальных и острых социальных проблемах южнокорейского общества [Ok, 2009: 37—40]. По мнению многих исследователей, корейский блокбастер стал инструментом противостояния гомогенизирующей тенденции модернизации, привнесенной голливудским доминированием. Блокбастер как глобальный жанр получил в южнокорейском исполнении новое партикулярное звучание — он превратился в дискурс о корейской идентичности и национальном самосознании разделенного народа, современной культуре и т. п. [Kim, 2005: 13—15].

Уникальным стилем режиссеров «поколения 386» считается сочетание, казалось бы, несовместимых характеристик — коммерческой успешности голливудского размаха и сложного рефлексивного содержания, увязываемого обычно с артхаусным кинематографом. Центральной темой фильмов «второй новой волны» стало осмысление социокультурной идентичности современной Южной Кореи. Свое проникновение в эту тему режиссеры осуществляют путем препарирования остро актуальных для современного южнокорейского социума тем — религиозного выбора, гендера, экономического неравенства, разделенной Кореи, насилия, моральной стороны преступления, общественного дискурса о политической власти.

В данной главе будет рассмотрен фильм «Жажда», представляющийся нам весьма эксплицитным кейсом кинопродукции «второй новой волны». Этот фильм снят режиссером «поколения 386»; вышел в прокат в начале 2000-х годов; имеет награды авторитетных евро-

пейских кинофестивалей; транслирует медиакоммуникации о религии как способ рефлексии о современной повседневности.

Фильм «Жажда», принадлежащий авторству Пак Чханука, стал первой корейской кинолентой, снятой при участии крупных голливудских компаний Universal Pictures и Focus Features. Кроме того, на Каннском фестивале 2009 г. он получил отдельный приз симпатии жюри. В исследовательской культурологической и социологической литературе произведения Пак Чханука разбираются как примеры транснационализации и глобализации корейского кино. Утверждается, что благодаря фильмам этого режиссера корейский кинематограф не только встроился в транснациональный формат рефлексий искусства об обществе, но и внес значимую лепту в развитие современного киновысказывания голливудских режиссеров [Martin, 2014: 432—437]. Киноленты Пак Чханука вдохновили американских и европейских режиссеров на заимствования и ремейки азиатского кино [Smith, 2013: 196].

Самыми известными его картинами на Западе и в России считаются фильмы, вошедшие в «трилогию мести» (термин самого режиссера), — «Сочувствие господину Месть» (2002), нашумевший в российской зрительской среде «Олдбой» (2003) и «Сочувствие госпоже Месть» (2005). В каждой из кинолент Пак Чханук исследует темы социального неравенства, свободы выбора, насилия в разных формах его социального проявления.

Одной из главных тем творчества Пак Чханука выступает анализ гибридной идентичности современного южнокорейского общества [Chung, Diffrient, 2015: 165]. Центральным для нашего исследования стал вопрос, как использование идеологем медиатизированной религии, а также средств и логики транснационального кино позволяет Пак Чхануку препарировать культурную и мировоззренческую идентичности современного южнокорейского общества.

Методология и методы исследования

Методологической рамкой нашего исследования выступила комбинация концепции медиатизированной банальной религии Стига Хьярварда, методология критического дискурс-анализа Нормана Фэркло и качественный контент-анализ.

Обращение к концепции Стига Хьярварда продиктовано тем, что его работы задали принципиально новый ракурс рассмотрения процессов медиатизации общества. Отталкиваясь от концепции институтов Энтони Гидденса и концепции медиа Джошуа Мейровица, он предложил рассматривать медиатизацию как процесс социального изменения, в ходе которого социальный институт медиа подчиняет своему образу действия (modus operandi) другие социальные институты. Медиа как канал, язык и среда вторгаются во все сферы общества, изменяют размеры, содержание и способы циркулирования представлений и практик в социуме [Островская, 2018]. Кроме того, именно Хьярвард одним из первых предложил концептуализацию феномена медиатизированной религии.

Концепция «медиатизированной религии» рассматривает, каким образом современные средства массовой информации становятся источниками представлений о религии и потустороннем, новых религиозных идентичностей и сред. Хьярвард одним из первых заявил, что современные медиа формируют религиозное воображение в соответствии с жанрами популярной культуры и перенимают функцию традиционных религий, предлагая всем желающим моральное и духовное руководство и духовную общность [Hjarvard, 2008]. Обсуждая процесс медиатизации религии, Хьярвард предложил говорить о медиатизированной религии — специфическом формате и содержании, в которых различные религии актуализированы в СМИ. Он выделяет три типа медиакоммуникаций о религии: (1) религиозные медиа; (2) журналистика о религии; (3) банальная религия. Каждый из этих типов содержит специфический способ контроля и управления представлениями о религиях в общественном сознании [Островская, 2018: 279—281].

В контексте нашего рассмотрения особого внимания заслуживает третий тип — банальная религия. Согласно Хьярварду, банальная религия — это медиасимбиоз различных символов, образов, практик и действий, произвольно взятых из институциональных религий и простонародных верований, вырванных из контекста и перемешанных друг с другом. Медийная банальная религия расширяет публичное присутствие религий в массовой культуре и повседневной рутине. Ее медиаканалами выступают глянцевые журналы, жел-

тая пресса, радио, телевидение, кинофильмы, а языком являются развлекательные сюжеты и вымышленная драма, транслируемые телепередачами, сериалами, фэнтези-фильмами, блокбастерами и триллерами, компьютерными играми. Представление религиозных символов, смыслов и акторов для медиатизированной религии вторично — оно подчинено ключевым темам и сюжетам передач, игр, фильмов или сериалов. Иными словами, специфика медиатизированной банальной религии в том, что она выступает средством или фоном для высказывания об актуальных темах повседневной жизни или культуры.

В качестве метода изучения мы использовали алгоритм препарирования текста критического дискурс-анализа версии Нормана Фэркло. Этот метод позволяет выявить узловые дискурсы кинонарратива, его интертекстуальность, апелляции к южнокорейскому и европейскому культурным контекстам. Методология Фэркло помогает обнаружить пересечения различных тематик, заимствования и способы создания или транслирования определенных идеологий [Fairclough 2004. Работа с самим кинотекстом проводилась также с использованием контент-анализа, единицами которого стали персонажи нарратива, совместные эпизоды главных героев, хронометраж их совместных эпизодов, редупликация эпизодов.

Узловой дискурс «Жажды»

По своему сюжету фильм «Жажда» позиционируется режиссером как использующий сюжет романа «Тереза Ракен» (1867) французского писателя-натуралиста Эмиля Золя. Основное действие романа разворачивается внутри причудливого семейства, главой которого является вдовствующая госпожа Ракен. В свое время она взяла на воспитание племянницу Терезу, вырастила ее и выдала замуж за своего болезненного сына Камилла. Живут они в Париже, госпожа Ракен вместе с племянницей работают в собственной галантерейной лавке, Камилл служит в управлении железных дорог в Орлеане. Каждый четверг в их доме гости — полицейский комиссар, приятель госпожи Ракен, со своим сыном и коллега Камилла. На одну из таких встреч Камилл приводит своего друга Лорана, поставившего себе цель соблазнить Терезу и завладеть ее деньгами. В фокусе пи-

сательской рефлексии эмоции, страсти, биологически обусловленные мотивации — все те переживания, которые привели к коварному убийству Камилла, совершенному его другом и женой. В данном контексте важно учитывать, что во французской литературе Золя был основоположником экспериментального направления натурализма. Он вдохновлялся идеями французского позитивизма и дарвинизма XIX века. Нравственные метания героев, выходы за рамки социально допустимого трактовались Золя исключительно сквозь призму медицинского материализма — как проявления биологических инстинктов, физиологии психических расстройств и генетического вырождения [Терещенко, 2013: 132]. Писатель предложил литературный эксперимент — препарирование биологических потребностей как главного мотива действий героев. Золя пристально исследует внутренние метания Терезы и Лорана, поженившихся после убийства Камилла. Ведомые страхом разоблачения, они вынашивают уже планы убийства друг друга. Венцом истории становится дуэль Терезы и Лорана и смерть от выпитого яда.

В киноленте «Жажда» события перенесены в современность Южной Кореи, а главным героем является католический священник. Он отправляется в Африку с целью послужить гуманистической цели самопожертвования во благо человечества. В некоей африканской стране имеется лаборатория «Эммануэль», занимающаяся разработкой вакцины против смертоносного вируса, поражающего только одиноких мужчин-миссионеров, европейцев и азиатов. Священнику Санхёну вводят пробную вакцину, он заболевает, подвергается переливанию крови, умирает и воскресает на операционном столе. Окрепнув, он возвращается на родину в Южную Корею — в свой католический монастырь и обязанностям пастора больных на терминальных стадиях. Вскоре, однако, священник Санхён обнаруживает у себя непреодолимую тягу к плотским страстям и человеческой крови. Его чудесное воскрешение трактуется людьми как богоотмеченность, многие просят его о помощи в излечении. В числе таких просителей неожиданно оказывается и некая мадам Ра, умоляющая посетить ее больного раком сына Канъу. Уже в больнице выясняется, что Канъу, его жена Тхэчжу и Санхён дружили когда-то в детстве. Молитва, произнесенная Санхёном, чудес-

ным образом исцеляет Канъу, опухоль исчезает, а священник становится вхожим в дом госпожи Ра. И здесь уже разворачиваются дальнейшие события фильма: любовная страсть между священником Санхёном и Тхэчжу, убийство Канъу, совершаемое священником из ревности, попытки Тхэчжу уйти от вампира-священника, ее инициация в вампиры и дальнейшие убийства. Казалось бы, страшные вампирские страсти — классика жанра триллера. Но вампирские они лишь по медиалогике жанра триллера, предполагающего любовные треугольники, убийства, сосание крови, летания по воздуху и т. п.

Кинолента «Жажда» была аттестована глянцевыми изданиями как «ужастик» и «кино про вампиров» [Kim, 2013: 208—209]. Она стала подлинным испытанием и для зрителя, и для опытных исследователей. В большинстве статей, посвященных научным интерпретациям азиатского кинематографа «второй новой волны», фильм «Жажда» неизменно вызывает самые острые дискуссии. По жанровым характеристикам, используемым символам и медиамодальностям он полностью укладывается в направление фильмов ужасов и в так называемый кинематограф о вампирах. Однако пристальный анализ сюжетных линий и ключевых персонажей подвел исследователей к выводу, что режиссер использует приемы, характерные для жанра триллера, но не следует его содержательным законам. Для Пак Чханука принципиально было поставить под сомнение однозначность ценностных систем — христианской и анимистической [ibid.: 205].

В интервью различным изданиям режиссер подчеркивал, что его фильм «Жажда» лишь по внешней атрибутике может квалифицироваться как вампирский. Тема вампиров используется только как эстетическая форма, в которую он вкладывает собственное содержание — исторический опыт Южной Кореи: борьбу за независимость, католичество как привитую религию — путь, которой можно выбрать неосознанно, а потом осознанно отказаться от него. Это отчетливо звучит в его ответах крупным медиаизданиям. Так, журналисту Guardian, освещавшему в 2009 г. премьеру «Жажды» в кинотеатрах западных стран и желавшему понять главную мысль фильма, Пак Чханук ответил: «В фильме описано, что происходит, когда

подавленная католическая вина достигает автономии. <…> Атмосфера католицизма в Корее сильно отличается от того, как он практикуется и воспринимается в Европе или США. <…> Будучи всегда на переднем крае борьбы с военной диктатурой в Южной Корее, корейский католицизм смог развить в себе черты более либеральной и открытой религии, чем любая другая, и я хочу создать впечатление, что это активная религия, а не бремя, как на Западе. Однажды, когда мне было 16 лет, я осознал, что стать католиком не было моим выбором, и я просто перестал быть им, но я не думаю, что это плохой выбор для кого-то еще» [Hubert, 2009]. В своем интервью 2014 г. крупному изданию Screen Daily режиссер прямо говорит, что «…фильм „Жажда“ не является ни экранизацией „Терезы Ракен“, ни фильмом о вампирах. „Жажда“ апеллирует к моему опыту в Корее в 1980-х годах, когда мы боролись за демократизацию. Я был в колледже, и наши студенческие демонстрации были встречены крайним насилием. Я боялся участвовать тогда. Теперь я исследую насилие в своих фильмах и его связь с любовью, сексуальностью, гневом и страхом» [Merin, 2014].

Основная тема фильма, согласно замыслу Пак Чханука, вовсе не вампиризм, а мировоззренческие дилеммы Южной Кореи. Его интертекстуальность проявляется в использовании дискурсивных формаций, широко известных западной зрительской аудитории: сюжет романа «Тереза Ракен», религиозный выбор, вампирская тематика, неизлечимая смертоносная болезнь (наркомания, ВИЧ), магическое излечение, эмансипация женщин, любовный треугольник. Уже на уровне первичного просмотра со всей очевидностью выступают и компоненты гибридности фильма — католичество соседствует с шаманизмом, вредоносный вирус — с мужчинами-миссионерами, фильм-нуар о вампирах — с нравственной проблематикой католицизма. Нашим следующим шагом в таком многослойном комбо-коктейле смыслов стал качественный контент-анализ текста кинонарратива.

Результаты проведенного контент-анализа представлены в таблице, содержащей ключевые эпизоды с персонажами фильма и их хронометраж.

Имя героя/ символ	Сколько раз появляется в кадре	Сколько ключевых эпизодов	Содержание ключевых эпизодов	Хронометраж ключевых эпизодов
Священник Санхён	75	8	Исповедует и наставляет медсестру против греха самоубийства.	4:25—5:18
			Исповедуется аббату и пьет его кровь.	32:20—33:37
			Встреча с Тхэчжу и любовная сцена в магазине «счастливый ханбок».	34:25—40:13
			Объяснение с Тхэчжу в пасхальное воскресенье и любовная сцена с ней в больничной палате.	42:29—50:42
			Отказывается от своей веры католического священника.	1:00:36—1:02:08
			Исповедуется аббату Ро в своем падении и убивает аббата.	1:10:53—1:14:05
			Объяснение с Тхэчжу в присутствии мадам Ра, убивает и воскрешает Тхэчжу.	1:23:45—1:35:42
			Драка и объяснение с Тхэчжу, самоубийство.	2:00:44—2:09:43
Невестка Тхэчжу	57	5	Встреча с Санхёном и любовная сцена в магазине «Счастье».	34:25—40:13
			Объяснение с Санхёном в пасхальное воскресенье и любовная сцена с ним в больничной палате.	42:29—50:42
			Объяснение с Санхёном в присутствии мадам Ра, отказ от любви к Санхёну, гибель и воскрешение.	1:23:45—1:35:42
			Убивает друзей и пьет их кровь.	1:45:09—1:52:27
			Драка и объяснение с Санхёном, сгорает на солнце.	2:00:44—2:09:43
Госпожа Ра	34	3	В онкоцентре просит Санхёна помолиться за своего сына Канъу.	13:47—13:52
			Обвиняет Санхёна и Тхэчжу в убийстве Канъу.	1:45:09—1:52:27
			Наблюдает драку и смерть убийц сына — Санхёна и Тхэчжу.	2:00:44—2:09:43

Имя героя/ символ	Сколько раз появляется в кадре	Сколько ключевых эпизодов	Содержание ключевых эпизодов	Хронометраж ключевых эпизодов
Кровь	32	4	Зараженная вирусом кровь льется из флейты.	10:39
			Переливание крови в лаборатории.	11:12—12:00
			В церковной чаше для причастия.	16:02—16:06
			Зараженная кровь льется из флейты, вампирская кровь звучит отовсюду.	23:12—24:24
Сын Канъу	21	1	Узнает в священнике друга детства Санхёна.	14:15—14:17
Друзья	8	2	Играют в маджонг за столом в кухне, знакомство.	18:24—21:48
			Играют за столом в маджонг, разоблачают Санхёна и Тхэчжу в убийстве Канъу.	1:45:09—1:52:27
Аббат Ро	5	4	Запрещает Санхёну ехать в Африку, исповедует его.	5:20—6:19
			Исповедует Санхёна и дает ему выпить своей крови.	32:20—33:37
			Просит Санхёна поделиться своей вампирской кровью в обмен на прощение грехов.	1:00:36—1:02:08
			Упрекает Санхёна и обещает исповедать в обмен на его кровь.	1:10:53—1:14:05
Больной толстяк Хёсон	5	2	Рассказывает Санхёну про пирог для нищенок.	1:37—3:15
			Лежит в коме, когда Санхён пьет его кровь.	28:10—29:40

На этапе подсчета числа появлений персонажей в кадре становится очевидно, что в фильме «Жажда» четыре главных героя — пастор Санхён (75 раз), невестка Тхэчжу (57), мадам Ра (34) и кровь (33). Они лидируют по количеству появлений в кадре, представлены во всех совместных эпизодах, маркированы музыкой, длинными диалогами и удвоенными эпизодами. Последовательный контент-анализ кинотекста выявляет наличие в нем эпизодов-дубликатов. Итак, удвоенные эпизоды следующие: Санхён исповедует и наставляет медсестру против греха самоубийства (4:25—5:18) — Санхён

объясняет Тхэчжу свое решение убить ее и себя; Санхён просит у аббата благословения на поездку в Африку (5:20—6:19) — Санхён просит у аббата исповеди взамен на кровь (1:10:53—1:14:05); зараженная вирусом кровь хлещет из флейты (10:39) — зараженная кровь вытекает из флейты, вампирская кровь звучит отовсюду (23:12—24:24); Тхэчжу летает по воздуху в объятиях Санхёна около больницы (56:31—58:30) — Санхён и Тхэчжу летают порознь (1:39:26—1:42:17); игра всех ключевых героев за столом в маджонг в первой (18:24—21:48) и в финальной частях фильма (1:45:09—1:52:27).

Сравнительный анализ совместного присутствия главных героев в удвоенных эпизодах и в эпизодах, маркированных музыкой и диалогами, позволил выявить наиболее протяженные по хронометражу сцены. К таковым принадлежат: встреча Санхёна и Тхэчжу внутри магазина «Счастливый ханбок», их объяснение и любовная сцена (6 минут); Тхэчжу приходит в пасхальное воскресение к Санхёну, их любовная сцена в реанимации рядом с толстяком Хёсоном (8 минут); сцена дня рождения госпожи Ра, драка, Санхён убивает и воскрешает Тхэчжу (12 минут); вся компания за столом играет в маджонг, мадам Ра привлекает их внимание и разоблачает убийц сына (7 минут); финальная сцена на обрыве над морем — противоборство Санхёна и Тхэчжу, не желающей умирать, их гибель (9 минут).

Анализ данных по кинонарративу, полученных с помощью контент-анализа, позволяет утверждать, что Пак Чханук значимо переработал изначальный узловой дискурс и сюжет романа «Тереза Ракэн». В пользу этого свидетельствуют и перестановка акцентов внутри композиции главных героев, и сдвиг семантического акцента в анализе. В фильме «Жажда» ключевым героем становится мужчина, проходящий в течение киноповествования биографическую эволюцию от примерного католического священника, окормляющего больных на терминальных стадиях, до вампира, питающегося кровью пациентов больницы, убивающего из ревности мужа своей возлюбленной и совершающего в конце концов самоубийство. Его парным персонажем является отнюдь не главная героиня, возлюбленная Тхэчжу, а животворящая/смертоносная субстанция — кровь. В большинстве кадров, в которых появляется священник Санхён, кровь присутствует либо как символическая субстанция, либо как

буквальная материальная субстанция, либо как посредник жизни или как знак смерти.

С первых минут фильма Пак Чханук обозначает узловой дискурс своего кинонарратива — является ли человеческая жизнь ценностью высшего божественного порядка или каждый человек волен распоряжаться собой и чужой жизнью по своему усмотрению? В пользу этого свидетельствует прежде всего зеркальная композиция фильма. В инициальном эпизоде священник Санхён исповедует и наставляет медсестру онкологического центра, верующую католичку, против греха самоубийства. В следующих эпизодах он вновь получает вопрос о самоубийстве, который перед ним ставят в лаборатории прежде, чем допустить его к эксперименту. В финальном эпизоде Санхён-вампир объясняет возлюбленной Тхэчжу необходимость самоубийства и свое решение расстаться с жизнью. Сквозь весь фильм звучат разные ответы на этот вопрос. Однако ни один из ответов не является правильным или исключающим другие. Амбивалентность присуща всем ключевым персонажам кинонарратива, и прежде всего Санхёну.

Вернувшись к жизни благодаря переливанию крови, священник обретает сверхспособности — сверхслух, умение летать, сверхсилу, связь со всеми живыми существами. Причиной этих вновь открывшихся способностей оказывается кровь вампира, перелитая ему во время процедур реанимации. И здесь Пак Чханук не идет в классической канве вампирских фильмов — его герой не превращается во вновь рожденное бессмертное существо, вампира, отрекшегося от своей предшествующий биографии. Санхён в течение долгого времени пытается совместить свою христианскую веру, обязанности католического священника и новые потребности собственного тела, жаждущего человеческой крови. В различных эпизодах Пак Чханук противопоставляет кровь как символ единства верующих во Христе и кровь как жизненную материальную субстанцию, дающую жизнь человеческим существам.

В «Жажде» заражение вампирской кровью осуществляется в результате реанимационных процедур. Здесь нет ни мировоззренческого выбора, ни свободы индивидуального выбора. Недобровольный, но безвозвратный выход из прежней системы социальных

связей — символической «христианской семьи», письма к которой адресовал Санхён во время поездки в Африку, происходит мгновенно. И дальше разворачивается драма схизмы и двойственности, в которых главный герой мечется между своим религиозным предназначением, избранным еще в детстве, и вновь обретенным чувством собственного тела, связи с миром всего живого. В фильме имеется единственный эпизод с евхаристией, когда Санхён, уже будучи вампиром, служит во время ординарной мессы в госпитале и держит в руках потир (ритуальную чашу с Кровью Христовой). По замыслу Пак Чханука в потире — красное вино, что выводит зрителя на прямую ассоциацию с кровью. Кровь в потире, который держит в руках священник Санхён, символизирует единство верующих во Христе, их родство по вере. Интертекстуальность отчетливо прослеживается в эпизоде переливания крови, дающего отсылку к множественным дискурсам западных и азиатских культур о крови как связи с высшими существами и семейном наследовании, о кровнородственных отношениях, о запрете на кровосмешение в традициях некоторых народов и религий. Однако Пак Чханука занимают отнюдь не эти дискурсивные формации, а противопоставление крови животворящей материальной субстанции, данной по факту рождения, и крови как символа духовного единства и принадлежности к христианскому социуму.

И действительно, кровь является кросскультурной антропологической универсалией, рефлексии о которой мы обнаруживаем и в мифологических сюжетах, и в повседневных стереотипах и смысловых конструктах, и в христианской догматике. Так, почитаемые католиками Святые Дары — это Тело и Кровь Христа, в которые пресуществляются хлеб и вино во время Евхаристии по молитве священника, повторяющего слова Христа, произнесенные на Тайной Вечере. В Католической церкви в латинском обряде для Евхаристии традиционно используется белое сухое вино, хотя красное не запрещено. С доктринально-мировоззренческой точки зрения важно, что одно формальное принятие Крови Христа в причастии не делает «автоматически» христианином. В этом смысле невозможно «заражение» Кровью Христа, как в фильме происходит заражение кровью вампира. Качества, которые проявляются через веру причащающего-

ся, также не придают ему «сверхъестественных» сил — дополнительной силы, возможности летать и т. д. Без веры и своей воли человек не станет частью Тела Христова, даже если он причастится.

Детальный анализ ключевых эпизодов крови позволяет обрести доступ к режиссерским ключевым смыслам. Зараженная смертоносным вирусом кровь, хлещущая из флейты, прекращает навсегда единственный в фильме музыкальный сюжет — арию «Повелительница милосердия» из «Страстей по Матфею» И.-С. Баха. Взамен духовной музыки в реальности главного героя теперь только звуки органики энтропийного мира — шуршание насекомых и листвы, шум улицы, смех монашеской братии, жизнедеятельность собственного тела и проч. Вампирская кровь дала ему новую жизнь, сделала его включенным в природный мир, наделила слухом и физическими возможностями хищника, питающегося кровью и плотью себе подобных. И здесь Пак Чханук вводит еще одно противопоставление — религиозные ценности и смыслы, привнесенные в корейскую культуру.

Фигуры священника и вампира, занимающие важное место в фильме, есть порождение западной, европейской культуры. Они представляют «чужое» измерение западного христианского мира. Это в европейской культуре вампир является антиподом священника. Вампир как дискурсивная формация не принадлежит к корейской культурной или кинематографической традиции, но ассоциируется со злыми духами, тела которых изгоняют даосские экзорцисты и шаманы [Coppola, Lee, 2015: 151]. Таким образом, процесс интерсеминации повествования в кинонарративе «Жажды» основан на отношениях тела и разума. Отождествление крови с жизнью (животворящей силой), необходимое для понимания вампиризма в западной традиции, работает в Корее хуже. В корейской культуре жизнь в большей степени увязывается с дыханием, нежели с кровью [ibid.: 143], однако вампир в корейском контексте имеет в качестве атрибутов силу, бессмертие и сверхчеловеческую чувствительность, которые связывают его с фигурой шамана-даоса.

Используя средства кинематографа как медиа, Пак Чханук банализирует католичество и роль католического священника. Христианские ценности и мировоззрение интересуют режиссера не сами по себе, а только как составляющая гибридной идентичности совре-

менного корейского общества. Католичество профанируется через инструментальное использование католической духовной символики, таинств для дискурса об амбивалентности индивидуального выбора и его возможных контекстов. Пак Чханук показывает амбивалентность корейского католичества как мировоззренческой системы. Это совершенно отчетливо прослеживается не только в эпизодах противопоставления образа священника и вампира, крови как материальной и символической субстанции, но и в отношениях Санхёна со своим духовным отцом — аббатом Ро.

Аббат Ро оказывает прямое воздействие на Санхёна — каждая из вех его духовного преобразования маркирована в фильме объяснением-встречей с исповедником. Еще до перевоплощения священника в вампира Пак Чханук вводит дискурс о противопоставлении христианских ценностей жизненным ценностям. Санхён просит разрешения поехать в лабораторию с гуманистической целью принести себя в жертву во благо человечества. Однако его духовник, аббат Ро, ставит под сомнение его мотивацию и цель. Он упрекает Санхёна в эгоистичности решения стать священником, а не врачом, который мог бы излечить аббата от слепоты.

В ходе следующих встреч все более очевидными и все менее приемлемыми становятся слабости аббата Ро. Настоятель пьет вино из бокала, постоянно подливая из бутылки, спрятанной в кресле. Здесь режиссер банализирует католического аббата, показывая его как бытового пьяницу. Порочное тривиальное поведение священника, который всегда может раздобыть лишнюю бутылку вина из ризницы. Вино само по себе вне мессы не является Кровью Христа до того момента, когда оно становится Кровью во время Евхаристии. После причастия на Мессе Кровь полностью потребляется священником, хотя Причастие — Тело Христово — в виде Хлеба может храниться для причастия верующих в дарохранительнице. Это «неправильное» использование вина идет в кинонарративе в зеркальной синхронии с навязчивым до одержимости желанием аббата Ро прозреть.

В трех совместных эпизодах аббата и Санхёна режиссер предлагает зрителю сопоставить ценности высшего смысла с ценностью жизни в ее полноте. В первой исповеди до поездки в Африку аббат

Ро говорит Санхёну: «Я хотел, чтобы ты стал офтальмологом и вернул мне зрение». Во второй: «Сотвори чудо, чтобы я увидел солнечный свет». В третьей он уже требует дать ему кровь, чтобы самому стать вампиром, пытается завладеть этой кровью, пусть даже случайно ее коснувшись. В сцене последней исповеди Санхён не имел намерения убить старого священника, напротив, он исповедуется в убийстве. Торг «кровь за прощение грехов» преподносится режиссером как «неправильное использование» слепым священником своего положения, так как он не имеет права ставить условий для отпущения грехов, тем более корыстно. Исповедь считается действительной при наличии искреннего раскаяния грешника. В конце концов по своей слепоте духовник случайно касается крови Санхёна, которой того рвало во время разрешительной молитвы, пытается ее слизнуть со своей руки. Санхён препятствует этому, убивает старого священника штопором, вскрывает его, как бутылку, и пьет его кровь. И здесь Санхён принимает на себя уже полномочия божественного характера — решать, кому жить, а кому умирать.

Банализация католичества видится нам и в дискурсивной формации Мессии, характерной для католичества, и достаточно вольно трактуемой Пак Чхануком. В фильме звучит молитва, которую произносит священник Санхён перед тем, как ему вводят вакцину, и после констатации его смерти. В третий раз эта молитва звучит уже из уст паломников, живущих в палаточном городке рядом с больницей при монастыре. Текст молитвы, придуманный специально для фильма, частично воспроизводит тексты духовности страдания, посвящения своих страданий Христу, популярного во многие времена и в разных областях мира[44]. Есть несомненная параллель с текстом (Ис. 53:1—3), развивающим тему «муж скорбей» — (Vir dolorum, אִישׁ מַכְאֹבוֹת [иш мах’овот]) — пророческое предсказание об Иисусе Христе, Мессии. Главная мысль пророчества Исайи — добровольное принятие Сыном Божьим человеческого облика со всеми его немощами и символической роли жертвенного агнца. И, если в первой части истории священник Санхён полон скепсиса в отношении открывшихся у него сверхспособностей и своей роли Мессии, то к кон-

[44] В интернете этот текст уже можно найти как «молитву из фильма Жажда».

цу он уже действует в этой роли. Он сам решает, кто из пациентов, находящихся в коме, готов был бы поделиться с ним своей кровью. Санхён не сомневается в своем праве осудить мужа своей возлюбленной, приговорить его к смерти и убить, оправдывая себя тем, что тот избивает Тхэчжу. После долгих колебаний он убивает и Тхэчжу, а затем превращает ее в вампира и в конце истории принуждает к самоубийству.

Две главные женские героини фильма — это госпожа Ра и ее невестка Тхэчжу. Анализ их сюжетных линий и комбинаций с другими главными героями показывает, что они выступают проводниками дискурсивной формации эмансипации женщины в условиях традиционного общества. Через этих героинь Пак Чханук вводит тему мизогинии, весьма характерную для современного южнокорейского общества. Персонаж Тхэчжу выносит в медиапространство дискурсивную формацию насилия, легитимно совершаемого над женщиной в семье — ее подчиненный и бесправный статус относительно мужа и свекрови. Вместе с тем здесь необходимо удержать и рамку традиционных религиозных представлений. Например, южнокорейское конфуцианство в ситуации утраты мужа и наличия у нее профессионального занятия трактовало женщину как главу семейства. Именно эту идеологему воспроизводит героиня мадам Ра, владелица собственного бизнеса и магазина «Счастливый ханбок»[45]. Парализованная инсультом, зависимая от ближайшего окружения, она лишается статуса живого человека, над ней теперь можно совершать насилие и манипуляции.

Диаметрально противоположная перекомпоновка происходит с героиней Тхэчжу, приемной дочерью в семье мадам Ра, взятой из милости, лишенной право голоса, используемой вещно. Каковы условия, при которых женщине в южнокорейском обществе дозволено говорить и дано право выбора? В фильме Пак Чханука ответ гротесковый, с аллюзией на американский крайний феминизм — только в том случае, если она станет женщиной-вамп, позиционирующей мизандрию, ненавидящей и убивающей мужчин. До встречи с Санхёном Тхэчжу безмолвствует. Ночью она бегает босиком

[45] *Ачжума* — немолодая замужняя женщина с активной жизненной позицией, характерная фигура корейского общества, законодатель и исполнитель его принципов.

по улицам города, чтобы не чувствовать себя живой и иметь возможность подчиняться требованиям, предписанным ей традиционной ролью жены и невестки. Но любовь не трактуется как эмансипация — скорее, как новое подчинение другому мужчине. Это отчетливо прорисовано режиссером в сцене совместного полета по воздуху, когда Санхён держит Тхэчжу на руках. Она не обретает способность летать самостоятельно, но может это делать лишь с помощью мужчины. Совсем иная Тхэчжу-вампир. Она переустраивает дом парализованной свекрови, переодевается по стандартам современной моды, сообщает, что будет ходить по дому в туфлях на американский манер.

Санхён и Тхэчжу представляют в фильме противоположные, но дополняющие друг друга дискурсы. Символично сиротство двух главных героев фильма. Сирота Санхён, без рода и племени, волею судеб оказавшийся в католическом приюте и принявший сан священника. Сирота Тхэчжу, выращенная из милости в семье госпожи Ра и безропотно принявшая традиционную роль жены и невестки. По сути оба героя воплощают дискурсы об эмансипации от традиционных религиозных и мировоззренческих систем и рассмотрение их возможных следствий. Эмансипация Санхёна от предписаний католической ценностно-нормативной системы, от уклада церковной традиции имеет своим следствием выпадение из духовной семьи христиан. Свобода от традиции и религии ставит человека перед выбором. Санхён пытается не совершать выбор, что важно для режиссера. Его герой стремится совместить свои обязанности католического священника, свою веру и плотские устремления, познание новой неизвестной территории опыта. Главная героиня принимает любовь за способ освободиться из тенет брака, предполагает, что возможно сочетать любовные отношения и свой социальный статус замужней дамы, живущей в доме свекрови. Она также стремится не совершать выбор. Ее эмансипация от традиционной роли жены осуществляется по модели американской феминистки. Показательны в этой перспективе финальные реплики героев, уже после сцены их битвы и подчинения Тхэчжу требованию Санхёна погибнуть вдвоем. Санхён заключает: «Будем в аду». На это ему вторит Тхэчжу: «Смерть — это конец всего. Было весело, святой отец».

Заключение

Навязанная вестернизация, или догоняющая модернизация по инокультурному образцу, проникшему глубоко в культурные практики, гибридизировавшему эти практики, породила новый импульс для Южной Кореи — импульс вовне. Культурные мутации имели своим следствием формирование собственного типа модернизирующей силы по типу гибридизации. Она сочетает коммерческий успех с артхаусным содержанием, тонкую рефлексию с банализацией и профанизацией сакрального. В своем наиболее презентном виде этот новый тип модернизации представлен в культурном производстве «поколения 368». Кинопродукция режиссеров «второй новой волны» вплетает культурные и религиозные идеологемы в текстуру современности, компонует азиатские и западные культурные смыслы в единое целое. Прикладной анализ кинолент режиссеров «поколения 386» делает доступным для анализа и обсуждения процессы медиатизации и глобализации южнокорейской культуры. В формате обсуждения традиции и инновации внутри киноповествования можно проследить компоненты гибридизации и интертекстуальности современной реальности модернизированного южнокорейского общества.

Список литературы

Островская Е. А. Социология религии. Введение. СПб. : Петербургское востоковедение, 2018.

Терещенко К. С. Синтез литературы и естественно-научных методов в творчестве Э. Золя // Культура народов Причерноморья. 2013. № 259. С. 131—133.

Ahn SooJeong. (2012) The Pusan International Film Festival, South Korean Cinema and Globalization. Hong Kong: Hong Kong University Press.

Choi Jinhee. (2010) The South Korean Film Renaissance: Local Hitmakers, Global Provocateur. Middletown: Wesleyan University Press.

Chung Hye Seung, Diffrient D. (2015) Movie Migrations: Transnational Genre Flows and South Korean Cinema. New Brunswick: Rutgers University Press.

Coppola A., Lee Ji-soon. (2015) L'adaptation transculturelle de Thérèse Raquin de Zola dans Thirst, film coréen. *French Forum*. Vol. 40. No. 2—3. P. 141—155.

Davis D. W., Yeh Yueh-yu. (2008) East Asian Screen Industries. London: British Film Institute.

Fairclough N. (2004) Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. London, New York: Routledge.

Hjarvard S. (2008) The Mediatization of Society A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review.* Vol. 29. No. 2. P. 105—134.

Hubert A. (2009) Catholicism, Protest, Art and Shakespeare the Unlikely Influences on Korean King of Gore. Interview with Park Chan Wook. *The Guardian*. URL: https://www.theguardian.com/film/2009/oct/17/park-chan-wook-thirst.

Kim So Young. (2005) Mapping the System of Korean Movie Investment and Distribution in 2005. *Cine 21*. No. 493.

Kim Kyu Hyun. (2013) Park Chan-Wook's Thirst: Body, Guilt and Exsanguination. In: A. Peirse, D. Martin (eds.) *Korean Horror Cinema*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 199—216.

Martin D. H. (2014) South Korean Horror Cinema. In: H. M. Benshoff (ed.*) A Companion to the Horror Film*. First Edition. Oxford: John Wiley and Sons. P. 432—437.

Merin J. (2014) Park Chan Wook Talks Genre Twists in Jerusalem. *Screen Daily*. URL: https://www.screendaily.com/home/blogs/park-chan-wook-talks-genre-twists-in-jerusalem.

Ok HyeRyoung (2009) The Politics of the Korean Blockbuster: Narrating the Nation and the Spectacle of 'Glocalisation' in 2009 Lost Memories Transnationalism and Film Genres. In: Dong Hoon Kim (ed.) *East Asian Cinema Spectator*. Vol. 29. No. 2. P. 37—47.

Paquet D. (2009) New Korean Cinema. Breaking the Waves. London: Wallflower.

Shin Chi-Yun. (2005) Globalization and New Korean Cinema. In: Shin C. Y., Stringer J. (eds.) *New Korean Cinema*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 51—62.

Smith I. R. (2013) Oldboy Goes to Bollywood: Zinda and the Transnational Appropriation of South Korean 'Extreme' Cinema. In: Peirse A., Martin D. (eds) *Korean Horror Cinema*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 187—198.

ГЛАВА 15. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЗЕ 1990-Х ГОДОВ — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. В главе рассматривается взгляд современных южнокорейских писателей на трансформацию общества, представленный в художественном пространстве литературы конца XX — начала XXI века с учетом политических, социальных и культурных изменений, которые претерпело корейское общество, начиная с 1990-х годов и по настоящее время. В качестве иллюстрации анализируются переведенные на русский язык рассказы из сборника «Корейский стандарт», изданного в 2019 г. при поддержке Корейского фонда. Несмотря на разные авторские стили и манеру письма, писатели, объединенные в этом сборнике, делают акцент на внутреннюю психологическую трансформацию корейцев, которая последовала вслед за экономическим ростом Южной Кореи и общим спадом политической активности молодежи.

Исторические предпосылки становления современной южнокорейской прозы

В 2020 г. корейцы отметили 75 лет со дня освобождения Кореи от японского колониального режима. В том же году корейскому народу пришлось вспомнить и про 72 года со дня разделения Корейского полуострова на Северную и Южную Корею. Все это время корейская литература представляла в художественном пространстве современную историю Кореи. Писатели под разными углами описывали судьбу народа, пережившего национальное разделение, власть военной диктатуры и индустриализацию в 1960—1970-е годы. В 1990-е годы на фоне ухода от политических и идеологических установок в литературных кругах появилось больше писателей-женщин. С наступлением 2000-х годов авторы нового поколения стали изображать человека, живущего в постмодернистскую цифровую эпоху нового тысячеле-

тия. Зарубежные издатели стали проявлять большой интерес к литературным произведениям, которые описывают истории из жизни современной корейской молодежи, оказавшейся свидетелем экономического роста Южной Кореи и ее вхождения в ряд мировых лидеров в области передовых технологий, роста ее глобального статуса благодаря феномену корейской волны *халлю* (한류).

Если литературу в послевоенные годы (последствия Корейской войны 1950—1953 гг.) и в период 1970—1980-х годов можно охарактеризовать как социально-политическое движение: писатели смотрели на настоящее сквозь историческую призму и обсуждали проблему отношений между авторитарной властью и человеком в условиях режима военной диктатуры, — то с приходом 1990-х годов политический водоворот стал утихать. Другими словами, если для первой и второй половины прошлого столетия была характерна проза в русле великих повествований (거대 담론, grand narratives, 거대서사, metanarrative), в конце XX — начале XXI столетия многие авторы стали писать прозу, которую, как правило, называют постмодернистской (мир конца прошлого столетия рассматривается как хаотическая реальность с чередой кризисов — экологических, экономических и социальных рисков, рисков, связанных со здоровьем; соответственно, человек, живущий в такой реальности, испытывает тревогу, недоверие, страх [Чо, 2000: 14, 18]). Например, профессор Ким Юнсик в своей книге о современной корейской литературе, размышляя о модерне и постмодерне, представляет следующий взгляд на различия между традиционным, современным и постмодернистским периодами с точки зрения исторической ситуации [Kim, 1998: 170]. Ким разделяет исторический период на три составляющие: домодерн, модерн и постмодерн, — для которых характерны следующие модели развития. В традиционном обществе собственность так же абсолютна, как и золото; в современном собственность — это товар, который превращается в валюту (так называемая структура по типу бутылки Клейна); в постмодернистском же обществе нет корней, нет происхождения, и все существует одновременно [там же: 170]. Рассуждая об общей трансформации культуры южнокорейского общества, синхронной с экономическими и политическими сдвигами последних пятидесяти лет, исследова-

тель-социолог Д. В. Иванов пишет, что «в 1990-х годах в Южной Корее тенденция консолидации национальной культуры сменилась тенденцией распространения постмодернистской культуры с характерными для нее консюмеризмом, космополитизмом и эклектичностью» [Иванов, 2012: 78].

Если посмотреть на исторические процессы с точки зрения художественной литературы, то в период постмодерна граница между высоким и массовым искусством размывается, современные авторы пишут так называемые романы-пародии, в которых отрицают поиск смысла в хаотическом мире, комбинируют темы и жанры, и такую литературу критики называют метапрозой. С приходом 1990-х годов корейцы достигли экономического роста и демократизации, воцарилась массовая культура, а исторический дискурс отошел на задний план, в литературе все больше стало появляться так называемых малых повествований (미소서사, little narratives).

По словам профессора Сеульского национального университета Чо Намхёна, если в 1900—1980-е годы корейские литераторы фокусировались на политической истории, в 1970—1990-е — на экономических вопросах, после 1990-х они обратили внимание на культурный дискурс и кризис окружающей среды [Чо, 2000: 12] и начали писать, следуя дискурсу «теории зеленого общества» (green social theory) [там же: 21]. Мир, в котором живут нынешние корейцы, — это гибридные общества, где люди взаимодействуют с техническими системами [там же: 12]. В отличие от писателей прошлого столетия все большее число молодых литераторов обращаются к описанию внутренних чувств и ощущений, эмоций. Как пишет профессор Университета Кёнги Ан Намён, особенность прозы 1990-х годов — это свежий взгляд на такие личные темы, как одиночество, счастье, брак, развод, семья, любовь, секс, отношения между людьми, роль семьи [Ан, 1999: 448—449].

На современных авторов влияние оказывают не только изменившиеся условия внутри Кореи, но и общемировые процессы, в частности глобализация. Перемены в социальных условиях и переход от печатных СМИ и аналоговой культуры к цифровым медиа и культуре визуализации породили новую литературную среду, которая разительно отличается от прошлой. Центральными персонажами

произведений становятся представители мегаполисов, живущие в постиндустриальную эпоху общества потребления, пребывающие в обезличенном и анонимном пространстве, можно сказать, переживающие экзистенциальное одиночество. Среди первых, кто начал писать на подобные темы, были такие авторы, как Ким Ёнха (김영하) (на русский язык переведены его романы «Мемуары убийцы» (2020), «Империя света» (2020)), Пак Мингю (박민규) (сборник рассказов «Коврижка» (2019)), Чхон Мёнгван (천명관) (романы «На краю жизни» (2013), «Кит» (2018)), Ли Гихо (이기호) [Ryoo, 2015]. Каждый по-своему, в характерной его творческому стилю манере письма, демонстрирует переход от традиционного образа жизни к цифровой эре.

На страницах своих произведений авторы описывают повседневную жизнь постмодернистского общества, пишут о природе меняющихся времен и о восприятии современности с точки зрения обычного человека. Как пишет литературный критик Рю Босон, анализируя творчество Ким Ёнха (р. 1968), автор «дает нам удивительное описание того, как стремление современного человека просто выжить в обществе бесконечной конкуренции превращает его в монстра» [там же: 41]. Сверстник Ким Ёнха писатель Пак Мингю пишет о том, как общество вынуждает людей становиться слабыми, чувствовать себя неудачниками. В своих романах автор при помощи самоиронии и оригинального воображения осуждает современное общество, которое превратилось в каменные джунгли. Чхон Мёнгван (р. 1964) в иносказательной манере критикует политические структуры, которые превращают человека в трусливое, расчетливое существо, делают его послушным и забывающим о своей внутренней свободе. Центральные персонажи в прозе другого автора — Ли Гихо (р. 1972) — неудачники, бандиты, разбойники, неспособные произнести ни слова в свою защиту и заклейменные как враги общества. Ли Гихо изображает современное общество как битву между мелкими преступниками и неприкрытым злом, в которой неудачники терпят поражение.

Трансформация южнокорейского общества предстает и в таких сюжетах, где главными действующими персонажами становятся не только корейцы, но и иностранцы, по той или иной причине оказав-

шиеся в Южной Корее. Например, в прозе писательниц Чо Хэчжин (조해진, р. 1976) и Чхон Унён (천운영, р. 1971). Все чаще литературные критики используют такие словосочетания, как «литература о других», если речь идет о главных героях произведений, или «литература корейской диаспоры за рубежом», если говорить об авторах. Надо сказать, в последние годы наряду с южнокорейскими авторами появляются писатели, которые переселились в Южную Корею после бегства с Севера.

Литературу последних лет можно охарактеризовать и как расцвет женской прозы. Благодаря творчеству южнокорейских писательниц поколения 1960—1970-х читатели открывают для себя новые способы видения мира. О существовании в условиях современной урбанизированной Кореи пишут такие авторы, как Син Гёнсук (신경숙, р. 1963), Ын Хигён (은희경, р. 1959), Хан Ган (한강, р. 1970), Чхон Унён (천운영, р. 1971), Чо Гённан (조경란, р. 1969), Ха Соннан (하성란, р. 1967), Пхён Хеён (편혜영, р. 1972) [Shin, 2015], и др. В творчестве упомянутых авторов центральное место занимают наблюдения за повседневной жизнью с женской точки зрения. При этом можно заметить две тенденции: либо это история героя/героини в контексте быстро индустриализирующегося общества, либо исследование сексуальности как способа преодолеть бессилие, вызванное рационализмом [там же: 44]. Появляется литература, которую называют литературой в жанре так называемой эко-феминистической прозы (например, профессор Ан Намён использует термин «зеленый феминизм» [Ан, 1999: 448]). В прозе вышеупомянутых авторов описываются женщины в условиях бездушной реальности, в жизни которых на первый взгляд есть только каждодневные домашние обязательства, усталость от выяснения отношений в семье, скука повседневной жизни, однако в глубине их души скрыто сокровенное желание последовать своему женскому инстинкту, проявить женственность, обрести внутреннюю свободу путем перевоплощения. Пребывая в состоянии крайней уязвимости, героини тем не менее пытаются найти силы придать смысл своему существованию.

Изучая корейскую литературу, с одной стороны, необходимо учитывать, что у нее есть свой терминологический аппарат и иная жанровая классификация (например, при рассмотрении классической

литературы), однако если речь идет о современной южнокорейской прозе, то ее целесообразно рассматривать с точки зрения исторического подхода (год издания, время действия в повествовании), жанровой классификации (рассказ или роман), традиционной преемственности (структура повествования), влияния мировой литературы (межкультурная коммуникация) и авторского стиля (индивидуальные особенности и манера письма).

Сборник рассказов «Корейский стандарт»[46]

В качестве иллюстративного материала рассмотрим сборник рассказов современных южнокорейских авторов под названием «Корейский стандарт», изданный на русском языке в 2019 г. при поддержке Корейского фонда международных обменов (переводчик Татьяна Акимова). Почему имеет смысл представить именно этот сборник? Как отмечает в предисловии к изданию профессор кафедры русского языка Университета иностранных языков Хангук Ким Хёнтхэк, «рассказы, помещенные в данный сборник, открывают для российских читателей проблемы современного корейского общества: личные страдания, социальные конфликты, конфликты традиции и современности, семейные отношения, внутреннюю пустоту и отчуждение, характерные для человека нашего времени — и позволяют почувствовать как невероятную схожесть, так и непреодолимые различия культур и отношения к миру представителей разных стран» [Корейский стандарт, 2019: 17]. А переводчик Татьяна Акимова пишет следующее: «Сборник рассказов „Корейский стандарт“ позволит окунуться в атмосферу современного корейского общества, увидеть его изнутри, узнать, что беспокоит обычных корейцев — школьников, студентов, обычных офисных рабочих, домохозяек. Авторы вошедших в сборник рассказов затрагивают острые социальные проблемы, кто-то с пессимизмом, кто-то, наоборот, с юмором, что делает сборник увлекательной энциклопедией о жизни современных корейцев» [Акимова, 2019]. Таким образом, можно сказать, что произведения, вошедшие в этот сборник, представляют палитру жизни современного южнокорей-

[46] Здесь и далее написание корейских имен авторов будет дано, как в упоминаемом сборнике «Корейский стандарт».

ского общества и его трансформацию. В данном случае именно проза малого жанра разных авторов позволяет взглянуть на корейское общество с «высоты птичьего полета» и проследить последние тенденции с разных ракурсов.

В сборник вошли 15 рассказов, которые были высоко оценены литературными критиками. Эти рассказы написаны как уже признанными, так и совсем молодыми авторами в период с 1999 по 2013 г., переводы на русский язык были сделаны в период с 2006 по 2017 г. Из 15 рассказов 13 написаны от первого лица. Практически половина рассказов написаны авторами-женщинами. В некоторых рассказах есть отсылка к датам того или иного исторического события, упомянуты реальные названия сеульских городских районов, магазинов, а в одном из рассказов говорится об известной *k-pop*-группе. Такие «фактологические» приметы времени указывают на современные реалии, что говорит о некоторой документальности сюжета. В качестве места действия, как правило, описывается большой город или отдельные его районы, жизнь героев показана в пространстве городских квартир, комнат общежитий, в поездах метро. Примечательно, что в некоторых случаях авторы используют традиционную оппозицию «город — деревня», таким образом разграничивая пространство на искусственную и естественную среду обитания, противопоставляя искусственно созданное пространство естеству природы. Если говорить о проблематике в целом, то сюжетные линии рассказов связаны с жизнью человека в большом городе, с поиском работы, с отношениями в семье, с соседями, коллегами, окружающими. Другими словами, в таких произведениях повествуется о бытовой жизни обычного горожанина, который сталкивается с каждодневной рутиной, а как он реагирует на то, что с ним происходит, каждый автор показывает в свойственной ему манере. Многим героям рассказов знакомы такие чувства, как одиночество, ненужность, равнодушие, потеря ориентиров. Каждый ощущает их по-своему, кто-то находит способ отвлечься от чувства одиночества в чтении книг, кто-то — в рассказах о своей жизни, кто-то пытается примириться с действительностью с помощью воспоминаний из детства… и все эти жизненные истории разворачиваются на фоне ритма большого города.

Рассказы Пак Мингю, Чон Ихён и Ли Ёнхуна

Представленные в сборнике рассказы условно можно разделить на несколько групп в зависимости от того, какой акцент расставляют те или иные авторы. Начать разбор произведений стоит с рассказа уже признанного в корейских литературных кругах писателя Пак Мингю (박민규, р. 1968) «Корейский стандарт» (코리언 스텐더즈, 2005), который и дал название всему сборнику.

Рассказ Пак Мингю — это история о том, как меняется образ жизни молодых корейцев со сменой эпох и ростом экономической мощи Кореи. Главные герои в студенческие годы участвовали в политическом движении за демократию и социальное равенство, а спустя 20 лет, к 40 годам, критерием успеха в их жизни становится количество квадратных метров в квартире и социальный статус. Эту трансформацию можно охарактеризовать, приводя слова главного героя, который говорит о своей жене: «44-килограммовая девушка стала весить 72…» [Корейский стандарт, 2019: 76]. Если в 1980-е годы прошлого столетия корейское общество было пронизано идеями демократизации и призывами к борьбе против политических несвобод, теперь эти идеи уже мало кого привлекают, а конкретно в этом рассказе последние «романтики и идеалисты» уезжают в корейскую деревню, которая оказалась на обочине экономического развития, разница между мегаполисами и провинциальными селами огромна. Киха — старший университетский товарищ главного героя, живет в деревне и всеми силами старается поднять животноводство и сельское хозяйство, держа коров и выращивая рис и кукурузу. Однако неожиданно приходит беда в виде нашествия пришельцев, которые губят все, чем занимается Киха — в прошлом лидер студенческого демократического движения. Главный герой, живущий в большом городе, внезапно получает звонок о помощи от Киха и едет к нему в деревенскую глушь, где становится свидетелем нападения пришельцев. Кульминация рассказа — эпизод, в котором посреди кукурузного поля герои видят знак в виде круга, оставленный пришельцами,— «корейский стандарт». Используя прием фантастического реализма, Пак Мингю пишет рассказ в форме аллегории об изменениях в корейском обществе, на фоне которых люди теперь живут, основываясь на принципе «у кого больше денег, власти и экономи-

ческого успеха». С одной стороны, статистика и цифры показывают, что Южная Корея вошла в группу сильнейших мировых экономик, однако обратная сторона медали — это утрата чувства сплоченности и единения, резкие социальные контрасты, на фоне автоматизации быта нехватка простого человеческого общения. На смену идеалистам приходят прагматики, в обществе потребления идея преобразования мира находит все меньше и меньше сторонников. Время «героев» уходит в прошлое, теперь на первом месте статус и экономическое благополучие.

Два других рассказа — «Универмаг „Сампхун“» (상품백화점, 2005) писательницы Чон Ихён (정이현, р. 1962) и «Всеобщие любимицы» (모두가 소녀시대를 좋아해, 2011) автора Ли Ёнхуна (이영훈, р. 1978) — в качестве фона повествования используют факты о реальных событиях, которые имели место в Южной Корее: обрушение в 1995 г. универмага «Сампхун» в фешенебельном районе Каннам и саммит «Большой двадцатки» в Сеуле в 2010 г. Эти рассказы не назовешь документальными, однако художественный вымысел и придуманные герои, от имени которых идет повествование, органично вписываются в исторический контекст и придают рассказам дополнительную весомость и значимость.

В рассказе Чон Ихён главная героиня (она из обеспеченной семьи и выросла в престижном районе) только что окончила университет и находится в поисках работы. Почти все ее сокурсники уже устроились, и героине становится не с кем проводить время. Случайно она встречается в универмаге с девушкой, с которой училась в одной старшей школе, однако тогда они близко не общались. Новая подруга работает в универмаге и предлагает героине взять ключ от своей комнаты, чтобы она приходила туда, если ей станет скучно, и могла заходить в квартиру в отсутствие хозяйки. Однажды девушка просит героиню поработать вместе с ней один день в универмаге. Героиня соглашается и приступает к работе, однако из-за ошибки в расчетах с покупательницей (та устраивает скандал) героиня вынуждена закончить работу раньше времени и уйти. В тот день героиня узнает из новостной программы об обрушении универмага «Сампхун». История героини — это история большинства выпускников корейских вузов, которые вступают во взрослую жизнь. С одной

стороны, в этом рассказе Чон Ихён описывает этапы взросления героини, сравнивая ее жизнь с жизнью ее новой подруги, которая не имела возможности учиться в вузе, а сразу стала работать и, соответственно, мыслит иначе и в этом плане выглядит более зрелой и более ответственной за свои поступки, чем героиня. С другой стороны, рассказ об обрушении универмага — это отсылка все к той же истории стремительного экономического роста и побочным последствиям, сопровождающим этот успех. Для героини, которая не имеет сил признаться себе, что девушка из универмага погибла, это трагическое событие сыграло роль катализатора взросления: она осмысливает свою прежнюю жизнь, переезжает на новое место и находит в себе силы написать об этой трагедии и о своей подруге.

В рассказе Ли Ёнхуна «Всеобщие любимицы» взору читателя открывается своеобразная трагикомедия, происходящая в торговом комплексе, который взят под усиленную охрану в связи с проведением саммита Большой двадцатки в Сеуле. По мнению критиков, Ли Ёнхуну в этом рассказе «удалось через несерьезное раскрыть серьезное, через обыденное указать на глобальное» [Чхве, 2016: 68]. Ли Ёнхун относится к писателям «эпохи МВФ», то есть к поколению, которое вступило во взрослую жизнь около 1997 г., когда Южная Корея столкнулась с финансовым кризисом и была вынуждена просить кредит у Международного валютного фонда. Кризис 1997 г. — первая серьезная проблема, возникшая в Республике Корея, с 1960-х годов стабильно демонстрировавшей удивительные темпы экономического роста. Этот кризис оказал серьезное воздействие на молодых корейцев, которые в те годы выпускались из школ и вступали во взрослую жизнь. Экономический кризис 1997 г. означал не только снижение темпов экономического роста, но и в то же время воспринимался как красный свет политическому и общественному развитию [там же]. В ходе выполнения условий, выдвинутых МВФ при предоставлении кредита, в частных компаниях Южной Кореи прокатилась волна повсеместных сокращений, и многие главы семей не могли больше обеспечивать свои семьи. Исчезновение отцов, на которых можно положиться, означало исчезновение вместе с ними и системы ценностей, присущих поколению отцов [там же]. В рассказе «Всеобщие любимицы» герои в разговоре упоминают одну из самых популярных

корейских поп-групп «Сонё сидэ» (소녀시대) — «эпоха девушек» (однако если в настоящей группе участниц девять, то в рассказе их семь и с другими именами). Прежде всего внимания заслуживает тот факт, что действие происходит в COEX MALL (в рассказе он называется «Аркада») — торгово-развлекательном центре, который является своеобразным символом современного Сеула. Герой рассказа, молодой человек, приходит в ресторан, чтобы встретиться с девушкой, с которой познакомился через брачное агентство, однако неожиданно он оказывается в неловкой ситуации: у него начинает болеть живот. Он срочно ищет поблизости туалет, но все они закрыты в преддверии саммита Большой двадцатки. Бегая по лабиринтам огромного торгового комплекса, чтобы удовлетворить физиологическую потребность, герой рассказа встречает человека в полицейской форме, который помогает ему искать открытый туалет. Пока главный герой рассказа идет с полицейским, обсуждая любимую группу, боль удивительным образом отступает: «Мы говорили со смущенными улыбками на лицах, как мальчишки. „Сонё сидэ“ и вправду чудесное явление: пока мы их обсуждали, я даже забыл про свой живот» [Корейский стандарт, 2019: 321]. Когда главный герой, удивленный тем, что полицейский при исполнении помогает обычному гражданину в столь щепетильной ситуации, спрашивает его (был ли он настоящим полицейским, до конца остается непонятным), почему он это делает, тот отвечает: «Мы же с вами поклонники одной группы» [там же: 324]. Однако приверженность молодого человека и полицейского к одной поп-культуре все же не устраняет полностью проблему главного героя. Когда сменяется тема беседы, живот вновь начинает болеть, и терпение главного героя оказывается на пределе. Неудобная тема заключена в комическую форму, но рассказ поднимает более серьезную проблему. Провожая главного героя до туалета, полицейский говорит: «Вообще-то можно наложить кучу прямо здесь» [там же: 323]. Эта фраза, сказанная в фешенебельном современном торговом центре, производит неожиданный эффект. Физиологическая потребность, удовлетворить которую в обычной обстановке не составило бы труда, превратилась в серьезную проблему из-за того, что туалеты закрыты в связи с проведением саммита Большой двадцатки. Получается, что такое всемирное событие, как саммит Большой двадцатки,

помешало одному конкретному человеку удовлетворить свою естественную потребность. Иначе говоря, саммит Большой двадцатки сыграл ту же роль, что и финансовый кризис 1997 г., предопределивший психологию поколения Ли Ёнхуна. Финансовый кризис ослабил авторитет отцов, молодое поколение перестает верить в те же ценности, что и прежнее, коллективный стиль мышления больше не истина в последней инстанции, на первое место выходит личное и индивидуальное. Финал этой трагикомедии, с одной стороны, неожиданный, с другой — достаточно предсказуемый, если учитывать ту критическую ситуацию, в которой оказался герой.

Рассказы Ли Сыну, Ким Миволь, Ким Гёнука и Ким Эран

Социальные проблемы и психологические сложности жителей большого города — центральная тема для таких авторов, как Ли Сыну, Ким Миволь, Ким Гёнук, Ким Эран. Примечательно, что, если писатели Ли Сыну и Ким Гёнук обращаются к традиционным ценностям корейцев (например, к чтению и рассказыванию — в традиционной Корее по улицам ходили уличные сказители, чтецы, которые зачитывали отрывки из книг), для писательниц Ким Миволь и Ким Эран значимо в описании обстановки и атмосферы место действия, пространство, в котором проходит жизнь героев.

Герой рассказа хорошо известного не только в Южной Корее, но и за рубежом писателя Ли Сыну (이승우, р. 1959) «История от сказителя» (전기수 이야기, 2006) — человек, который жил бы совершенно заурядной жизнью, если бы не был неожиданно уволен из-за реструктуризации компаний, организованной в Корее в результате азиатского финансового кризиса 1997 г. Герой занимается домашним хозяйством и далек от чтения литературы и размышлений о смысле существования. Но, прожив больше года безработным, начинает остро ощущать одиночество и свою оторванность от внешнего мира. Однако герой получает не только негативный опыт, поскольку именно эти переживания помогают ему осознать, что в настоящее время человек больше, чем когда бы то ни было, в душе жаждет общения и при этом вынужден скрывать не только желание общаться, но и сам факт одиночества. Его жена, озабоченная его затянувшимися поисками работы, нашла себе применение в интернет-компании

«Сеул. Сказители XXI века», предоставляющей услуги по чтению книг клиентам, а однажды и сам герой рассказа по просьбе жены неожиданно для себя отправился в дом к одному из таких клиентов. В тот момент он даже и не думает, что найдет какое-то особое значение в этой роли рассказчика, которую он берет на себя, заменяя другого сотрудника. Человек, которому он должен читать, — старик с глубокими морщинами, рассеянным взглядом и таким выражением лица, будто он потерял всякий интерес к миру. Тогда почему же этот старик просит почитать для него? Рассказчик без особого желания начинает читать «О жизни» Л. Толстого, но клиент никак не реагирует на чтение. Тогда чтец, столкнувшись с упорным нежеланием реагировать и утомившись от бессмысленного чтения человеку, который не слушает его, вдруг приходит к пониманию, что эта ситуация практически ничем не отличается от положения на его прежней работе, где коллеги были так же безучастны и равнодушны к жизням друг друга. Герой осознает, что одиночество наступило не из-за потери работы, а уже изначально присутствовало в его жизни, но, ссылаясь на занятость, он просто не признавал его. И когда герой приходит к такому выводу, вместо чтения книг он начинает рассказывать о себе: «Теперь мне вспоминается, что с какого-то момента я перестал обращать внимание не только на предпочтения или мнение старика, но и на его реакцию, а сам рассказывал истории, какие вздумается. С тех пор, как я стал все чаще рассказывать о себе, ко мне время от времени приходило осознание того, что, возможно, это не я рассказываю для того, чтобы он слушал, а он слушает, чтобы я мог рассказывать. Если я, рассказывая, получаю нечто большее, чем он, слушая, тогда кто в ком больше нуждается? Возможно, не роль слушателя, а рассказчика ближе к человеческому естеству…» [Корейский стандарт, 2019: 138]. Потребность высказаться и найти слушателя становится актуальной проблемой современного общества. Рассказ написан от первого лица, будто герой излагает кому-то свою историю, которую, кроме старика, слышит и читатель. По словам профессора Сеульского национального университета Ли Сухёна, «если бы рассказчик не оказался в ситуации, когда он смог говорить о себе, эта история, наверное, никогда не была бы рассказана» [Ли, 2010: 85]. В конце рассказа выясняется, что положение, в котором

оказался старик, на первый взгляд с безразличием слушавший истории героя, не очень отличается от того положения, в котором находится сам герой. Выясняется, что старик был замешан в какой-то политической интриге, которые часто случались в корейском обществе 1970—1980-х годов. В результате ему было приказано молчать, и только по истечении более чем 30 лет он впервые начинает рассказывать свою историю. Возможно, слушая до этого рассказы героя, старик только благодаря этому смог выдержать отсутствие возможности говорить самому. Клиент, поведав свою историю, умирает, будто до этого только и выжидал момент. Герой, побывавший в роли сказителя и впервые обретя возможность искренне высказаться, осознает: «Нельзя забывать о том, что под поверхностью нашей жизни текут самые разные истории — длинные, темные, удивительные и животрепещущие, о которых мы никогда ничего не сможем узнать, пока кто-нибудь их не расскажет» [Корейский стандарт, 2019: 142].

В рассказе писателя Ким Гёнука (김경욱, р. 1971) «Опасное чтение» (위험한 독서, 2005) речь идет о специалисте по книготерапии, который обладает глубокими познаниями в литературе. Имея в арсенале богатый запас прочитанных книг, главный герой свысока смотрит на свою клиентку — девушку, которая ранее литературой совсем не увлекалась. В процессе встреч с клиенткой он пытается читать ее прошлое, как книгу, но у него ничего не получается, и в конце концов его охватывают смятение и отчаяние. Можно сказать, что автор в этом рассказе, как и в других своих историях, изображает жизнь молодого поколения, литературные предпочтения современников, дух времени. Как пишет литературный критик Чан Дуён, «Ким Гёнук впитал в свое творчество основные понятия 1990-х годов — кино, джаз, уныние, скуку. Чтобы создавать свой собственный мир, в тот период автору достаточно было лишь открывать самого себя таким, какой он есть. Такая особенность просматривается в большинстве произведений, написанных до начала 2000-х годов» [Чан, 2014а: 62]. Из-за довольно специфической профессии главного героя — специалиста по лечению книгами — в тексте упоминается множество произведений разных писателей. Читатель встречает не только самые известные имена в мировой литературе (Фридрих Ницше, Альберт Камю, Владимир Набоков, Джером Сэлинджер, Милан Кундера, Оса-

ма Дадзай), но и детективную историю наподобие «Мальтийского сокола» Дэшила Хэммита [там же: 63]. Названия книг и имена авторов мелькают одно за другим. Однако суть рассказа «Опасное чтение» заключается не только в большой эрудированности главного героя (с давних пор в традиционной Корее начитанность и знание конфуцианских трактатов были в большом почете). По мере прочтения рассказа можно проследить, как консультант по лечению чтением, гордый своими познаниями в литературе, сначала надменно смотрит на свою подопечную, а потом по мере знакомства с клиенткой начинает сдавать свои позиции и к завершению рассказа терпит фиаско. Авторитет главного героя, вооруженного глубокими познаниями, в результате оказывается побежден романтической увлеченностью, а благородные цели чтения, которое способно лечить, будто блекнут перед примитивными и наивными современными увлечениями — просмотром телесериалов и ведением блога в интернете [там же]. Богатый перечень книг и беседы на литературные темы с развитием сюжета перемещаются на второй план, и в переломный момент автор голосом героя уже скептически высказывается в отношении важности чтения. Если в традиционной Корее и еще несколько лет назад книга играла важную роль в жизни корейца, в цифровую эпоху на первое место выходят электронные носители информации, люди узнают новости и учатся в интернете. По словам Чан Дуёна, «Ким Гёнук говорит, что читать опасно, потому что чтение заставляет без жалости заглянуть внутрь себя. Но оно дает человеку свободу <…>. Эта свобода основана на радости самопознания, на умении наблюдать за людьми и миром и понимать их» [там же]. Возможно, идея рассказа «Опасное чтение» заключена в следующих словах: «Я вообще не знаю, что это значит — жить как человек» [Корейский стандарт, 2019: 270]. С приходом в жизнь современных технологий и интернета люди разучились встречаться вживую, находить общий язык и понимать друг друга, жить, основываясь на простых человеческих эмоциях, а не на страничке из интернета («Мне казалось, что благодаря этой страничке я узнал о тебе больше, чем за время наших встреч» [там же: 278].

Рассказ писательницы Ким Миволь (김미월, р. 1977) «Гид по „Сеульской пещере“» (서울 동굴 가이드, 2007) описывает жизнь молодой

девушки, которая по сюжету попеременно находится в двух пространствах — или в комнате в косивоне — частном общежитии, или в искусственной сталактитовой пещере. Героиня живет в 203-й комнате косивона, где «больше сорока человек одновременно спят, свернувшись калачиком», где рядом «блошиный рынок», а темный коридор иногда похож на «никому не известную пещеру, где еще не ступала нога человека» [Корейский стандарт, 2019: 167]. Место, где работает главная героиня, — искусственная пещера. Она гид этого павильона, и ее работа состоит в том, чтобы, надев специальный костюм, сопровождать учеников младшей школы по этой сталактитовой пещере. Ким Миволь обыгрывает в рассказе два пространства. Пещерообразная структура косивона, где она живет, похожа на «Сеульскую пещеру», где она работает. Симптомы одышки и нарушения пищеварения главной героини связаны с двумя воспоминаниями-триггерами. Первое — о том, как она увидела на песке у моря погибшую женщину с девочкой в руках, а второе — воспоминание о страхе, который она испытала во время экспедиции в пещеру в университетские годы, когда оказалась в полной темноте. Но на самом деле на дне этих воспоминаний спрятан образ матери, которая погибла, спасая другую девочку. Каждую ночь из соседней комнаты, в которой живет другая девушка, доносится мужской голос, и соседи по косивону уверены, что она водит к себе мужчин. Девушка работает помощником фармацевта в аптеке напротив общежития. Героиня рассказа оказывается в комнате у соседки и узнает, что та смотрит один и тот же фильм, чтобы избавиться от бессонницы. В отличие от того, что о ней думают соседи, выясняется, что девушка каждую ночь смотрит кино, где снимается мужчина, который напоминает ей кого-то из ее бывших знакомых (ее мучают воспоминания о том, что случилось с ней в прошлом). Соседку увольняют из аптеки за кражу снотворного, после чего она больше не показывается и в косивоне. Общежитие, где сквозь тонкие перегородки между комнатами можно слышать все, что происходит у соседа, оказывается тем местом, где нет возможности общаться напрямую, открыто. Таких общежитий в городе большое количество, и уже сам Сеул уподобляется одной большой пещере. Структура искусственной пещеры, где работает героиня, такова, что вход и выход находятся в одном ме-

сте, поэтому точка отправления и прибытия совпадают. Вход в косивон, который является и выходом из него, тоже представляет собой одну стеклянную дверь. В пространстве, где выход является входом, дорога не имеет смысла, потому что она там может быть всего одна. В таком замкнутом пространстве поиски пути бессмысленны, а роль проводника обманчива точно так же, как и роль гида в павильоне «Сеульская пещера» [Ли, 2011: 93]. Иначе говоря, в таком пространстве, как Сеул, жизнь ограничена. Пещера здесь символизирует замкнутость, закрытость, тайность, но в данном рассказе в то же время образ пещеры ассоциируется с образами «виртуального выдуманного пространства современного Сеула», в котором люди «общаются» сквозь перегородки квартир и экраны компьютеров. Ким Миволь, описывая «жилое пространство» поколения своих современников, отгородившихся от общества и испытывающих разочарование, рисует обособленный мир людей, оказавшихся в одиночестве замкнутого пространства. Этот «обособленный мир» не утешает человека в его одиночестве, но помогает смириться с фактом, что это чувство неизбежно. Как пишет литературный критик Ли Гванхо, «автор демонстрирует, что одиночество — это не настрой, а реальность жизни, и такое понимание формирует очень значимую эстетику существования молодежи. Автор показывает нам не образ волевого человека, сражающегося с несчастьями, а борьбу человека за минимальную внутреннюю свободу, к которой он идет путем безразличия и апатии. Здесь индивидуум не является сильным субъектом, раскраивающим мир по своему желанию, но сам он создает малое пространство своей свободы. Проза Ким Миволь красиво демонстрирует, что „активность пассивности“ является <…> своеобразной эстетикой существования человека» [там же: 93].

Минимаркеты — небольшие круглосуточные магазины — часто становятся местом действия в произведениях корейских писателей. В опубликованном в 2003 г. рассказе Ким Эран (김애란, р. 1980) «Я иду в минимаркет» (나는 편의점에 간다) героиня ходит за повседневными покупками в районные магазинчики и дает характеристику хозяевам таких минимаркетов. Рассказ начинается с описания роли минимаркета в жизни главной героини, когда покупки в таких магазинах становятся неотъемлемой частью ее существо-

вания. Сеть минимаркетов представлена как каждодневный ритуал в повседневной жизни жителя мегаполиса. Главную героиню рассказа привлекает в них то, что персонал и посетители не знают друг друга. В таком магазине гарантируется анонимность — характерная особенность жизни в современном большом городе, и девушке это нравится. Сотрудники минимаркетов обычно не расспрашивают посетителей о личной жизни, что кажется героине очень комфортным. Однако анонимность в зависимости от ситуации может приобретать как положительный, так и отрицательный характер, и до поры до времени героиню рассказа она вполне устраивала, если бы не одно происшествие, после которого девушка меняет свое мнение. Как пишет корреспондент газеты «Хангёре» Чхве Чжебон, «рассказ, начавшийся с воспевания анонимности, заканчивается, наоборот, свидетельством ее ущербности, жестокости» [Чхве, 2017: 71]. В конце рассказа героиня приходит к следующей мысли: «Если вы пойдете в такой магазин — осмотритесь по сторонам. Если рядом с вами девушка покупает воду, то, может быть, она собирается запить таблетку; если мужчина покупает бритву, то, может быть, он собирается перерезать себе вены; если подросток покупает туалетную бумагу, то, может быть, чтобы подтирать больную мать» [Корейский стандарт, 2019: 369]. Отсутствие заинтересованности и повсеместная анонимность — это то, что становится характерной чертой современного общества.

Рассказы Ха Соннан, Ким Инсук, Чон Хана и Ким Сум

Писательницы Ха Соннан, Ким Инсук, Чон Хана и Ким Сум описывают в своих рассказах судьбы обычных семей. Надо сказать, что тема семейных отношений, как и в традиционной корейской литературе, остается одной из центральных и для новейшей литературы. Однако в современных условиях на фоне стремительных перемен в социальной жизни меняется сам институт семьи, традиционные семейные ценности уже не такие бесспорные, как раньше.

В рассказе Ха Соннан (하성란, р. 1967) «Соседка» (옆집 여자, 1999) главная героиня, от лица которой ведется повествование, домохозяйка. Она живет с мужем — работником банка, и маленьким сыном. Ёнми, которая раньше тоже работала в банке, несколько

лет назад уволилась, чтобы растить сына и заботиться о семье, и теперь ведет обычную рутинную жизнь домохозяйки. Героиня каждый день пребывает в заботах по дому и перестает обращать внимание на себя и свой внешний вид. Но однажды в квартиру по соседству переезжает новая хозяйка — девушка по имени Мёнхи, которая зарабатывает тем, что дает частные уроки школьникам младших классов. Женщины знакомятся и постепенно сближаются. Муж, который поначалу недоверчиво относится к дружбе своей жены с новой соседкой, вскоре меняет свое отношение и начинает все больше общаться с девушкой, а сын героини теперь предпочитает играть с Мёнхи, а не с мамой. Жена доверяет новой соседке и откровенна с ней. Но в то же время начинает замечать, что с момента их знакомства с ее памятью происходит что-то неладное, и она забывает обычные вещи. Кульминация рассказа — инцидент в магазине, где героиню обвиняют в краже, которую подстроила новая знакомая. Скандал приводит к тому, что соседка звонит мужу на работу, и он приходит в магазин. Муж и сын напуганы поведением героини и не приходят ей на помощь, а оказываются на стороне «подруги». Соседка присвоила себе не только вещи героини, но и забирает себе ее мужа и ребенка. В рассказе показаны две женщины: одна — домохозяйка, погруженная в каждодневные домашние заботы, другая — независимая, работающая на себя девушка, в квартире у которой новая мебель и стильная техника. Несмотря на внешнюю свободу и налаженный быт, Мёнхи одинока и завидует семейной жизни героини, в результате чего занимает ее место в семье. История, которая на первый взгляд не так сложна и описывает жизнь одной обычной городской семьи, имеет скрытый подтекст: налаженный быт и удобства современной жизни в большом городе не заменяют отсутствия семьи и желания избавиться от одиночества. Внешнее благополучие и свобода не заполняют пустоту в душе и не избавляют от тоски по общению с близким человеком.

Героиня другого рассказа — «Автобиография» (그 여자의 자서전, 2003) автора Ким Инсук (김인숙, р. 1963) — начинающая писательница, вынужденная браться за любую письменную работу, чтобы зарабатывать на жизнь. Ее очередная подработка — написать чужую автобиографию со слов одного предпринимателя. Сначала работа

идет легко, однако, когда героине надо выдумать историю про «вклад в демократию», которого на самом деле не было, но теперь стало выгодно и модно писать об этом, героиня сталкивается с трудностями. Сюжетная линия деловых встреч героини с заказчиком пересекается с воспоминаниями героини о своей семье, об отце и младшем брате. Линии эти совпадают, когда героиня встречается со своим братом в реальности. Написание автобиографии чужого человека приводит героиню к мыслям о своей семье и той жизни, которой она живет. Вновь в центре внимания — тема семьи и воспоминания о прошлой жизни в родительском доме. Сочиняя автобиографию человека, который якобы добился всего сам и у которого за плечами два развода, героиня осмысляет свой собственный жизненный опыт и вновь переживает детские чувства. Примечательно, что и в этом рассказе мысль о значимости книг (отец героини коллекционировал книги, дорожил ими и говорил детям, что «в этих книгах есть все, чему не могу научить вас я» [Корейский стандарт, 2019: 48]) не раз упоминается на протяжении всего сюжетного хода. Нить, которая связывает в реальной жизни героиню и младшего брата, — это их детские воспоминания о том, как они каждый день доставали книги и смотрели, высохли ли между страниц листья: «Влага исчезала из светло-зеленых листьев, морщины, означавшие жизнь, понемногу разглаживались, и листья становились красивее и долговечнее реальности. <…> По ночам из книжного шкафа исходил цветочный аромат и волнами растекался по всему дому. Каждую ночь нам с братом снились хорошие сны…» [там же: 62].

Рассказ молодой писательницы Чон Хана (정한아, р. 1982) «Вкус мате» (마테의 맛, 2009) — очередная история из жизни одной семьи. Уволившись уже с четырнадцатого места работы, отец принимает решение эмигрировать в Аргентину. На тот момент экономически процветавшая Латинская Америка становится новым пристанищем для этой корейской семьи. Но ненадолго. В результате наступившего экономического кризиса жить в Аргентине становится небезопасно, и из-за одного трагического происшествия семья теряет позднего ребенка — младшего брата героини. Герои, в одночасье потеряв все — и мечты, и надежды, заново начинают жизнь в Сеуле, который они раньше намеренно покинули. Такая перспектива не может быть

радостной. Это означает, что их ждет жизнь водителя подержанного такси (отец), кассира в круглосуточном магазине, работающего в раннюю смену (мать), и студентки магистратуры, с трудом оплачивающей обучение и подрабатывающей в учебном центре для абитуриентов и на стойке в фитнес-клубе (дочь). Героиню преследуют тревоги, из-за которых она во сне постоянно куда-то едет на велосипеде. Просыпаясь, она страдает от боли в мышцах ног, будто на самом деле крутила педали. Но эта жизнь не окрашена в один лишь серый цвет. Пребывающую в крайне трудном положении семью поддерживают аргентинские блюда, приготовленные отцом из самых качественных ингредиентов, которые он сам выбирает и достает. В этих приготовленных блюдах будто бы сохраняются воспоминания о прекрасных временах, поэтому они становятся для семьи вестниками надежды. Пробуя эти блюда, мать и дочь словно бы освобождаются от тревог. И этот путь от тревоги до надежды изображается в рассказе через аромат аргентинского чая мате. Как пишет преподаватель кафедры литературного творчества Университета Мёнчжи Син Сучжон, «все герои рассказов Чон Хана страдают от душевных ран и невзгод. Но тональность, с которой автор рассказывает их истории, отнюдь не пессимистична или уныла. Наоборот: чем сложнее жизнь, тем сильнее жажда надежды и выносливость к страданиям. Опираясь на то, что „все плохое забывается“, и на „осязание чего-то мягкого и теплого, ощущение чего-то нежного и ароматного“ <…>, герои получают силу, позволяющую им переносить жизненные невзгоды» [Син, 2011: 88]. Особенность семейных историй Чон Хана — это мысль о том, что именно семья сохраняет и уберегает от отчаяния и придает силы выживать.

В рассказе писательницы Ким Сум (김숨, р. 1974) «Лапша» (국수, 2011) речь идет об отношениях между падчерицей и мачехой. Писательница описывает переживания и размышления о смысле жизни женщины в традиционном патриархальном обществе. Если просмотреть сюжетную линию, то с первого взгляда может показаться, что «Лапша» — рассказ с очень простым сюжетом. Вся суть истории в том, что героиня, от лица которой идет повествование, замешивает тесто, чтобы приготовить лапшу для своей мачехи. Но если присмотреться пристальнее, то в этом рассказе изобра-

жена жизнь женщины, которая фактически стала живой тенью, ее ни на миг не покидают душевные переживания и внутренние конфликты [Чан, 2015: 66]. В рассказе одновременно можно проследить два противоположных чувства главной героини — нежелание называть мачеху мамой и тоска по лапше, которую та готовила. По словам Чан Дуёна, «в одной тарелке лапши умещаются и размышления о смысле жизни, и переживание давних обид» [там же: 67]. Процесс замешивания теста требует большого терпения. Героине необходимо время, чтобы перемешать с мукой горе, обиду, злость, зависть и вымесить из всего этого тесто. Замешивая тесто, она буквально борется с твердым и упругим комком накопившихся чувств. Если делать это очень долго, то в конце концов собравшийся в душе сгусток постепенно размягчается, как и тесто в руках. Для мачехи процесс вымешивания теста был временем утешения и размягчения комка горечи в душе. Здесь можно увидеть отсылку к корейской культурной категории *хан* (한), которую невозможно перевести на русский язык одним словом: это и тоска, и горечь от неизбежности происходящего, и чувство бессилия. Героиня может лишь предположить, сколько времени пришлось провести ее мачехе за этим занятием за те 29 лет жизни в их семье после того, как первый муж выгнал ее из дома за то, что она не смогла родить ему детей. Став взрослой и столкнувшись с теми же проблемами (бездетность), что и мачеха, падчерица пытается сгладить ее боль и размягчить сгусток тяжелых чувств. Замешивание теста — это еще и процесс создания «нитей», которые связывают женщину не только с семьей, но и со всем внешним миром. Метафорически нити — это еще и дети, отсутствие которых является причиной постоянной боли для бездетной пожилой женщины. Возможно, так много времени за тестом она проводила именно потому, что вместо детей у нее были нити, которые она делала из теста. Это было попыткой мачехи преодолеть участь «пустоцвета», но поскольку попытка эта изначально обречена на неудачу, героиня сочувствует мачехе и невольно следует ее примеру. И не только потому, что героиня рассказа тоже бездетная. А потому, что она прочувствовала боль мачехи, которая стала ее личной. Героиня замешивает тесто в полной тишине. Это время диалога двух женщин, которые словно остались одни

на целом свете. Диалог перерастает в признание. Как пишет Чан Дуён, «под видом тарелки лапши главная героиня рассказа протягивает руку примирения, признаваясь, что долгое время тосковала по своей мачехе» [там же: 67]. Критик приводит слова автора: «Ким Сум говорит: вот она, та жизненная позиция, которой человек должен придерживаться — даже в разных неприятностях и отчаянии нужно самоотверженно пытаться создавать нити судьбы, которые соединяют людей» [там же: 67].

Рассказы Пак Чхансун и Юн Гоын

Рассматривая произведения из сборника, можно отдельно выделить и два таких рассказа, как «Божья коровка начинает полет с вершины» (무당벌레는 꼭대기에서 난다, 2013) писательницы Пак Чхансун (박찬순, р. 1946) и «Ноготь шеф-повара» (요리사의 손톱, 2010) писательницы Юн Гоын (윤고은, р. 1980), герои которых — представители современных профессий: в первом рассказе героиня занимается рекламой, во втором герой работает промышленным альпинистом и моет окна высотных зданий.

Героиня рассказа «Ноготь шеф-повара» работает в рекламном отделе региональной газеты. Все ее неурядицы начинаются с маленького недоразумения. Неправильно прочитав вывеску, она допускает в рекламной статье ошибку, а когда газета уже отпечатана в пяти тысячах экземпляров и разослана, ей приходится ходить по всем точкам распространения и вручную заклеивать опечатки. Неправильно прочитанная вывеска — это маленькое недоразумение, которое может случиться с каждым, но из-за него героиня рассказа отклоняется от привычного маршрута повседневной жизни. Не только в этом рассказе, но и в других своих историях Юн Гоын использует силу воображения и выделяет какие-то обыденные вещи, с которыми люди часто сталкиваются, но не обращают на них внимания из-за занятости. Рассказ, включенный в этот сборник, концентрируется не на образе современного человека, который забыл, кто он, а на чувстве одиночества, с которым человек сталкивается, выбившись из привычного русла. Такое чувство возникает у героини, когда она стоит перед аквариумом ресторана: рядом коллеги, но ей кажется, что она одна: «Чон стояла перед аквариумом рыбно-

го ресторана. Вокруг были коллеги, но она их как будто не замечала. В аквариуме скумбрия быстро кружилась в одну сторону. Течение было таким сильным, что ему невозможно было сопротивляться, оно затягивало подобно морским волнам. Хотя рыбе, наверное, казалось, что она плывет самостоятельно. Узнать, за счет чего она плывет на самом деле, можно двумя способами: либо остановить движение воды, либо выпрыгнуть из аквариума. Но за его пределами был лишь жесткий асфальт» [Корейский стандарт, 2019: 236]. Повествование, которое начинается с «небольшого недоразумения», переходит к эпизоду, где главная героиня наблюдает за рыбой в аквариуме. И это наблюдение как бы предупреждает о другом недоразумении, гораздо более серьезном. Ведь скумбрия, которая плывет круг за кругом вместе с быстрыми потоками воды в аквариуме, находится под властью иллюзии, что она плывет сама, хотя на самом деле находится во власти течения. Это и есть то самое серьезное недоразумение, с которым сталкиваются жители большого мегаполиса, вынужденные кружиться в круговороте повседневных забот и проблем, связанных с поиском жилья и работы. После увольнения героиня оказывается по ту сторону аквариума, словно выброшена на асфальт. К ней приходит осознание того, что, хотя коллеги избежали ее участи и продолжают работать, они похожи на ту скумбрию из аквариума, которая подчиняется общему течению. Потеря работы и одиночество героини заставляют ее по-новому взглянуть на окружающую ее действительность, в которой она видит таких же одиноких людей, как и она сама. В нынешнем мире недостает сопереживания и поддержки, и их отсутствие может привести к тем последствиям, которые постигли героиню этого рассказа. Как пишет литературный критик Чан Дуён, «Рассказ предлагает читателю обращать внимание на одиноких людей, которые всегда есть рядом с каждым, сопереживать им и поддерживать, и это позволит нам самим получить утешение» [Чан, 2014b: 63].

Главный герой из рассказа писательницы Пак Чхансун «Божья коровка начинает полет с вершины» занимается промышленным альпинизмом и моет окна городских небоскребов. Надо отметить, что в отличие от других авторов, представленных в этом сборнике, Пак Чхансун поздно начала писать рассказы, в возрасте, в ко-

тором обычно уходят на пенсию. До литературного творчества Пак Чхансун занималась переводами, и ее прежняя профессия помогла ей использовать переводческую наблюдательность при написании рассказов. Пак Чхансун окончила факультет английского языка и литературы и в 1980—1990-е годы перевела большое количество иностранных фильмов и телесериалов. Обладая большим переводческим опытом, Пак Чхансун в некоторых рассказах упоминает о трудностях этой профессии. Ее писательский дебют вызвал большой интерес в литературном мире и среди обычных читателей. Этот интерес подогрела и высокая оценка литературным сообществом ее писательского мастерства. По мнению корейских критиков, Пак Чхансун присущи богатая эрудиция и широкие познания автора о европейской литературе. Возможно, эти знания имеют непосредственную связь с ее образованием и опытом литературного переводчика. По словам Чан Дуёна, «в свои произведения она вводит самые разные вещи и предметы, которые служат не просто отдельным украшением сюжета, а участвуют в раскрытии основной темы или в создании нужной атмосферы» [Чан, 2014с: 66]. Можно предположить, что ее поздний литературный дебют не был случайным, а стал возможным благодаря литературному чутью, которое формировалось на протяжении десятков лет переводческой работы. Герои упомянутого рассказа с риском для жизни взбираются на верхние этажи высотных зданий, размышляя о своих жизнях и ощущая ненужность, одиночество, чувство тоски. Главный герой, от лица которого идет повествование, держится за свои детские воспоминания, когда он жил с бабушкой в деревне на природе и наблюдал за божьей коровкой, и это единственное, что удерживает героя от страха падения с высоты. Как пишет Чан Дуён, «герои произведений Пак Чхансун имеют разные профессии и живут в разных городах, но по сути все они похожи на людей, которые висят под крышей высокого здания без страховки, подобно главному герою рассказа <…>. Все они будто заблудились в лабиринте, их гнетет плохое предчувствие, что за ними никто не придет и они никогда не смогут выбраться, даже если попытаются. Поэтому герои не живут, а будто просто отбывают свое время в этом лабиринте, одержимые тоской одиночества, грустью, беспомощностью» [там же: 67].

Рассказы Ким Чжонока и Ли Чжанука

Есть еще два рассказа, которые несколько отличаются по тематике от остальных, но в то же время описывают те же проблемы, что и у героев из других произведений этого сборника.

«Уличный фокусник» (거리의 마술사) — дебютный рассказ Ким Чжонока (김종옥, р. 1973). Рассказ впервые был опубликован в 2012 г. в газете «Мунхва Ильбо» как победивший в конкурсе новых литературных имен. От лица одной из школьниц описываются взаимоотношения между подростками. Это повествование о школьнике Наму, который, не выдержав насмешек и издевательств сверстников, делает шаг из окна. Наму не похож на других, живет в своем мире, у него нет друзей из-за его инаковости, и имя у него тоже говорящее. Школьники как-то раз записывают на доске иероглифами имя Наму как «нам» — мужчина, и «у» — дождь, и получается «человек дождя», как у героя из одноименного фильма. Этот эпизод вспоминает и рассказывает его одноклассница Хису в беседе с адвокатом, подругой матери еще одного ученика — Тхэёна, считающегося главным виновником «травли» Наму. Хису вспоминает и подробно рассказывает некоторые истории из школьной жизни Наму. Если использовать современную терминологию, то речь в рассказе идет о буллинге — психологическом и физическом насилии среди подростков, которое заканчивается в этой истории гибелью школьника. На первый взгляд, деление на виновных и жертву, на добро и зло очевидны. Но в «Уличном фокуснике» автор уходит от столь банального сюжета. Повествование ведется от имени Хису, которая не является ни виновницей трагедии, ни жертвой, что позволяет автору избежать морализации и выбрать нужную дистанцию и тон, чтобы объективно рассмотреть этот случай. Название «Уличный фокусник» указывает на фокусника, о котором Хису узнает из рассказа Наму. Для мальчика фокусник — это человек, который «делал то, что случиться не могло» [Корейский стандарт, 2019: 341]. Рассказав о нем, Наму говорит Хису: «Я покажу тебе фокус», и только в конце рассказа читатель узнает, что Наму подразумевает под словом «фокус» (уличный фокусник умел висеть в воздухе). Впоследствии Хису сама видит на улице фокусника, который чудесным образом угадывает написанное девочкой имя — Наму и словно бы возвращает ей связанные с ним воспоминания. Но чита-

тель так и не узнает, реальна ли эта сцена или является плодом воображения. В этом рассказе автор поднимает тему непонимания и нежелания признать непохожесть, нестандартное поведение. И все же есть надежда, что «где-то должен быть уголок, где, как по волшебству, царит мир» [там же: 343]. Хису не считает, что в этом случае одноклассник Тхэён — единственный виновник, так как виноваты все: «Добро невозможно увидеть глазами, которые не видели зла. Только после зла увидишь добро» [там же: 343]. Помощь нужна не тому, кто ушел из жизни, а тем, кто остался и не должен поддаваться обману зрения, трюкам, которые вынуждают смотреть на происходящее искаженно, не видеть сути. К сожалению, в последнее время в Корее проблема школьной агрессии среди подростков и насилия усугубляется и в связи с притоком иностранцев и ростом числа межнациональных браков. Если раньше корейцы называли себя гомогенной нацией, сейчас это уже мультикультурное сообщество, и проблема терпимости и толерантности становится актуальной для страны.

Рассказ писателя Ли Чжанука (이장욱, р. 1968) «Танцевальная комната Ивана Меньшикова» (이반 멘슈코프의 방, 2011) похож на автобиографическую историю. В этом рассказе место действия не Корея, а Россия, город Санкт-Петербург. Иначе говоря, главный герой оказывается за пределами страны и рассказывает о своем опыте пребывания в одном из российских городов. Из рассказа читатель узнает, что это не первый приезд рассказчика в Петербург, что он был здесь в первый раз в 1994 г. и вот вернулся спустя 13 лет, в 2007 г., поселился в старой квартире на Васильевском острове. Примечательно, что речь идет именно о России, о городе, с которым у корейцев ассоциируется такой писатель-классик, как Ф. М. Достоевский. Рассказ довольно динамичен. Сюжет настолько замысловатый и запутанный, что сложно понять, о чем идет речь. Автор, возможно, намеренно что-то недоговаривает, чтобы читатель догадался сам. В этом рассказе три действующих лица — главный герой, от лица которого ведется повествование, писатель Иван Меньшиков, он же хозяин квартиры, которую снимает главный герой, и друг Андрей, который подыскал ему эту квартиру. Возможно, Иван Меньшиков — это художественный вымысел автора рассказа, хотя в какие-то моменты он походит на вполне реального персонажа. Читатель до самого кон-

ца так и не может понять, существовал ли Иван Меньшиков на самом деле, умер он или нет, и если да, то как, а если жив, то правда ли, что он отправился в путешествие, чтобы покончить с собой. Так же, как и остается непонятным, почему предметы в комнате движутся и действительно ли кто-то танцует на шестом этаже. Присутствует некая мистика в том, что происходит вокруг рассказчика. Главный герой узнает об Иване Меньшикове от Андрея, с которым знаком с прошлого приезда в Петербург. Тогда Андрею было двадцать девять. Теперь же он подрабатывает в суши-баре, а по ночам пишет рассказы, и не просто рассказы, а мистику. Андрей сообщает главному герою, что известный писатель Иван Меньшиков — его друг. Но чем больше рассказывает Андрей, тем больше бессонница и галлюцинации мучают главного героя. Какова же суть этого рассказа? Возможно, Ли Чжанук пишет историю о том, как можно предать свои убеждения, когда сменяется общественный строй и прежние идеи уходят в прошлое: «Но с наступлением 90-х годов, когда Россию накрыла волна капитализма, все изменилось» [Корейский стандарт, 2019: 193], «В прошлый мой приезд Андрей практически все время молчал. Ему было неполных двадцать девять лет, это был худощавый парень с глубокими, как бездна, глазами. <…> он учился в аспирантуре по специальности богословие и в то же время был атеистом» [там же: 190], «Но теперь его внешний вид и походка заметно изменились. Он поправился, отрастил живот, а походка его, наоборот, стала энергичной» [там же: 196]. Возможно, автор рассказа, повествуя о своем российском опыте, в то же время сравнивает его с корейским. Как пишет О Суун, корреспондент отдела культуры издательства «Чосон Ильбо», «Ли Чжанук родился в 1968 году, поэтому является типичным представителем того поколения, которое в 80-х годах боролось за демократию. Возможно, он написал этот рассказ в поисках грани между тем, о чем можно писать, и тем, о чем нельзя, глядя на примеры своих сверстников, которые в прошлом сражались против капитализма, а теперь ходят по лезвию бритвы на передовых позициях капиталистической экономики» [О, 2013: 71]. Примечательно, что анализ сборника мы начали с рассказа Пак Мингю, который так же, как и Ли Чжанук, повествует о смене идеологии, об утрате духа свободы и появлении зависимости от современных корейских стандартов.

Заключение

Подводя итоги сказанному выше, можно предположить следующее: на фоне значительного технологического скачка и экономического роста, в условиях повышения уровня жизни и спада идеологической и политической активности современное корейское общество сталкивается с психологическими проблемами и трудностями. Внешняя трансформация в сторону обустроенности быта и демократических свобод не приводит к душевному балансу и гармоничным межчеловеческим отношениям. Общество потребления провоцирует «потребительское» отношение между людьми, а критерием успеха становятся социальный статус и деньги, традиционные ценности сменяются новыми. Авторы, родившиеся в промежуток между 1960-ми и 1980-ми годами, оказались непосредственными свидетелями этих социальных трансформаций и перемен в корейском обществе. В художественном пространстве литературы писатели, каждый в свойственной ему манере, придумывают сюжеты, героями которых становятся наши современники, обычные жители большого города. У всех у них своя жизненная ситуация — кто-то находит выход, а кто-то живет, смирившись с одиночеством и отсутствием живого общения. Писатели не наделяют своих персонажей героическими чертами, тем не менее их сила, возможно, в их слабости и человечности.

Список литературы

Акимова Т. [Комментарий на суперобложке] // Корейский стандарт. Рассказы современных корейских авторов / предисловие Ким Хёнтхэка; перевод Татьяны Акимовой. Сеул : Корейский фонд международных обменов, 2019.

Иванов Д. В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее // Восток Oriens. 2013. № 1. С. 64—80.

Корейский стандарт. Рассказы современных корейских авторов / предисловие Ким Хёнтхэка; перевод Татьяны Акимовой. Сеул : Корейский фонд международных обменов, 2019.

Ли Кван-хо. Проводник по пути, которого нет. Творческий мир Ким Миволь // Koreana. Осень, 2011. № 3. С. 92—93.

Ли Су-хён. Участь рассказчика // Koreana. Осень, 2010. № 3. С. 83—85.

О Суун. Так чей же это кошмарный сон? // Koreana. Лето, 2013. № 2. С. 70—71.

Син Су-чжон. Чон Хана: алхимия преобразований отчаяния и надежды одной семьи // Koreana. Весна, 2011. № 1. С. 87—89.

Чан Дуён. Замешивание теста как жест примирения // Koreana. Осень, 2015. № 3. С. 66—67.

Чан Дуён. Чтение дает свободу // Koreana. Осень, 2014a. № 3. С. 62—63.

Чан Туён. Недоразумение и сопереживание // Koreana. Лето, 2014b. № 2. С. 62—63.

Чан Дуён. Теплый взгляд писателя-переводчика Пак Чхансун // Koreana. Весна, 2014c. № 1. С. 66—67.

Чхве Чебон. Терпимость и жестокость анонимного пространства // Koreana. Зима, 2017. № 4. С. 70—71.

Чхве Чжебон. Рассказ как волшебство, несущее мир и любовь // Koreana. Зима, 2016. № 4. С. 70—71.

Чхве Чжебон. Карнавализация тяжёлого и обыденного // Koreana. Лето, 2016. № 2. С. 68—69.

Kim Yoon-shik. (1998) Understanding Modern Korean Literature. Seoul: Jipmoondang Publishing Company.

Ryoo Bo Sun. (2015) Towards Rupturing the Symbolic Order. *_list: Books from Korea*. Vol. 28. P. 40—41.

Shin Soojeong. (2015) Modern Existence and the Investigation of Sexuality. *_list: Books from Korea*. Vol. 28. P. 44—45.

Ан Намён. Хёндэсахвеый пёнхвава сосорый тэынъ панъбобе тэхан ёнгу (Изменения в современном обществе и способы отображения в романах. Женская проза 1990х гг.). Исследования современной прозы, № 10, 1999. С. 447—470. 안남연. 현대사회의 변화와 소설의 대응방법에 대한 연구. 1990년대 여성소설의 현주소. URL: http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE06669729 (дата обращения: 05.05.2021).

Чо Намхён. Хангук хёндэ сосорый хёнсиль тэынъ панъбоп (Способы отображения действительности в современных южнокорейских романах). Исследования современной прозы, 2000. № 13. С. 9—25. 조남현. 한국현대소설의 현실대응 방법. URL: http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE06669772 (дата обращения: 05.05.2021).

ГЛАВА 16. ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА КАН БЁНЪЮНА «ПРОДАМ КОСТЮМ СУПЕРМЕНА»)

Аннотация. На примере рассказа Кан Бёнъюна «Продам костюм супермена» в главе анализируется, как трансформации южнокорейского общества отражаются в современной литературе короткой формы. Произведение вышло в свет в начале 2000-х годов, в период смены эпох и глубоких изменений в культурной и социальной сферах жизни южнокорейского общества. В рассказе затрагиваются актуальные для того времени темы, такие как отчужденность человека в обществе, давление общественных стереотипов, а также социальные роли людей. Большое влияние на автора оказали идеи аналитической психологии Карла Юнга, а также литературное творчество южнокорейского писателя Пак Мингю и русских писателей Н. В. Гоголя и Е. И. Замятина. В рассказе мы видим нового героя — героя XXI века, который испытывает отчужденность и вынужден носить «маски», страдая от давления общества. Рассказ «Продам костюм супермена» описывает южнокорейскую действительность начала нового столетия, однако при этом оказывается близким не только корейскому читателю, но и иностранному, в том числе российскому.

Взаимосвязь общества и литературы

Литература и общество тесно связаны, однако осознанное внимание к вопросу о характере отражения общественной жизни в литературе появилось не сразу. «Проблема взаимосвязи между литературой и обществом возникает в определенный, сравнительно недавний момент истории и лишь в отдельных частях света. Она рождается практически одновременно с критической рефлексией по поводу и общества, и литературы. Точнее, в момент формирования самого общества и самой литературы, какими мы их знаем се-

годня, — в тот исторический момент между XVIII и XIX столетиями, когда возникает и упрочивается современный мир. Естественно, что эту проблему формулирует и ставит перед сознанием прежде всего западная Европа» [Гудков, Дубин, Страда, 1998: 5]. Связи между обществом и литературой неоднозначны и многогранны. Литература не является полным отражением общества. В первую очередь ввиду того, что даже писатели одной и той же эпохи представляют своему читателю разных героев и разную действительность, которые, безусловно, могут отличаться от произведения к произведению. Миры разных писателей одной эпохи — «это части изменчивого, постоянно развивающегося космоса — <…> человеческой истории в Большом времени, которое перекрывает любое определенное Малое время и впадает в Вечность. Тем самым связь между литературой и обществом усложняется, приобретая историческое и метаисторическое измерение и сосредоточиваясь вокруг созидателей литературных миров — отдельных писателей с их субъективным отношением к реальности. Литературный мир любого автора является определением реальности (а значит, общества) и ее основных категорий (пространство, причинность и т. д.). Вместе с тем это особое, ценностное отношение к действительности, определенной и пережитой таким образом» [там же: 8]. В литературных произведениях очень тесно переплетено общекультурное, культурно-обусловленное, а также индивидуальное, или авторское.

Анализируя южнокорейскую литературу, И. В. Цой выделяет в ней три основных тематических периода: «1) становление новых тем и вопросов в литературе (1945—1951); 2) травма Корейской войны и попытки ее преодоления (1951 — вторая половина 1960-х годов); 3) постепенное уменьшение роли политических и идеологических тем, рост внимания к частному и индивидуальному в художественных произведениях (1970-е годы — настоящее время)» [Цой, 2018: 317]. В третий тематический период, к которому принадлежат и произведения Кан Бёнъюна, авторы «все больше внимания уделяют частной жизни, а не социальным процессам. Теперь судьба нации, идеологии интересует их меньше, чем личные проблемы человека, такие как семья, сексуальность, положение меньшинств и подобное. Эти изменения повлияли и на структуру произведений. С развитием ху-

дожественных форм все больше разрушаются границы между элитарным искусством и массовой культурой. Вследствие этого литература начала сближаться с другими формами искусства, и новый корейский роман утратил свою традиционную эстетическую основу» [там же: 327—328].

Произведение «Продам костюм супермена» было опубликовано в Южной Корее в начале 2000-х годов, в период смены эпох и глубокой трансформации в культурной, социальной и других сферах жизни южнокорейского общества. В рассказе затрагиваются актуальные для того времени темы, такие как отчужденность человека в обществе, давление общественных стереотипов, а также социальные роли людей.

Переводческая работа авторов над рассказом «Продам костюм супермена» длится уже больше пяти лет. Знакомство с произведением состоялось, когда проектная группа по переводу художественной литературы, состоящая из студентов и преподавателей корейского отделения переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, провела встречу с автором рассказа Кан Бёнъюном, на которой он рассказал об особенностях смысловой структуры произведения, а также о специфике других своих произведений. Личное общение с писателем помогает переводческой интерпретации, а это важнейшая стадия процесса перевода. Как пишут Э. Н. Мишкуров и М. Г. Новикова, переводческая интерпретация «трансдисциплинарно тесно связана с процедурами и результатами предпонимания и понимания авторского текста и последовательно реализуется на их основе» [Мишкуров, Новикова, 2020: 242]. После встречи с писателем через год перевод рассказа «Продам костюм супермена» был опубликован в сборнике «Художественная литература малой формы в переводах студентов МГЛУ» [Кан, 2015: 92—112]. Через несколько лет мы решили вернуться к данному рассказу. В рамках постпереводческого анализа переводчики и авторы статьи использовали метод письменного интервьюирования автора для более глубокой интерпретации и детального анализа произведения русскоязычными читателями. Некоторые выдержки из данного интервью будут представлены в нашей статье в авторском переводе.

История создания рассказа

Главная тема рассказа — это рефлексия «маленького» человека, его переживания о том, как жить в социуме, преодолевая общественное давление и неизбежно надевая на себя маски. На корейском языке рассказ называется *Накчхаль* (낙찰, досл. «лот», «ставка»). «Продам костюм супермена» — это эксплицитный перевод, используя который, мы хотели передать идею автора о том, что каждый человек пытается себя продать в обществе, однако ирония такова, что в конце произведения этот костюм и вся ответственность, которую накладывает на героя произведения его ношение, оказываются никому не нужными:

> *Открываю сайт интернет-аукциона. Хотя сутки еще не прошли, я кликаю на раздел «одежда», чтобы посмотреть результаты. Дрожу от волнения.*
>
> *До конца продажи всего два часа, а никто так и не захотел купить костюм. Я растерянно смотрю на надпись «покупатели: 0». Эта новость даже хуже, чем сегодняшнее двойное поражение любимой команды. Несмотря на то, что никто не захотел купить костюм, очень многие оставили под ним свои комментарии. У меня появляется надежда. Однако, как только я начинаю читать эти комментарии, она тут же исчезает. В основном люди писали что-то вроде «Да кто это купит?», «Где вы это откопали?» и подобные едкие замечания. В какой-то момент мне захотелось ответить им, но я быстро отказываюсь от этой затеи. Бросаю взгляд на костюм. Он уже немного обвис. Кажется, что кнопки скоро повыскакивают и костюм просто свалится на пол. Вхожу на сайт аукциона, меняю данные. Увеличиваю срок продажи с суток до месяца. Затем открываю поисковик, в строке поиска набираю: «распродажа». Появляется множество сайтов. Выбираю среди них десять наиболее понравившихся. На каждом из них размещаю свое объявление. Срок продажи, естественно, один месяц. Возможность продать мой костюм возрастает в 300 раз* (пер. авт.).

Рассказ был напечатан в журнале *«Чонсингва пхёхён»* («Разум и экспрессия») в 2002 г. и представляет собой дебютную работу писателя. В Корее для творческой реализации молодых писателей создана система конкурсов и публикаций дебютных работ. Таким образом, рассказ «Продам костюм супермена» — это первое опубликованное произведение Кан Бёнъюна, которое во многом наметило дальнейшее направление его литературной деятельности и которое является важным для понимания всего творчества писателя. В своем интер-

вью переводчикам автор пишет: «Однажды я оказался в гостях у своего учителя, известного писателя Ли Чжеха, который в то время вел у нас курс по литературному мастерству. Мне на глаза попался журнал „Разум и экспрессия“, куда я и отправил свой дебютный рассказ. Да, вы правы. Удача любит меня!» (*пер. авт.*). Кроме того, автор также подчеркивает, что импульсом к созданию рассказа было произведение про супермена, написанное его сокурсником. Кан Бёнъюну работа коллеги не очень понравилась, и поэтому он решил попробовать воплотить в жизнь тему супергероев иным образом, что представляет достаточно распространенное явление в литературном мире.

Большое влияние на творчество Кан Бёнъюна в целом и на рассказ «Продам костюм супермена» в частности оказали идеи аналитической психологии Карла Юнга, а также литературное творчество южнокорейского писателя Пак Мингю и русских писателей Н. В. Гоголя и Е. И. Замятина. Впоследствии Кан Бёнъюн, опираясь на идеи Карла Юнга, защитил докторскую диссертацию.

Автор произведения для себя особо отмечает творчество Пак Мингю, так как именно его идеи автору очень близки. После выхода в свет рассказа «Продам костюм супермена» автор собирался продолжить развивать в своем творчестве тему «маленького человека» в корейском обществе, стремясь донести читателю, что «в мире много обычных героев». Но в 2003 г. вышло произведение Пак Мингю «Легенда о земном герое», и Кан Бёнъюн отказался от своей задумки. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в начале 2000-х годов тема супергероев и проблема места человека в обществе оказались актуальными для многих южнокорейских писателей, что говорит о значимых переменах в общественной жизни страны, на которые литература неизбежно реагировала. Стоит отметить, что творчество Пак Мингю близко Кан Бёнъюну и в настоящее время. В 2019 г. они вместе оказались в Бразилии на литературном мероприятии, организованном Институтом переводов корейской литературы по случаю 50-летней годовщины установления дипломатических отношений между странами. Писатели приехали, чтобы познакомить бразильцев с корейской литературой.

Значимое влияние на творчество Кан Бёнъюна оказала и русская литература, аллюзии на которую очень часто встречаются в его про-

изведениях. В первую очередь это Н. В. Гоголь, его работы автор считает «источником творческого вдохновения». Кроме того, писателю близок и Е. И. Замятин, в особенности его роман-антиутопия «Мы».

Начало 2000-х годов — это время, когда в Корее стала набирать популярность империя Marvel. В рассказе считывается ирония автора, направленная на несовершенство окружающего мира, в котором живет герой, а также постоянное давление корейского общества на него:

> *Большинство людей судят о суперменах по американским фильмам. Они считают, что мы люди из другого мира, и уже рождаемся со сверхспособностями. Но это явное заблуждение. Супермены — это работники международной организации «Мир на Земле», созданной по инициативе правительств и лидеров разных стран после Второй мировой войны. Сверхспособности у нас появляются, только когда мы надеваем костюм. В нем наша сила. Первый комикс под названием «Супермен» вышел в американском издательстве «Марвел». Это встревожило лидеров стран, появились даже предложения устранить Боба Кейна, автора идеи, укравшего информацию для своего комикса у Госдепартамента США. В итоге под грифом «секретно» в массы внедрили миф о том, что супермены — это люди с другой планеты, которые рождаются сразу со сверхсилой. Но на самом деле супермен, не надевший свой костюм, это совершенно обычный человек. Придется убрать «супер» из названия* (пер. авт.).

Кан Бёнъюн в своем интервью также рассказывает, что «главный герой книги — супермен, но это история не о „сверхчеловеке“, а о человеке. В современном обществе ожидается, что люди должны быть сверхлюдьми, и это проблема не только Кореи. Так было двадцать лет назад, и, похоже, ничего не изменилось по сей день. Как бы нам ни было тяжело, мы не говорим об этом, как бы нам ни хотелось убежать, убежать от реальности мы не можем» (*пер. авт.*). В рассказе мы встречаем размышления корейского супермена об обычной жизни, которую ему бы хотелось вести, без социального давления, без масок, которые необходимо носить:

> *Это первая в моей жизни кулинарная книга. У меня сразу поднимается настроение. Представляю себе, как буду каждый раз после работы готовить ужин. Мысли несутся дальше. Мечтаю, как после свадьбы буду*

готовить своей жене. Она вместе с детьми играет в гостиной, а я на кухне готовлю ужин для всей семьи. И Землю защищаю не я, а другие супермены (пер. авт.).

Общественные стереотипы навязывают человеку необходимость становиться сверхчеловеком. Эти требования заставляют его прятаться от всего происходящего под маской. В произведении «Продам костюм супермена» несколько планов содержания. Передний план — необходимость спасения мира суперменом. Второй план — депрессивность бытия главного героя, который страдает от своего бренного существования, обыденности. «И это так называемое „двойное дно“ передается с помощью развернутой метафоры „маски“, которая пронизывает все повествование — маска вождя, маска енота, а также сам костюм супермена» [Похолкова, Селезнёва, 2019: 77]:

Мало-помалу подтягиваются посетители. Чем больше людей, тем больше работы. Приходится надевать огромную голову енота — и не снимать часами. Когда я рассказываю о своей работе, многие переживают, каково мне целый день стоять в этой гигантской маске. Да ничего особенного, честно говоря. Даже весело. Пока ты в маске, ладить с людьми легко. Можно даже притворяться, что тебе весело. Фотографироваться со всеми желающими, давать детям себя потискать. Японские, китайские школьницы, не говоря уже о корейских, угощают шоколадками и газировкой. Но иногда устаешь.

Дети всей ватагой с воплями накидываются на меня и сбивают с ног. Мальчишка-подстрекатель хватается за маску и пытается стащить. Я держу ее изо всех сил, а мультяшная голова не перестает улыбаться. Тут кто-то начинает меня щекотать, остальные просто пинают ногами. Заметив эту сцену, воспитательница пронзительно свистит в свисток. Дети замирают. Воспитательница подзывает того крепыша. Задира — у сверстников он явно пользуется авторитетом — подбегает к ней и изображает на лице глубокое раскаяние, хотя видно, что неискреннее. Воспитательница строит детей парами и уводит на аттракцион «Пиратское судно». Еле-еле поднимаюсь с земли. На лице по-прежнему улыбка. Точнее, улыбаюсь не я — улыбается маска. Ей-то хорошо, а вот у меня настроение паршивое. Прохожих забавляет мой нелепый вид, но некоторые все же смотрят с сочувствием. Постепенно прихожу в себя и снова начинаю пританцовывать в такт музыке и подшучивать над парочками: подбегаю сзади и втискиваюсь между ними (пер. авт.).

Архетип «персоны»

Как пишет А. Ф. Троцевич, «исследователи современной литературы Республики Корея обращают внимание на влияние западных философских течений на формирование облика корейской прозы 1960—1970-х годов. Среди этих идей особое место занимает экзистенциализм. В самом деле, читая рассказы Ким Тонни (1913—95), Чхве Инхуна (1936), Ким Сынока, замечаешь, что, как правило, герои в них одиноки, отчуждены от окружающего мира и все их попытки общения с другими людьми терпят неудачу» [Троцевич, 1997: 62].

В рассказе Кан Бёнъюна встречается несколько масок: маска вождя племени мэнде, маска енота, которую герой вынужден носить на работе в парке развлечений, а также костюм как развернутая метафора на уровне всего текста повествования. Метафоры маски отсылают читателя к философии Карла Юнга и одному из его архетипов — архетипу «персоны», или «маски». Согласно концепции швейцарского ученого, «персона — это ответная реакция личности на общественные установки, тот образ, который человек создает себе в социуме с целью обеспечения комфортных условий для своей жизнедеятельности» [Зайцев, 2018: 145]. Каждый человек обладает системой масок, которые помогают ему выполнять свои социальные роли, а также выстраивать отношения с другими людьми. «Персона выступает в качестве вторичной действительности, оказываясь продуктом компромисса, в создании которого другие иногда принимают гораздо большее участие» [Юнг, 2010: 183]. Таким образом, маску героя произведения определяют не только его индивидуальные черты, но также и сама южнокорейская действительность периода смены эпох. Тема социальных ролей особенно близка автору рассказа, которому на момент его написания было чуть больше 20 лет. И с помощью героя своего рассказа он пытается сам понять роль человека в обществе и стремится найти компромисс между личным и социальным.

«У одного человека не одна и не две маски. Иногда приходится носить целый десяток. Иногда мы должны жить в облике слабости, иногда — выглядеть сильными. Когда мне было двадцать, концепция человеческой маски не давала мне покоя, и моя книга об этом», — говорит в интервью Кан Бёнъюн. Важно отметить, что при всем

этом персона является элементом коллективной психики, своего рода компромиссом между человеком и обществом. Положительные функции данного архетипа заключаются в его способности налаживать коммуникацию между членами общества, а также межличностные связи. Кроме того, персона позволяет индивиду попробовать себя в той или иной социальной роли, в случае если не происходит слишком сильной идентификации себя с ней и существует возможность выйти из этой роли. Тем не менее персона, являясь продуктом коллективного бессознательного, представляет собой не исключительно коллективный феномен. Безусловно, в ней находит свое отражение и элемент индивидуального.

Супермен в рассказе хочет избавиться от костюма супермена, выставляя его на продажу в интернет-магазине. Герой считает, что таким образом ему снова удастся начать жить нормальной жизнью, а социальное давление не будет таким сильным:

> *Захожу на сайт интернет-аукциона. В разделе «Одежда» создаю лот, загружаю фотографии. Теперь мой костюм увидят тысячи, нет, десятки тысяч людей. В графе «Описание» указываю: «Костюм Супермена. В комплекте футболка, штаны-трико, плавки, плащ и сапоги. Для тех, кто хочет стать Суперменом». Срок размещения — сутки. Дольше и не нужно, хватит. Такую вещь даже за день с руками оторвут. Хотя мне, честно говоря, все равно, кто и за сколько этот костюм купит. Главное — найти нового супермена, который будет вместо меня защищать мир и спокойствие на земле, а именно в Юго-Восточной Азии. Наконец-то смогу не опаздывать на работу и не отпрашиваться пораньше. И не буду исчезать в разгар посиделок с друзьями. И мне больше не придется ни носить очки в роговой оправе, которые мне не идут, ни запираться в тесной телефонной будке и судорожно натягивать костюм в облипку. И не надо будет ни врать девушке, ни летать в дурацком плаще между высоток, ни мотаться на другой конец Тихого океана, потому что террористы распоясались* (пер. авт.).

Трактуя архетип персоны по Юнгу, ученые писали, что разрушение персоны может иметь пагубные последствия, несмотря на то что данный архетип является поверхностным слоем в структуре человеческого сознания. Например, Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева, детально анализируя работу «Отношения между эго и бессознательным» Карла Юнга 1928 г., пишут, что «Согласно Юнгу, разрушение персо-

ны может привести к: 1) развитию паранойи или шизофрении вследствие коллапса эго и инфляции сознания материалами коллективного бессознательного; 2) развитию регрессивного или эксцентрического поведения в связи с отсутствием социальной адаптации; 3) восстановлению регрессивной персоны, защищающей от дальнейших влияний бессознательного, что характерно для людей, испытывающих страх самопознания; 4) возможной идентификации с архетипами коллективного бессознательного, встречающимися в сновидениях и фантазиях, в результате чего происходит „потеря себя“ в архетипных образах» [Короленко, Дмитриева, 2018: 14]. Таким образом, хотя сам герой рассказа надеется, что продажа костюма поможет ему избежать социального давления и поспособствует нормальной жизни, давление общества при этом вряд ли станет слабее, а социальная адаптация будет не менее трудной. Персона не является негативной по своей природе, однако опасность возникает в случае слишком тесной идентификации себя с маской или социальной ролью.

Помимо влияния идей швейцарского ученого стоит отметить и традиционный контекст, важный для корейской культуры. Маски занимают особое место среди символов культуры Кореи, которая тесно связана с концепцией шаманских культов и ритуалов. Важно и традиционное представление корейцев о том, что ни в какой ситуации нельзя потерять лицо — *чхемёныль ильтха* (체면을 잃다). Мы позволили себе выдвинуть гипотезу о том, что в этом тоже можно найти связь с коллективным бессознательным, о котором пишет Карл Юнг. Сам автор рассказа «Продам костюм супермена» затрудняется ответить на этот вопрос, однако, возможно, неспособность дать сознательный ответ как раз и доказывает связь с бессознательным. Архетип персоны в каждой отдельной культуре приобретает особые черты, которые изменяются с течением времени. Согласно Э. Сэмуэлсу, Б. Шортеру и Ф. Плоту, у каждой культуры свои нормы социального поведения для архетипа маски, которые изменяются и эволюционируют вместе с социумом [Сэмуэлс, Шортер, Плот, 2016: 39]. Основываясь на литературных произведениях, а также социологических трудах, можно сделать вывод, что для корейской культуры особое значение имеет аспект социального давления, общественных стереотипов и сложного социального расслоения.

Герой рассказа живет в начале 2000-х годов, в период глубоких общественных трансформаций. Изучая количественную представленность персоны в традиционном и современном обществе, Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева пишут, что «количественная представленность персоны возросла в сравнении с традиционным обществом. В новых условиях становится труднее сохранять настоящую идентичность, структуру „Я“ за часто меняющимися множественными масками, которые на каком-то уровне связаны друг с другом. Границы между этими персона-идентичностями часто стираются» [Короленко, Дмитриева, 2018: 15]. В нашем рассказе современное общество представлено суперменом, а традиционное общество — племенем мэнде.

Племя и маска его вождя выступают в роли самой примитивной формы отчужденности, и автор проводит достаточно четкие параллели между жизнью этого племени и жизнью корейского общества:

> *Сегодня у меня на завтрак холодный рис с супом. Беру пульт от телевизора, жму на кнопку. Двое ведущих и журналисты утренней передачи бодро возвещают о начале нового дня. В очередном репортаже речь идет об африканском племени мэнде. Чтобы встретиться с вождем, съемочная группа во главе с симпатичной корреспонденткой отправилась в Африку. Хотя живем мы в разных концах света, говорит журналистка, у нас с мэнде много общего. Как и корейцы, аборигены тяготеют к патриархальности и коллективизму, да и основная пища у них — рис.*
>
> *Один из ведущих спрашивает вождя, что у него за маска. Маска эта, напоминающая корейскую, выглядит немного карикатурно и уж точно не может никого напугать. Вызывает скорее симпатию и умиление. С ее помощью вождь исполняет роль шамана. Вождь заключает браки и разрешает споры, на него вся надежда в случае бедствий. Ему доверяют абсолютно все: от семейных неурядиц до сношений с богами. В племени его и самого почитают как бога. Однако он почему-то — даром что патриарх — со своими подопечными не общается. Кажется, даже репортер-чужеземец с ними ладит лучше. Мы видим, как вождь или с безучастным выражением лица бродит по деревне, или таращится на журналистку* (пер. авт.).

При этом герой рассказа сочувствует вождю племени. Он вынужден носить маску, и это накладывает на него определенные обязательства перед обществом, что в итоге заставляет его чувствовать свое одиночество и отчужденность:

Поскольку у вождя нет возможности поддерживать отношения с сородичами — разве только отношения начальника и подчиненных, — он обречен на одиночество. При этих словах камера выхватывает огорченное лицо одного из ведущих. Мне и самому становится грустно. Переключаю на какую-то детскую передачу (пер. авт.).

Как и маска племени мэнде, костюм супермена не дает герою поддерживать обычные отношения с другими членами общества:

Тут двое заходят в туалет и начинают говорить обо мне. В принципе ничего плохого, просто обсуждают, что я себя как-то странно веду. Говорят, что в Ёсу завелся серийный убийца. В тот день мне, естественно, пришлось тоже туда отправиться, чтоб поймать преступника, поэтому с работы я ушел раньше. Но ясное дело, настоящую причину я сказать не мог. Придумал какое-то оправдание. И вот они обсуждают это. «Всегда, когда он уходит с работы раньше, что-то непременно случается». То раскроют религиозную секту в Хвасоне, то пожар в районе красных фонарей в самом центре Сеула, то взрыв в Чончжу, то северокорейское судно нарушит территориальные границы возле острова Канхвадо. Мне показалось, что в их глазах я просто неудачник, который гоняется за острыми впечатлениями. А я все это время сижу, затаив дыхание (пер. авт.).

В рассказе можно найти четкие отражения жизни самого писателя. Герой едет по второй линии сеульского метро от района Синдорим до станции Чамсиль, и эта линия была выбрана неслучайно. Это та самая ветка, по которой сам Кан Бёнъюн ездил на учебу в аспирантуру. Кроме того, действие произведения происходит в любимом парке развлечений автора — «Лотте Ворлд». Таким образом, Кан Бёнъюн вместе с героем рассказа суперменом задумывается о месте человека в обществе вообще и о своем месте в нем.

Маленький человек

Тема места человека в обществе пронизывает весь рассказ «Продам костюм супермена» и является главной во всех литературных произведениях Кан Бёнъюна. По признанию самого автора, наибольшее влияние на него в этом ключе оказало творчество Н. В. Гоголя и его концепция «маленького человека». Особенно близка писателю повесть «Нос», в которой в образе носа раскрывается социальный феномен жизни общества. «Маленький человек» — это тип литера-

турного героя, возникший в реалистических произведениях русских писателей в начале XIX века. «В литературе XIX века появляются образы ничем особым не примечательных, довольствующихся малым, лелеющих весьма скромные мечты и обреченных на страдания Самсона Вырина, Акакия Акакиевича Башмачкина и Макара Девушкина, в XX столетии им на смену приходит Иван Денисович. Сменяют друг друга эпохи, но образ „маленького человека“ остается актуален и в наше время» [Шурупова, 2014: 120]. При этом каждый автор по-своему интерпретирует тип «маленького человека». Как пишет В. С. Расторгуева, сострадательный «маленький человек» Гоголя «в произведениях Достоевского перевоплощался в героя, несущего такой комплекс противоречий, который потенциально таит в себе скрытые амбиции, готовые проявиться в уродливых, порой агрессивных формах выражения. В рассказах Чехова „маленький человек“ из униженного и оскорбленного трансформировался в разряд героев, ничтожных, неспособных к внутренней свободе и подлежащих за это не состраданию, а осмеянию» [Расторгуева, 2012: 311].

Образ «маленького человека» встречается и в современной российской прозе. В. С. Расторгуева рассматривает трансформации данного типа героя на примере произведений В. С. Маканина «Голоса», «Андеграунд, или Герой нашего времени» и Е. Чижовой «Нюточкин дом». Основной мотив трансформаций образа «маленького человека», выявленный автором в результате анализа, — это «создание пародийного двойника „маленького человека“ как результат исторической перекодировки гуманистических ценностей» [там же: 310].

Как признается Кан Бёнъюн в своем интервью, его тип «маленького человека» больше всего близок к данному типу героя произведений Н. В. Гоголя. Супермен в рассказе — это «маленький человек», который живет в южнокорейском обществе начала 2000-х годов. Он тоже чувствует свою отчужденность, однако сам автор верит, что каждый найдет свое место в обществе. Автор метафорично показывает, как герой не вписывается в общество. Примечательно, что супермен в рассказе все время переживает, что не проходит в дверные проемы. При этом он задумывается над причиной своей отчужденности — может, виноват он сам, а может, что-то не так с окружающим миром:

Как же неудобно рослым людям вроде меня ездить в автобусах с низкими потолками. Когда автобус резко тормозит или подпрыгивает на ухабе, всегда ударяюсь головой. Иногда это издевательство приходится терпеть минут десять, а иногда и полчаса. По дороге все думаю, кто же виноват: я сам со своим высоким ростом или дело в непредусмотрительности инженеров. Наконец объявляют мою остановку. И при выходе приходится быть начеку: дверные проемы тоже довольно низкие (пер. авт.).

По словам писателя, история маленького человека — важнейшая тема его произведений. Герой его переведенного на русский язык романа «Я — Виктор Цой» (пер. Н. А. Беловой) — тоже «маленький человек». Хоть они и не известны в России, «Рассказы о воображаемых людях», «Сборник записей о кастрации мистера Y» и «Зудящие пальцы» также раскрывают историю «маленького человека». «Рассказы о воображаемых людях» — это история о человеке, у которого неравномерно растут волосы, а также о человеке, который не может лгать; роман «Сборник записей о кастрации мистера Y» — история о мальчике без носа. В романе «Зудящие пальцы» раскрывается история о бейсболисте, у которого на кончиках пальцев появились глаза. Таким образом, главные герои этих произведений живут в обществе в отличном от других людей облике. Однако сам автор не теряет надежды на то, что и этим людям есть место в социуме: «Я думаю, что в мире много людей, не попадающих под стандарты, и эти люди тоже имеют право жить в гармонии с остальными людьми. Потому что быть другим не значит быть лишним» (*пер. авт.*).

Употребляя термин «маленький человек», нам бы хотелось уточнить, что в интервью сам автор пользуется двумя словосочетаниями — *чагын сарам*(작은 사람, досл. маленький человек) и *соведвен сарам* (소외된 사람, досл. отчужденный, изолированный человек). При этом они употребляются для описания героя рассказа в синонимичном смысле. Автор описывает именно тип героя «маленький человек», а не «лишний человек», так как второе словосочетание можно было бы перевести данным образом. Однако «лишний человек» — это совершенно другой тип литературного героя, характерный для произведений русских писателей 1840-х и 1850-х годов.

Стоит особо отметить и принципиальное отличие «маленького человека» Кан Бёнъюна от данного типа героя известных русских пи-

сателей. Как пишет А. В. Жучкова, «в процессе поиска героя нового времени XIX век открывает тип „маленького человека“. Начиная с произведений А. С. Пушкина, этот образ становится ключевой фигурой литературы, однако его сложно назвать героем в полном смысле этого слова. В творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского и Чехова „маленький человек“ в большей степени является антигероем, его безмятежная безответственность противоречит представлению о герое в первоначальном смысле этого слова» [Жучкова, 2016: 63]. Однако главный посыл Кан Бёнъюна состоит в том, что любой человек может себя найти в обществе и жить в гармонии с другими людьми. Отчуждение супермена скорее результат не его безответственности или пассивности и нежелания менять что-то в своей жизни, а постоянно усиливающегося давления южнокорейского общества на человека, из-за которого он вынужден носить маски, боясь быть непринятым и непонятым другими людьми. Таким образом, перенос ответственности за неудачи на внешние обстоятельства, характерный для «маленького человека» в русской литературе, не столь свойственен для супермена в данном рассказе и «маленького человека» Кан Бёнъюна.

В рассказе главный герой едет в метро и рассматривает рекламные плакаты на стене вагона, на одном из которых изображен игровой автомат наподобие того, из которого клешней достают игрушки. Такие автоматы в начале 2000-х годов были очень популярны в Корее. Автор произведения признается, что и сейчас очень любит такие автоматы и никогда не проходит мимо них. Однако вместо игрушек в рассказе автомат на рекламе набит людьми, среди которых тоже находится отстраненный. При этом именно в нем герой рассказа замечает особое обаяние. Во всем этом мы можем увидеть метафорическую модель южнокорейского общества, которое хотел показать автор:

> *На плакате изображен игровой автомат типа того, из которого клешней достают игрушки, только вместо игрушек он набит людьми. Запрокинув головы, все впились глазами в клешню и истошно кричат, чтобы выбрали их. Но клешня направляется к невозмутимому субъекту, который держит в руке табличку с названием сайта. Правда, хоть этого счастливчика и поместили в самый центр, интереснее другой мужчина, прижатый к стенке.*

Да, он тоже вытянул руки вверх, но выглядит этот жест как-то неестественно. На месте дизайнера я бы изобразил его иначе или убрал совсем. Хоть его сдавили со всех сторон, лицо у него безмятежное и даже вроде бы просветленное. Особой красотой мужчина не блещет, фигура тоже самая обычная, еще и поза неловкая, но странное дело: есть в нем какое-то обаяние. Он не похож на остальных: поступает не так, как все, не идет на поводу у обстоятельств. Ему как будто все равно, схватит его клешня или нет, — в любом случае безмятежность не сойдет у него с лица. Нет, не вписывается его образ в эту рекламу (пер. авт.).

Из данного описания мы видим иронию автора по поводу того, как каждый человек пытается себя «продать» в обществе, стать замеченным и соответствовать принятым стереотипам. Однако реальность такова, что давление социума только усиливается.

Отражая социальный климат эпохи начала нового столетия, автор детально описывает корейские реалии, такие как суп кимчи-ччиге, парк развлечений «Лотте Ворлд», который выступает в рассказе как фальшивая категория, радость на фоне отчужденности главного героя. Почти все эти реалии при переводе удалось оставить в неизменном виде, кроме супа кимчи-ччиге. В процессе редакторской работы над рассказом авторы приняли решение использовать перевод «капустный суп», так как название блюда употребляется наряду с другими всем известными названиями — рис, лапша и т. д. При этом все эти блюда, в том числе кимчи-ччиге, подразумевают что-то самое простое в готовке, неизысканное и, конечно, недорогое, что еще раз подчеркивает некую депрессивность существования нашего героя-супермена: «Но с другой стороны, а что я умею готовить? Если не считать капустного супа, ничего больше и не умею» [Похолкова, Селезнёва, 2019: 82].

С момента написания рассказа прошло уже почти 20 лет, но проблемы, которые автор в нем затрагивает, актуальны и сегодня. 2000-е годы — время серьезных трансформаций в обществе и в сознании людей. Во время трансформационного периода 1990-х годов наметился путь на модернизацию, которая продолжается и сейчас. В рассказе мы видим нового героя — героя XXI века, испытывающего отчужденность и вынужденного носить «маски», страдая от прессинга общества. По словам Кан Бёнъюна, если бы у него появилась такая

возможность, он бы написал обновленную версию рассказа «Продам костюм супермена»: «Я бы сделал историю главного героя более насыщенной, а слог — красивым, чтобы больше людей прочитало книгу» (*пер. авт.*).

Как пишет М. В. Солдатова, иностранным читателям понравится произведение, только если специфический национальный материал будет использован «для выражения идей, имеющих дополнительное общечеловеческое измерение» [Солдатова, 2018: 160]. Рассказ «Продам костюм супермена» описывает южнокорейскую действительность начала нового столетия, но при этом оказывается близким не только корейскому читателю, но и иностранному, в том числе и российскому. С одной стороны, причиной этому являются аллюзии и отсылки как к русской литературе, так и к глобальному философскому контексту XX века. Но, с другой стороны, написав рассказ о герое, который ищет себя в обществе и в мире, автор заставляет читателя задумываться об общечеловеческих проблемах. И это находит отклик в каждом человеке независимо от его национальной или культурной принадлежности.

Список литературы

Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество : Введение в социологию литературы. М. : РГГУ : Институт европейских культур, 1998.

Жучкова А. В. Внешний локус контроля как субстанциональное свойство «Маленького человека» в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2016. № 1. С. 51—62.

Зайцев П. Л. Персона и цивилизация: неархаические смыслы «последнего» архетипа К. Г. Юнга // Вестник ОмГУ. 2018. № 4. С. 144—148.

Кан Бёнъюн. Продам костюм супермена / пер. Похолковой Е. А., Гребёнкиной А. И., Селезнёвой Д. В., Лукьянченко Н. В., Дроновой Е. О. // Художественная литература малой формы в переводах студентов МГЛУ. Вып. 4. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. С. 92—112.

Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1. https://www.doi.org/10.24411/2219-8245-2018-11030.

Мишкуров Э. Н., Новикова М. Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении : монография. М. : ФЛИНТА, 2020.

Похолкова Е. А., Селезнёва Д. В. Опыт перевода рассказа Кан Бён Юна «Продам костюм супермена» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13 (829). С. 72—83.

Расторгуева В. С. Старое и новое в «Маленьком человеке» // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2012. № 4. С. 310—315.

Солдатова М. В. Проблемы популяризации корейской литературы в мире: к вопросу о специфичности национального культурного кода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (792). С. 158—166.

Сэмуэлс Э., Шортер Б., Плот Ф. Словарь аналитической психологии К. Г. Юнга. 3-е изд. М. : Добросвет; Городец, 2016.

Троцевич А. Ф. Несколько слов о западном влиянии в современной корейской прозе (Ким Сынок. Рассказ «Поездка в Мучжин. Путевые записи». 1964 г.) // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы междунар. конф. СПб., 1997. С. 60—63.

Цой И. В. Эволюция тем художественной литературы Республики Корея (1948—2018) // КНДР и РК — 70 лет. М. : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. С. 317—328.

Шурупова О. С. Образ «Маленького человека» в Петербургском и Лондонском текстах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4. С. 120—123.

Юнг К. Г. Психология бессознательного / пер. с англ. 2-е изд. М. : Когито-Центр, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

АСМОЛОВ Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва. Сфера научных интересов: история Кореи, политическая культура Кореи.

ГУРЬЕВА Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: корейская литература, традиционная корейская поэзия, книга и текст в культуре Кореи, связь между традицией и современностью в культуре Кореи.

ДУНАЕВА Юлия Генриховна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: международные отношения, страноведение, государственное управление.

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: теории социальных изменений, новые формы социального неравенства.

ИЛЬИН Владимир Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: социология повседневности и потребления.

КОВШ Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Сфера научных интересов: Республика Корея, КНДР, Азиатско-Тихоокеанский регион, энергетика, энергетическая безопасность.

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. Сфера научных интересов: пространственное развитие, региональная политика, история дипломатии, международные отношения на Корейском полуострове.

ЛАНЦОВА Ирина Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: государства Корейского полуострова, межкорейские отношения, политическое и экономическое сотрудничество в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

ЛЕБЕДЕВ Василий Владимирович, аспирант Токийского университета, г. Токио. Сфера научных интересов: история и культура Кореи, политическая система Кореи.

МАВЛЕЕВА Дарья Владимировна, старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва. Сфера научных интересов: лингвистика, перевод и переводоведение, корееведение.

МЕНЬШИКОВА Галина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социального управления и планирования факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: современные технологии государственного управления, административные реформы.

МОЗОЛЬ Татьяна Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой восточных языков, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва. Сфера научных интересов: методика преподавания корейского языка, система образования Республики Корея, языковая политика, корейский язык.

ПОХОЛКОВА Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета, декан переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва. Сфера научных интересов: лингвистика, перевод и переводоведение, корееведение.

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петер-

бургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: социология религии, теория и методология социологии, медиатизация религии.

СОЛОВЬЕВ Александр Валерьевич, заместитель главного редактора, журнал «Россия в глобальной политике»; приглашенный преподаватель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва. Сфера научных интересов: история и культура Кореи, политическая система Кореи, международные отношения.

ТАНГАЛЫЧЕВА Румия Кямильевна, доктор культурологии, доцент, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: социология культуры, социология кино, межкультурная коммуникация, корееведение.

ТРОФИМОВ Сергей Викторович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии массовых коммуникаций факультета журналистики, МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва. Сфера научных интересов: социология религии, теория массовой коммуникации, религии и медиа.

ФИНЬКО Нина Викторовна, ассистент кафедры корееведения, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: история Кореи XIX века, модернизационные процессы на Корейском полуострове, история Сеула.

ФОКИН Ярослав Павлович, студент третьего курса бакалавриата факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: международные политические и экономические отношения в Индо-Тихоокеанском регионе, проблемы экономического развития и модернизации.

ЦОЙ Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения, Санкт-Петербургский государственный университет. Сфера научных интересов: современная корейская литература, методика преподавания корейского языка, российско-корейские контакты по линии Диалога «Россия — Республика Корея» (ДРРК).

CONTENTS

Part I. Modernization of Korea in the 18th — Early 20th Centuries

Transformation of Korean Society of Late Joseon Period in the Mirror of Book Culture

Modernization of Korean Diplomacy at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Reforms and Modernization Process on the Korean Peninsula at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Part II. Modernization of the Political Institutions in the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea

Administrative Reforms: The Experience of the Republic of Korea

"The Candlelight Revolution", Impeachment of Park Geun-hye, and Problems of Democracy in South Korea

Elements of the Pre-Modernism, Modernism, and Postmodernism in the Political Myth of the DPRK: A Constructivist Take

Part III. Modernization of the Republic of Korea: Economic Aspects

Republic of Korea and International Free Trade Regimes

The Energy Coverage of Russia and the Republic of Korea in the Medium Term

Policies Supporting Small and Medium-Sized Businesses in the Republic of Korea at the Current Stage of Modernization

Part IV. Social Dynamics of Contemporary South Korean Society

Modernization of Social Structure in South Korea During the Second Half of the 20th Century — Early 21st Century

The Emergence and Development of a Consumer Society in the Republic of Korea

The Language Policy of the Republic of Korea in the 21st Century

Part V. Reflection of Modernization Processes in South Korean Literature and Cinema

Visions of the Future in a Modernizing Society: Inspired by South Korean Doomsday Cinema

Modernization Virus in Korean Art-House Cinema: "Thirst"

Transformation of South Korean Society in the Prose of the Late 1990s — Early 21st Century

Reflection of the Transformations of South Korean Society in Modern Literature: Example of the Story by Kang Byoung Yoong's "Selling Superman's Costume"

ABSTRACTS

Transformation of Korean Society of Late Joseon Period in the Mirror of Book Culture

The chapter regards the features of the Korean book culture development during the late Joseon period in relation with major social transformations that became part of the modernization processes. The specifics of publishing and the book market are considered in conjunction with such phenomena as the growth of the population literacy and, accordingly, the expansion of reading circles, an increase in the number of female readers, the development of Korean diplomacy, the formation of urban culture, etc.

Modernization of Korean Diplomacy at the Turn of the 19th and 20th Centuries

This chapter examines the modernization of Korean diplomacy in 1876—1905, following its development from the first diplomatic relations of the modern type to the Japanese protectorate. Unlike previous eras, European diplomacy of the Modern Age was permanent and professional and proceeded from the polycentricity of international relations. The adaptation of the Sinocentric and Confucian diplomacy of Joseon to the European principles was slow and difficult, being influenced by the common problems of the Korean state and society at the turn of the 20th century. Nevertheless, Korea managed to make significant progress on this path by 1905. With the opening of Joseon to international relations in 1876, broad circles of Korean society became familiar with the model of diplomacy that became generally accepted in the world in the 20th century.

Reforms and Modernization Process on the Korean Peninsula at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Over the last two decades, the modernization process of the Korean Peninsula in the late 19th — early 20th centuries have been the subject of extensive debate among historians. The most controversial aspects include the complex relations that have developed among the members of the Independence Club and the Korean government, the ideological features of modernization process, and the reasons of the annexation of the country by Japan in 1910. The first years after the proclamation of the Korean Empire (1897—1910) saw many modernization reforms aimed at strengthening the independence of the Korean nation-state. In particular, the process of modernization carried out under the direct control of the Korean government and the Emperor affected key areas of the Korean society, namely state and its administrative structure, economy and finance, army and police, education and health care systems, etc. The urban space of Seoul was also actively modified, since the city faced installation of telegraph and electrification, creation of a new system of city roads, launch of the first tram lines, etc. The goal of the reforms was to transform the country into a strong, prosperous, and most importantly sovereign state, which the leading world powers had to reckon with.

Administrative Reforms: The Experience of the Republic of Korea

Many states are currently undergoing administrative reforms, within which vertical communications is replaced by horizontal ones, and the state is turning into a body serving the population. In the academic literature, we can find seven models of social reform, among which the *New Public Management* (NPM) paradigm, introducing the market into public administration, could be seen as dominating. The Republic of Korea might be considered as an example of a country that has implemented the NPM model. The purpose of this chapter is to trace the course of administrative reform in South Korea, identifying its main directions, and most importantly, to explain its success in comparison to other countries. The author uses an evidence-based approach collecting explanatory arguments from descriptions of real life facts.

"The Candlelight Revolution", Impeachment of Park Geun-hye, and Problems of Democracy in South Korea

The chapter aims at answering the question whether the impeachment of Park Geun-hye in late 2016 — early 2017 could be seen as a sign of the country's modernization and the development of civil society. In author's opinion, the relatively peaceful removal of the president from power through constitutional procedures and non-resistance to this process on the part of the first person indicates certain level of modernization and democratization. However, such "reactionary factors" as factional struggle and purposeful manipulation of the public opinion with the help of fake news (the story of a tablet owned by the president's friend, myths related to the sinking of the Sewol ferry, etc.), which provoked mass discontent, played an equally important role in the "candlelight revolution".

*Elements of the Pre-Modernism, Modernism, and Postmodernism in the Political Myth of the DPRK: A Constructivist Take**

A constructivist analysis of selected elements of North Korean political myth allows to trace the combination of pre-modern, modern and post-modern features embedded in it. This chapter focuses on the genesis of the Juche (*chuch'e*) concept, the development of the "bloodline" narrative (*phitchul/hyŏlt'ong*), and the "*ch'ukchippŏp* technique" storyline. All these narratives contribute in their way to the construction and perception of the key image of North Korean ideology, the image of the leader. The authors also reflect upon the novel features of the DPRK political myth pertained to the advent of the information age, namely broadcasting of "normality", commercialization, and democratization, and suggest further research trajectories.

* The chapter elaborates the ideas presented in: Asmolov K., Lebedev V. (2021) North Korea's Ideology and Propaganda. *Russia in Global Affairs*. Vol. 19. No. 1. P. 70—97.

Republic of Korea and International Free Trade Regimes

The chapter discusses the role of the Republic of Korea in free trade agreements, existing and being negotiated, considering the influence of political affairs, both domestic and foreign. International trade regimes are the product of ongoing negotiations at two levels, domes-

tic and international. Korea's position on the free trade agreements remained stable despite the rise of right-wing parties in domestic politics in 2008 and a return to left-wing dominance in 2017. Korea's free trade partners sometimes seek to renegotiate the existing agreements in response to domestic political and economic changes in their countries. In most cases, Korea and its partners manage to find common ground in renegotiations and thus conclude renewed bilateral and multilateral free trade agreements.

The Energy Coverage of Russia and the Republic of Korea in the Medium Term

The Republic of Korea is one largest energy consumers in the world, and with its lack of domestic reserves, it is also one of the top energy importers of energy resources. In particular, this country is the second largest importer of liquefied natural gas, the third largest importer of coal, and the fifth largest importer of crude oil. South Korea has no international oil or natural gas pipelines and relies exclusively on tanker shipments. To improve the national energy security, the government of the country is persistently seeking overseas opportunities of energy cooperation.

Russia is a major producer and exporter of natural gas, and its economic growth is driven by energy exports. Russia holds the world's largest natural gas reserves and is one of the top ten countries with the largest oil reserves. Russia's Foreign Minister Sergei Lavrov called the "turn to the East" a national priority for the 21st century for the country, which gains great practical importance within the transferof global power to Asia, a region characterized by the dynamic economic growth. In this context, the question of possible ways and options for a strategic energy partnership between Russia and the Republic of Korea becomes extremely relevant.

Policies Supporting Small and Medium-Sized Businesses in the Republic of Korea at the Current Stage of Modernization

The chapter analyzes policies to support small and medium-sized enterprises (SMEs) in the Republic of Korea. The author considers specific mechanisms of policy implementation aimed at achieving the following

objectives: 1) increasing the productivity of SMEs through innovation; 2) solving the problem of labor shortage in SMEs; 3) creating an ecosystem conducive to the dynamic development of SMEs; 4) promoting the development of entrepreneurship to increase the number of startups; 5) improving SMEs and start-ups funding. A special focus is made on the efficiency of the policies, the problems of its implementation, and their possible solutions. The author concludes that the effectiveness of the country strategy can be generally assessed positively; however, the analysis revealed several negative aspects.

Modernization of Social Structure in South Korea During the Second Half of the 20th Century — Early 21st Century

The chapter analyzes changes in the social structure in South Korea observed during the second half of the 20th century and the first decade of the 21st century. The social structure is considered as a complex parameter, including configuration of employment, social stratification, patterns of social networking, and family and gender relationships. Over six decades, South Korean society has gone through five phases of transformation, which at first corresponded to the trajectories of catch-up modernization, and then were replaced by new trends that do not fit into the classical modernization model.

The Emergence and Development of a Consumer Society in the Republic of Korea

The history of capitalism in South Korea is a succession of various economic models. The first stage is the colonial capitalism of the first half of the 20th century, when Japan used Korea as a source for raw materials, which assumed the formation of productive forces and industrial relations adequate to this purpose. At the second stage, the already independent Republic of Korea followed the path of mobilization capitalism to overcome its socio-economic weakness. Domestic consumption was restrained to reduce the cost of exported goods and increase investment in production. This type of capitalism corresponded to an authoritarian society, dominated by bureaucracy and large capital. At the end of the twentieth century, the country faced the formation of consumer capitalism driven by demand in the domestic retail market. The rapid

rise of consumer capitalism grew out of the foundations of the previous period, when the export-oriented economy achieved world-class quality in a wide range of domestic goods. This made it possible to give consumerism a patriotic character: consumers, without infringing on their interests, began to give preference to Korean goods.

The Language Policy of the Republic of Korea in the 21st Century

In the 21st century, due to numerous geopolitical and sociocultural changes and modernization processes, the problem of developing and implementing a language policy gains particular importance in the Republic of Korea. To account for the specifics of the national language situation and geopolitical tasks, the language policy should embrace a wide range of issues, namely practical normalizing activities, language policy in a multicultural society, language policy to overcome the differences between the language versions of the North and South, the policy of increasing prestige and dissemination of the Korean language in the world as an important instrument of soft power, prevention of linguistic discrimination, etc. This chapter analyzes the main directions of the national language policy of the Republic of Korea in the framework of modernization, the goals and objectives that it pursues, as well as its current state and prospects.

Visions of the Future in a Modernizing Society: Inspired by South Korean Doomsday Cinema

The chapter examines the modernization of society through the prism of South Korean films, which use the train as a metaphor for progress and movement. Filmmakers Yong Sang-ho and Bong Joon-ho, creating global threats caused by man-made disasters on the screen, appeal to the social structure of society and the behavior of representatives of different strata of society in the circumstances of the tragedy. The review of the film “Train to Busan” by Yong Sang-ho is based on a content analysis of the film, interviews with the director, and reviews of the film in the Russian and foreign press. The ideology of the film leads to the dilemma between capitalist efficiency and social justice in a modernizing society. The author of the chapter analyzes these plots from the standpoint of sociological approach-

es and concepts of Jürgen Habermas, Ulrich Beck, Immanuel Wallerstein, and other sociologists.

Modernization Virus in Korean Art-House Cinema: "Thirst"

Over the past few decades, South Korean cinema has confidently integrated itself into the global film industry, receiving high awards at world film festivals. Since the early 2000s, South Korean directors have been leaving the niches of "Asian extreme" and "regional exotic", which was achieved thanks to the films made by the directors of the so-called second new wave of Korean cinema. Their unique style is considered to be an incompatible combination of commercial success and art-house content. These directors belong to the generation born in the 1960s, who survived the drama of the remote consequences of the modernization of South Korean society. They reveal this topic through reflection on the background of religious choice, gender, inequality, violence, the moral side of crime, and political discourse about democracy.

In this chapter, the authors present a sociological analysis of the film "Thirst" by Park Chan-wook. Park Chan-wook took as his main theme the contemporary hybrid identity of South Korean society, which has developed as a distant echo of different stages of modernization. Methodologically, the study bases on the concept of mediatized religion by Stieg Hjarvard, discourse analysis by Norman Fairclough, and qualitative content analysis. The key discourse of Park Chan-wook's film is the search for an answer to the question — is human life a value of the highest divine order or is each person free to dispose of one's person and someone else's life at his own discretion? The authors show that the search for identity lies for Park Chan-wook between the Christian transcendence of grace and indigenous involvement in life, nature, and the world. Park Chan-wook confronts and contrasts Catholic worldview in its regional interpretation and traditional Korean ideas about blood purity, gender dispositions, the value and meaning of human life.

Transformation of South Korean Society in the Prose of the 1990s — Early 21st Century

The chapter examines the view of contemporary South Korean writers on the transformation of society, presented in the literary works of

the late 20th — early 21st centuries. Within this analysis the author considers political, social, and cultural changes that Korean society has undergone since the 1990s up to the present days. As an illustration, the author analyzes the stories from the collection "Korean Standard" translated into Russian and published in 2019 with the support of the Korea Foundation. Despite the differences in the authorial styles and manner of writing, the writers brought together in this collection emphasize the internal psychological transformation of Koreans, that followed the external economic growth of South Korea and the general decline in the political activity of young people.

Reflection of the Transformations of South Korean Society in Modern Literature: Example of the Story by Kang Byoung Yoong's "Selling Superman's Costume"

Basing on the Kang Byoung Yoong's work "Selling Superman's Costume", the chapter analyzes how the transformations of the South Korean society are reflected in modern short-form literature. The work was published in the early 2000s, during a period of changing eras and profound transformations in the cultural and social spheres of South Korean society. The story touches upon topics relevant for that time, such as the alienation of a person in society, the pressure of social stereotypes, as well as the social roles of people. The work was greatly influenced by the ideas of the analytical psychology of Carl Jung, as well as the literary work of South Korean writer Pak Mingyu, and Russian writers Nikolai Gogol and Yevgeny Zamyatin. In the story, we see a new hero — a hero of the 21st century, who experiences alienation and who is forced to wear "masks", suffering from the pressure of society. The work "The lot" describes the South Korean reality at the beginning of the new century, but at the same time it turns out to be close not only to the Korean reader, but also to the foreign one, including Russian.

CONTRIBUTORS

Konstantin V. ASMOLOV, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher at the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. Academic interests: Korean history, Korean political culture.

Iuliia G. DUNAEVA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Lecturer at the Department of World Politics, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: international relations, regional studies, public administration.

Nina V. FINKO, Assistant Lecturer, Department of Korean Studies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: History of Korea in the 19th century, modernization process on the Korean Peninsula, History of Seoul.

Iaroslav P. FOKIN, Undergraduate Student at the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: international political and economic relations in the Indo-Pacific region, issues of economic development and modernization.

Anastasia A. GURYEVA, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor at the Department of Korean studies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: Korean literature, pre-modern Korean poetry, book and text in Korean culture, relation between traditional and contemporary phenomena in Korean culture.

Vladimir I. ILYIN, Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: sociology of everyday life, sociology of consumption.

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: theories of social change, new types of inequality.

Andrey V. KOVSH, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor at the Department of American Studies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: the Republic of Korea, DPRK, Asian Pacific Region, energy, energy security.

Leonid E. KOZLOV, Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok. Academic interests: spatial development, regional policy, history of diplomacy, international relations on the Korean Peninsula.

Irina S. LANTSOVA, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of American Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: the Korean Peninsula states, inter-Korean relations, political and economic cooperation in Northeast and Southeast Asia.

Vasilii V. LEBEDEV, Graduate School of Humanities and Sociology, Postgraduate Student in East Asian History, University of Tokyo, Tokyo. Academic interests: Korean history and culture, Korean political system.

Daria V. MAVLEEVA, Senior Lecturer at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, Moscow. Academic interests: linguistics, translation and translation studies, Korean studies.

Galina A. MENSHIKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor at the Department of Social Management and Planning, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: modern technologies of public administration, administrative reforms.

Tatiana S. MOZOL, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Chair of the Oriental Languages Department, Moscow State Linguistic University. Academic interests: Korean language teaching, education system of the Republic of Korea, language policy, Korean language.

Elena A. OSTROVSKAIA, Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: sociology of religion, sociological theory and methodology, mediatization of religion.

Ekaterina A. POKHOLKOVA, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor at the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Dean of the Faculty of Translation and Interpreting, Mos-

cow State Linguistic University, Moscow. Academic interests: linguistics, translation and translation studies, Korean studies.

Alexander V. SOLOVYOV, Deputy Editor-in-Chief at the *Russia in Global Affairs* journal; Visiting lecturer at the Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, HSE University. Academic interests: Korean history and culture, Korean political system, international relations.

Rumiya K. TANGALYCHEVA, Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor at the Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: sociology of culture, sociology of cinema, intercultural communication, Korean studies.

Serge V. TROPHIMOV, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Sociology of Mass Communications, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow. Academic interests: sociology of religion, theory of mass communication, religion and media.

Inna V. TSOY, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor at the Department of Korean Studies, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. Academic interests: modern Korean literature, methods of teaching Korean language, “Korea — Russia Dialogue” (KRD) bilateral relations.

OVERVIEW

The collective monograph considers such a complex and multifaceted phenomenon as the modernization of Korea. The book is distinguished by the combination of different angles and a wide range of specializations of the authors. Dynamic changes affecting the main areas of culture and society in Korea are considered by diversified specialists who approach the issue of modernization through the substantive analysis of its certain aspects.

In a broad sense, modernization refers to the renewal of society, carried out through reforms and innovations, the shift from traditional forms of social organization to modern ones. In Korea, the beginning of modernization processes was provoked by the influence of the countries of the West, which in the first half of the 19th century attempted to force the country to open its borders and establish trade relations. After the Meiji Restoration, Japan also began to insist on negotiations on revising relations with Korea, and in 1876 the first treaty was signed between the two countries. At the same time, Korean conservative Confucian scholars believed that the penetration of European values, primarily Christian, into the country could lead to its potential destruction.

The last decade of the 19th century was a period of acute social and political crisis in the country. After the Russo-Japanese War of 1904—1905 and the signing of the *Japan — Korea Annexation Treaty* in August 1910, the further fate of Korea's modernization turned out to be dependent on Japan's expansionist policy. Modernization turned towards Japanization, which provoked resistance from the Korean people. After the capitulation of Japan and the liberation of the country in 1945, Korea went through the division into two different states, the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea (DPRK; 1948), and the Korean War (1950—1953).

Despite unfavorable initial conditions, positive changes began in the economy in the second half of the 1960s. By 2020, the economy of the Republic of Korea became the tenth in the world in terms of gross domestic product, the system of international relations was modernized, and efforts were made to unite the divided states of the North and South. The political system of the Republic of Korea has also changed dramatically, moving from an authoritarian regime to democracy and the formation of civil society values. The modernization of Korean society has not bypassed the sphere of culture. The works of South Korean cinema and literature have been noted at leading international competitions and festivals, bring high revenues, and contribute to the "soft power" of modern Korea.

This collective monograph is devoted to the identified aspects of the modernization of Korean society. The book was prepared as a result of the international conference *Modernising Korea: Traditions and Progress*, organized by Saint Petersburg State University on April 3—4, 2021 with the support of the Academy of Korean Studies (Republic of Korea).

The structure of the collective monograph is determined by both chronological and thematic principles. In the first part, the authors refer to the period of the emergence of modernization processes in Korea, revealing the specifics of both external factors associated with the activation of ties with other cultures, including the culture of the West, and a complex set of internal prerequisites for change. The chapters in the subsequent parts of the monograph are united by the subject area: politics, economics, society, and culture. Since the first part of the book relates to each of these areas, it can be seen as introductory.

The first part of the collective monograph *Modernization of Korea in the 18th — early 20th centuries* opens with the chapter *Transformation of Korean Society of Late Joseon Period in the Mirror of Book Culture*. The choice of the subject allows to touch upon a wide range of transformational processes (from the role of women to the format of intercultural dialogue) and illustrate the analysis with facts that characterize the specifics of changes in society and became the basis for later modernization trends. Chapter 2 examines the modernization of Korean diplomacy in 1876—1904 based on European principles. Chapter 3 deals with the period of the Korean Empire (1897—1910), when the Korean state,

for the first time in its centuries-old history, freed itself from dependence on other states, and tried to build its own modernization policy, claiming an equal place on the world stage with all the countries surrounding it.

The second part of the monograph examines the modernization of the political institutions of the Republic of Korea and the DPRK. The authors of Chapter 4 study the administrative reforms in Korea, with particular emphasis on the introduction of market mechanisms in public administration, namely New Public Management. Chapter 5 studies to what extent the removal of President Park Geun-hye from power in late 2016 — early 2017 was a sign of the country's modernization and the development of civil society. Chapter 6 provides a constructivist analysis of selected elements of the North Korean political myth, allowing to trace the combination of premodern, modern, and postmodern features in it.

The third part of the book presents the results of research focusing on the economics and international relations. Chapter 7 examines the role of the Republic of Korea in existing and negotiated free trade agreements in terms of the impact of domestic political processes both within and outside Korea. Chapter 8 is devoted to a detailed analysis of the cooperation between the Republic of Korea and Russia in the energy sector. The author points out that so far only two intergovernmental agreements in the field of fuel and energy complex have been concluded between these countries. Chapter 9 characterizes the policy to support small and medium-sized businesses in the Republic of Korea at the current stage of modernization.

The fourth part includes studies related to the social dynamics of contemporary South Korean society. Chapter 10 provides a detailed analysis of the social structure in South Korea (employment patterns, stratification, patterns of social relations, family structure, and gender roles) in the second half of the 20th century and the first decade of the 21st century. Chapter 11 analyzes the development of a consumer society in the Republic of Korea: the rapid rise of consumer capitalism built on the foundations of the previous period, when an export-oriented economy achieved world-class quality in a wide range of consumer goods. Chapter 12 discusses the main directions of language policy in the modern Republic of Korea.

The fifth part of the monograph regards reflections of the modernization processes in South Korean literature and cinema. Chapter 13 provides a sociological analysis of the zombie apocalypse as a vision of the future in today's modernizing society through the lens of the Korean films *Train to Busan*, *Snowpiercer*, and *Pulgasari*. Chapter 14 contains a sociological analysis of the film *Thirst*; the authors explore how the use of the means and logic of transnational art-house cinema allows its director to dissect the cultural and ideological identity of modern South Korean society. Chapter 15 examines the development of contemporary South Korean literature in terms of the political, social, and cultural changes that Korean society has undergone since the 1990s to the present day; special attention is paid to the flourishing of women's prose. Chapter 16 is devoted to the reflection of the transformations observed in South Korean society in modern literature (on the example of Kang Byoung Yoong 's story *Selling Superman's Costume*).

The book is addressed to historians, political scientists, sociologists, economists, literary scholars, specialists in the field of international relations, and a wide range of readers interested in interdisciplinary studies of modern Korea and various aspects of its modernization.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОРЕИ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

Выпускающий редактор
А. В. Кулешова

Редактор-корректор
А. Н. Кокарева

Верстка
А. О. Соляев

Исключительные права на публикацию книги принадлежат АО «ВЦИОМ».
Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 38, пом. 1
Тел.: +7 495 748-08-07 www.wciom.ru

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

Формат 16,2 × 22,9 см (С5).
Гарнитура Franklin Gothic. Тираж 500 экз.